

Борис Мишарин

**ОТ ЗЕМЛИ
К АНДРОМЕДЕ**

Нашедший свою любовь на Земле, герой улетает с ней в галактику Андромеды, где встречает пригодную для жизни планету и основывает поселение. ...Необходим взвод бойцов для охраны объекта особой государственной важности. Там на стапелях стоит старенький сторожевой пограничный катер, с этого момента он становится секретным. Вот эту бочку унести поближе к катеру и выставить отдельный пост. К любому, кто попытается приблизиться к бочке ближе пяти метров — применять оружие на поражение...

Борис Мишарин
От Земли к Андромеде

Лес внезапно кончился, и серая лента дороги вырвалась на степной простор. Сплошная равнина полей открывалась взору, но на горизонте все же видны небольшие холмы, поросшие деревьями, а за ними снова слегка волнистая зелень, перемежающаяся с желтизной и невысокой травой засушливых мест. Не совсем обычная лесостепь с буйной растительностью и сочетанием отдельных желтоватых участков с множеством норок и сусликов.

Среди этого многообразия на равнине возвышался холм. Аборигены называли его Мертвым курганом и никогда близко не подходили к нему. Никто не видел на нем ни одного суслика, хотя вокруг они просто кишели, ни сидящей птицы, ни одного живого существа. Над ним не летали бабочки, не было кузнечиков, муравьев, ничего не было. Только обожженная солнцем низенькая трава да постоянно гуляющий ветер.

Местные легенды гласили, что внутри кургана в древние времена поселились пришельцы, не желавшие общаться с внешним миром. Они живут в глубоком подземном городе и никогда не выходят на поверхность. Иногда светящийся луч с вершины кургана бьет в необъятное небо — так общаются они со своей далекой страной в глубинах космоса.

Ученые заинтересовались этой аномальной зоной и направили туда экспедицию из четырех человек с аппаратурой — микровольтметрами, амплитудно-фазовыми измерителями, радиоприемниками-компараторами, аппаратурой радиоволнового просвечивания, изучения электромагнитного фона, термометры, измерители влажности, дозиметры и так далее. Благо — холм, курган или насыпь находился в доступном месте.

Экспедиция остановилась в близлежащей деревеньке, чтобы взять проводника и не ошибиться с местом. Местный старожил сразу пояснил, что затея бессмысленная и опасная для жизни — никто еще не возвращался с того холма живым или мертвым, входящий исчезал бесследно. Ученые посмеялись в ответ, попросив лишь показать этот холм, обросший легендами и домыслами.

Через неделю в институте забили тревогу. Ученые должны были сделать замеры, взять пробы грунта, воздуха и вернуться через три дня обратно. Поисковая группа прибыла в деревню. Тот же местный старожил пояснил им, что никто и никогда не возвращался с того холма. Если вы на него ступите, то исчезнете и вы.

Еще через три дня в институте заговорили о мистике — поисковая группа не вернулась. Директор НИИ обратился в полицию. Сотрудники областного МВД связались с местным отделом и получили шокирующую информацию, подтверждающую слова местного старожилы.

Как всегда, пресса вмешалась и подстегнула действия полиции. Начальник областного МВД читал статью в ярости. «НИИ земной коры направил для исследований аномальной зоны Мертвого кургана, как называют его аборигены, экспедицию из четырех человек. Ученые института не серьезно отнеслись к сообщениям местных жителей о том, что еще никто не возвращался с злополучного холма ни живым, ни мертвым. Ученые бесследно исчезли, как и направленная к кургану поисковая группа. Не смотря на поданное заявление директором НИИ, удивляет бездействие полиции, которая не завела даже розыскного дела, а о поисках пропавших людей не велось и речи. Информированный источник в МВД сообщил, что руководство раздумывает над ситуацией вместо конкретных действий. Неужели

Мертвый курган так напугал полицейских, что они в страхе боятся даже выехать на место происшествия»...

Начальник МВД области собрал совещание, с яростью бросил газету на стол.

— Все читали? Что сделано?

— Товарищ генерал, начальник местного ОВД доложил, что автомобили экспедиции и поисковой группы обнаружены у подножия Мертвого кургана. Людей нигде нет, — сообщил начальник полиции общественной безопасности. — Все ли приборы для исследования на месте и их стоимость необходимо согласовать с НИИ. Я предлагаю направить к кургану экспертов и представителя института с целью установления или отсутствия факта хищения. Возможно это стало причиной исчезновения людей, если приборы дорогостоящие.

— Действуйте, полковник, — генерал перевел взгляд на своего другого заместителя, начальника криминальной полиции, — а ты мне этого информатора хоть из-под земли достань, хоть с Мертвого кургана выкопай.

Начальник областного МВД ткнул пальцем в газету.

— Найдем, товарищ генерал, обязательно найдем.

Полковник с экспертами и представителем НИИ выехал к кургану. Там их уже поджидал начальник местного ОВД. Подполковник доложил:

— Осмотр провели, видимых следов насилия нет, пальчики на всякий случай откатали. Пусть представитель института посмотрит, что исчезло или нет.

— Сам то что по этому поводу думаешь? — спросил полковник.

— Тут и думать нечего — курган всех поглотил бесследно. Смотрите, — он обвел в воздухе рукой, — здесь трава зеленая, а у подножия холма смотрится пожелтой или немного пожелтевшей, четкая граница видна невооруженным глазом. Кто эту границу перешагнет — исчезнет. Если ученые ушли с аппаратурой, то исчезла и аппаратура. Глупая версия — никому здесь эта аппаратура не нужна, съесть ее может только Мертвый курган.

— Подполковник, — властно произнес прибывший начальник, — ты своей башкой думаешь, что несешь?

— Я то думаю... в отличие от некоторых, — со злостью ответил он, — пойдемте — сами все увидите.

Подполковник взял длинный металлический прут и направился к указанной границе. «Понаедут тут и думают, что они самые умные», — бурчал он тихо, чтобы не услышал полковник. Остановился и произнес назидательно:

— Дальше нельзя — исчезнете. Смотрите, — он указал на зеленую траву, — здесь муравьи бегают, кузнечики прыгают, а дальше, где трава желтее, ни одной живности нет. Но и это вас вряд ли убедит сильно умных и грамотных, — подполковник усмехнулся и сунул металлический прут в направлении кургана — половина прута исчезла, — может теперь шары разуете и мозгами шевелить начнете?..

Он смачно сплюнул и направился обратно к машинам, отдал прут экспертам:

— Колдуйте и думайте, куда половина металла исчезла, можете ручонку туда сунуть — оторвет половину. Говоришь им, что здесь все исчезает — не верят, умные, блин, все до ужаса.

Подполковник отошел в сторону, матерясь отборно и злобно. Эксперты и прибывший полковник смотрели то на него, то на курган, ничего не понимая. По середине огромного поля возвышался небольшой холм с бедной растительностью, словно на этом стометровом участке никогда не шли дожди. И этот холм пожирал все, как только что на их глазах

проглотил половину металлического прута.

Но полковник все же нашел выход выпендриться и скрыть свою беспомощную некомпетентность:

— Почему ранее не докладывали о существовании аномальной зоны?

— Чтобы вы меня к психиатру направили?.. Ничего, доложите наверх — вас самих туда пошлют, — усмехнулся подполковник.

Начальник областного МВД прочитал докладную своего заместителя с возмущением, вызвал его к себе и начал нещадно отчитывать:

— Ты что за хрень понаписал в докладной, что за металлические пруты вы там в курган совали? У него что зубы есть — откусил половину и проглотил?

— Может и есть, если откусил половину и проглотил. Но это факт, товарищ генерал, и не надо на меня кричать. Все, что попадает в зону действия Мертвого кургана, исчезает бесследно — хоть плоть, хоть металл. Считаю необходимым доложить об этом руководству области, пусть они там сами думают, комиссии ученые создают и прочее.

— Полковник, — все еще продолжал возмущаться генерал, — ты предлагаешь мне с этой чушью к губернатору обратиться? Мертвый курган с зубами — классный аргумент для психиатров.

Полковник вспомнил слова начальника местного ОВД, ответил еле сдерживая себя:

— С нами был представитель НИИ — пусть институт и докладывает, создает ученую комиссию по изучению аномальной зоны.

— Мне уже из Москвы звонили по поводу публикаций в газете...

— Нашему начальству нужно пояснить, что действительно существует аномальная зона, которой сейчас занимается НИИ, а журналисты чушь написали, это в их стиле. Нашли, кто информацию прессе сдал? — решил перевести стрелки полковник.

— А-а, — махнул рукой генерал, — свободен.

В Москве долго не верили сообщениям из области, но позже все-таки отправили специальную комиссию из ученых, занимающихся паранормальными явлениями. Внутри территории Мертвого кургана зайти никто не решился, а исследования по периметру ничего не дали — отклонений никаких не было. Москвичи умудрились подогнать пожарную машину и направить внутрь кургана струю воды, которая исчезала на границе. Внутри территории не появилось ни капли, куда исчезла вода — не понимал никто. Все закончилось тем, что местной администрации поручили огородить территорию кургана и повесить таблички: «Зона повышенной радиоактивной опасности, вход внутрь смертелен».

* * *

Николай Ковалев проснулся с жуткой головной болью. Встал, выпил несколько таблеток — ничего не помогало. Он сел на кровати, обхватив голову руками и застонал, потом поднялся и вышел из квартиры. Шел, обхватив виски ладонями, не зная куда — ноги сами несли его на остановку. Затем он ехал в маршрутном такси, вышел в чистом поле и побрел по траве, не замечая ничего вокруг. Где-то далеко в сознании мелькнула надпись: «Зона повышенной радиоактивной опасности, вход внутрь смертелен». Он перешагнул не задумываясь...

Очнулся он лежа на траве. Солнце садилось, и Николай встал, в голове всплыли

смутные воспоминания о головной боли, поездке на маршрутном такси и надписи. Он повернул голову — слава Богу не перешагнул зону, подумал Николай и зашагал уверенно через поле к дороге. Почему он оказался здесь, уже не утро, а вечер — Николай не задумывался. Он уверенно и легко шел по полю, чувствуя в себе прилив сил и бодрости. Сев в маршрутку, он добрался до города, но у него не оказалось с собой денег. Возмущенный водитель на автостанции вызвал полицию. Николай попытался оправдаться:

— Так получилось, что денег действительно с собой нет, наверное, в такси вытащили, украли, но я готов съездить домой, взять деньги и расплатиться полностью. Зачем же возмущаться и кричать?

Паспорта у него тоже с собой не было и полицейские, составив протокол, поместили его в «обезьянник». Проспав безмятежно ночь в камере, утром он вновь отправился на допрос. Уже другой и более вежливый полицейский спросил его:

— И где вы гуляли целый год, господин Ковалев Николай Петрович?

— Не понял? — удивился он, — какой год?

— Вы год не появлялись дома и на работе. Так где же вы были? — в свою очередь спросил полицейский.

— Какой год — ничего не понимаю?

— Хватит, Ковалев, Ваньку валять, тебя год назад объявили в розыск, как без вести пропавшего. Где ты целый год пропадал?

— Какой год? Я сегодня утром уехал за город, вечером вернулся. Поспал днем в поле — не год же я там спал. Что за ерунду вы говорите? — возмутился он.

— Число сегодня какое? — спросил полицейский.

— Двадцать пятое июля... при чем здесь число — я еще из ума не выжил.

— А год какой?

— Бред какой-то... 2014-ый, — ответил он.

Полицейский внимательно посмотрел на него и попросил:

— Расскажите подробнее, Ковалев, опишите по минутам весь день.

Он удивленно пожал плечами.

— Да, пожалуйста. Проснулся с головной болью, выпил таблетку — не помогает. Поехал на природу, на свежий воздух, но голова просто трещала от боли. Попросил водителя маршрутки остановиться. В поле выспался, головная боль исчезла и вернулся обратно. Наверное, деньги потерял, когда спал, но я верну их таксисту, пусть не возмущается.

— Так какое сегодня число, месяц и год? — вновь спросил полицейский.

— Опять двадцать пять, — возмутился Ковалев, — сегодня двадцать пятое июля 2014 года. Может еще на бумажке написать, чтобы не забыли?

Полицейский тоже ответил нервно:

— Сегодня действительно двадцать пятое июля, но год 2015-ый. Это, надеюсь, вам понятно? 2015-ый, а не 2014-ый. Где вы целый год были?

— Это что — розыгрыш?

— Да, блин, делать мне больше нечего, — стукнул кулаком по столу полицейский, — дураком прикидываешься или действительно ничего не помнишь?

— Ничего не понимаю, — ответил Ковалев, — я же не год в поле проспал? У вас в полиции приколы такой новый?

— Придурок, — буркнул полицейский, — забирай свой паспорт и вали отсюда.

Он решил, что Ковалев прижился у какой-то местной бабенки и не хотел сдавать ее.

Наверняка замужняя, а муж вернулся — его и поперли. Может и другое что, но уголовных правонарушений разыскиваемый не совершил, дело можно закрыть и галочку выставить, что в результате проведенных розыскных мероприятий пропавший нашелся.

Николай взял паспорт и удивился:

— Мой паспорт, откуда он у вас?

— От верблюда, — ответил полицейский, — бери и вали отсюда. Шлялся где-то целый год, а теперь дурака включил. Не забудь на комиссию административную прийти, там тебе размер штрафа определяют за неоплату проезда в общественном транспорте.

Николай вышел на улицу и несколько раз спросил у прохожих — какой сейчас год? Ему подтвердили, что 2015-ый. Ничего не понимая, он вернулся домой, сорвал печати с двери и вошел. Ничего не изменилось в квартире, кроме осевшей за год пыли, хорошо видимой на полированной поверхности стола в комнате. Деньги тоже были на месте — все пять тысяч рублей. Он сам ничего не понимал — не мог же он целый год в поле проспать — зимой бы точно замерз.

Утром следующего дня он приехал на свою работу, там встретили его с ехидцей: «Нагулялся... ты уволен за прогулы». Но он ничего не стал объяснять, получил в бухгалтерии причитающийся расчет и ушел. Дома задумался основательно снова — целый год... он ничего не помнил, не в поле же ночевал под снегом, дождем и ветром. Где же я был? Но Николай так и не вспомнил ничего, как ни старался и задумался о другом — что делать?

Он вырос в детском доме, окончил школу, получил однокомнатную квартиру, как полный сирота, и устроился разнорабочим на предприятие. Позже выучился на водителя, идти дальше учиться не было ни средств, ни желания. Устроюсь шофером куда-нибудь, решил он.

Ночью сквозь сон Николай явно услышал скрежет отмычки в дверном замке. Встал и как только двое воришек проникли в квартиру, включил свет. Они, явно не ожидавшие такого поворота событий, замерли опешившие.

— Присаживайтесь, господа, — недовольно произнес Николай, — вам придется подождать приезда полиции. Лазить по чужим квартирам — ни есть хорошо.

Он видел испуганные лица парней лет двадцати, садиться в тюрьму они не желали. Один достал нож, взмахнул резко, целясь Николаю в грудь, но он успел перехватить руку преступника в области запястья. Тот завизжал, словно резаный поросенок, выронил сразу же нож. Второй кинулся к двери, но споткнулся о ногу товарища и со всего маху влетел лбом в дверной косяк. Обмяк сразу же и съехал по косяку на пол, оставляя кровавый след. Первый продолжал дико кричать от боли, его рука на запястье сильно вспухла и посинела.

— Мрази, — бросил с негодованием Николай и набрал номер полиции, — алло, ко мне воры в квартиру залезли, я их задержал, приезжайте и вызовите скорую помощь для них, — он назвал адрес и отключил связь.

Полицейские не особенно торопились, один из воришек продолжал кричать и стонать, переполошив весь дом, другой так и лежал на полу не шевелясь. Через полчаса приехала скорая, констатировала смерть одного из воров, наложила на руку шину кричавшему и увезла его с собой.

Полицейский наряд ППС прибыл только через два часа и вызвал оперативно-следственную группу, которая приехала в десять утра. Николай рассказал о произошедшем.

— Вы говорите, что преступники проникли в вашу квартиру в двенадцать ночи, почему сразу же полицию не вызвали? — спросил следователь Николая.

Ковалев изумленно посмотрел на него.

— Я сразу же позвонил, объяснил все дежурному и попросил вызвать скорую. Не я скорую вызывал, а полиция по моей просьбе, они приехали через полчаса, сказали, что этот труп, а другого увезли с собой, у него рука сломана на запястье. Я сломал, когда нож перехватывал. В два ночи приехал наряд ППС, они уже больше восьми часов здесь торчат. Полицию сразу не вызвал... это вы приезжайте, когда пожелайте.

— Об этом не вам судить, — нагло отпарировал следователь.

— Вы задали вопрос — я ответил. Мне смысла лгать нет, все звонки в полицию фиксируются и скорая здесь была пол первого ночи.

— Как фамилия, которого скорая увезла и куда его увезли? — спросил следователь.

— Понятия не имею, — ответил Ковалев.

Следователь вышел из кухни, где допрашивал хозяина, подошел в комнате к судмедэксперту:

— Что скажешь?

— Время смерти, примерно, в полночь от падения на дверной косяк. Мог сам налететь, споткнувшись, могли толкнуть, но смертельную травму он получил от падения.

Эксперт-криминалист пояснил, что скорее всего дверной замок открыли отмычкой, которую как раз и нашли у трупа, экспертиза точнее скажет. Второй преступник может скрыться из травмпункта после оказания медицинской помощи, рассуждал следователь, а если потом и хозяин квартиры исчезнет — лучше его задержать пока на двое суток, а дальше видно будет.

Возмущенного Ковалева поместили в камеру изолятора временного содержания. Ему хотелось порвать этого следака на куски — в чем он виноват, за что его отправили за решетку? Совсем совести у этих следователей нет — посиди на всякий случай... Сам бы посидел и понял тогда. Он нашел место в уголке, прилег на деревянные полаты и закрыл глаза. Почти сразу же услышал:

— Пришел не поздоровавшись, лег не спросясь... ты расскажи о себе, а мы и решим, что с тобой делать.

Говорить ни с кем не хотелось, тем более рассказывать о себе. Он все еще злился на следователя, незаконно определившего его на нары. Сорвался на сокамернике:

— Еще раз пасть свою поганую откроешь — я тебе ее быстро заткну, — ответил Ковалев, не открывая глаз, — есть желание проверить — подходи, только потом не обижайся, если какая-нибудь часть тела отвалится.

Четверо матерых зэков, уже не раз сидевших, переглянулись. Ковалев продолжал спокойно лежать с закрытыми глазами. Два зэка упали на него враз, один на ноги, второй на голову и руки, третий встал, собирался бить в живот ногами. Но неведомая сила подхватила обоих и кинула на противоположную стену камеры. Ударившись, они сползли вниз, потеряв сознание. Ковалев махнул рукой, сбивая с ног третьего, произнес спокойно, так и не открывая глаз:

— Еще один остался — подходи.

Тот, ничего не понимая, забился в угол. Это какой силой нужно обладать, чтобы метнуть тела мужиков через всю камеру на стену... Он сидел, сжавшись в уголке и дрожа от страха.

— Еще раз попытаетесь меня потревожить, — добавил Ковалев, — не выброшу, а убью совсем.

Через несколько минут один зэк пришел в себя, еще минут через пять очнулись два других. Сели, озираясь.

— Че это было? — глупо спросил один из них.

Зэк из уголка ответил:

— Он вас обоих поднял враз и шмякнул о стену через всю камеру, этого с ног рукой сбил, даже глаза не открыв.

— А ты че?

— Я че — один что ли на бугая полезу? — ответил зэк из угла.

— Заткнитесь, — прервал их Ковалев, — еще одно слово и я кому-то язык вырву.

— Да пошел ты в жопу, — ответил один из зэков.

— Это можно, — ответил, вставая, он, — если ботинок приглашает чья-то задница.

Ковалев схватил мужика, нагнул раком и пнул с такой силой, что казалось носок ботинка зашел в анус по самые шнурки. Зэк упал на полати, потеряв сознание, сквозь лопнувшие брюки виднелась посиневшая и окровавленная враз задница.

— Еще чья-то жопа приключений ищет? — спросил он.

Ему никто не ответил, он лег на полати и снова прикрыл глаза. Мужик очнулся и застонал.

— Блин, никакого покоя от вас нет, — в сердцах бросил Ковалев, — врача этому надо с порванной жопой, колоти в дверь, зови врача. Через час скорая увезла задержанного, врач ответил конкретно на вопросы полиции: «Анальное отверстие и прямая кишка порваны, необходима срочная операция».

Через двое суток Ковалева выпустили из ИВС. На допросах он отвечал однозначно и многократно: «Ночь не спал, устал, в камере уснул, ничего не видел и не слышал». Воришку, которого он схватил за руку, прооперировали, ампутировав кисть. Ковалев так сдавил его руку, что кости запястья треснули на мелкие осколки. Но он показал на допросе, что действительно залез с приятелем в квартиру с целью кражи, пытался ударить ножом хозяина квартиры, а его подельник запнулся и сам упал на дверной косяк. Ковалева признали потерпевшим и отпустили.

* * *

Степаныч плавал в собственном бассейне уже минут десять. Большой любитель париться березовым веничком в сауне, он нырял позже в воду и фыркал от удовольствия. Из воды его всегда встречали две-три девочки, поднося рюмку водки и накидывая на голые мокрые плечи махровый халат. Он выпивал рюмку и плюхался в пластмассовое кресло, девочки вытирали голову полотенцем, опускаясь ниже, и работали ротиками, пока он не кончал в кого-нибудь из них. Потом ополаскивали член теплой водой, вытирали полотенцем, и он шел одеваться.

Сегодня к Степанычу пожаловал Малик, один из его авторитетов, попавший в ИВС, не усилиями адвокатов освобожденный. Тот самый зэк, который жался в угол и не был тронут Ковалевым. Он поведал вору историю немного в своей аранжировке.

— Я не понял, Малик, на хрена ты мне это все рассказываешь? Опустил он Кудрявого и что?

— Не, Степаныч, ты не понял, он Кудрявому зад пинком порвал. Надо бы ему предъяву

выкатить.

— И че не выкатил в камере? — удивился Степаныч.

— Без пера к нему не подлезть, сильный бычара до ужаса, троих словно пушинок разметал по камере. Разреши на перо его посадить?

— Че то ты темнишь, Малик, — задумчиво произнес Степаныч, — на перо успеется, ты мне его сюда приведи — сам поговорить хочу.

Картина у него не складывалась — четверо бывалых и не обиженных здоровьем зэков не смогли справиться с молодым парнем...

Малик сразу же взял с собой трех бойцов и отправился к Ковалеву. Адрес и фамилию он у ментов еще прежде узнал. Подошли к квартире, Малик позвонил.

— А-а, трусишка зайка серенький, че надо? — спросил Ковалев, открыв дверь.

— Степаныч тебя приглашает, поехали, — ответил Малик.

— Степаныч? Не знаю такого.

— Пошли — узнаешь.

— Если ему надо — пусть сам едет, — ответил Ковалев и захлопнул дверь.

Малик забарабанил в дверь, Ковалев открыл ее снова.

— Ты че шумишь, трус поганый, хочешь, чтобы и тебе жопу порвали?

Малик отпрянул в испуге в сторону, один из его бойцов выхватил пистолет.

— Не дергайся и никто тебя не тронет, пошли, — предложил он, — когда приглашает Степаныч — никто не отказывается.

Ковалев обвел угрюмым взглядом четверых мужиков на лестничной площадке, произнес мрачно:

— Если достал оружие и направил его на человека, то надо стрелять, а не понты гнуть. Я, кажется, догадываюсь кто такой Степаныч и зачем меня приглашает. Этот вот в камере со мной сидел, — он ткнул пальцем в Малика, — там и обосрался со страху, а с обосранными я в гости не езжу. Так и передайте Степанычу — мне все едино, что обосранный, что опущенный. Надо ему — пусть сам приезжает.

Ковалев захлопнул дверь, но в нее снова забарабанили, он открыл. Мужики направили на него уже три ствола.

— За такие слова ответить придется, выходи и поехали.

Ковалев усмехнулся.

— Здесь прямо и отвечу — этот в камере понты гнул и трех мужиков на меня натравил без дела, а сам обосрался со страху. Так два дня и просидел в углу обосранный. Не так что ли было? — рявкнул он на Малика.

— Об-б-б-б осрался, — подтвердил тот.

— Все, вопрос закрыт.

Ковалев снова захлопнул дверь. Бойцы остались на площадке, соображая, что делать дальше. Один из них заводил носом:

— Че-то говном запахло, — он посмотрел на Малика, — фу, опять обосрался... пошли мужики.

Они сели в машину, не пустив в нее Малика, по приезду рассказали Степанычу подробности переговоров. Тот хохотал до упаду, потом переспросил:

— Прямо на площадке и обгадился?

Бойцы подтвердили сказанное кивком головы. Степаныч отпустил их и вызвал к себе Корнея, который отвечал у него за безопасность. В свое время Корнеев служил в ФСБ, не

был уволен за взятку, отсидел три года и теперь выполнял особые поручения вора в законе Степаныча.

— С Маликом мы не можем больше общаться и знает он много...

— Понял, сделаем, — ответил Корней.

— Про этого Ковалева узнай все с роддома до сегодняшнего дня.

Корней кивнул головой и ушел. Через три дня он уже докладывал:

— Родители неизвестны, Ковалев с пеленок в детдоме вырос, образование девять классов, работал разнорабочим, потом на водителя выучился. Год назад пропал без вести, объявлен в розыск. Где целый год находился — непонятно, говорит, что ничего не помнит. В полицию его таксист сдал за неуплату проезда, там его мариновали двое суток, розыскное дело закрыли и отпустили. Вечером к нему, вернее ночью, воры залезли — одному он ручонку оторвал, второго зашиб насмерть, но, якобы, он сам о дверной косяк вмазался. Его за это закрыли, в камере он с Маликом и познакомился. Малик тоже непонятным образом куда-то исчез бессрочно.

— Год где-то болтался, — задумчиво произнес Степаныч, — может на агента тайного учился?

— Это вряд ли, — уверенно ответил Корней, — девять классов образование — его бы даже рядовым ментом на службу не взяли. В армии не служил и молод еще. Два непонятных момента у него — где целый год был и каким образом он в камере смог с троими разобраться? В спортивные секции не ходил, а Кудрявый не лох, рукопашным боем владеет неплохо. С виду Ковалев не накаченный, не боксер, не каратист, не борец. Тебе он зачем, Степаныч?

— Не люблю непонятки... ты организуй мне с ним встречу. Домой я к нему не поеду, сам понимаешь, в ресторан пригласи или сюда привези. Сюда — лучше.

— Сделаю, — ответил Корней, — когда организовать встречу?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Понял, тогда сразу и поеду, надеюсь, что привезу вам собеседника.

Он вышел и напрямик отправился к Ковалеву, позвонил в квартиру. Хозяин открыл дверь, не спрашивая.

— Николай? Мы можем поговорить, не побоитесь впустить в дом незнакомца? Я — Корней, так меня все называют, выходит, что мы уже и знакомы.

Ковалев пожал плечами, ответил кратко:

— Заходи.

Корней прошел внутрь однокомнатной квартиры. Видавший виды диван, стол, несколько стареньких стульев. Он сел на один из них.

— Я приехал по двум причинам, — начал он без прелюдий, — извиниться за тех мужиков, что побеспокоили тебя несколько дней назад и пригласить в гости к Степанычу. Сам понимаешь, он по статусу к тебе приехать не может. Можно в ресторане пообщаться, если не желаешь к нему домой поехать.

— Если пальцы не гнут и приглашают нормально, то почему бы и не поехать, — ответил Ковалев, — когда?

— Если не против, то прямо сейчас.

— Поехали.

Машина выехала за город и направилась в коттеджному поселку. Степаныч принял его сразу же, оглядел с ног до головы, указал рукой на кресло напротив себя, Корнею показал на

место чуть сбоку. Обыкновенный парень чуть выше среднего роста, не накаченный и сила в нем с первого взгляда не чувствовалась.

— Скажи, Коля, как ты смог с мужиками в камере разобраться? Нет, я не в претензии, может ты боксом занимался, каратэ?

— Ничем не занимался, сам не понимаю, — ответил он.

— Чего не понимаешь?

— Ничего не понимаю, говорят, что я куда-то исчезал на год, но я не помню. Год словно во сне пролетел — где уснул, там и проснулся, но через год, ничего не помню. Сила во мне появилась недюжинная, могу лом узлом завязать. Может меня инопланетяне похищали, а потом обратно вернули?

— Ты это у меня спрашиваешь? — усмехнулся Степаныч, — но про лом ты загнул, Коля. Кочерги гнут, но лом еще никто не сгибал и тем более узлом не вязал.

— Несите лом — завяжу, — ответил Ковалев, — чего зря трепаться.

Степаныч кивнул Корнею, тот вышел и через несколько минут вернулся, протянул лом Ковалеву. Николай взял его в руки, усмехнулся и завязал в узел, словно веревку без видимого напряжения, отдал обратно. Степаныч с Корнеем ахнули, открыли рты от удивления, вдвоем попытались разогнуть, но куда там.

— И развязать сможешь? — спросил Корней.

— Запросто.

Николай взял лом и развязал узел, словно веревочный, пальцами выпрямил неровности и отдал его обратно.

— Ну ты даешь, Коля, это же надо силища какая! — восхитился Степаныч, — это надо отметить. Ты мой гость сегодня — в баньке попаримся, в бассейне поплаваем с девками и даже не возражай. Согласен?

— Отдохнуть можно, если приглашение от чистого сердца. Как я потом домой доберусь — сюда же транспорт не ходит?

— Ну, прямо детский сад, — расхохотался Степаныч, — довезут тебя до дома, не беспокойся. Корней, распорядись, чтобы баньку нагрели получше и девок привезли чистеньких. Тебе сколько надо девчонок, Коля?

— Я не знаю, — ответил он.

— Пусть десяток везут, нам с тобой по три телки, Корней, и ему четыре.

Корней ушел, а Степаныч спросил Ковалева:

— Пойдешь ко мне на работу?

— На работу? — удивился Николай, — а кем, я же ничего делать не умею? Машину, правда, водить могу.

— Водителем будешь, лом на спор завязать... согласен?

— Можно попробовать. А какая зарплата?

— Сотня тебя устроит на первых порах? Не долларов, рублей конечно, — поинтересовался Степаныч.

— Сотня? — удивился Ковалев, — так на сотню три булки хлеба можно купить, а жить то на что?

Степаныч хохотал до колик в животе, потом ответил:

— Ну ты простота деревенская, извини, Коля, сотня — это сто тысяч. Мало?

— Не, не мало, — ответил довольный Ковалев, — когда к работе приступать?

— Сегодня гуляем, а завтра сразу же и начнешь. Съездишь с ребятами в магазин, купишь

себе костюмчик приличный, рубашку, джинсы, спортивную одежду, обувь. Стрелять умеешь?

— Не пробовал никогда, но чувство такое, что попаду, куда надо. Но не пробовал, не знаю.

Корней встретил два автобуса с девчонками, отобрал десять и сразу отвел их в сауну.

— Проходите, раздевайтесь, располагайтесь, можете пока в сауне погреться, в бассейне поплавать, мы чуть позже подойдем, — пояснил он и ушел.

Вышел во двор, закурил в раздумьях. Чего это Степаныч так расщедрился для этого Ковалева — сауна, девчонки. Неужели только из-за того, что лом узлом завязал? Вряд ли, но тогда какие у него на этого парня планы? Он вернулся в дом, сообщил:

— Сауна нагрелась, девочки уже там, нас ждут.

— Пусть стол накроют, минут через пять будем, ты распорядись, Корней, и проследи, — ответил Степаныч.

Корней снова ушел, понимая, что его выдворяют на время заново. О чем он говорит с Ковалевым, что за тайны? Ответов у него пока не было. Может домой отпроситься, пусть бы вдвоем гуляли? Попробую, решил он.

Степаныч вышел с Николаем во двор, указал рукой:

— Там моя банька с бассейном — страсть люблю париться и плавать, — он махнул, к нему подбежал охранник, — скажи Лопате, чтобы завтра вот этого парня, когда он проснется и опохмелится, в магазин свозил, купил ему костюм приличный, рубашку, джинсы, обувь, одел короче полностью и доставил обратно сюда же. Все понял?

— Понял, передам, — ответил охранник.

Они вошли в сауну. Николай еще никогда в подобной не бывал, он вообще даже в обычной бане никогда не был, а тут раздевалки, отдельные комнаты с кроватями, бассейн с горкой, в котором плавали голые девушки. Увидев мужчин, они стали выбираться, но Степаныч крикнул:

— Плавайте, когда надо — позовем.

Они сели втроем за стол, Корней налил водку в рюмки.

— Степаныч, может быть ты меня домой отпустишь? Вам и вдвоем неплохо будет.

Степаныч хмыкнул, ответил не сразу:

— Ладно, нам больше девок достанется. Приедешь утром, если будем спать — не буди и девок не отпускай, с похмелья организм всегда размножения требует. На посошок? — поднял рюмку Степаныч.

— Не, полечу, — ответил он.

— Ну, лети, лети, — произнес Степаныч, опрокидывая рюмку в рот, — давай, Коля — ешь, пей, веселись без стеснения и всяких там зажеванных тостов. Чувствуй себя, как дома, девок можешь хоть всех поиметь, но больше восьми сразу не забирай, оставь старику парочку для удовольствия.

Степаныч рассмеялся. Николай выпил и стал закусывать. Когда он немного поел, Степаныч ушел в раздевалку, приглашая и его за собой.

— Пора раздеться и в парнушку, потом бассейн и порнушка. Разница всего в одну букву, а смысл совершенно разный.

В парилке он надел буденовку и сидел минут пять, нагреваясь. Потом подкинул парку и стал охаживать себя березовым веничком. Николай тоже от него не отставал. Потом выбежали вместе и плюхнулись с размаху в воду под кучи брызг и девичий радостный визг.

Поплавали немного и с девчонками вернулись к столу.

— Девоньки, себе и нам с Колей наливайте, ешьте, пейте без тостов и приглашений, — предложил Степаныч.

Через некоторое время две девчонки рядом с Николаем начали тихо и тайно подхихикивать. Степаныч заметил, спросил:

— Чего веселимся?

— Так у него колом простынь встала, — сквозь смех ответила одна из девчонок.

— И че смешного? — урезонил ее Степаныч, — две со мной остаются, а остальные с Николаем на траходромчик и быстренько.

Часа через три Степаныч уснул, а Николай до рассвета попробовал всех и пошел по второму кругу. Он так и не уснул, когда проснулся и встал Степаныч, не увидев ни одной девчонки в своей кровати. Услышав стоны в соседней спальне, он ухмыльнулся — встал рано или еще не ложился? Прошел к Николаю в спальню, пристроился к одной из девчонок сзади и через десять минут встал под душ. Николай подошел позже, ополоснулся, девчонки искупались в бассейне и все сели за стол. Степаныч заметил с каким восхищением смотрели на Николая девчонки.

— Понравился мальчик? — спросил он.

— Понравился — не то слово, он нас всех поимел и неоднократно. Мы таких мужиков никогда не встречали, — с восторгом ответила одна из них.

— Нам то хорошо, но его жене я не завидую, — усмехнулась другая, — больше двадцати раз бабе выдержать можно, но уже не в радость.

Степаныч оторопело посмотрел на Николая:

— Ты че — всю ночь и каждую не раз? Ну ты, блин даешь, вот это силища! Ты, Коленька, меня не перестаешь удивлять. Вчера, девчонки, я ему лом дал, так он его узлом завязал, как ниточку шовную. Вот это мужик! — воскликнул Степаныч.

Вошел Корней.

— За девчонками автобус пришел. Отпускаем?

— Отпускаем, — ответил Степаныч, — проводи.

Когда все ушли, он спросил Ковалева:

— Поспишь немного?

— Ночью высплюсь, я не устал. Что делать надо?

— Да-а, — протянул Степаныч, — ты говорил, что не стрелял никогда. Пойдем — попробуешь.

Они вышли во двор, охранники поставили чурку метрах в тридцати, прикрепили к ней мишень. Степаныч протянул Ковалеву пистолет с глушителем.

— Попадешь или промажешь?

Николай взял пистолет, выстрелил, не целясь. Охранник подбежал к чурке, крикнул оттуда:

— В десятку.

Степаныч уже серьезно и внимательно посмотрел на Ковалева.

— Ты откуда такой — и с бабами, и с пистолетом, и с ломом?

— С какими бабами? — не понял Корней.

— Он еще спать не ложился, ночью всех баб перетрахал и не по одному разу, — ответил Степаныч, — драться умеешь?

— Нет, драться не стану, боюсь силы не рассчитать — ударю, а головенка оторвется

совсем или дырку в ней прошибу насквозь.

Охранник услышал слова, подошел к ним.

— Степаныч, надо бы наказать парня за пустой базар, отдай мне его на пару минут — сильно бить не стану, так, поучу немного.

Степаныч стоял в растерянности — этот охранник был лучшим его бойцом, имел черный пояс по каратэ, но он знал силу Николая. Если охранник попадет на кулак, то живым ему действительно не остаться.

Ковалев нахмурился...

— Терпеть не могу бахвалов... разреши, Степаныч, я его бить совсем не стану — поймаю ладонью кулак и раздроблю костяшки. Руку долго лечить будет, но живой останется.

В разговор вмешался Корней:

— Я против, Степаныч, он уже одного поймал за руку, потом ее ампутировали, все кости в муку раздавил, его силу ты знаешь. Зачем нам лучшего бойца терять?

— Согласен, Корней, силы у него действительно немерено.

Но Ковалев заартачился:

— Степаныч, я бить совсем не стану и руку ловить тоже. Раунд две минуты, пусть работает на полный контакт руками и ногами, а в конце второй минуты я ему зуб вырву.

— Как это? — не понял Степаныч.

— Вместо удара я двумя пальчиками зуб поймаю и вырву — за то потом хвалится перестанет. А зуб себе новый вставит.

Степаныч переглянулся с Корнеем, спросил охранника:

— Ты не против, он же тебе зуб точно вырвет?

— Это еще поглядим, кто кому вырвет. Я не вырву, я ему все зубы повыбиваю, — ответил охранник.

Степаныч засек время и объявил бой. Охранник усмехнулся, подошел ближе и резко ударил кулаком в челюсть. Казалось, что только голова Николая отклонилась в сторону, пропуская мимо летящий кулак. Удивленный охранник сделал несколько резких ударов — мимо. Николай даже не принимал бойцовской стойки, стоял, словно вразвалочку. Удары посыпались градом кулаками и ногами, пролетая мимо Николая. В конце второй минуты охранник ойкнул, изо рта пошла кровь. Степаныч объявил конец поединка. Николай стоял с вырванным зубом в руках, но никто не заметил, чтобы он вообще поднимал руки.

— Как ты это сделал? — прошепелявил охранник, сплевывая кровь на землю.

— Протянул руку и вырвал зуб, только сделал это очень быстро, глаз человека не в состоянии засечь подобную скорость, поэтому никто ничего не заметил. В следующий раз не хвастайся пред незнакомым человеком и знай, что есть бойцы получше тебя, — ответил Ковалев.

Степаныч, Корней и собравшаяся вокруг охрана смотрели на Николая с ошеломлением. За две минуты лучший каратист не смог попасть в него ни разу, еще и собственный зуб потерял. Вот это скорость и реакция!

— Ты точно марсианин, — восторженно произнес Степаныч, — такого в кино не увидишь и в фантастике не прочитаешь. Ладно, Лопата, езжай с ним в город, ты знаешь зачем.

Ковалев, которого с восторженных слов Степаныча стали называть Марсианином, постепенно знакомился с его империей и удивлялся мощи и разнообразию его структуры. Щупальца охватывали практически все сферы экономики и единственное, куда официально не лез Степаныч — это политика. Но это официально, фактически неизвестно кто оказывал большее влияние на область — он или губернатор.

Пресса и политики практически не вспоминали о нем, как о воре в законе, его поминали лишь на губернаторских выборах и то в позапрошлый раз. Прошлые выборы прошли без его упоминания, политики и журналисты хорошо помнили слова не самого Степаныча, а его адвоката. Он заявил, что даже мелкие упоминания определенного имени фиксируются и не остаются без внимания. Все, абсолютно все журналисты, депутаты и руководители, упоминая всуе имя вора в законе или ссылавшиеся на него по любому негативному поводу, получили достаточно большие сроки и отбывали наказание в местах не столь отдаленных.

Многие понимали, что какой-нибудь Иванов или Петров не убийца и не наркобарон, но закон есть закон, с ним не поспоришь, если взяты с поличным и все факты на лицо. Степаныч с законом не спорил, он им управлял.

Не все еще познал Марсианин, но многое и не переставал удивляться изобретательности своего шефа. Как-то он посмотрел фильм, где в порнопритоне содержали малолетних девочек, насиловали извращенно, а потом убивали и сжигали в печи... Много подобных заведений было у Степаныча, но малолеток и насилие он категорически отвергал. Сам бы убил любого, кто посягнет на малолетку.

Основной доход Степанычу приносил нефтебизнес, успешно работало его подпольное казино, по мелочам приносили прибыль гостиницы, рестораны, автозаправки, магазины, строительные фирмы и прочее.

Марсианин стал не личным водителем, как предполагалось ранее, а личным охранником Степаныча и сопровождал его повсюду. Как-то они обедали в одном небольшом ресторанчике, и Марсианин услышал определенный звук.

— Бильярд? — спросил он.

— Да, в соседнем зале играют, — ответил Степаныч.

— Почему бы и нам не сыграть?

Степаныч опустил вилку, внимательно и недоуменно посмотрев на Марсианина — просто так он ничего не ляпал.

— Если хорошая ставка будет, например, в миллион баксов, — добавил Ковалев. — Я таких игроков не найду, но ты Степаныч, я полагаю, сможешь. Кто-то сам играет, кто-то своего игрока может выставить — нам же без разницы.

— Ты, Коленька, не перестаешь меня удивлять. Ставки на бильярде... такого у нас в области еще не было. По мелочам, конечно, играют... это крепко надо обмозговать.

— Чего тут мозговать, сумеете людей найти — сыграем.

— Если ты проиграешь?

— Это исключено, Степаныч.

— Какую долю ты хочешь?

— Половину.

— Не много?

— Нет, не много. У меня игра, у тебя обеспечение — одно без другого невозможно.

— Хочешь половину... Я рискую миллионом. Чем рискуешь ты, Коля?

— Ты хотел сказать, что рискуешь выигранным миллионом из-за плохого собственного обеспечения, что деньги могут у тебя забрать силой и скрыться? Хотел бы я знать, кто посмеет это сделать в моем присутствии? Может быть и посмеют, тогда у нас к выигрышному миллиону добавятся несколько трупов. Но что поделаться — сами нарвутся.

Степаныч пододвинулся ближе и глянул прямо в глаза Николая.

— А ты, Марсианин, не нарываешься?

Ковалев легко выдержал его взгляд, Степаныч перевел взор на бокал с вином, выпил глоток.

— Я не нарываюсь, ты прекрасно знаешь, что можешь доверять только мне одному. У тебя нет жены, детей и других близких родственников, у тебя есть Корней и Лопата. Ты знаешь, что вечно не живет никто и кому ты оставишь свою империю? Корнею с Лопатой?

Ковалев усмехнулся, заметив, как поперхнулся Степаныч от его слов, добавил:

— Вот и я о том же... А я молодой, перспективный и уважающий тебя человек, успешно поднимающийся по лестнице и способный в будущем принять твой бизнес в свои руки, ухаживать за могилкой и не забыть ее после пышных похорон, как бы это сделали Корней с Лопатой. Я понимаю, что ты об этом не думал, но это факт и от него не уйти. Мне не выгодно кидать тебя или обманывать, мне выгодно служить верой и правдой, чтобы потом поймать все.

Ковалев допил свой бокал вина и смотрел, улыбаясь, на Степаныча. Тот нервничал, налил себе, выпил и спросил глухо:

— Мне тебя сразу пристрелить или через минуту?

Ковалев расплылся в улыбке, ответил спокойно:

— Не пристрелишь по двум причинам — во-первых не получится, во-вторых я прав, а за правду не стреляют. Тебя коробит, что я разговариваю с тобой, как с равным, а ты привык общаться с подчиненными? Но я же наследник и пусть об этом никто не знает. К тому же я не стану позволять себе лишних вольностей с шефом, но и пресмыкаться не собираюсь. Ты сам назвал меня Марсианином, вот, видимо, меня на Марсе и научили многому.

Степаныч ничего не ответил, встал и пошел к машине. Николай последовал за ним, усадил шефа и устроился рядом с водителем. Оба молчали, водитель не выдержал, спросил:

— Куда?

— Тебе какая разница? — ответил за Степаныча Николай, — сидишь, служба идет, зарплата тикает, скажут — поедешь, а пока не мешай шефу думать. Думать — это тебе не баранку крутить, тут мозги иметь надо, а не черепную коробку с серым веществом.

Ковалев затылком почувствовал, что Степаныч улыбнулся, через минуту он произнес:

— В гостиницу на Пушкинской.

Они подъехали, Ковалев выскочил из машины, открыл дверцу Степанычу. Тот вышел, осмотрелся и сел обратно в салон. Николай закрыл дверцу и тоже сел в машину.

— К тебе домой едем, Коля, — скомандовал Степаныч.

Ковалев назвал адрес водителю. В собственной квартире он не был уже давно. Степаныч прошелся по комнате, заглянул на кухню.

— Давно здесь живешь? — спросил Степаныч.

— После детдома получил. Девять классов закончил, пошел работать, но жил в детдоме.

Исполнилось восемнадцать — дали эту комнатенку старую.

— С армией у тебя что, не призывали или бегаешь?

— Не призывали, видимо, там я с девятью классами на хрен никому не нужен. Может забыли или еще что.

— Девять классов... у тебя знаний явно не на девять классов.

— Влияние Марса, шеф, — ответил Николай.

— И язычок у тебя явно не пришитый. Что-то есть ценного в квартире?

— Альбом с фотографиями, больше ничего.

— Забирай альбом и свидетельство о праве собственности на хату. Отдашь свидетельство и ключи Лопате, сюда больше не вернешься. Поехали домой.

По дороге он спросил Ковалева:

— Ты не возразил и не поинтересовался про квартиру. Почему?

— Зачем воздух зря сотрясать, — ответил Николай, — жить у меня есть где, а задумками шеф не обязан делиться с подчиненными.

Они вернулись в коттедж Степаныча, где теперь постоянно проживал Ковалев, имея в нем свою комнату. Николай прилег на кровать в размышлениях — зачем шефу потребовалась его квартира? Ничего толкового на ум не приходило. Старенькая хрущевка, но в центре города, стоила миллиона два рубля. Хочет меня привязать к себе намертво? Если я не с ним, то и угла своего нет? Это вряд ли, не станет Степаныч так мелочиться, для него два миллиона, что для меня два рубля. Что он задумал?

Ковалев задремал так и не найдя подходящей мысли. Через час его разбудил вошедший Степаныч.

— Спишь? Извини, не знал, мог бы и позже зайти.

— Уже не сплю и внимательно слушаю, — ответил Николай.

Супер корректное обращение его насторожило. Степаныч никогда и ни перед кем не извинялся. Бойтся? Это вряд ли — в любое время может дать команду и пристрелят. Уважает? Пока не за что.

Степаныч сел в кресло.

— Я переговорил кое с кем, завтра в город приедет человек с игроком, мы встретимся с ними в ресторане Космос. Ты с игроком обговариваешь правила игры, играете на следующий день утром в том же Космосе, когда народа практически нет. Ресторан до обеда закроем для посетителей.

Вот оно что — не хочет портить отношения перед игрой и расстраивать. Все-таки на кону миллион долларов, понял Николай.

— Что за пассажир прибудет, чего от него ожидать можно? — спросил он.

— Про игрока мне ничего неизвестно пока, а пассажир — личность известная, богатая и гнилая, все, что угодно может сотворить. С такими, как говорится, в разведку не ходят.

— Ясно, Степаныч.

— Вот и ясно, — непонятно к чему произнес Степаныч и ушел.

Миллион долларов — сумма не маленькая и Степаныч был готов ее выкатить, поставив на почти незнакомого паренька. Он даже не захотел проверить меня за бильярдным столом, рассуждал Ковалев. Действия не поддавались анализу, а из этого выходило то, что он тоже совсем не знает Степаныча.

Вор Степаныч осовременился, хотя получил это звание еще по старым законам, отсидев два срока, не женился, не служил в армии и так далее. Не признавал апельсинов, то есть

воров, купивших свой статус и не бывавших на зоне. Но жил в собственном элитном коттедже, что не соответствовало старым воровским понятиям, и имел огромный капитал в виде недвижимости, разных активов и наличности. Не женился и сейчас, хотя возраст еще позволял — пятьдесят пять лет не срок для мужчины.

Ковалев и Степаныч обедали в Космосе, когда в полупустом зале появились два незнакомца. Но одного Степаныч хорошо знал, они даже обнялись демонстративно, похлопали друг друга по плечу. Компания сразу удалилась в пустой кабинет директора. Ковалев ранее ничего не слышал о Васе Одинцовском. Мужчина до сорока лет с наглым выражением лица, явно из бывших спортсменов, на пальце воровской перстень. Второго, чуть постарше он представил сам:

— Академик...

— Говорят, что мастер экстра-класса, — ответил Степаныч, представляя в свою очередь Ковалева, — Марсианин, пока ничего не говорят в широких кругах. Как играем? — перешел он к делу.

— Одна партия в американку, — предложил Академик.

— Согласен, — ответил Марсианин, — но с маленьким дополнением. Допустим, по жребию мой первый удар, и я загоняю восемь шаров — партия. Проиграть, не вступив в игру, неприятно и обидно. Продолжаем играть и разбиваете вы. Промахнетесь — игра завершена, загоните все восемь, опять начинаю я. И так до первого промаха. По-моему, справедливо.

Уверенный в себе Академик хмыкнул, но согласился.

— Тогда играем завтра здесь же, — предложил Степаныч, — в одиннадцать утра, ресторан до обеда я закрою. Я с Марсианином и ты, Вася, с Академиком без лишних глаз. Деньги у каждого с собой, победитель забирает все и уходит.

— Подходит, — ответил Вася, — завтра к одиннадцати будем. Надо бы на стол глянуть...

— Не вопрос, — ответил Степаныч, — пошли.

Они прошли через обеденный зал в следующий, игровой. Вася Одинцовский осмотрелся, довольно кивнул головой:

— Подходит.

Они сразу же ушли, задержавшись на секунду у выхода на улицу. В машине он спросил Академика:

— Что скажешь?

— Нормальный расклад, но как-то не верится, что этот мальчишка кий в руках держать может.

— Не расслабляйся, Степаныч еще тот гусь, старых традиций придерживается и на простого мальчика лимон не поставит. Не понятно другое — почему о Марсианине никто не слышал?

— Это как раз понятно — молодой.

Оставшись в игровом зале, Степаныч тоже поинтересовался мнением Николая.

— Этот Вася — конченный отморозок, на проигрыш не рассчитывает, но и в случае поражения куш нам отдавать не собирается. Хитро задумано, очень хитро и предъяву ему не сделать потом.

— Ты это о чем? — не понял Степаныч.

— Ты заметил, как они на выходе замешкались вроде бы? — хитро спросил Ковалев.

— Ну, задержались на секунду и что? — все еще не понимал Степаныч мысли

Марсианина.

— Ты же сказал им, что ресторан закроем, вот они и смотрели, как эту дверь открыть. Сигналку никто ставить не станет, специальной отмычкой они ее в секунду откроют и путь свободен.

— Ты говори яснее, — начал уже нервничать Степаныч.

— Элементарно, Ватсон, я выигрываю, Вася подает сигнал и сюда врывается ОМОН, кладут всех на пол, забирают денежки и поминай, как звали. Вася с Академиком тоже сразу линяют, а мы остаемся у разбитого корыта. Менты потом скажут, что вообще понятия не имеют ни о каком налете и кому предъяву кидать?

— Откуда у тебя эти сведения? — нервно спросил Степаныч, — омовцы ко мне не полезут, у меня с ментами все схвачено.

— Омовцы не полезут, — усмехнулся Николай, — а бойцы Васи Одинцовского, переодетые в омовцев, полезут. Доказывай потом, что ты не верблюд. ОМОН удостоверение не предъявляет, отыграют маски-шоу и исчезнут, Вася потом тебя же и обвинит. Но не беспокойся, у тебя есть верная телка в ресторане?

— Есть, зачем тебе телка?

— Когда все закончится, она позвонит ментам из автомата и скажет, что у ресторана Космос стоит автобус с бомбой. В автобусе найдут Васю, Академика и кучку липовых омовцев. Вскрытие покажет, что все умерли своей смертью. Ресторан на санитарный день закрыт, никто этот автобус вообще не видел и внимания не обращал — мало ли машин на улице стоит. Мы с тобой по черному ходу отчалим с другой улицы, друзья Васины нам предъяву не кинут, побоятся отвечать за свой липовый ОМОН. Санитарный день, видеокamеры тоже на профилактику встанут. Пусть выясняют менты, что тут Вася с липовыми омовцами делал. Их, конечно, интересует вопрос — почему враз столько людей сдохло естественной смертью? Но мы же с тобой не врачи, Степаныч, верно? Че так смотришь удивленно? Ну, Марсианин я, сам же меня так назвал, отсюда и тема инопланетная. Говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет.

— Блин... то ли ржать, то ли не верить, — развел руками Степаныч, — и че делать?

— Ничего, на завтра баньку топить, разрешишь?

У Степаныча, видимо, лопнуло нервное напряжение, он заматерился и пошел из игрового зала.

Ночью спал плохо, снилось, что его омовцы на пол кидают, кейс с долларами открыли и деньги на него сыплют, смеются. Он просыпался, ворочался, засыпал заново, снился Вася Одинцовский, уходящий с кейсами и показывающий ему фиги. Встал утром не выспавшийся и не довольный, выпил чашку крепкого кофе, зашел к Ковалеву.

— Поехали.

Николай глянул на часы.

— Рано еще Степаныч, не нервничай — все будет так, как я тебе рассказал.

— Ты мысли читать умеешь?

— Мысли не читаю, но все будет именно так.

— Откуда ты можешь знать?

— Степаныч, я сам не знаю, может мне действительно в тот год, который я не помню, мозги кто-то вправлял. Я же до этого ничего не умел. Не заводись, что знал — я тебе рассказал.

Отыгрывать назад было поздно. Они прибыли в ресторан за несколько минут до

одиннадцать. Машину отпустили, приказав подъехать через полчаса на другую улицу к черному ходу.

— Васи с Академиком еще нет, но нас уже пасут, машина его с утра здесь рекогносцировку проводит.

Степаныч ничего не ответил, они вошли внутрь. Ровно в одиннадцать прибыл Вася с Академиком, сразу прошли в игровой зал. Проверили друг у друга кейсы с деньгами.

— Кидаем на пальцах, — предложил Марсианин, — чет в сумме — я разбиваю, нечет — ты.

Академик согласился, бросили, первый удар достался ему. Он довольно улыбнулся, взял кий и подошел к столу. Прицелился и ударил. Два шара закатились в дальние лузы, а биток встал на место. Академик гордо взглянул на Марсианина и прицелился снова. Удар — биток от борта попал в середину скопившихся шаров, посылая в лузы еще два прицельных шара и одного «дурачка» в среднюю. Академик обошел вокруг стола и сыграл «штаны». Счет стал семь-ноль. Он, уже особо не целясь, загнал в лузу последний шар и выпрямился, произнес довольно:

— Партия.

— Можно сдаваться без боя, — произнес с улыбкой Вася Одинцовский, поглядывая на нервничавшего Степаныча.

— Это еще бабка надвое сказала, — ответил Марсианин, — на другое я и не рассчитывал.

Академик с удовольствием вытаскивал шары из луз и кидал их в треугольник. Установив его и поставив биток, произнес с ехидцей:

— Прошу.

Марсианин поблагодарил, нагнулся, прицелился и ударил очень сильно. Шары разлетелись в разные стороны по игровому полю и четыре упали в дальние и боковые лузы.

— Ни хрена себе, — не выдержал Академик, такого удара он еще никогда не видел.

Марсианин сыграл «штаны» и потом накат. Произнес спокойно:

— Не партия, но ваша очередь, сэр.

Теперь занервничал Вася, а Степаныч разулыбался. Марсианин вынул шары из луз, установил треугольник и биток, все так же произнес спокойно:

— Прошу.

Академик взял кий, покрутил его в руке, целился дольше обычного и ударил. Двух шаров не получилось, но один упал в лузу. Он сыграл клапшгос, биток остался на месте прицельного шара, а тот упал в лузу. Потом забил своячка и решил сыграть «штаны». Шары раскатились, не попав в лузы.

— Вот теперь партия, — произнес Марсианин, — ваша карта бита, сэр.

Вася Одинцовский со злости стукнул кулаком по столу.

— Нервы на здоровье отражаются плохо, Вася, — тоже со злостью произнес Марсианин.

— Игра — есть игра, ничего не поделаешь, — ответил он и позвонил.

— Все, господа, вы свободны, мы вас не задерживаем, — произнес Марсианин.

— Да, да, конечно, — ответил он, поглядывая в сторону входа, — передохнем минутку и уйдем.

— Не дождетесь, — не скрывая неприязни ответил Марсианин, — а в автобусе вас уже ждут омовцы.

— Какие омовцы? — сделал вид, что ничего не понимает Вася.

— Сходи, посмотри.

Вася потоптался еще минутку и махнул рукой Академику. Он уже понял, что что-то пошло не так. Степаныч вычислил его «омовцев» и уложил всех? Они напрямик кинулись к автобусу, заскочили в него, и дверка закрылась.

— Партия, — еще раз произнес Марсианин, — нам пора, Степаныч.

— А-а...

— А эти уже сдохли в автобусе.

Через час они были дома с двумя кейсами. Степаныч сел в кресло, глянув на Ковалева.

— До сих пор не верится, что денежки у нас. А эти?..

— Какие эти? — перебил его Николай, — мы дома сидели, ничего не знаем.

Степаныч даже не удивленно, а непонимающе смотрел на Ковалева. Кто он, как сумел обыграть Академика, известного на всю страну? И что за история с омовцами — неужели правда?

Раздался телефонный звонок, Степаныч взял трубку, звонил знакомый полковник, следовательно.

— Степаныч, ты где сейчас? Это Кирносков беспокоит.

— Станный вопрос — звонишь мне по-городскому домой и спрашиваешь где я, — ответил он, — что случилось?

— Ты можешь сейчас к Космосу подъехать?

— Могу, но что случилось то?

— Подъезжай, тут у тебя заварушка небольшая.

— Какая заварушка, объясни толком?

— Из трупиков, подъезжай, сам все увидишь.

Степаныч с Ковалевым подъехали, остановившись у полосатой ленты, перегородившей дорогу. Они вышли из машины, но полицейский их за ленту не пропустил. Изнутри ему крикнули:

— Это ко мне, пропусти.

Степаныч с Николаем подошли.

— Полковник, что случилось? Мой ресторан грабанили — так там брать нечего, сегодня санитарный день и выручки нет.

— Ты Васю Одинцовского давно видел? — спросил полковник.

— Васю? Года два-три точно не видел, а что?

— Как это не видел? Вася вот тут в автобусе у твоего ресторана отдыхает.

— Полковник, ты не крути, объясни толком — что случилось?

— Васю с его братками грохнули, а ты не в курсе — не смей меня, Степаныч, кто в это поверит?

— Не гони, полковник, если Васю у моего ресторана замочили, то это не значит, что он ко мне приезжал. У меня с Васей все ровно. При чем здесь мой Космос, если рядом банк есть?

— Какой банк?

— Разуи глаза, полковник, при чем здесь мой ресторан, если банк рядом или ты совсем ослеп? Версию бесплатно дарю. Но что бы сам Вася лично пошел банк брать — это из области невероятного. Что-то ты темнишь, полковник, я же все равно подробности узнаю.

— Нам позвонили, что в автобусе бомба, а там Вася с омовцами и все трупы.

— Так ты и спрашивай командира омовцев, меня то чего сюда выдернул?

— Это не омовцы, а Васины бойцы в форме и еще какой-то перец с ними. Кого мне еще спрашивать?

— Вы там в следственном комитете обкурились что ли? Я то здесь при чем? Этих бойцов-омовцев и спрашивай, что они здесь делают.

— В автобусе одиннадцать трупов — уже никого не спросишь, — ответил раздраженно Кирносов.

— Хрень какая-то... собирайте гильзы, пули, проверяйте. Я одного не пойму — ты меня зачем сюда дернул? — возмутился Степаныч.

— Гильзы, пули — с чего ты взял, что их застрелили? — задал вопрос полковник.

— Если одиннадцать трупов, как ты сказал, то явно не ножичком почикали. Впрочем, это лишь моя версия, вам виднее.

— Ладно, Степаныч, свободен.

Он пожал плечами и кивнул Ковалеву:

— Пошли, а то еще автоматы в карманах найдут или бомбу ядерную — отписывайся потом.

— Иди, иди, праведник нашелся, — усмехнулся полковник.

Степаныч с Ковалевым вернулись домой. Степаныч спросил с нетерпением:

— Ты как этих в автобусе уморил всех?

— Сами сдохли, подонки, от нервного перенапряжения, сердце не выдержало переживаний, и экспертиза это подтвердит. Расслабься, Степаныч. Все кончилось.

— Иди к себе, я к тебе чуть позже зайду, — ответил Степаныч.

Он остался один, налил себе рюмку водки, выпил залпом. Сел в кресло, расслабился и прикрыл веки. Нет, Марсианин не мент и не чекист, а, значит, ему можно доверять. Если он бизнес мой приберет к рукам через несколько лет и меня кончит? Такой все может. А смысл? Деньги, бизнес, власть — просился ответ. Такой может и меня уморить запросто...

Он очнулся, позвонил в колокольчик и велел позвать Лопату с Корнеем. Спросил сразу же по приходу?

— Лопата, что ты о Марсианине думаешь?

— Я все сделал, как ты велел, Степаныч, — ответил Лопата.

— Лопата, ты глухой? Я спросил, что ты думаешь, а не что сделал.

— Парень вроде бы правильный, без косяков.

— А ты что думаешь, Корней?

— Мутный он, не понятный. Я тут подумал на досуге... год у него потерялся — как раз год в армии служат. Скорее всего попал в элитный спецназ, где его как раз стрелять и драться научили, а потом и в цветные агенты приняли. Дурку про амнезии там же придумали. До года все помнит и после, а год потерялся — так не бывает. Не верю я ему, — ответил Корней.

Не верит он, размышлял Степаныч, конкурента почуял, вот и не веришь. Элитный спецназ... там его в бильярд играть научили и людей на расстоянии мочить по одиннадцать человек сразу. Нет, Корней, это тебе больше веры нет. Но вслух Степаныч совсем другое сказал:

— Вели баньку подогреть, девок привезти, — он задумался, — пятерых. Стол в сауне накрыть. Как все сделаешь, доложишь и свободен, можешь домой ехать. Действуй, Корней.

Он проводил взглядом подчиненного, хмыкнул.

— Как думаешь, Лопата, прав Корней?

— Не-е, не цветной Марсианин, Корней его сразу невзлюбил, только не пойму почему. Вот Корней цветной, не верю я бывшим мусорам и чекистам, он контору предал и нас предаст. Извини, Степаныч, ты спросил — я ответил.

— Добро, Лопата, квартиру где прикупил, сколько метров, какой этаж?

— Как ты и сказал — в Октябрьском районе. Этаж третий, четыре комнаты, 184 квадрата.

— Возьми дизайнера, купи мебель, все бытовые приборы от пылесоса до микроволновки, холодильника и телевизора, постельное белье, посуду и прочее, душевую в ванную. Завтра к обеду должно быть все готово.

— До вечера и то не управимся, Степаныч. Мебель еще собрать надо.

— Я и не прошу до вечера, ты до обеда сделай. Мужиков возьми, женщин, у тебя сегодня полдня, вся ночь впереди и еще полдня, чтобы было все чистенько и блестело. Мерина еще купи на имя Марсианина, его сюда завтра к обеду пригонишь.

Лопата вздохнул тяжело, ответил:

— Все, что смогу, сделаю, но из кожи не выпрыгну, извини.

— Надо сделать, Лопата, надо. Марсианин сегодня лимон баксов заработал — надо его уважить. Но о лимоне никому ни слова и Корнею в том числе. Иди, Лопата, времени у тебя в обрез.

Степаныч остался один, налил себе еще рюмку водки, выпил. Тепло разлилось по телу, окончательно снимая напряжение, и он почувствовал, что голодный. Сегодня еще не ел ничего. Надо позвать Марсианина и пообедать. Рука уже потянулась к колокольчику, но что-то остановило его. Чего я привязался к этому Марсианину, зачем приказал купить ему квартиру и машину, спрашивал внутренний голос? Никому я так не благоволил, а тут чуть ли не из кожи вылажу. Что он для меня сделал? Сыграл с Академиком и запросил половину куша... никто бы из других подчиненных на такой процент не решился, а этот буром прет. Я ему подарок... но можно стоимость из его доли вычесть и отдать триста, а не пятьсот. Да, это будет правильно и справедливо. Ему уже расхотелось идти в сауну с Марсианиным, он пригласил его к себе.

— Для тебя в сауне стол накрыли и девочек привезли. Отдохни, ты мне завтра в обед понадобисься.

Ковалев ничего не ответил, только пожал плечами и вышел. Он сразу почувствовал холодок в отношении себя, но не удивился — рано или поздно это должно было произойти, сыром в масле всю жизнь не прокатаешься.

С сауны он вышел как раз к обеду отдохнувшим и посвежевшим — развлекался в меру и успел выспаться. Степаныч оценил его вид, вздохнул — молодость есть молодость. Решил сразу поставить все точки над «и».

— Это ключи от Мерседеса, — он кивнул головой на стоявшую во дворе машину, — она оформлена на твое имя, документы в бардачке. Садись с Лопатой и езжай за мной.

Степаныч сел в свой автомобиль и они выехали. В городе приткнулись к одному из вновь построенных домов. Степаныч вышел из машины и последовал за Лопатой, Ковалев пошел следом. Поднялись на третий этаж, Лопата открыл квартиру.

— Заходи, — произнес Степаныч, — эта хатка твоя, вот документы на нее, — он протянул папку Ковалеву, — здесь причитающаяся тебе сумма за вычетом расходов на квартиру, мебель и машину, — он отдал пакет, — пора начинать самостоятельную жизнь,

Коля, как охранник ты мне больше не нужен.

— И что мне теперь делать? — спросил Ковалев.

— Ты умеешь думать, Коля, думай. Появятся дельные мысли — заходи, дорогу ко мне ты знаешь.

Он повернулся и они с Лопатой ушли. Ковалев осмотрел квартиру — четыре комнаты, прекрасная мебель, посуда и даже постельные принадлежности. На столе паспорта к телевизору, холодильнику и другой бытовой технике. В пакете триста тысяч долларов, по сегодняшнему курсу это двадцать один миллион рублей.

Степаныч решил отдалить меня от себя, понял Николай, не знает, что я могу выкинуть и побаивается. Убивать меня не за что, но и находится рядом опасно, решил подержать на расстоянии и присмотреться...

За час он осмотрел всю квартиру, заглянул в каждый уголок и шкафчик, сел в кресло и задумался. Можно начинать свое плавание по жизни, но у него нет даже среднего образования — это необходимо исправить, сдать экзамены экстерном и поступить в ВУЗ на заочное отделение. Знания у него есть, но без бумажки ты букашка, нужен диплом. Это Ковалев понимал хорошо.

В доме ни крошки хлеба, холодильник абсолютно пустой и минимум продуктов жизненно необходим. Он спустился вниз, поставил машину в гараж под домом, там у него тоже, оказывается, было парковочное место. В обменном пункте поменял несколько тысяч долларов на рубли и отправился в супермаркет. По мелочам набралось два больших пакета с продуктами. Магазин был недалеко от дома, Николай с удовольствием прошелся пешком, не стал заходить в лифт и поднялся на третий этаж по лестнице, подошел к двери. Лифт открылся, вышла молодая девушка тоже с двумя сумками и направилась к двери напротив.

— Мы, я полагаю, соседи. Меня Николай зовут, а вас?

— Ольга, — ответила она.

Ее дверь открылась, вышла женщина.

— Слышу ты с кем-то разговариваешь.

— Знакомлюсь с соседом, — ответила она.

— Здравствуйте. Я Николай, ваш сосед.

— Здравствуйте, Нина Степановна, мама Ольги, — она глянула на пакеты в его руках, — в магазин ходили за продуктами?

— Да, я, можно сказать, что час назад только в квартиру въехал, дома ни крошки, — ответил он.

— Слышали, слышали, — улыбнулась Нина Степановна, — весь вечер и всю ночь работяги мебель носили, собирали, стучали. Мы на недельку раньше заехали, успели уже освоиться немного, но еще не полностью мебель купили и завезли, только необходимое.

— Если помощь нужна, Нина Степановна, вы обращайтесь без стеснения — принести что-нибудь, прикрутить. Что мы на площадке то стоим, проходите, — он открыл дверь, — посмотрите, как я устроился.

Нина Степановна взяла сумки у дочери, оставила их в коридоре, и они прошли в квартиру Ковалева. Он показал им все комнаты, на кухне предложил присесть:

— Сейчас чайник поставлю, сварю кофе.

— Спасибо, Коля, все-таки мы уже освоились, поэтому на кофе приглашаю к нам. Родители на работе?

— Родителей у меня нет, Нина Степановна, я совсем один живу.

Она не стала уточнять и вновь предложила пройти к ним. На площадке их встретил мужчина, улыбнулся:

— А я гадаю — куда мои женщины испарились? Оказывается, уже с соседом успели познакомиться. Федор Иннокентьевич, — он протянул руку.

— Николай, — ответил он.

— Мы с Олей пригласили соседа на чай, — произнесла Нина Степановна.

— Конечно, конечно, проходи, Коля, и родителей зови, будем знакомиться.

— Я один, у меня нет родителей, — ответил он.

— Извини, Коля, не знал.

Квартирка соседей была поменьше, трехкомнатная. Нина Степановна суетились с Ольгой на кухне.

— Сейчас покушаем вместе, ты, наверное, голодный Николай и не возражай даже.

— Нина у нас любит командовать, она директор школы и без командирских жестов себя не видит. Но командир правильный и любимый. Ты чем, Коля, занимаешься? — спросил Федор Иннокентьевич.

— Купил квартиру, машину и так получилось, что остался без работы на время. Голова есть, а диплома нет. Работал, работал, а кадрам бумажка потребовалась. Найду новую работу и заочно учиться пойду.

— Это тяжело — учиться и работать одновременно, — произнесла Нина Степановна, расставляя на столе тарелки, — сейчас программы сложные, Ольга на второй курс юрфака пойдет, приходится много читать и зубрить. Вы, Николай, какой ВУЗ желаете выбрать, факультет и специальность?

— К окончательному решению я еще не пришел, возможно, на юридический или математический факультет. Но у меня только девять классов, Нина Степановна, хочу сдать экстерном школьную программу и поступить на два факультета, допустим юридический и математический, в течение года окончить оба факультета.

— Коля, вы говорите, что у вас только девять классов, вы не переоцениваете свои силы? — вежливо поинтересовалась Нина Степановна.

— Да, Коля, я доцент, как раз преподаю математику. Есть, конечно, способные студенты, но чтобы освоить этот предмет на уровне вуза за год — такого я не встречал, — поддержал жену Федор Иннокентьевич.

— Вы математик, Федор Иннокентьевич, а математика — наука точная. Мои знания на уровне выпускника вуза — спросите что-нибудь и я вам отвечу. Зачем воздух сотрясать пустыми словами?

— Теорема Ферма, к примеру...

— Считается, что Эндрю Уайлс доказал ее в 1994 году на сто тридцати страницах. Доказательство основано на предположении немецкого математика Герхарда Фрая о том, что Великая теорема Ферма является следствием гипотезы Таниямы — Симуры. Чтобы не предполагать существования так называемых «больших кардиналов», мы ее упростим...

Ковалев взял салфетку и начал писать на ней. Через несколько минут вмешалась Нина Степановна:

— Федор, ты же не на семинаре, Николай наш гость, а не твой студент.

— Да, да, Нина, да, — согласился он, — извини. Но это великолепно, это потрясающе...

— Федор...

— Все, молчу, — ответил он, — за знакомство можно и по рюмочке выпить. Как ты,

Коля, к этому предложению относишься?

— Компанию поддержу с удовольствием, а вообще к спиртному отношусь индифферентно, не любитель.

Они сели за стол, выпили, кушали некоторое время молча, потом Николай поинтересовался:

— Вы, Нина Степановна, сказали, что директором школы работаете. Поможете мне сдать экзамены экстерном? Я в административном плане, экзамены я сам сдам, но на них еще попасть надо.

— Коленька, без вопросов, все сделаю, вы еще успеете в этом году поступить, — ответила она с радостью в голосе.

В разговор вмешалась молчавшая до этого Ольга, ей надоело смотреть на восхищенного отца, все еще прижимавшего к груди исписанную салфетку.

— Вы посещаете какие-нибудь выставки, Николай? Например, в художественном музее недавно была выставка картин Малевича.

— Оля, в этом году как раз исполняется столетие «Черного квадрата». Малевич — отец супрематизма, писал и в стиле кубофутуризма. Супрематизм — это комбинации разноцветных плоскостей простейших геометрических очертаний. По мысли Малевича такие картины являются чистым творчеством, то есть актом, уравнивавшим творческую силу человека и природы (Бога). Я не разбираюсь в живописи, но если писать, например, природу, то стоит ли ее запихивать в геометрические очертания куба или прямоугольника? Квадратный ствол дерева еще и в разных цветовых гаммах... Может это и кубофутуризм, а по мне хрень обыкновенная, извините конечно. Но на вкус и цвет товарищей нет.

Нина Степановна прыснула от смеха, произнесла с трудом:

— Вот так Николай — в пух и прах Малевича разделал. А он, между прочим, известный всему миру художник.

— Вы отрицаете направления авангардизма? — спросила Ольга.

— Я ничего не отрицаю, Оля, я лишь высказываю свое мнение. Мне гораздо приятнее смотреть на картины Репина, Айвазовского, Васнецова или Джованни Больдини, Тициана и Рафаэля, чем на знаменитых кубистов и экспрессионистов. Например, картина «Крик» норвежского художника Эдварда Мунка — мазня и перекошенное лицо инопланетянина. Но я не отрицаю, я говорю, что картина меня не впечатляет и ей место в коридоре психиатрической клиники.

— Похвально. Вы, Коля, лучше многих любителей разбираетесь в различных ответвлениях авангардизма, хоть оно вам и не нравится. И вы не приверженец современности, — решила она уколоть соседа. — Какие стихи пользуются вашим вниманием?

Ольга изучающе смотрела на него.

— Стихи, я полагаю, нравятся всем. Но все зависит от состояния души, настроения в тот или иной момент. Иногда лучше обратиться к печатанному маршу Маяковского, иногда к березовой лирике Есенина или побывать на лукоморье Пушкина. Иногда просто погрузиться, например,

Хмельным туманом стелется мне осень,
И отклубилась страстная весна,
Стою под сенью изморози сосен

Я листопадом венчанный сполна.

Каждому стихотворенью свое настроенье, — с улыбкой закончил он.

— Прекрасное четверостишие, чье оно? — спросила Нина Степановна.

— Это из моего стихотворения, — ответил Ковалев.

— Прочтите все, — попросила Нина Степановна.

— Как-нибудь в другой раз, пора и честь знать, — ответил он, вставая.

— Жаль, что вы так быстро уходите. Несите документы и заявление, у нас через два дня пересдача ЕГЭ, придется вам сдать все.

Ковалев согласно кивнул головой и ушел к себе. Добрые, отзывчивые и порядочные родители, подумал он, не богатые и не нищие, именно люди из этой среды понимают мир адекватно. А дочка обыкновенный потребитель, не заработавшая еще ни копейки, но привыкшая иметь практически все. Мои знания и ум ее не тревожат, она еще не воспринимает людей таким образом. То, что я добился в свои двадцать лет квартиры и машины самостоятельно, она не способна оценить. Для нее я парень с девятью классами образования, поэтому она смотрела на меня снисходительно и свысока. Она же студентка, а я не директор завода и не старшекурсник. Человек, привыкший брать и не давать ничего. Родители умные, но любовь затмевает эту часть разума и пока тут ничего не поделать. Высокая ростом, фигуристая и симпатичная, она привыкла к определенному лизоблюдству среди парней, к похвале и восхищению, к угодливости.

Он сел в кресло, включил телевизор для фона и переключился на Степаныча. Сделал ход конем... Считает, что я вкусил немного сладкой жизни и обыкновенная работа шофером за пятнадцать-двадцать тысяч рублей меня не удовлетворит ни морально, ни материально. А это означает, что я должен вернуться к нему, но уже в роли попрошайки. Он возьмет, не отвергнет, но тогда на вершину мне уже не подняться, по крайней мере в ближайшие пятьдесят лет. В конечном итоге займу статус уважаемого бригадира без военных действий, что-то типа Лопаты или Корнея на личных побегушках у Степаныча. А я должен стать равным, но уважающим опыт и возраст, Лопата с Корнеем обязаны выполнять мои указания. Нечто вроде прослойки между Степанычем и ими.

Недельку я отдохну, сдам экзамены в школе и поступлю на заочное в ВУЗ. А дальше поглядим. Степаныч сам ко мне Лопату отправит, лично, естественно, не пойдет.

Он написал заявление о просьбе принять экзамены экстерном, приложил аттестат о неполном среднем образовании, копию паспорта и отнес документы Нине Степановне Петровской, своей соседке и директору школы. Вернулся домой.

Петровская под села к дочери, взяла пульт от телевизора и убавила звук.

— Оля, ты бы присмотрелась к соседу — статный, отличный парень...

Она поняла, куда клонит мать.

— Мама, мне с недоучками не интересно общаться. То же мне, жених нашелся.

— Этот недоучка вполне самостоятельный молодой человек, — вмешался в разговор отец, — хорош недоучка — теорему Ферма как свои пять пальцев знает.

— Папа, теорема Ферма не критерий к знакомству. Когда ты ухаживал за мамой, она тоже ее не знала и сейчас не знает, но это не мешает вам жить вместе и любить друг друга.

— Доченька, папа хотел сказать, что Николай не глупый и самостоятельный человек, а через пару дней он школу закончит и в университет поступит. Такие парни на дороге не

валяются, их быстро к рукам прибирают.

— Вот и пусть прибирают. Знаток живописи нашелся... с девятью классами.

Ольга взяла пульт и прибавила звук, давая понять, что разговор окончен.

Ковалев глянул на часы — пять вечера. Он усмехнулся про себя непонятно к чему и отправился в гараж. На Мерседесе подъехал к одной из гостиниц, вошел через служебный вход, поднялся на второй этаж, позвонил в последний номер на этаже, поворачиваясь лицом к висевшей на торце коридора видеокамере. Его узнали, он бывал здесь, приезжая за деньгами для своего шефа, да и девочки восхищались его мужскими способностями постоянно. Замаскированная деревянной обшивкой дверь на торце открылась.

Коридор второго этажа гостиницы был несколько короче, чем третьего всего на четыре номера — по два с обеих сторон. Внутри располагалось приватное заведение, некий штаб его, откуда девчонки отправлялись на выездную работу или прямо в номера гостиницы. Хозяйка заведения встретила его лично.

— Желаете отдохнуть или другие вопросы имеются?

Он прошел в небольшой холл, сел в кресло.

— Пусть все девушки сюда выйдут.

Хозяйка открыла по очереди три небольших комнатенки, где в два яруса стояли кровати и в каждой проживало по восемь человек. Еще десять приходящих девчонок находились уже в холле. Вечером заведение по мере поступления заказов пустело.

— Выходим девочки в холл, быстренько выходим, — торопила она своих подопечных.

Когда все собрались, Марсианин задал простой вопрос:

— Девушки, кто из вас умеет готовить — варить суп, жарить котлетки, делать салаты и так далее. Кто-то может и умеет это делать, но ему это не по душе. Поднимите руки те, кому это нравится, кому не в тягость и пол помыть.

Девчонки переглянулись непонимающе, одна задала уточняющий вопрос:

— Ролевые игры что ли? У заказчика встает только на домработницу?

— Я задал конкретный вопрос — кто умеет и кому это не в тягость. Что здесь непонятного?

Всего пятеро девушек ответили положительно, остальных Ковалев попросил рассосаться по комнатам. Побеседовав с каждой, он оставил одну. Девушка со стройной фигуркой, симпатичным личиком и выше на голову ростом Николая. Когда-то она действительно занималась баскетболом и волейболом в одном из провинциальных городков, но карьера спортсменки ее не прельщала. Уехав в областной центр и не поступив в университет, она оказалась здесь. Силой ее сюда никто не тянул и между работой дворником она выбрала эту. Можно подкопить немного денег, поступить в институт и вечерами подрабатывать, чтобы не сдохнуть с голоду и где-то жить. После окончания вуза уехать куда-нибудь на село и спокойно работать. Тем более, что сама была из деревни.

— Сколько ты здесь получаешь на руки чистыми и в среднем в месяц? — спросил Ковалев.

Девушка замялась, глянув на хозяйку.

— Если с вычетами за еду, платье, чулки, проживание, то остается двадцать тысяч на руки.

— Знаешь кто я?

— Слышала от подруг, — она покраснела, — одна я не выдержу ролевых игр в домработницу.

Ковалев улыбнулся, попросил хозяйку оставить их.

— Мне действительно нужна домработница без всяких ролевых игр. Убраться в квартире, приготовить еду, спать в одной постели и жить в моей квартире. Секс... несколько раз в сутки — вполне достаточно. Еда и одежда за мой счет и сорок чистыми на руки. Согласна?

— Конечно, — ответила она обрадованно.

— Тогда собирай личные вещи и поехали, сюда больше не вернешься.

— Мой паспорт у хозяйки...

— Паспорт я заберу, он у тебя будет, — ответил Ковалев, — про Марсианина забудь, меня Николаем звать, собирайся.

Он взял паспорт у хозяйки заведения, глянул — Доброхотова Вероника Андреевна, девятнадцать лет...

— Девушка поедет со мной, сюда не вернется, пусть останется за штатом, так сказать, вдруг через годик пожелает возвратиться. Или раньше, или позже, или совсем никогда, — напутствовал хозяйку Ковалев.

По пути они остановились у магазина, Николай протянул деньги:

— Сходи, купи себе домашний халат, платья для дома, обувь, тапочки, аксессуары женские. Что тебе еще потребуется в доме — сама подумай. Да, и симку новую купи в телефон, старую выбросишь. Я тебя жду в машине.

Вероника вернулась через час с коробками и пакетами. Дома он сразу сказал ей:

— Осматривайся и осваивайся сама. Это платье, — он посмотрел на нее, — до неприличия короткое или выброси, или спрячь подальше. Тем более оно красного цвета — тебе не к лицу. Посмотри, что есть из продуктов, что нужно купить еще, в еде не прихотлив, ем все. Это ключи от квартиры, деньги лежат вот здесь, — он показал ей, — будешь брать, сколько потребуется на продукты, необходимые вещи, косметику и так далее. Спрашивать разрешения не нужно — бери и покупай. Соседям скажешь, что домработница, но чувствуй себя хозяйкой.

— Вы так доверяете мне...

— Я думаю, Вероника, что смысла обокрасть меня у тебя нет.

— Конечно, нет, — мгновенно ответила она.

— Тогда почему я не должен доверять тебе? И обращай ко мне на «ты». Еще есть вопросы?

— Нет, — ответила она, покачав головой, — начну осматриваться.

Вероника обошла квартиру, заглянула мельком во все углы, оставив кухню на потом, повесила купленные платья в шкаф спальни, разложила косметику на трюмо, взяла зубную щетку, халат, полотенце и ушла в ванную. Ополоснулась, почистила зубки и вышла уже в домашнем халате на голое тело, слегка распахнув полу.

— Решила смыть с себя запах прошлого, — произнесла она, — но чувствую себя не в своей тарелке, близость бы придала мне уверенности на кухне и во всей квартире, — произнесла она, обнажая бедро целиком.

— Это можно легко исправить, — ответил Николай, уходя в спальню.

Через полчаса она уже в новом платье до середины бедра возилась на кухне. Из-за ее длинных ног оно все равно казалось коротеньким, но соответствовало приличиям. Вероника ознакомилась с кухонными шкафчиками и холодильником, поняла, что из первого блюда могут быть только пельмени или солянка из стеклянной банки, которую нужно кинуть в

кастрюлю с небольшим объемом воды и вскипятить. Имелась колбаса двух сортов, яйца, сыр, рыба лосось, молоко, хлеб... Она крикнула из кухни:

— Коля, пельмени сварить, солянку или без первого сегодня обойдемся?

— Без первого, — ответил он.

Вероника разбила яйцо в миску, взболтала ложкой, разрежала булку, замочив кусочки в молоке, обмакнула в яйцо и выложила на разогретую сковороду, обжаривая с двух сторон до золотистой корочки. Вспоминала Николая в постели и улыбалась. Правду говорили девчонки — супермужчина! Доставал до печенок и входил своим большим членом аккуратно, нежно и безболезненно. Другой бывало сунет свой огрызок на сухую, аж искры из глаз, а потом и не чувствуешь вовсе эти десять тоненьких сантиметров. Она еще никогда не кончала с мужчинами, работа есть работа, а Николая захотела сразу, как только он вошел нежно, не сразу полностью и постепенно достал до самого нутра. Она отдавалась, хватая его за ягодицы, словно пытаюсь затащить в себя все его тело, стонала от страсти и удовольствия, закричав истошно в конце. Вероника улыбалась, выкладывая кусочки со сковороды на бумажные салфетки, чтобы впитались остатки масла, варила яйца-пашот, нарезала лосось, перчила и обжаривала на сковороде в сливочном масле. Получался своеобразный бутерброд из булки, яйца и лосося.

Может быть мне повезло и сказки про загадочных принцев, женившихся на путанах, быть? Каждая из ее среды искала и надеялась встретить достойного мужчину. Очень редко кто-нибудь из проституток выходила замуж и уезжала за границу и не всегда там складывалась жизнь удачно...

Она сбрызнула бутерброд соусом и позвала Николая.

— О-о! Это что-то аппетитное и ароматное...

Он достал бутылочку коньяка, водки и красного вина, вопросительно мотнул головой, она указала на вино и достала бокалы.

— Я хоть и не большой любитель спиртного, но сегодня не тот случай, желаю с тобой выпить на брудершафт.

Они выпили, Николай поцеловал ее, ощущая желание, поднял со стула и вошел прямо стоя, держа за ягодицы. Вероника обхватила его шею руками, прижалась к телу и застонала в такт движениям. Он держал ее на весу еще несколько минут после финала, оставаясь в ней какое-то время и не желая выходить. Вероника прижималась руками и бедрами, млея от удовольствия.

После душа они принялись за еду.

— Никогда не ел ничего подобного, где ты так научилась готовить? — спросил он, — но ты все равно вкуснее.

Она зарделась от удовольствия.

— Так, подсмотрела как-то при случае. А ты такой сильный... я девушка рослая и меня удержать на весу еще никто не мог, хоть и пытались некоторые.

Она заметила, что ему неприятны эти слова.

— Извини, Коля, никогда больше не вспомню о прошлом. Хотела восхититься, а получилось неудачно. От счастья, видимо, замкнуло мозги — жила в конуре, а тут такие хоромы и лучший на свете мужчина рядом.

— Дождик пошел, — произнес Николай, заметив капли дождя на оконном стекле, — это к счастью. Но у тебя даже плаща и зонтика нет. Завтра купим плащ, пальто осеннее и

зимнее, сапожки. Ты накидай в уме, что нужно, позже у меня времени может не быть, самой ездить придется по магазинам.

— Ты и так на меня потратился сегодня...

— Не в платье же тебе по улицам ходить осенью и зимой, это не обсуждается. Убирай со стола и в спальню, чего-то мне вновь тебя захотелось.

Утром она стояла под душем. Промежность приятно поднывала и струйки воды смывали ее слезы. Вероника плакала, плакала от счастья — она влюбилась за одну ночь, за один вечер и в этом не сомневалась. Плакала от горя... она лишь домработница и проститутка для одного лица, он хозяин, она не его женщина... Сможет ли она пережить, если он приведет в дом другую, ему даже не надо таиться — она лишь служанка? Как перенесет тот факт, что у Степаныча он вновь будет со многими девчонками? Она стояла под душем с закрытыми глазами и готова была биться о стену, кричать, выть или делать что-то еще. Она любила и не знала, что делать. Она плакала... плакала от счастья, от горя, от радости, от безысходности. Она плакала...

За завтраком Николай спросил ее:

— Ты сегодня немного замкнута и грустна, я чем-то обидел тебя?

Вероника вздрогнула от его слов, ей хотелось прижаться и закричать во весь голос — я люблю тебя, люблю...

— Мысли перебираю — мяса надо купить овощей, фруктов, картошки, в магазин одежды заехать.

— А-а... ну-ну...

Лопата появился у Ковалева внезапно. Мокрый от промозглого осеннего дождя, нахохлившийся и весь какой-то взбудораженный. Скинул плащ, пошел в зал, но Вероника остановила его:

— Ботинкиними и одень тапочки, нечего грязь в комнату тащить.

Он хмыкнул недовольно, но ботинки снял и тапочки одел, разглядывая ее с ног до головы, не стесняясь. Вероника очень похорошела у Николая, словно расцвела, а ножки в ситцевом платице до середины бедра выглядели заманчивее, чем в коротком красном и шерстяном наряде, как он привык видеть ее раньше. Низенький, но коренастый Лопата никогда не был близок с ней, хотя имел такую возможность ранее, она выглядела для него слишком высокой.

Он проглотил слюнку похоти и прошел в зал, плюхнулся в кресло.

— Ты погуляй девочка, нам с Марсианином поговорить надо, — произнес он безапелляционно.

Вероника никак не отреагировала на его слова, взяв тряпку и вытирая пыль со стола.

— Посмотри, пожалуйста, телевизор в спальне, — попросил Николай.

— Да, Коленька, — ответила она и ушла.

Лопата хмыкнул, покачал головой и сосредоточился.

— Надо сейф вынести с алюминиевого завода, Степаныч просил. Мы пытались, но там человек шесть надо, а ты один троих заменишь.

— Зачем ему сейф? — удивился Ковалев, — не железо же ему нужно.

— Не железо — там замок сложный, быстро не откроешь.

— Что в сейфе — деньги?

— Деньги Степаныча не интересуют, но отказываться от них тоже грех. Там учредительные документы должны быть.

— Степаныч хочет завод себе взять?

— Естественно.

Ковалев задумался, встал, походил по комнате.

— Передай Степанычу, что делать ничего не надо, сейф тоже трогать не надо, я через три дня к нему заскочу.

— Как это не надо? — возмутился Лопата, — Степаныч сказал, значит надо.

— Лопата, — усмехнулся Ковалев, — твое дело передать — Степаныч мужик умный, поймет и возражать не станет. Так все дословно и передай. Еще есть вопросы?

— Не, нету, так прямо и сказать?

— Можешь криво сказать, — усмехнулся Ковалев.

Лопата хмыкнул...

— А телка у тебя ничего... жопка круглая и ножки длинные.

Ковалев взял его за грудки одно рукой, приподнял на полметра от пола, промолвил со злостью:

— Это не телка, а моя женщина... еще раз хавальник свой в подобном тоне откроешь — я тебе язык вырву и в собственный зад вставлю. Пошел отсюда.

Он отбросил Лопату, тот пролетел пару метров, стукнулся о дверь. Так и выскочил на площадку в тапочках. Николай крикнул вслед:

— Вернись, тапочки отдай и ботинки свои забери.

Лопата доложил в подробностях встречу с Марсианином:

— Чуть не удавил меня, когда я эту проститутку телкой назвал...

— Телки, Лопата, у бычков бывают. Если запал на нее Марсианин, то не стоило женщину так называть. Говоришь, что три дня делать ничего не надо — ничего и не будем. Марсианин не заяц, трепаться не станет, я его понимаю.

— А я не понимаю.

— Лопата, тебе и понимать ничего не надо. Если бы ты все понимал, то моей бы империей руководил, а я у тебя в бригадирах ходил. Все, ждем Марсианина и ничего не предпринимаем — окончательно подвел итог Степаныч.

Ковалев посидел в задумчивости полчаса. Вероника уже немного изучила его и не лезла с разговорами. Внезапно он встал.

— Поеду, вернусь... через три-четыре часа.

— Ты к Степанычу? — обеспокоенно спросила Вероника.

— Нет, — ответил кратко Николай и ушел.

Его Мерседес припарковался у деревянного барака с коммунальными квартирами. Он вошел внутрь, открыл одну из дверей. Спертый прокуренный воздух с перегаром шибанул в нос. На диване, если так можно назвать предмет, ранее точно бывшим диваном, а сейчас разваливающейся рухлядью, спал мужчина лет пятидесяти. Ковалев потряс его за плечо. Пахнувший дурно, давно не мывшийся и заросший бородой мужчина, открыл глаза.

— Че надо?

— Ты Саватеев Иван Прокопьевич?

— И че?

— Вставай, поговорить надо.

— Че мне с тобой говорить, ты кто?

— Счастье твое нежданное. У тебя документы на ОАО «Комплект», за них ты получаешь двадцать тысяч ежемесячно, я у тебя их куплю.

Мужчина показал фигу, потом вдруг спросил:

— Сто тыщ дашь?

— Да, — ответил Ковалев.

Мужик снова задумался.

— Не-е, за сто не отдам, — он начал подсчитывать, бормоча вслух, — двадцать в месяц, в год...

Он силился умножить, но у него это получалось плохо.

— В год двести сорок тысяч, — подсказал Ковалев.

— Во, двести сорок, — мотнул головой Саватеев, — тебе за триста отдам и бутылку водки в придачу — без бутылки разговор не получится.

— Договорились, завтра я привезу триста тысяч и бутылку, но ты до завтра не пьешь, иначе ничего не получишь. Поедем к нотариусу, все законно оформим и гуляй на здоровье. Но запомни — до моего приезда больше не пить, вымыться и побриться.

Саватеев вряд ли бы сдержал данное слово, но друзья-алкаши не пришли, денег не было и пить, соответственно, нечего.

Ковалев приехал с утра, Саватеев уже сидел в ожидании, спросил сразу же:

— Бутылку привез?

— Привез, но сначала вымоешься, побреешься, оденешься и поедем к нотариусу,

подпишем договор купли-продажи и все получишь.

— Не-е, бутылку сейчас или никуда не поедем, — возразил Саватеев.

— Хочешь иметь бутылку и деньги — будешь делать, что я говорю и не пререкаться, иначе ничего не получишь. Быстро в ванную мыться и бриться, потом вот этот костюм оденешь и в путь. Чем быстрее все сделаешь, тем быстрее выпьешь.

— Дай хотя бы немного глотнуть, — заныл Саватеев.

— Хочешь выпить, — Ковалев высунул из кармана бутылку, — делай, что говорю.

Саватеев попытался сглотнуть вязкую слюну, махнул рукой и ушел в ванную. Через полчаса уже вышел побритый, одел дешевенький костюм с новой рубашкой, вытащил из-под дивана папку с документами.

Нотариус ознакомился с учредительными бумагами и паспортом, подготовил договор купли-продажи согласно стоимости акций. В коридоре он снова заныл:

— Ну дай глоток — сил нет.

— До машины дотерпишь, там хоть всю бутылку выжри, — ответил Ковалев, ведя Саватеева под руку.

В машине он отдал бутылку, Саватеев трясущимися руками не смог ее даже открыть сразу, Ковалев отвинтил пробку. Третью бутылки он высосал сразу из горла, размяк и подобрел, глянул в пакет с тремя сотнями тысяч.

— Ты деньги то спрячь, — посоветовал Ковалев, — а то дружки украдут или потеряешь где. Тебя домой?

— Домой, но сначала в магазин за бутылкой еще.

Ковалев подвез его к дому, достал из кармана еще одну бутылку водки, чтобы не заезжать в магазин — предвидел такой исход заранее.

— Во, настоящий мужик, — обрадовался Саватеев, — сейчас пиджачок твой скину...

— Оставь себе, дарю.

Ковалев вернулся в машине, сразу же поехал к Степанычу.

— Через три дня тебя ждал, послезавтра. Но проходи, присаживайся, — пригласил он Ковалева.

— Зачем ждать, если раньше получилось. Я купил завод в свою собственность, готов переписать на кого скажешь.

— Не понял...

— Чего ты, Степаныч, не понял? Ты хотел алюминиевый завод, я его купил, он мой и спрашиваю на кого переписать. На тебя?

— Как ты мог его купить — он миллиарды рублей стоит. Я бы купил, но кто его продаст?

— Степаныч, ты же не Лопата, чего тупишь. Я купил завод, оформил все нотариально, он мой.

Ковалев протянул папку с документами. Степаныч долго изучал их, потом спросил:

— Все верно, но как ты смог это сделать и кто такой Саватеев?

— Ты же видишь по документам, что Саватеев — это бывший хозяин, теперь завод мой. Ты сразу пошел не по тому пути, давя на фактических владельцев. Они в смутные времена завод приобретали, оформили его на алкаша Саватеева, все хотели переписать, да руки не доходили. Я его вычислил, помыл, побрил, костюм ему купил и свозил к нотариусу, оформил куплю-продажу, как положено, дал две бутылки водки и триста тысяч рублей. Зачем действовать де-факто, надо действовать де-юре. Триста тысяч, плюс две бутылки водки,

костюм — это будет триста три тысячи двести пятьдесят семь рублей. Гони деньги и владей заводом. Мне он не нужен, я же сказал, что лет через двадцать все у тебя заберу. Можешь премиальные подкинуть за быстроту действий — не откажусь.

Степаныч какое-то время смотрел на Ковалева...

— Все так просто... и ты сейчас хозяин завода за триста тысяч рублей?

— Хозяин, документы же у тебя или все еще не верится? — ответил Ковалев.

Степаныч встал, налил себе водки, выпил.

— Не верится... купить миллиардный завод за триста рублей... не верится. Ты точно не с Марса?

— Степаныч, ты подумай, поразмышляй, документы я у тебя оставляю, а за деньгами позже приеду. Но долго не раздумывай — надо нового директора ставить, подписи в банке заменить... Сам все знаешь.

Ковалев встал и направился к выходу. Степаныч очнулся не сразу, Ковалева остановили уже у ворот и попросили вернуться. Ступор у Степаныча прошел, и он начал соображать. Восхищение и потоки слов лились рекой, Ковалев его перебил:

— Степаныч, хватит уже, на кого завод оформлять?

— Ни на кого, Коленька, ни на кого, хозяином ты будешь, администрацию я свою поставлю, барыши пополам с тобой. Ты точно инопланетянин... кому рассказать — не поверят.

— Так не надо никому рассказывать.

— Короче, Степаныч, надо сегодня назначить генерального директора и поменять подписи на банковских счетах, без меня это не сделать. А дальше сам разберешься. Лопата возьмет ЧОП и выдворит старую администрацию.

К вечеру заменили карточки образцов подписей во всех банках, где имелись счета завода, новый директор прибыл уже со своим ЧОПом. Шуму было много, но все улеглось, не обошлось и без полиции. Но собственник — есть собственник, ему решать, кто станет директором. С завода уволили только двоих — старого директора и главного бухгалтера. Вечером Ковалев вновь появился у Степаныча.

— Все в порядке — директора и главбуха поменяли, карточки образцов подписей в банках тоже. У тебя на какой-нибудь есть дома?

Степаныч открыл сейф.

— Забирай все, здесь пять деревянных, — он положил в пакет десять пачек пятитысячными купюрами, — завтра Лопату отправлю, он тебе еще подгонит. Сколько привезти?

— Степаныч, мне пока хватит.

— Тогда в баньку, сейчас девочек подгонят.

— У меня есть женщина, Лопата тебе наверняка говорил. Я — домой.

— Чем займешься?

— Я экзамены за школу сдал и в институт поступил на юридический и физико-математический факультеты. Буду учиться и сдавать экстерном, года за полтора надеюсь окончить обучение, без диплома как-то неуютно себя чувствуешь. Ты по мелочам меня не дергай, но если завод какой надо — без вопросов, — Ковалев улыбнулся, — сам приезжай, в гости приглашай — буду с Вероникой.

— Запал на нее, нравится?

— Хорошая девушка, поглядим дальше. Ты своим скажи — кто обидит, голову оторву

сразу. Давай, Степаныч, до встречи.

Ковалев вернулся домой уже по темноте. Вероника встретила его, кинувшись на шею.

— Ужинать будешь? — спросила она.

— Нет, устал. В душ и спать.

* * *

Ковалев работал за компьютером, набирая текст курсовой работы, когда в дверь позвонили. Он попросил Веронику открыть — пришли соседи, Нина Степановна с Ольгой. Они уже успели познакомиться ранее. Нина Степановна смотрела на девушек по-разному. На Веронику с грустной завистью, она понимала, что это не простая домработница, на Ольгу с упреком и жалостью — прокакала парня. Сама Ольга все еще относилась к Николаю свысока, как не пытался ей объяснить отец, что Николай не девятиклассник, а студент. На Веронику поглядывала, как на служанку, а какие могут быть отношения со слугами? Она бы сама не пошла, появилась здесь по настойчивой просьбе матери, которой хотелось все-таки соединить двух молодых людей.

— Проходите, присаживайтесь.

Ковалев пододвинул стул, Нине Степановне, Ольга села сама, глянув сверху вниз на Веронику — дескать тоже могла бы стульчик отодвинуть и придвинуть.

— Чайку или что-нибудь покрепче? — суетился Николай.

— Спасибо, Коля, можно чайку, я как раз баночку варенья принесла брусничного, очень полезная ягода, — ответила Нина Степановна.

— Сейчас, мигом организую.

Ковалев налил воды и включил чайник. Ольга фыркнула:

— Мог бы и с нами посидеть, у тебя служанка для этого есть.

Ковалев возмутился в душе, но внешне не отреагировал, не хотел обижать Нину Степановну, он уважал эту замечательную женщину. Ответил с улыбкой:

— Гости уважаемые, а у меня быстрее получается.

Видимо ответ удовлетворил Ольгу, она лишь глянула снисходительно на Веронику, которая боролась со своими чувствами. До самой себя ей не было дела — оскорбляли ее любимого человека, а за него она готова порвать любого. То ли демонстративно уйти, то ли остаться и ничего не замечать?

Ольга решила окончательно прояснить ситуацию — унижить Николая и чтобы мамочка поняла его истинное лицо, не говорила больше о нем, не просила сходить в гости.

— Коля, ты на работу не ходишь, а на что существуешь, служанок содержишь? Ты вор или грабитель-разбойник?

— Оля, — одернула ее мать.

Ольга мгновенно отреагировала с ехидцей:

— Не нравится? А что я такого сказала? Я ничего не утверждала, я просто спросила. Ответит и все станет ясно.

— Конечно, все нормально, Нина Степановна. Вы, Оля, проститутка?

Она вскочила, задыхаясь от рвущихся из горла слов.

— Как ты смеешь, плебей, говорить со мной в таком тоне, извинись немедленно.

— Что я такого сказал? Я ничего не утверждал, я просто спросил. Ответь и все станет

ясно.

— Хам, — бросила Ольга, — пойдем мама, нам здесь делать нечего.

Ольга выбежала из комнаты, Нина Степановна посмотрела на Николая влажными глазами.

— Извините, Нина Степановна. Я не собирался никого расстраивать, возьмите, — он протянул ей баночку принесенного варенья.

— Мы с Федором все старались делать для дочери, в этом, видимо, и заключается наша ошибка. Если можешь — прости, Коля.

Она повернулась и ушла, даже не взглянув на варенье. Вероника подошла к Николаю, обняла его за плечи сзади, положила голову на плечо.

— Вот так, Ника, выяснили отношения... Но это тоже не плохо в определенном ключе.

— Ты раньше никогда не называл меня Никой...

Он ничего не ответил, сел за компьютер, пытаясь настроиться на курсовую работу. Вероника не стала его отвлекать разговорами, понимая, что ему необходимо побыть в тишине со своими мыслями. Она не задавалась вопросами, где работает ее Николай, она знала, что он со Степанычем, а его подручные на фирмы к девяти утра не ездят. Она, конечно переживала, но она любила и готова была ждать Николая даже из тюрьмы.

Ковалев сосредоточился не сразу, но все же взял себя в руки и дописал курсовую работу. Потянулся довольно.

— Эх, писанины много, сдавать бы все устно, но приходится писать.

— Я не думала, что у студентов столько много письменной работы, всегда слышала, что от сессии до сессии живут студенты весело, — выразила свою мысль Вероника.

— Ника...

— Ника, — перебила она его, — мне так нравится это слово, так меня называли мама и папа.

— Ты никогда не рассказывала о своих родителях, а я не спрашивал, к сожалению. Расскажи.

— К счастью, Коленька, а не к сожалению. Я родилась и выросла в маленьком городке. Папа с мамой пили на пару, ругались, дрались. С трудом дождалась окончания школы и сбежала. Не хочу о них слышать и ничего знать. Осталось одно детское воспоминание — Ника...

— Да-а... я вообще детдомовский, но тебе, видимо, еще тяжелее пришлось. Я, Ника, не совсем обычный студент, хочу окончить университет экстерном, сдать все экзамены за год-два, поэтому учусь, сжимая время.

В дверь позвонили снова.

— Кого это опять принесло? — удивился Николай, — открой.

Вероника вернулась в зал со старшим лейтенантом полиции.

— Я ваш участковый, старший лейтенант Прохоров Сергей Леонидович, — он предъявил удостоверение, — зашел познакомиться с жильцами своего участка.

— Что ж, хорошее дело, мы тоже должны знать своего участкового, — ответил Николай.

— Вы собственник квартиры?

— Я, — ответил Николай.

— Можно ваш паспорт и ваш тоже девушка.

— Принеси Вероника, — попросил Николай.

Участковый взял паспорта, внимательно изучил их.

— Вы, Вероника Андреевна, прописаны в другом городе, работаете у Николая Петровича служанкой?

— А-а, — рассмеялся Николай, — понятно откуда ветер дует — соседка пожаловалась, дескать не работаю, служанку имею и непонятно на что живу. Я, кстати, на том же юридическом факультете обучаюсь, что и соседка Ольга, а Вероника Андреевна Доброхотова вовсе не служанка, она моя девушка, гражданская жена, если хотите.

— Вероника Андреевна, где работаете вы? Ваш муж студент, вы его содержите?

Вероника прикрыла рот, прыснув от смеха.

— Нет, Сергей Леонидович...

— У нас небольшая разница в возрасте, — перебил его участковый, — можно просто Сергей.

— Спасибо, Сережа, вы порядочный человек и не кичитесь своими должностными полномочиями, это радует. Вероника не работает, я могу позволить себе, чтобы моя любимая жена не работала, — он заметил, как радостно она напряглась, — моя трудовая книжка действительно лежит дома, хотя я мог бы формально трудоустроиться и даже получать зарплату на этой должности.

— Это было бы незаконно, Николай Петрович, — возразил участковый.

— Николай, просто Николай, — в свою очередь попросил он, — в моем случае законно, так как фактически я работаю в гораздо большем объеме, хоть и без трудовой книжки.

— Поясните, — попросил участковый.

— Я хозяин алюминиевого завода, генеральный директор выполняет мои стратегические указания, ходит на работу ежедневно, занимаясь тактикой. Я звоню, появляюсь на заводе, когда возникает в этом необходимость, вырабатываю производственную политику. Соседка Ольга не знает об этом, и вы ей не говорите. Стукачество — дело дрянное, но я не обижаюсь на нее. Ее заело, что в этой квартире не она хозяйка, но это ее проблема.

— Понятно, — улыбнулся участковый, — решила насолить вам хоть как-то. Я, естественно, ничего не скажу ей, вы меня извините за вторжение.

— Извиняться не стоит, это ваша работа — проверять сигналы. Зато вы теперь знаете, что на вашем участке живет не совсем порядочная особа, которой нельзя верить с первого взгляда. Я бы вообще таких личностей не допускал к юриспруденции, именно такие шьют дела потом белыми нитками. Рад был познакомиться, Сергей, порядочным людям всегда готов оказать помощь и содействие.

Он проводил участкового до дверей. Вероника ожидала его в зале, дрожа всем телом и смотрела влажными глазами. Он понял почему.

— Да, Вероника, ты не служанка, не домработница, не проститутка, извини за это слово, ты моя женщина и гражданская жена. Ты против?

Она зарыдала, кинувшись ему на грудь.

— Чего же ты плачешь, Ника. Ну, не говорил раньше, извини, ты мне в первый же день понравилась. Нет больше фиктивной домработницы Вероники даже для моих соседей — есть моя жена Ника.

Он взял ее на руки и закружил по комнате, чувствуя, как она прижимается к нему всем телом, поставил на пол. Вероника смахнула рукой слезы, заглянула в глаза и спросила:

— Ты меня любишь, Коленька?

Она ждала ответа с волнением и надеждой. Николай приложил пальчик к ее губам.

— Дай пальчик женщине — она и руку откусит. Да, Ника, я люблю тебя, — ответил он с улыбкой, смахивая остатки слез с ее лица.

Она прижалась к нему всем телом, тихо зашептала на ушко:

— Как я давно ждала этих слов, милый мой и любимый Коленька, как ждала... ты мой, только мой и я тебя никому не отдам. Слышишь любимый — ты мой, самый, самый любимый...

Она снова заплакала.

— Извини, Коленька, это от счастья, я так боялась, что никогда не дождусь этих слов. Надо радоваться, а я плачу, дура.

Он достал платок и протянул ей.

— Мы сейчас отпразднуем с тобой приход Ольги к нам, выпьем по рюмочке. Я — коньяк, а ты винцо.

Вероника отпрянула и напряглась.

— Приход Ольги?

Он заметил, что ее кулачки сжались и побелели на костяшках, взял руку, поцеловал.

— Формально... если бы она не появилась — ты бы все равно узнала о моих чувствах, но гораздо позднее. Возникшая ситуация подтолкнула меня к признанию, но и ты ведь не говорила мне о любви.

Вероника расслабилась, вздохнула...

— Я не могла, Коленька, сказать тебе первой, но, наверное, все равно бы сказала позже. Ты меня взял из публичного дома, сделал домработницей. Я не могла навязываться...

Николай прикрыл ее рот своими пальчиками.

— Больше ни слова... так бывает — любят два балбеса друг друга и молчат, у каждого свои веские причины к этому. Я ведь тоже должен был понять — по работе ты со мной или по душе. Но все выяснилось и я доволен.

Он достал коньяк, вино, бокалы.

— Мы вместе и я тоже выпью с тобой коньяк. Но не за Ольгу — за нас с тобой, за любовь, за участкового хотя бы, но не за нее.

Николай налил, подал бокал Веронике, поднял свой.

— Согласен, за тебя, любовь моя.

— За тебя, мой Коленька, — ответила Вероника.

* * *

Ковалев спал плохо, ворочался постоянно. Вероника совсем не спала, приподнялась на локте, вглядываясь в темноте в его лицо и стараясь понять, что тревожит ее любимого. Но виден был лишь силуэт вместо лица. Она думала, что снится плохой сон и уже хотела разбудить его, но он проснулся сам и резко поднялся, оставаясь сидеть на кровати.

— Ты не спишь, Ника, я ворочался, не давал?

Она заметила, что он тяжело дышит.

— Плохой сон приснился? — спросила она.

— Если бы сон, — ответил он непонятно, — вставай и иди сюда, — он подвел ее к углу шкафа, как бы пряча за ним, — стой, не высовывайся и молчи.

— Что случилось, Коля? — спросила она тихо.

— Молчи, — он закрыл ее рот ладонью, — молчи и не высовывайся.

Ковалев резко отпрянул к двери в спальню и встал у стены. Дверь медленно открылась, появился силуэт мужчины и послышались два тихих выстрела: пу, пу, пули со шмяком впились в основания подушек. Ковалев резко ударил силуэт по шее, тело свалилось со стуком на пол. Он включил свет — мужчина в маске и с пистолетом в руке лежал на полу, Вероника, сжавшаяся в комочек за шкафом, смотрела округленными глазами то на Николая, то на лежавшего на полу неизвестного в маске.

— Скотч носи быстро, — скомандовал он.

Вероника, все еще дрожа от страха, метнулась в бытовку, принесла скотч. Николай замотал руки мужчины за спиной, сдвинул на лоб маску — он не знал его, и задвинул ее обратно.

— Меня только что хотели убить и тебя заодно. Кто он — не знаю. Ты оденься и сиди в зале, я вызову полицию.

Вероника мотнула головой и заревела. Николай осадил ее:

— Не до слез сейчас, Ника, пугаться позже будем, оденься и иди в зал.

Она затрясла согласно головой, все еще всхлипывая, стала надевать платье.

— Накинь халат и достаточно, — посоветовал Николай.

Он принес целлофановый пакет, вывернул его, взял пистолет с глушителем, заворачивая его в пакет, унес с собой в зал и позвонил:

— Алло, полиция... Это хозяин алюминиевого завода Ковалев, меня только что пытались убить в собственной квартире, приезжайте, адрес... — он продиктовал адрес и положил трубку.

Слова про алюминиевый завод подействовали, оперативная группа прибыла быстро. Хозяин дома рассказал вкратце ситуацию, эксперты приступили к работе. Уже знакомый Николаю следователь Киринос допрашивал Ковалева на кухне, он пояснял:

— Убийцу не знаю, ранее не встречал. Я хозяин алюминиевого завода и заказчик, я полагаю господин полковник, вам хорошо известен — это бывший фактический собственник завода депутат Шевелев. Конкретными фактами не располагаю — это мое личное мнение.

— Почему вы считаете, что мне известен заказчик, мне он совсем неизвестен, но надеюсь это установить в самое ближайшее время, — отпарировал полковник.

Ковалев не стал настаивать на сказанном, хотя отлично знал, что он прав. Допрос Вероники Кириносу ничего не дал, она лишь всхлипывала постоянно, говорила, что спала и ничего не знает.

— Но вас же не было в постели, когда преступник стрелял, значит вы не спали, где вы находились в момент выстрела? — спрашивал полковник.

— Я спала, Коля меня схватил и поставил за шкаф, сказал молчать и не шевелиться, сам отошел к двери. Я ничего не понимала, потом он включил свет, и я увидела этого... на полу.

— Кем вам приходится господин Ковалев?

— Коля мой муж... гражданский.

Осмотрев замок на входной двери и изъав отмычку у преступника, пистолет и пули из подушек, следственная группа удалилась. Мужчину в маске увели еще раньше.

Киринос глянул на часы — пять утра и не стал звонить в квартиру соседям, оперативники опросят их позже. Но дверь открылась, выглянула Нина Степановна.

— Что случилось? — спросила она, недоуменно разглядывая полицейских и

гражданских лиц, — услышала шум на площадке.

— Раз уж вы не спите, то позвольте переговорить с вами, следовательно Кирносов Павел Аркадьевич, следственный комитет области. Позвольте войти?

— Да, заходите, но что случилось? Проходите на кухню, мои спят, наверное.

— Не спим мы, — послышался голос Ольги из комнаты, — что случилось? — спросила она, заходя на кухню.

— Вы что-нибудь слышали ночью, шум, возню на площадке? — спросил следователь.

— Вы кто?

— Это, Оленька, следователь, — пояснила мать, — мы ничего не слышали, вернее я услышала разговор, открыла дверь, а там вы. Но что случилось то?

— Видите ли...

— Нина Степановна, — подсказала она.

— Нина Степановна, что вы можете рассказать о ваших соседях напротив?

Ольга фыркнула сразу же, заговорила вперед матери:

— Соседи, какие соседи? Напротив один сосед — хам и вор.

— Оля, — одернула ее мать, — как ты можешь так говорить...

— Говорю, как есть, и не надо мне рот затыкать — хам и вор. Я даже к участковому инспектору обращалась по этому поводу, но сосед, видимо ему заплатил. Участковый заявил, что наш сосед человек честный и не вор абсолютно. Но я то точно знаю — он квартиру купил, Мерседес, а сам нигде не работает. Вопрос напрашивается сам собой — откуда деньги? Ворует, естественно, или грабит. У него служанка одета лучше меня в сто крат. У меня мама директор школы и папа доцент, но они не могут себе позволить купить такую одежду дочери.

— Понятно, — ухмыльнулся Кирносов, — вы из-за одежды так на своего соседа злитесь? О какой служанке вы говорите?

— При чем здесь одежда, — хмыкнула Ольга, — живет у него тут одна, Вероникой зовут.

— Оля, прекрати немедленно, вы не обращайте внимания Павел Аркадьевич, наш сосед очень замечательный молодой человек, вежливый и приятный. Я, конечно, не знаю, где он работает, но такие люди к воровству не способны.

— Не способны, вечно ты все идеализируешь мама. Даже если он где-то работает, то на зарплату в двадцать лет не купишь крутую машину и квартиру. Вор он и есть вор.

— Вы чем сами занимаетесь, Оля? — спросил следователь.

— Второй курс юрфака, — гордо ответила она.

— Жаль, но не мне решать, я бы вас к юриспруденции на километр не подпустил. Обвинять человека, не располагая фактами — не хорошо и даже преступно. Вам же объяснил уже участковый, что Ковалев не ворует. Участковый — лицо официальное, а вы все еще продолжаете клеветать на соседа.

— Клеветать? — возмутилась Ольга, — откуда у него тогда деньги?

— Вас, видимо, деньги соседа волнуют больше собственного кармана, и я догадываюсь почему. Я не знаю сколько у него денег, но вполне обоснованно могу предположить, что он не миллионер.

— Естественно, не миллионер, не успел еще наворовать в свои двадцать лет, — отпарировала мгновенно Ольга.

— Вполне обоснованно могу предположить, — продолжил Кирносов, словно не замечая

ее реплики, — что ваш сосед господин Ковалев долларовый миллиардер. И он не обязан докладывать молодой соседке о своих источниках дохода. А Вероника совсем не служанка — она жена господина Ковалева, и он может позволить себе одевать жену в более дорогие вещи. Скромность украшает человека, но скромность соседа вас раздражает. И Бога благодарите, что бы сосед на вас заявление не написал, я бы лично таких студентов юрфака за клевету привлек и из университета выгнал с позором.

Кирносков повернулся и ушел, оставив опарашенных Ольгу и ее мать, так и не сказав про покушение на соседей.

В восемь утра Николай решил поехать к Степанычу, чтобы воспользоваться его определенными ресурсами, но Вероника прижалась к нему не желая никуда отпускать.

— Коленька, я боюсь одна оставаться в этом доме, боюсь, вдруг еще кто-нибудь придет убить нас.

— Преступник уже обезврежен, ты знаешь.

— Не он же хотел тебя убить и меня заодно, он делал это за деньги. Тот человек может нанять другого, ты его знаешь?

— Знаю, Ника, хорошо знаю, он действительно попытается снова, но ему нужно время, несколько дней мы можем жить в безопасности. Если боишься, я тебя понимаю, поедем вместе к Степанычу.

— К Степанычу... я не могу к Степанычу...

— Я знаю, что ты бывала в его сауне, но не думай об этом, тебе от меня скрывать нечего. Сердцу не прикажешь, ты мне очень дорога, Ника. У Степаныча никто не посмеет обидеть тебя и пальцем не прикоснется, не заикнется. В жизни тебя еще не раз ткнут прошлым и в самый неподходящий момент. Будь выше этого, ты моя жена, Ника, и должна быть на высоте, давая достойный отпор разного рода пускателям слухов. Ты поняла?

— Да, Коленька, я все поняла, едем к Степанычу.

У ворот он долго сигналил, наконец вышел заспанный охранник.

— Ты че распикался, мужик... Ой, извини, Марсианин, не узнал.

Он побежал открывать ворота. Ковалев въехал, продолжая сигналить, чтобы разбудить Степаныча. Он встал недовольный, ему сразу же доложили, что приехал Марсианин с бабой.

— Ты эту женщину бабой при нем не назови — голову тебе оторвет, а я, вдобавок, и язык вырву. Все понял? Запал он на нее и это его личное дело. Приглашай Марсианина в гостиную вместе с Вероникой, так зовут эту женщину. Я сполоснусь и приду.

Николай с Вероникой сели в гостиной, включили телевизор, ожидая Степаныча. Он появился минут через десять, Николай поздоровался за руку, отвел его в сторонку и прошептал что-то на ушко. Степаныч посмотрел на него внимательно, покачал головой, потом улыбнулся и велел собрать всех людей во дворе. Николай пояснил Веронике:

— Степаныч толкнет маленькую речь и вернется к нам, так надо.

Вероника не слышала, что говорил во дворе Степаныч, но заметила, что на нее стали смотреть по-другому, а Степаныч во дворе сказал своим людям следующее:

— Марсианин приехал со своей женщиной, некоторые из вас ее знают, если кто прошлое вспомнит — голову оторву. Зовут ее Вероника Андреевна, именно так будете к ней обращаться. Это касается всех, тебя тоже, Лопата, и тебя Корней.

Он вернулся в дом.

— Ты рано приехал, Коля, что-то случилось?

— Ночью нас пытались застрелить в собственной квартире. Я чудом успел, убийца

выстрелил два раза по пустой постели, и я его задержал. Следствие Кирносов ведет, ты его знаешь. Надо кое-какие детали обговорить. Ты, Вероника, сейчас иди, тебе комнату выделят, отдохни, поспи, покушай, почувствуй себя здесь, как дома. Никто не посмеет тебя здесь обидеть, ты здесь под защитой Степаныча, это брони надежнее.

— Да, Вероника, тебя проводят, что скажешь — исполнят. Отдохни выспишься, телевизор посмотри, — Степаныч позвонил в колокольчик, приказал вошедшему: — Проводи Веронику Андреевну в гостевую комнату отдыха, пусть кто-нибудь всегда рядом с ней будет — завтрак подать, принести что-нибудь. Все указания ее выполнять, как мои.

— Иди, Ника, иди, нам серьезно поговорить надо, — попросил в свою очередь Николай. Когда она ушла, Николай сообщил Степанычу:

— Это депутат Шевелев, ему раньше фактически принадлежал завод. Лишиться такого источника дохода... Сейчас он волосы рвет на собственной заднице, что вовремя не переписал завод на более подходящего человека. Но юридически ничего сделать нельзя, купля-продажа удостоверена нотариусом. Он понимает, что нити ведут к тебе, Степаныч, попытается и тебя убрать. Задумка его достаточна проста — убивает собственника, у которого нет наследников, потом тебя, чтобы не мешался под ногами, маракует липовое мое завещание и появляется другой собственник завода. Меня нет, тебя нет — кто опровергнет завещание, заверенное его нотариусом?

— Мотив у Шевелева достаточный, ты хочешь убрать его? — спросил Степаныч.

— Нет, хочу посадить.

— Посадить депутата не так-то просто.

— Затем к тебе и приехал, Степаныч, времени у нас в обрез. Следствие в один день не делается, наверняка Шевелев уже ищет нового киллера, даже двух. Он быстрее найдет, чем мы его посадим. Пока у меня только вот эта запись имеется.

Ковалев сунул диск в компьютер, на экране монитора появился Шевелев и Кирносов.

— Кирносов, сучонок, не только на меня, но и на Шевелева пашет, — возмутился Степаныч.

— Ты смотри и слушай. Кирносов здесь достойно себя ведет. Я намекнул ему о Шевелеве, что он знает заказчика, но он испугался и не признает эту встречу, если его фактом не припереть.

Степаныч смотрел и слушал разговор. Николай перемотал немного, чтобы не слушать беллетристику:

«Паша, ты знаешь, что алюминиевый завод фактически мне принадлежал».

«Откуда, мне сие неизвестно, вы депутат и в своей декларации не указывали его, как источник дохода».

«Не финти, Паша, все ты прекрасно знал или хотя бы догадывался. Сейчас собственник завода некий Ковалев, зачуханный мальчишка. Сам по себе он никто, но за ним Степаныч стоит, теперь это его завод. Ты вот что должен сделать, Паша, ты посади этого Ковалева — наркоту подбрось или пистолет какой. Статья меня не интересует, мне надо, чтобы он в камере оказался, а дальше я сам разберусь и со Степанычем тоже. Твоя задача посадить мальчишку. Могу налом рассчитаться или процент с заводского дохода будешь иметь. Что предпочитаешь — процент, скажем пять, или лимон баксов?»

«Я не сажу невиновных, вы не по адресу обратились, господин депутат. Будем считать, что разговора не было».

Кирносов встал и ушел. Николай выключил компьютер.

— Сильная запись, — произнес Степаныч, — но ее мало, тем более что депутатов нельзя записывать. Кроме шумихи она нам ничего не даст.

— Пока не даст, — возразил Ковалев, — нужен грамотный и надежный бэпник, в паре с Кирносовым они сварят кашу.

— Такой человек у меня есть, профессионал и на привязи, работать будет, как лошадь. Но почему ты считаешь, что Кирносов ему помогать будет, он из уголовного розыска и в экономике не петрит. Да, он оказывал мне некую помощь иногда, но он из правильных ментов, как о таких говорят.

— Будет, из-за своей честности и будет. Мы же его не станем просить о фальсификации, пусть занимается расследованием в рамках закона, нас иногда информирует и бэпника, пусть они в паре работают. Когда прижмем Шевелева экономически, он и на заказ расколется. Палку срубит Кирносов, твой бэпник и нам станет жить спокойно. Никто меня, как хозяина завода, не обвинит потом в незаконном приобретении, давлении на следствие или в махинациях, а их на заводе полно было. Нам это политически выгодно, убрать Шевелева физически и снять проблему — не вопрос, но политически не выгодно. Отмывайся потом от его махинаций — дескать не я это, а старый хозяин.

Ты прав, Коля, еще раз убеждаюсь, что голова у тебя варит, что надо. Рукосуев Виталий Сергеевич, полковник БЭП, надеюсь тебе подойдет. Он отделом командует в управлении, может вполне этим вопросом заняться. Кстати, они друзья с Кирносовым.

— Тогда я на полковника сам выйду, а ты подстегнешь его позже.

— Добро, Коля, договорились. Сейчас нам надо о себе подумать. Я в коттедже под охраной, а ты колосок в поле — заходи с любой стороны.

— Я о себе не волнуюсь, киллеру меня не взять, о Веронике беспокоюсь и о тебе, Степаныч.

— Ты обо мне не волнуйся, я тоже не лыком шит. О Веронике вот надо позаботиться. Смотрю я на тебя — запал ты на нее сильно. Влюбился, жениться думаешь?

— Влюбился, Степаныч, это точно. Необыкновенная она женщина и не знаю, чем покорила, причем сразу. Может ростом своим громадным, может любовью своей — она меня тоже любит. В ЗАГС пока не пойду, с делами надо разобраться, а потом и о свадьбе думать.

— Да-а, ростом ее Бог не обидел. Ты тоже не маленький, а она тебя на голову выше. Сколько у нее?

— Метр девяносто с хвостиком, — ответил с улыбкой Николай, — почти два.

— Кстати, вспомнил, у меня же коттедж рядом освободился, сосед съехал и не знает кому продать домишко. Все, как у меня, только банька похуже. Траходромы тебе не нужны, как я понимаю, а вот бассейн в той баньке надо бы обновить. Внутренние работы за месяц проведут. Берем коттедж?

— Надо бы сходить, посмотреть его.

— Планировка такая же, но сходим, глянем. Чего резину тянуть — пойдем прямо сейчас.

— Пойдем, если Вероника не спит, — ответил Ковалев.

Они прошли втроем в соседний коттедж — территория неухоженная, летом не проживал никто, но все поправимо. Внутри требовался косметический ремонт. Банька таких же размеров, но с маленьким бассейном и множеством спален.

— Берешь? — спросил Степаныч, — ремонт в доме за несколько дней проведем, в бане спальни снесем, оставим парочку на всякий случай, бассейн расширим.

— Никаких парочек, — возразила Вероника.

— Слушаюсь, госпожа, — с улыбкой ответил Степаныч, — смотрю я на вас и завидую. Я ведь тоже когда-то любил, но закон не позволял жениться, так и прожил бобылем всю жизнь. А сейчас ни жены, ни детей, ни закона прежнего, ничего нет. Ты, Вероника пока у меня поживешь, пока все не уладится, через недельку в коттедж можете въехать, а баньку по ходу доделаем, в душе помоетесь или у меня попаритесь.

Они вернулись назад, Николай позвонил Кирносову:

— Здравствуйте, Павел Аркадьевич, это Ковалев. Хотел бы с вами встретиться и не только с вами. У вас есть надежный сотрудник БЭП, которого бы вы могли рекомендовать для расследования этого дела?

— Здравствуйте, Николай Петрович, встретиться могу, однако БЭП покушениями и заказными убийствами не занимается.

— Павел Аркадьевич, вы же понимаете, что все упирается в экономику, и заказчика легко выявят бэпники.

— Начальник отдела полковник Рукосуев вас устроит?

— Вполне, жду вас вместе у себя дома через час. Сможете?

— Подъедем, — ответил Кирносов.

Ковалев встретил полковников, провел их в гостиную.

— Виталий Сергеевич, извините, всего два слова Павлу Аркадьевичу наедине, мы в кухню пройдем.

На кухне он шепнул тихонько Кирносову:

— Хотелось бы, чтобы вы перед разговором знали определенную информацию — у меня есть оригинал видеозаписи вашей беседы с Шевелевым. Вы там отказались подбросить мне пистолет или наркотики, спасибо. Будем считать, что Шевелев сам эту запись сделал, а ко мне она случайно попала. Пойдемте к Рукосуеву?

— Пойдемте, — никак внешне не отреагировал Кирносов.

— Господа, — начал Ковалев, — исполнитель взят с поличным, заказчик тоже известен, это депутат Шевелев, бывший фактический собственник завода. Но доказательств пока нет.

— И киллер утверждает, — добавил Кирносов, — что вошел в квартиру с целью кражи, никого убивать не собирался, а выстрелил с испугу. Я думаю, что он на этом будет твердо стоять — это другая более легкая статья. Покушение на кражу и незаконное ношение оружия — дадут года три, а не пятнадцать.

— Киллера расколоть труда не составит, если не сможете сами, то дайте мне две минуты в вашем присутствии — выложит все, как на блюдечке. Даже говорить сейчас об этом не желаю. Вы, Виталий Сергеевич, должны приехать на завод с выемкой, я скажу, когда. Бухгалтерия подготовит вам документы, которые вы изымите и проведете финансовую экспертизу. Она покажет, что денюжки с завода уходили в карман Шевелева через ряд подставных фирм, а частенько и прямо ему в руки. Бывший директор и главбух скрывать это не станут. Остальное, полагаю, разжевывать вам не надо.

— Вы прямо кудесник, Николай Петрович, все за нас сделали, — ухмыльнулся Рукосуев.

— Не кудесник, Виталий Сергеевич, не кудесник, вам работы еще предстоит немерено. Заранее спасибо. По рюмочке коньяка? — спросил Ковалев.

— Я за рулем, — ответил Киринос.

— Тогда и я не стану, — поддержал его Рукосуев.

Они ушли, Рукосуев спросил товарища у машины:

— Что скажешь, Паша?

— Похоже, что Ковалев прав. Посмотрим. Как говорится — следствие покажет.

Пока Николай занимался с правоохранительными органами и завод готовил определенные документы, Вероника занялась ремонтом коттеджа и благоустройством территории. Выросшую за лето траву и теперь пожухшую, но еще не засыпанную снегом, скосили и убрали. С дизайнером, который обставлял ранее квартиру Николая, она обсудила мебель и теперь ее завозили, устанавливая по этажам.

Степаныч иногда заходил в соседний коттедж, смотрел на Веронику и удивлялся ее энергичности и деловитости. Совсем недавно могла еще только раздвигать ножки, а сейчас превратилась в деловую хозяйку без напыщенности, властолюбия и превосходства над работягами. Разговаривала уверенно, вежливо, требовательно, не унижая рабочих, прислугу и охрану. Выросшая из самых низов, она понимала, что у каждого человека есть душа, чувства и как легко обидеть подчиненного, который не может дать достойный ответ. Он просто умилялся, как она относилась к Николаю — вся светила при его появлении, менялось выражение лица и даже глубина глаз, наполненных нежностью и любовью. Казалось, что она, высоченная ростом, сейчас возьмет его на руки, прижмет к груди, станет убаюкивать и петь песенки. Как-то он спросил Николая:

«Тебя Вероника на руках не носит? Если бы у нас был матриархат, то ты бы пешком не ходил».

Николай улыбнулся в ответ:

«Хорошая девушка, правда?»

Он редко бывал дома — то встречи с Рукосуевым и Кирносовым, то экзамены в университете. К концу октября он сдал уже все зачеты и экзамены за первый курс на обеих факультетах.

«Знать законы — понятно, но зачем тебе физ-мат»? — спрашивал Степаныч. «Математика ум в порядок приводит, физика явления природы объясняет. И потом, Степаныч, мне это все не в тягость, писанины только много, но ничего, справляюсь».

В начале ноября следственный комитет представил неоспоримые доказательства Государственной Думе, и она лишила статуса депутата Шевелева. Он был немедленно задержан и арестован. Пытался все отрицать, но став девочкой в камере, сознался во всем. Его опустили за изнасилования, которые вменялись в числе вымогательств, мошенничества, организацию покушения заказного убийства двух и более лиц. Позже суд по совокупности совершенных преступлений отмерит ему пожизненный срок. А пока, рассчитывая на снисхождение, он отдавал Николаю номера и коды своих счетов, оформленных на него, жену, сына и дочку в Швейцарии, Англии, Германии. Наворовал он много и не только на алюминиевом заводе. Переведя все деньги, Ковалев стал владеть состоянием в девятнадцать миллиардов долларов. Следствие так и не добилось от него счетов и места нахождения похищенных денег. Но Шевелев, видимо, решил покаяться перед Богом, отдавая нажитое преступным путем состояние Ковалеву. Николай принял его, как должное, не вмешиваясь в судебный процесс. Жена и дети Шевелева поняли, что оказались практически нищими, но сделать уже ничего не могли, у них остались квартиры и машины, некоторая недвижимость за границей, продав которую они жили совсем не бедно.

Любящая женщина Вероника чувствовала Николая душой и понимала, когда он хочет подумать, не лезла с разговорами, стараясь даже не ходить мимо и не шуметь. Чувствовала,

когда он хочет покушать и что именно, понимала, когда подойти с ласками.

Вероника в гостиной смотрела телевизор немного с приглушенным звуком, чтобы не мешать мыслям Николая. Он, сидя на диване в другом конце гостиной, смотрел на нее, совсем не думая ни о чем. Смотрел на лицо, грудь, талию и ножки в эротичных чулках. Халатик сдвинулся немного, оголяя ажурный пояс чулка и вызывая учащенное дыхание. Очень длинные и стройные ножки Вероники всегда вызывали в нем возбуждение. Он подошел к ее креслу, присел на корточки, сдвигая рукой халатик до живота, погладил шелк чулок, поднимаясь выше. Вероника приподняла таз, он снял с нее трусики, встал. Брюки уже слетели с него, а крепкие мужские руки приподняли девушку за подмышки. Она обвила его ногами, держась за шею, чувствуя входящего мальчика. Мужские ладони на ягодицах двигались слегка вперед и назад, Вероника постанывала, откинувшись на длину своих рук от Николая. Потом прижалась всем телом в изнеможении, чувствуя пульсацию внутри и замерла. Николай так и ушел в ванную в объятиях Вероники.

Позже она снова села в свое кресло, продолжая смотреть телевизор, а он на диван. Но думать ни о чем не хотелось.

— Ника, сходи к гинекологу, — вдруг заговорил он, — ты поясняла, что у тебя спиралька стоит, надо бы ее убрать. И съезди в магазин, подбери себе свадебное платье. Я бы поехал с тобой, но мужчинам не полагается смотреть на невесту в наряде до свадьбы. Вряд ли найдется нужное, скорее всего тебе придется делать заказ, денег не жалей, закажи из Франции, например. Определишься с нарядом, тогда и срок свадьбы наметим. Пора тебе из гражданской жены переходить в законную.

Она подошла к нему, села рядом, прижимаясь грудью.

— Ника, — отодвинул он ее немного в сторону, — такую красавицу, как ты, я хочу всегда, не искушай до вечера, мне еще новую курсовую писать, с людьми некоторыми надо встретиться. Да, курсовая подождет, поеду на встречу.

— Ты никогда не берешь меня с собой, Коленька...

— В деловых разговорах — третий лишний, — ответил он, — мне ты не мешаешь, но партнер будет чувствовать себя неуютно и скованно, не сможет говорить откровенно.

Он подъехал к ресторану и сел за столик напротив мужчины лет шестидесяти. Мужчина видел, что рядом много свободных столиков, он знал Николая заочно и не возразил против его присутствия.

— Я слышал, что вы, Николай Степанович, собираетесь на пенсию. Чем думаете заниматься?

— Вы, господин Ковалев, хотите мне что-то предложить? — ответил он вопросом.

— Возможно, но мне бы хотелось знать, что вы не намерены копать на грядках в огороде.

— Грядки — это хорошо в свободное время. Мы немного знаем друг друга заочно и, полагаю, не станем ходить вокруг да около. Насколько вы тесно связаны со Степанычем?

— Воровские законы уже не те, что раньше, вы это знаете не хуже меня, Николай Степанович. Все легализуется, бойцы превращаются в охранников ЧОП с правом ношения оружия на службе.

— Но крышевание осталось.

— Да, но оно тоже видоизменяется и крыш становится больше уже у правоохранительных органов, которые находятся на противоположном полюсе от Степаныча. Но все это беллетристика. Да, у меня есть некоторые взаимоотношения со

Степанычем, у нас рядом коттеджи, — Ковалев усмехнулся, — и я предпочитаю вместо рейдерского захвата законное приобретение. Все должно быть экономически просчитано и обосновано. Кто больший преступник на сегодняшний день, бывший депутат Шевелев или вор в законе Степаныч? Ответ однозначен, но мы еще живем по накатанным и привычным положениям. Ой, какой плохой Степаныч, ой, какой хороший Шевелев. Да, оступился он, но он же не вор в законе. А я не вор в законе и оступаться не собираюсь. Однако в исключительных ситуациях предпочту встать на сторону общечеловеческой морали, чем на сторону официального закона. Но не стану об этом кричать. Есть такой фильм «Белая стрела» и я не осуждаю этих бойцов, но подобными методами не воспользуюсь. Мне было бы гораздо легче завалить Шевелева, и он этого заслуживает, но я его посадил пожизненно. Вы хотели услышать именно эти краткие тезисы о своей будущей работе?

— Вы уже знаете мою будущую работу, Николай Петрович?

— Вы сами предложили не ходить вокруг да около. Вы честный офицер, генерал, служили отечеству и состояния себе не нажили, в отличие от многих других незапачканных, но с гнильцой внутри. Силы еще есть для работы, денег для собственной фирмы наверняка нет. Начальник службы безопасности крупного предприятия — кем другим вы еще можете устроиться? Мне кажется, что вы бы все-таки предпочли охранно-детективное агентство, но на его создание нужны деньги. Бегать в шестерках в подобном агентстве — разве вы этого заслуживаете?

Генерал Карнаухов смотрел на молодого человека — учится на двух факультетах сразу, приобрел алюминиевый завод даром, причем на законных основаниях. Он знал, что Степаныч давно мечтал об этом заводе и готов был выложить за него кругленькую сумму, а Ковалев купил его, словно газетный киоск. Деньги у него сейчас, понятное дело есть, и голова тоже. Почему бы и не поработать с таким.

— Вы хотите учредить охранно-детективное агентство, а меня назначить директором?

— Совершенно верно, Николай Степанович. Если согласны, то действуйте, оформляйте предприятие, подбирайте помещение, штат и так далее. Я даю вам полную свободу действий, не бойтесь разворачиваться широко. Возможно придется поработать и за границей. Пока возьмете под охрану мой коттедж, завод, там сейчас ЧОП Степаныча работает. Набирайте людей разведки и контрразведки, охранников, техническую службу, топтунов. Маленькое гражданское ФСБ, так сказать. Впрочем, вы лучше меня все знаете.

— Я, пожалуй, соглашусь, Николай Петрович.

— Отлично! Действуйте, звоните, приезжайте без стеснения. Оформите бумаги и откроете счет — необходимая сумма там появится сразу же. Адрес и телефон знаете? — Карнаухов согласно кивнул головой, — тогда всего доброго.

Ковалев пожал руку и удалился. Еще одно дело сделано.

Через несколько дней Вероника вернулась из города осунувшаяся и заплаканная. Проща в гостиную, прилегла на диван, положив голову на колени Николаю.

— Что случилось, Ника?

Она ответила не сразу, плача молча и вздрагивая грудью, слезы капали прямо на брюки Николаю. Он не торопил ее, поглаживая рукой волосы.

— Я у врача была, Коленька, спиральку убрали. Доктор сказал, что у меня опухоль, нужна операция... детей у меня никогда не будет. Теперь ты меня бросишь, Коленька?

Она повернула голову, ища ответа в его глазах. Он поднял ее, смахнул слезы рукой...

— Дурочка ты Ника, ты моя женщина, а я своих не бросаю. Одевайся, поехали.

— Куда?

— Есть одно местечко, вытирай слезы и едем.

Вероника села на пассажирское сиденье джипа, слезы постепенно высохли. Она ехала молча, не задавая больше вопросов. Ее любимый был рядом, а куда они ехали — ей было все равно. Через сто километров джип свернул в поле, проехал еще несколько километров и остановился у небольшого холма. Начало ноября, но снега еще не было, трава пожелтела и полегла. У подножия холма проходила видимая граница, за которой травы практически не было, словно ниже шел дождик, а выше не падало ни капли.

Николай взял ее за руку и повел по холму наверх. На вершине остановился и отошел немного в сторону. Из-под земли появился необычно светящийся луч, приподнимая Веронику на полметра вверх, она парила в лучах невесомости, ощущая странное пронизывание всего тела. Казалось, что кто-то невидимый начинает ощупывать ее пальчики на ногах, потом ступни, икры, бедра, таз, живот, грудь, руки, шею и голову. Кто-то копошится в ее позвоночнике и голове, а она все парит в невесомости. Луч стал постепенно исчезать, и Вероника опускалась на землю. Встав крепко на ноги, она почувствовала прилив, сил, энергии и внутренней силы. Николай тихонько произнес:

— Пойдем.

Они вместе спустились с холма, Вероника набрала полную грудь воздуха, выдохнула и, словно очнувшись, спросила:

— Что это было?

— Ничего, — ответил он, — ты все сама знаешь.

— Ну да, — согласилась она, — чего это я...

Они вернулись домой уже в темноте, словно ничего не произошло. Она не помнила, что была на холме, решила, что Николай возил ее проветриться, не задавала вопросов откуда у нее появились знания, словно она всегда знала языки, законы физики, математики, химии, биологии и так далее. Она знала, что у нее нет никакой опухоли и вообще не вспоминала свой визит к врачу. Обычный домашний вечер с любимым мужчиной и ничего более.

* * *

Ковалев арендовал небольшое помещение под офис, где принимал с докладами и отчетами директора и главного бухгалтера завода, руководителя вновь созданного охранно-детективного агентства «Беркут».

Генерал в отставке Карнаухов доложил, что штат укомплектован больше чем наполовину, служебное помещение перестроено, отремонтировано, имеется оружейная комната, соответствующая необходимым параметрам, агентство готово к работе.

— Николай Петрович, — продолжил Карнаухов, — извините, но вы по молодости несерьезно относитесь к личной охране. Вы и ваша супруга перемещаетесь вообще без нее, а в коттедже дежурит всего один вооруженный охранник, открывающий-закрывающий ворота, пропускающий или не пропускающий к вам добропорядочных граждан. Преступникам один человек не помеха, а вас, насколько мне помнится, уже пытались убить. Соответствующая охрана вам жизненно необходима.

— Благодарю, Николай Степанович, за заботу. Вы элементарно не знаете, что я и Вероника киллерам не по зубам. Словам вы все равно не поверите. А доказывать на

практике у меня времени нет. Поэтому отнесемся к данному факту по-военному — я начальник, вы подчиненный, доложили, но командир принял другое решение, отдал приказ, а приказы, как известно, не обсуждаются. Второго охранника к воротам поставьте, а то приедешь, а он в туалете — жизненная ситуация, — улыбнулся Ковалев. — Хвалю за организацию охраны на заводе с функциями разведки и контрразведки. Но я вас пригласил, чтобы поручить серьезную работу.

Он встал, налил воды и включил чайник.

— Попьем чайку, разговор предстоит долгий. Секретаршу еще не завел, да и в этот офис не стану, рядом здание строится пятнадцатизэтажное с хорошей парковкой, займу там пока два этажа под управляющую компанию, остальные этажи сдам в аренду. По мере увеличения штата арендаторов стану немного теснить. Но это в будущем.

— Управляющая компания?

— Совершенно верно, Николай Степанович, предприятий будет много и управлять ими необходимо из единого центра. Штат набирайте, но договора на охрану не заключайте, самим люди потребуются. Если будут интересные заказы, например, доказать невиновность человека, привлекаемого за убийство, другие крупные подставы по линии уголовного розыска, экономических преступлений, наркотиков — берите. Слежкой за неверными супругами агентство не интересуется ни за какие деньги.

Он кинул чайные пакетики в чашки, залил кипятком, поставил на стол вазочку с сахаром.

— Прошу, Николай Степанович. Вы слышали о фирме «Газойл» и ее собственнике что-нибудь?

— Конечно, олигарх Вагитов...

— Да, так считается, у него, как у частного лица, наиболее крупный пакет акций, где-то чуть более двадцати процентов, и он президент компании.

— Я полагал, что у него более пятидесяти...

— Двадцать для такой компании — это уже миллиарды долларов, — ответил Ковалев, — тогда позвольте краткий экскурс в эту компанию. Главный офис в Москве, но есть штаб-квартира в пригороде Нью-Йорка. В уставном капитале были контрольные пакеты акций нефтедобывающих, сбытовых и сервисных предприятий Западной Сибири, Урала, Поволжья, ОАО «Ямалнефтегаздобыча», ОАО «Архангельскгеолдобыча», Локосовский ГПЗ Собственный терминал по перевалке нефтепродуктов в порту Высоцк (Ленинградская область), компания, работающая в Казахстане... Перечислять все — долгая история, там свои танкеры, месторождения и так далее. Номинальными держателями акций, осуществляющими их хранение и учёт, являются: банк в Нью-Йорке, 62 процента, одна кипрская компания, 11 процентов и остальные в России. Я желаю приобрести эту компанию, например, семьдесят у меня и тридцать процентов акций у Вероники.

— Ничего себе у вас аппетит, Николай Петрович, — рассмеялся Карнаухов, — но вряд ли кто-то пожелает продать акции, да и денег нужно немерено.

— Ничего смешного в этом нет, господин генерал.

— Извините, Николай Петрович, я не в обиду, я в удивление и восхищение вами, — ответил Карнаухов.

— Акции продадут по номинальной стоимости, это совсем немного, порядка нескольких десятков миллионов рублей. Закон же не препятствует продаже по номинальной стоимости, если фактическая заоблачная и многократно выше?

— Это так, закон не препятствует, но это не реально, — возразил Карнаухов.

— Вот и не станем нарушать закон, тем более переплачивать всяким там иностранным и другим личностям. Пожировали — хватит. Что нужно от вас, Николай Степанович...

— Я внимательно слушаю.

— Отправить людей на Кипр и в Нью-Йорк. Сфотографировать внешний вид зданий, установить режим дня, особенности охраны — электронная в ночное время или живая. Скорее всего смешанная. Но особо там не светиться, не получится установить легко особенности охраны — не надо. Главное для меня — внешнее фото зданий. Адреса в этой папочке, в ней же и более подробная информация о компании — офисы в других городах, дочерние фирмы, производство и так далее. Жутко много всего, — он пододвинул папку к Карнаухову. — Готовьтесь, Николай Степанович, создавать филиалы «Беркута» в Москве и других городах, все охранные ЧОПы должны быть под вами, создавайте свою империю штатом и территориальностью побольше вашей областной конторы. Естественно и зарплата у вас будет не генеральская, а по солиднее. Работать придется в России, СНГ, Ближнем Востоке, Гвинейском заливе и так далее. Папочку изучите — разберетесь. Как, Николай Степанович, потяните такое своеобразное агентство? Вы все-таки генерал, не полковник, — подбодрил его Ковалев.

— Да-а, — протянул Карнаухов, — когда шел к вам в офис и не предполагал подобного размаха, во сне такого бы не увидел. Будем работать, Николай Петрович, но у меня, извините за прямоту, пока нет уверенности, что вы приобретете «Газойл». А начинать необходимо сейчас — изучать возможности и создавать охранную структуру, за день или за месяц ее не создашь в таком объеме. Смешным потом не хочется выглядеть, извините еще раз за откровенность.

— Честный ответ всегда ценится, Николай Степанович, но придется поверить на слово. Ваша структура должна быть готова к работе в полном объеме через... максимум пять месяцев, лучше быстрее. Одному не справиться, задействуйте своих заместителей, других лиц, которым доверяете.

— В таком случае вам охрана как воздух нужна.

— Вы опять за старое... через пять месяцев вы будете сами убеждены, абсолютно убеждены, что «Газойл» моя фирма и охрана мне не нужна. Не через пять месяцев, нет, гораздо раньше в этом убедитесь. Действуйте Николай Степанович, удачи.

Карнаухов ушел удивленный и ошеломленный и более всего тем, что верил Ковалеву. Верить в невозможное... но он верил и не понимал почему.

Почти все пенсионеры-оперативники, технари и специалисты наружного наблюдения концентрировались в «Беркуте». Многие оставляли свои должности начальника службы безопасности в компаниях и переходили в «Беркут» рядовыми сотрудниками. Зарплата достойная и работа гораздо интереснее. Не то, что отслеживать по базам заемщика — мошенник он или нет. Люди уже на Кипр и в Нью-Йорк слетали. Многих Карнаухов заранее нацелил — кого-то в Египет, кого-то в Саудовскую Аравию, кого-то в Иран, Ирак, Гвинейский залив, Сицилию, Колумбию, страны СНГ и другие места, где работал «Газойл». Это не в филиале банка сидеть, штаны протирать, образно говоря.

Николай с Вероникой рассматривали фотографии из Нью-Йорка и Кипра, где номинально хранились и велся учет акций компании «Газойл». Ковалев глянул на часы — пять вечера, значит сейчас в Нью-Йорке четыре утра. Они молча переглянулись и кивнули друг другу головами. Николай исчез из гостиной дома, появившись рядом с банком Нью-

Йорка. Так далеко он еще никогда не перемещался, но ничего не случилось — стоял дома, теперь на улице другого континента. Он вошел в здание через стену, проник в помещение, где хранились реестры акционеров, достал нужный и сделал фотокопии. Датчики охраны не реагировали на его присутствие, словно его там вообще не было, и он переместился домой.

Вероника отправилась на Кипр чуть позже, в восемь вечера, подгадав к трем ночи и тоже вскоре вернулась обратно.

Теперь, изучив реестр, они точно знали, что выпущено десять тысяч акций номиналом в тысячу рублей каждая. Внезапно вошел Степаныч, Ковалев убрал фотодокументы в папку.

— Что-то вы, молодые, совсем меня, старика, забыли, не заходите, не появляетесь, — наезжал он с деланной суровостью.

— Проходи, Степаныч, чай, кофе или чего покрепче? — спросил Николай.

— Можно немного водочки с лимончиком.

Ковалев попросил принести два чая и порезанный лимон с солью, сам достал водку и рюмку, налил. Степаныч выпил с удовольствием, не дожидаясь лимона.

— Ты же знаешь, Степаныч, что я на двух факультетах обучаюсь, времени вообще в обрез — курсовые, дипломные, сейчас сдаю экзамены за второй курс, а к концу года надо хотя бы три курса закончить.

— Не оправдывайся, Коля, я все понимаю, но минутку выкроить всегда можно. Ты создал мощную охранную структуру из чекистов, их спецназа, омовцев и собровцев. Не плохо с одной стороны, но они вряд ли выполнят твое указание, если возникнет необходимость убрать человека. Есть отморозки, которых нельзя оставлять безнаказанными.

— Согласен, Степаныч, но зачем устранять физически, когда можно посадить, при чем за дело? Если гнида конченная, то он сам в камере Богу душу отдаст. Эта мощная структура, как ты выразился, фактики соберет и представит следствию на блюдечке.

— Все по закону хочешь, — Степаныч налил водки, выпил, закусывая посоленным лимоном, — есть нелюди, которых с общественной точки зрения судить нельзя, их на части рвать надо.

— Тоже верно, но на таких люди в любой структуре найдутся. Степаныч, ты не обижайся, сейчас действительно некогда к тебе даже заглянуть — решил «Газойл» купить, сам понимаешь, что это не просто, — не стал скрывать свои намерения Ковалев.

— «Газойл», а почему «Газойл»? — удивился Степаныч.

— Это одна из крупнейших газонефтяных структур, где нет государственного капитала. Согласен, что не самая худшая в плане налоговых выплат и так далее. Некоторые государственные похлеще само же государство облапошивают. Хапающих иностранцев уберу, воровство в структуре, никого не турну с работы...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Опять за триста рублей купишь, — усмехнулся Степаныч.

— По номиналу, как положено.

— Как положено, — хмыкнул Степаныч, — у тебя одного и положено во всем мире. Десять миллионов рублей вместо рыночных десяти миллиардов долларов отдашь.

— Но я же закон не нарушаю, — в свою очередь усмехнулся Ковалев, — а потом нам лично с Вероникой много не надо, у нас и так все есть. Есть задумки, о которых сейчас говорить не хочу, надо помогать людям, хотя бы на региональном уровне.

— Вам с Вероникой... так и будете в гражданском браке жить? — внезапно сменил тему Степаныч.

— Нет, все упирается в платье — на ее рост подобрать в магазине практически невозможно. Уже заказали во Франции — подойдет, примерит Вероника и в ЗАГС. Ты у нас будешь посаженный отец, в качестве исключения.

— В качестве исключения? — переспросил Степаныч.

— Ну да, посаженный отец по русской традиции должен быть обязательно женатым человеком — я в этом плане. Может и тебя женить?

— Нет уж, увольте, — вздохнул Степаныч, — моя лебединая песня спета, ничего не поделаешь, если в молодости и зрелости дураком был. Чего старику людей смешить... пойду я...

Сегодня у Ковалева был, видимо, день приема — подъехал Карнаухов. Зашел в гостиную, поздоровался, сел в кресло мрачнее тучи.

— Чай, кофе, водка, коньяк? — предложил Николай.

— А-а, — махнул рукой он, — давайте коньяк, если можно.

Он взял предложенный бокал, посмотрел, что Вероника с Николаем не собираются его поддержать в этом плане, выпил и закусил лимоном.

— Я, собственно, посоветоваться приехал, — он посмотрел на Веронику.

Ковалев понял его взгляд и ответил?

— Вероника Андреевна в курсе всех дел, у меня от нее нет секретов.

Карнаухов смотрел на нее. И где только Николай такую каланчу откопал? — размышлял он про себя. Но девочка не плоская, фигуристая и с красивым личиком, словно Бог ее по спецзаказу лепил. Посмотришь на такую и штаны сами шевелиться начинают, не смотря на то, что можно под мышкой пройти. Он очнулся от мыслей и продолжил:

— Мои люди с удовольствием восприняли разговор о загранице, но когда поняли, что придется там жить, хотя бы несколько лет — отказываются. И времени слишком мало, чтобы организовать свои структуры на местах добычи нефти и газа, в других городах... Не оправдал я ваших надежд, Николай Петрович...

— Ну... расстраиваться не стоит. Я тоже несколько видоизменил свои планы. Контрольный пакет будет у меня, а вся структура останется прежней, как и охрана. Даже никто не узнает, что вместо, например, двадцати процентов у кого-то останется всего один. Какой смысл убирать того же Вагитова, если он станет на меня работать, пусть остается при всех своих должностях, но с одним процентом акций. Ему, как основному исполнительному руководителю, даже можно выделить два процента. Это сто шестьдесят миллионов чистой прибыли в год. Мало? Может и мало, если он имел по восемь миллиардов, но, полагаю, хватит, нахапать уже успел. Так что настраивайтесь на работу в нашем городе, берите заказы на частное расследование уголовных дел, мы уже говорили с вами об этом.

Карнаухов повеселел.

— Честно сказать — обрадовали вы меня. Мы уже с коллегами носы повесили — обещал, а не выполнил. Тогда я пойду?

— Конечно, — ответил Николай, — скоро Новый Год, вы где его встречайте? А то мы с Вероникой приглашаем вас с супругой к себе.

— Спасибо за предложение, Николай Петрович, но это семейный праздник, обычно к нам дети приезжают с внуками, но все равно за предложение спасибо, — повторился он.

Ковалевы нежились в постели до обеда. Вероника разглядывала обручальное кольцо на безымянном пальце с настоящим рубином. Ничего не изменилось в отношениях молодых, но она была счастлива вдвойне — теперь она Ковалева, законная жена перед Богом и государством. Они зарегистрировались и обвенчались в церкви тридцать первого декабря. Свадьбу и Новый Год справляли дома, пригласив лишь Степаныча. Наверное, никогда не было такой малолюдной свадьбы у богатых людей, но они не желали видеть никого, не желали видеть завистливых взглядов и слышать тосты, идущие не от сердца и души. Степаныч же радовался, говорил искренне и иногда называл Веронику дочкой. «Отец я или не отец, — смеялся он, — хоть и посаженный, но с одной буквой эн».

Молодые встали, немного перекусили и отправились на улицу, решив приготовить шашлыки. Прислугу они отпустили на несколько дней. Николай развел костерок в мангале из березовых полешков. Вероника приготовила мясо из свинины заранее, оставалось только принести его и нанизать на шампура, когда появятся угли. На улице минус пятнадцать, не холодно для данной местности, дрова потрескивали в мангале, на выносном столике стояла бутылка водки.

— А-а-а, решили без меня гульнуть, — послышался голос Степаныча.

— Куда же без тебя то, Степаныч, отец наш посаженный, не готово еще, хотели пригласить к шашлыкам, — оправдывался Николай.

— Слава Богу нос еще чует, по всему околотку запах разносится. Давайте по маленькой что ли, — предложил он, с удовольствием заметив, что на столике три рюмки, а не две.

Николай разлил водку. Степаныч произнес кратко:

— За вас, детки...

Пламя прогорело, Николай нанизал мясо на шампура и положил их на мангал. Настроение отличное — маленький морозец, солнышко, воздух отменный от растущих прямо во дворе сосен и вокруг коттеджного поселка. Снег чистый искрится — не то, что в городе: сажа сплошная и соль на дорогах.

Кушали шашлыки, пили водку и катались, как дети, с деревянной горки, залитой водой заранее, смеялись и радовались от души. Вскоре во дворе появилась женщина, лет так около сорока очень приятной внешности.

— Знакомься, Степаныч, это Катя, не против, если она присоединится к нам?

— Здравьете, чего это я стану против такой симпатичной девушки?

Он сразу обратил внимание, что Кате не двадцать лет, но выглядела она прелестно и походила на куколку или принцессу из сказки. Очаровательная улыбка, голубые глаза, естественно алые губки бантиком. Его сразу же потянуло к ней и если бы она была из фирмы досуга, то он бы уже впился в ее манящие губки. Но она знакомая Николая, с ней так нельзя, решил он. Что за создание, откуда? Вроде бы Николай никогда не говорил о ней. Степаныч сразу же налил ей водочки, подал шампур с шашлыком. Она выпила, откусывая мясо своим очаровательным ротиком. Николай предложил:

— Теперь на горку, Степаныч, поухаживай за Катериной.

Они снова катались, смеялись, ели уже остывший шашлык под водочку.

— Надо прогреться — все в сауну, — пригласил Николай.

Мужчины и женщины ушли в разные раздевалки. Степаныч сразу же поинтересовался Катериной.

— Она доцент, кандидат медицинских наук, но личная жизнь не сложилась, живет одна. Ты рядом с моим многоэтажным будущим офисом еще одно здание строишь — это

будет мой медицинский центр с поликлиникой, стационаром, диагностическими лабораториями. Я предложил Катерине возглавить центр и пригласил ее в гости.

— Она одна, — обрадовался Степаныч, — я могу за ней поухаживать?

— Конечно, но если в будущем не заставишь ее отказаться от моего медицинского центра и не определишь в домохозяйки. Она без своего любимого дела погибнет, ты это должен понять сразу. Понравилась она?

— Коля, не то слово, меня словно обухомшибануло, аж дышать трудно. Не мальчик же... ничего не понимаю...

Ковалев улыбнулся, ответил:

— Пойдем, а то нас наверняка уже заждались.

Они грелись вчетвером в парилке, потом парились березовым веничком. Степаныч лег на полку, Катерина хорошенько отхлестала его веничком.

— Степаныч, ты какой-то закомплексованный и весь зажатый. Расслабься, я тебе сейчас массаж сделаю.

Она прикоснулась к его спине, он вскочил, словно ужаленный.

— Нет, я не смогу... жарко, — ответил он, глотая воздух.

— Так не скачи вверх, там действительно жарко, а на полочке как раз.

Катя уложила его обратно, заметив краем глаза, что Ковалевы тихонечко вышли из парилки, разглаживала кожу на спине, собирала пальчиками в складки, разминала и снова разглаживала. Степаныч не выдержал, вскочил, сев на нижнюю полку, притянул Катерину к себе...

Ковалевы плавали в бассейне, наслаждаясь водой приятной температуры. Они оба не любили холодную или горячую, вода должна доставлять удовольствие, а не будоражить. Вышли, поплавав, к столу, где стояла водка и оставшиеся шашлыки. Выпили по маленькой рюмочке. Дверь парилки отворилась, Степаныч вылетел из нее напрямик в бассейн, следом нырнула Катерина. Они плавали голые и Ковалевы не смущали их своим присутствием. Чуть позже они в простынях присоединились к столу. Степаныч словно расцвел и помолодел, поглядывая нежно на Катю...

В обед следующего дня у Ковалевых появился охранник Степаныча, передав, что хозяин приглашает их в гости.

— Скажи, что будем, — ответил Николай.

Молодые появились к полднику. Степаныч уже заждался и готов был бежать сам. Он встретил их внизу, Вероника сразу прошла в гостиную второго этажа, а Николай немного задержался. Степаныч сразу же заговорил:

— Спасибо, Коля, ты сделал мне самый дорогой подарок в жизни — познакомил с Катей. Удивительная женщина! Никогда бы не подумал, что хочу ее постоянно, не только в плане любви, а говорить, видеть, быть рядом с ней. Спасибо.

Они поднялись на второй этаж. Катерина, увидев Николая, немного покраснела — пришла в один дом, осталась в другом. Степаныч сразу же расставил точки над «и».

— Я предложил и Катя согласилась остаться у меня, теперь она в этом доме хозяйка.

— Мы с Вероникой рады за тебя, Степаныч, и за госпожу Воронцову Екатерину Васильевну, между нами уважаемую Катю. А то как-то жить бобылем скучновато. В гости прошу заходить без приглашений, мы всегда будем рады видеть вас. Наша договоренность, надеюсь, остается в силе — заканчиваете сессию со студентами и увольняйтесь. Пока можете подбирать потихоньку персонал, Степаныч, надеюсь, сдаст корпуса медицинского

Зимние каникулы завершились и Ковалевы нацелились на давно поставленную задачу. Сейчас Николаю помогала Вероника, с тех пор, когда они вместе посетили Мертвый курган. Она излечилась от опухоли и стала владеть знаниями, накопленными в древности и добавленными современностью. Человеческий мозг, задействованный по разным данным от пяти до двадцати процентов, впитал громадную информацию и был готов к реализации.

Ковалев изменил план действий, в начале он хотел выкрасть документы, в том числе и реестр акционеров, и задействовать исправленный. Шума и скандалов было бы, конечно, много, но против документов не попрешь, если они еще подкрепляются физически бойцами Степаныча. План недоработанный, но одному Ковалеву осуществить другой было бы сложнее.

Сейчас молодые понимали, что план ничтожен, и, ознакомившись с реестром, установив достоверно акционеров, они пошли совершенно по-другому пути. Воздействуя на определенные структуры мозга можно оказать стойкое определенное внушение любому человеческому организму. Зачем идти не совсем законным путем, подделывая реестр, когда можно купить акции по номиналу. Акционер продаст их с удовольствием и на удивленные вопросы прессы, друзей и коллег по работе заявит, что продал акции по своей воле, без какого-либо нажима со стороны, вполне осознанно и сознательно.

Вероника с Николаем могли общаться между собой, как говорится, не открывая рта, где бы они не находились, в совершенстве владели телепортацией и левитацией. На обычные переговоры требовались иногда сутки — лететь самолетом, ехать на машине, переговорить десять минут и обратно. Холостого времени требовалось гораздо больше, чем рабочих минуток, но не в случаях с Ковалевыми.

Николай одел костюм и вышел во двор — исчезать из гостиной было бы неправильно. Вдруг прислуга что-то захочет спросить и потеряет его. Он оказался в офисе Вагитова, зашел в приемную.

— Господин Вагитов назначил мне встречу, — объявил он секретарше.

— Странно, мне ничего об этом неизвестно, — удивилась она, но перезвонила шефу и пригласила пройти.

Ковалев вошел в кабинет, понимая несколько недоуменный взгляд хозяина, присел в кресло.

— Господин Вагитов, — начал он, — вы давно уже успешно руководите корпорацией «Газойл», у вас достаточно накоплено личных средств. Вы всегда отличались определенной экспрессивностью, задумывая тот или иной шаг. Я благодарю вас за намерение продать мне свои акции, оставив себе лишь два процента, оставаясь на всех своих постах. Но купля-продажа требует нотариального подтверждения. Да, благодарю вас, что вы его уже пригласили. Тогда к делу...

Менее чем через час Николай появился у себя во дворе, вошел в дом и сразу же получил замечание от горничной, которую поддержала подошедшая повариха:

— Николай Петрович, как же так можно, совсем себя не бережете — выскакиваете на улицу без верхней одежды. Не май месяц на дворе... простынете, — увещевали его обе

женщины.

Он улыбнулся, ответил добросердечно:

— Спасибо, девушки, за заботу. Я не совсем на улице был, забыл вот документы в машине, а в гараже тепло, вы знаете. Но все равно спасибо.

Вскоре удачно вернулась Вероника от вице-президента компании. Через несколько дней Ковалевы владели на двоих восьмьюдесятью шестью процентами акций. Но они продолжали свои путешествия, общаясь с директорами, главными бухгалтерами и руководителями служб безопасности многочисленных предприятий «Газойла», нацеливая их на работу без хищений в личный карман. Многие тащили по мелочам, а в совокупности это выливалось в сотни миллионов долларов. Скважин, заводов, транспортной инфраструктуры, различных дочерних фирм было настолько много, что Ковалевы путешествовали не спеша до мая. Был даже один крупный банк с филиалами по России.

Вся операция по приобретению и предотвращению хищений заняла у Ковалевых достаточно много времени — целых пять месяцев. Прошла она без шума, обыватели и пресса так и считали Вагитова и других более мелких лиц основными владельцами «Газойла», однако основные доходы потекли в карман четы Ковалевых.

Достраивались корпуса медицинского центра, на что Николай обращал сейчас особое внимание. Огромнейший медицинский центр не имел аналогов в России, закупалось самое современное оборудование и центр славился своим замкнутым циклом — все лабораторные исследования проводились там же. Многие поликлиники и стационары пользовались лабораторными результатами отдельных крупных лабораторий, в центре же все предполагалось свое. Николай долго ломал голову над названием, но потом понял, что изобретать велосипед ни к чему. Пусть так и называется «Медицинский центр». И, как показало будущее, название отлично прижилось, люди называли его кратко и уважительно «Медцентр», считая, что центр и есть центр, где оказывают самую квалифицированную помощь.

В мае-июне завершились экзамены в медицинском университете и Воронцова, уволившись, полностью отдалась «Медцентру», планируя отделения, лаборатории, персонал и оборудование. Она постоянно проверяла качество помещений, иногда наезжала на своего гражданского мужа за те или иные недоделки строителей. Степаныч, как основной подрядчик, немедленно исправлял.

В городе уже давно ползли слухи о новом «Медицинском центре», причем разные. Кто-то говорил, что центр только для богатой элиты, кто-то утверждал, что для всех. Но все сходились в мысли, что обслуживание предстоит более качественное и далеко не дешевое. Проныры журналисты уже не раз писали фантастические статейки о собственнике, ценах, направлениях деятельности, ссылаясь на достоверные источники. Иногда Николая это бесило — почему бы не привлечь к ответственности журналистов за явный фальсификат? Но сразу же закричат о свободе слова, журналистской тайне полученной информации... люди без чести и совести на передовой... Сидит такая гнида за компьютером, набирает текст будущей статьи, прекрасно осознавая, что не имеет никаких источников достоверной информации, но ссылаясь на них, будоражит общественность своими предположениями. Темы медицинского обслуживания всегда пользуются спросом, особенно если подлить масла в огонь. Вот и подливают всякую чушь, ходят гордые и спрашивают друг у друга: «Ты где эту информацию урвал»? Отвечают довольно: «У каждого свои источники информации». Бедному Степанычу уже все косточки перемыли, повествуя о том, что это

именно он строит центр для своей любовницы.

Строительная фирма работала в усиленном варианте и сдала корпуса досрочно. К первому июля полностью завезли оборудование, укомплектовали штат. В своем шикарном кабинете Воронцова организовала пресс-конференцию для журналистов. Об этой конференции говорили заранее по телевизору и население уже знало о существовании «Медицинского центра», о его местонахождении и ожидало конкретных подробностей — начало работы, как и кто может в него попасть, цены, естественно, какая помощь будет оказываться и так далее. Открыл пресс-конференцию министр здравоохранения области:

— Уважаемые жители нашего города и области, с огромной радостью могу сообщить, что с первого июля сего года открывается долгожданный «Медицинский центр». Население ждало этого дня с особой надеждой, ибо центр не только окажет квалифицированную медицинскую помощь, но и разгрузит участковые поликлиники и стационары. Медицинская помощь станет более доступной, быстрой и качественной. Более подробно о работе «Медицинского центра» расскажет главный врач, кандидат медицинских наук Воронцова Екатерина Васильевна. Прошу вас.

— Здравствуйте уважаемые телезрители, граждане города и области. Прежде всего мне и коллективу «Медицинского центра» хочется поблагодарить человека, на личные средства которого построены корпуса, приобретено лучшее в мире, не побоюсь этого слова, медицинское оборудование, позволяющее своевременно диагностировать и лечить те или иные заболевания. В прессе уже было достаточно много статей и материалов по поводу нашего «Медицинского центра». Писалось о спонсорах, о видах и ценах медицинских услуг, о моих любовниках, строящих для меня этот центр и о многом другом. Журналисты ссылались на какие-то достоверные источники, но могу заверить вас, что вся подобная информация высосана из пальца. Вот сейчас находятся передо мной представители многих телеканалов, газетных изданий, журналов и мне стыдно за вас, господа, стыдно за вашу клевету, за ваш обман населения. Я благодарю господина Ковалева Николая Петровича, собственника нашего «Медицинского центра», который вложил миллиардные средства в этот громадный проект. Даже вы, дорогие телезрители слышите сейчас, как шушукаются писаки, услышав впервые имя настоящего человека с большой буквы. Эти пальцесосатели и не предполагали услышать имя скромного человека, может быть правоохранительные органы поинтересуются у них источниками их достоверной информации и дадут правовую оценку прежним публикациям? Но вернемся к нашей теме. «Медицинский центр» начинает свою работу с первого июля текущего года. На прием можно записаться по интернету, сейчас вы видите на экранах его электронный адрес, по телефону, номера которых вы так же видите и в регистратуре. Обслуживаться станут жители города и области, записавшиеся на прием указанным способом. «Медицинский центр» не муниципальный, а частный, как вы уже поняли, расценки на лечение стандартные, установленные минздравом. Однако, все без исключения дети, пенсионеры, инвалиды первой и второй группы, участники ВОВ и ветераны боевых действий, ветераны труда будут обслуживаться абсолютно бесплатно. Если, например, ребенку или ветерану потребуется дорогостоящая операция, то в нашем «Медицинском центре» ее проведут бесплатно. Теперь о видах услуг — это практически весь соматический набор: врачи терапевты, окулисты, невропатологи, отоларингологи, дерматологи, урологи, рентгенологи, эндокринологи, педиатры, ультразвуковая диагностика, врачи-лаборанты. Хирургическая помощь в урологии, на желудочно-кишечном тракте и внутренних органах, грудной клетке и нейрохирургия, детская хирургия. Часы работы с

восьми до девятнадцати часов, выходной воскресенье и праздничные дни. Теперь вопросы, пожалуйста, если таковые имеются.

— Газета «Российские новости», Александр Беленький. Екатерина Васильевна, вы ранее являлись доцентом медицинского университета, почему ушли на административную должность? Спасибо.

— Да, я главный врач, но от лечебной работы не уйду и стану вести прием больных, как терапевт.

— Телеканал «Новости Н-ска», Виталий Барышников, Екатерина Васильевна, вы же не станете отрицать, что не безызвестный Степаныч, вор в законе, строил корпуса «Медицинского центра», и он же является вашим любовником? Спасибо.

Журналисты неодобрительно зашумели от столь прямого и некорректного вопроса. Но Воронцова улыбнулась и ответила сразу же:

— Не волнуйтесь, господа, полагаю, что подобная аранжировка и суть вопроса позволяют мне ответить тем же. Генеральным подрядчиком являлась фирма «Стройгород», которая действительно принадлежит не безызвестному Степанычу, моему гражданскому мужу, которого мне тоже хочется поблагодарить за качество и своевременность работ. Но, видимо, господин Барышников путает понятия любовницы и гражданской жены, и тоже не станет отрицать, что его любовница — жена босса. Но благодарит ли она его за качество?

Зал грохнул от смеха, покрасневший Барышников выскочил немедленно из помещения. Журналисты уже обсуждали другую тему, но министр здравоохранения области попытался успокоить их:

— Господа, последнюю новость вы обсудите позже, тем более, что она не опровергнута, а подтверждена бесстыдным побегом. Есть вопросы к Екатерине Васильевне?

— Да, есть, телеканал СМС, Аркадий Строганов. Госпожа Воронцова, как будет осуществляться взаимодействие с участковыми поликлиниками, не возникнет ли ситуация двойных стандартов? Я в том смысле, что кто-то может лечиться там и сям, а кто-то из-за этого не попадет ни туда, ни сюда. Спасибо.

— Хороший вопрос. По существующему законодательству любой гражданин имеет право выбрать для себя поликлинику не только по месту прописки. Существуют медицинские полисы, которые прикрепляются к конкретной медицинской организации. Бегать там и сям, как вы выразились, не получится — хочешь сям: открепляйся там. Прошу еще вопрос и на этом закончим.

— Газета «Н-ские огни», Вячеслав Расторгуев. Екатерина Васильевна, смогут ли муниципальные поликлиники давать направления в ваши стационары?

— Направления в любой наш стационар дает врач нашей поликлиники. Но по согласованию с муниципальным учреждением мы примем и других пациентов. Благодарю за вопросы. В конце хочу добавить, что качество медицинского обслуживания будет достаточно высоким, предполагается возникновения очередей и как следствие определенных мошеннических личностей, торгующих этими очередями. Если кто-то представится, например, сотрудником соцзащиты, у которой есть определенные договоренности на без очередное обслуживание или сотрудником минздрава, могущим беспрепятственно договориться с нами — не верьте таким людям и не платите деньги, вас сто процентов обманывают. Попасть к нам на прием можно только записавшись по интернету, по телефонам, прошу еще раз показать их на телеэкране, через регистратуру.

Любые предъявленные документы с печатями, абонементы, оплата по расходным ордерам, выписываемыми якобы нашими сотрудниками для посещения «Медицинского центра» — это липа. Благодарю за внимание.

Труп журналиста Виталия Барышникова случайно обнаружили в роще отдыхающие горожане. Следствие, не видя мотива, все-таки пообщалось со Степанычем, который со смехом ответил:

— Какой мне смысл убивать этого уродца? Он, по-моему, сам себе насолил, а меня ничем не обидел. Да, у меня есть любимая гражданская жена, да, моя фирма строила корпуса Медицинского центра, как генподрядчик. Да, меня похвалили за это по телевизору. Зачем мне нужен этот тупой уродец?

Следствие опросило босса Барышникова, который отвечал резко и нагло:

— Об одном жалею, что не успел набить морду этому нахалу. После этой пресс-конференции он ни разу не появился на рабочем месте. Я конечно же, искал его, звонил с единственной целью — морду поганую расквасить. Убивать, сидеть потом за эту гниду — увольте. Да, я злюсь и в первую очередь на убийцу — дал бы мне морду набить, а потом делал, что хотел. Жена... что жена? Она тоже сразу сбежала и дома не появлялась, знала, что ее тоже отхлестаю, но не кулаками, а ладошками, все-таки женщина, хоть и блядь. Сейчас уже успокоился, подал на развод, слава Богу детей нет. Пусть приходит, забирает шмотки свои и валит, куда хочет. Где она — не знаю и искать не собираюсь. Оказывается, в нашем коллективе почти все знали, кроме меня, что жена спит с этим Барышниковым. Не убивал его, а морду бы и сейчас набил, больше мне вам сказать нечего. На Воронцову не обижаюсь, она достойно ответила, хоть и опозорила на весь город. Внутри даже где-то благодарен — глаза открыла.

У босса был мотив, у Степаныча он отсутствовал, но у обоих мужчин было алиби, следствие зашло в тупик, оно уже давно не помнило, что никто не оставался в живых, назвав Степаныча вором, а может и не вело подобной статистики.

Следователь Киринос понимал, что журналист не совсем порядочный человек, но это не давало право его убивать. Он не сомневался, что толчком к убийству послужила пресс-конференция, руководство обязало его рассматривать и другие версии, связанные с профессиональной деятельностью. И он не раз сталкивался с «железобетонным» профессиональным мотивом, а в конечном итоге выплывала обыкновенная бытовуха. Не осознанное внутреннее беспокойство заставило его позвонить Ковалеву и напроситься на встречу. Он ехал без четкой конкретной цели, может быть от того, чтобы как раз и снять эту внутреннюю напряженность.

Оставив машину на парковке, он осмотрел здание — громадина тоже стояла немаленьких средств. Скромная вывеска ОАО «Холдинг»... Поднялся на второй этаж и вошел в приемную, предъявил удостоверение.

— Да, вас ждут, — пояснила секретарша, указывая рукой на дверь.

На двери никаких табличек, ничего. Он вошел. Размер кабинета поразил его воображение, в таких громадных он еще не бывал. Мебель из карельской березы, явно сделанная на заказ.

— Прошу, Павел Аркадьевич, присаживайтесь, — Ковалев указал рукой на кресло у приставного столика, — я внимательно вас слушаю.

— Я, собственно, почти не по службе, как следователь я не могу вас о многом спросить, но как человек имею полное право. Как и вы — отвечать на мои вопросы или нет. Вы не

обязаны доказывать законность происхождения вашего капитала. Но согласитесь, что многих наводит на определенные мысли ваши пожертвования. Построить громадный Медицинский центр полностью на собственные средства — для этого не миллион рублей необходим. И вряд ли дохода алюминиевого завода хватит для этого, он тоже требует затрат на развитие. Медицинский центр фактически принадлежит Степанычу, а де-юре вам, я правильно понимаю?

Ковалев еле заметно усмехнулся уголками губ и это не ускользнуло от Кирносова.

— Вы пришли поговорить со мной откровенно. Что ж, попытаемся это сделать, насколько это возможно. Вас беспокоит убийство журналиста... К сожалению, есть определенные личности, убийства которых совершенно не хочется раскрывать, это на мой взгляд, вы же обязаны это делать. Например, отец убил насильника своей маленькой дочери. Не только мне бы не хотелось, но и большинству населения, чтобы его нашли. И вам в том числе, но работа есть работа. Журналисты — народец гнусный, сами понимаете, не все, естественно. Честно скажу — не осуждаю убийцу Барышникова. По поводу Медицинского центра у вас, Павел Аркадьевич, ошибочное мнение. Шевелев, например, не кричал, что алюминиевый завод принадлежит ему. И я не кричу о своих предприятиях, но в отличие от Шевелева я их имею и де-факто, и де-юре. Вы хотели честности — отвечаю: капитал Степаныча, в сравнении с моим, виден только через лупу. Именно я нашел Воронцову, познакомил ее со Степанычем, а возникшая взаимная любовь — это их личное дело. Я родился в России, живу здесь и очень хочу, чтобы страна процветала, деньги держу не за границей, а здесь, в своей родной стране. В одном из известных вам крупных банков, который тоже принадлежит мне в полном объеме. Банк зарегистрирован в Москве, имеет более семидесяти филиалов в разных городах, но вы вряд ли получите информацию о его собственнике. Вы неплохой следователь, Павел Аркадьевич, не берете взяток. Ваша честность мешает карьерному росту, будет нужна помощь в раскрытии громких уголовных дел — обращайтесь, помогу, мой аппарат более квалифицированный, чем ваш.

— Не понял? — удивился Кирносов.

— Генерал Карнаухов и его охранно-детективное агентство, надеюсь, слышали о таком?

— Конечно, собрал под собой весь оперативно-следственный цвет области. Но причем здесь вы?

— Это сто процентов моя фирма. Карнаухов лишь директор, не более того. Но рассказывать об этом всем не надо, надеюсь вы это понимаете. Удивлены? Там и ваши пенсионеры работают, считая Карнаухова собственником. Пусть считают, я не возражаю, — улыбнулся Ковалев, — пойдете на пенсию — милости прошу в «Беркут».

Кирносов вышел от Ковалева обескураженный и удивленный. Фактов не было, но он верил каждому сказанному слову. Пути господни поистине неисповедимы — все считают Степаныча местным олигархом, а он, оказывается, мелкий лавочник. Он усмехнулся сам себе — лавочник с миллиардным состоянием.

В городском воздухе висел запах нового скандала, подогреваемый все теми же журналистами. Они уцепились за тему и усиленно ее муссировали, нисколько не заботясь о последствиях. Главное чиркнуть сенсационную статейку, к чему она приведет — неважно. И тешить потом себя мыслью — он сумел, он добыл, он лучший.

Министр здравоохранения области приехал к Ковалеву расстроенный. Еще и тем, что вызывал его к себе. Звонил лично, но трубку взяла секретарша и ответила дерзко:

— Господин Ковалев не ваш подчиненный, могу вас записать на прием завтра в

одиннадцать утра, — и положила трубку.

Так ему еще никто не хамил. Он позвонил Воронцовой, которая ответила вежливым голосом, что стратегическую политику определяет собственник, «Медицинский центр» работает именно в этом направлении, соблюдая правовые нормы, установленные минздравом. Прямого номера Ковалева министр не знал, решать вопрос необходимо срочно — пришлось ехать самому.

Он влетел в кабинет, плюхнулся в кресло, начал сразу же:

— Ваша секретарша хамка, Николай Петрович, приглашал вас к себе, а она заявила...

— Да, я знаю, — перебил его Ковалев, — во-первых, здравствуйте, а во-вторых — я действительно не ваш подчиненный, чтобы меня приглашать через секретаря.

— Извините, здравствуйте, но я не за этим приехал...

— Но с этого начали, — вновь перебил его Ковалев.

— Я разговаривал с Воронцовой, она заявила, что этот вопрос можете решить только вы, — продолжил министр, не обращая внимания на реплики, — прокуратура уже завалена жалобами.

— На меня жалуются? — удивленно спросил Ковалев.

— Не надо иронии, вы прекрасно знаете кто и на кого пишет жалобы. Я приехал, чтобы разрешить ситуацию. Прокуратура отвечает, что наши действия законны, но некоторые жалобщики подали в суд и именно там будет решаться вопрос.

— От меня вы что хотите, господин Гайдусов, чтобы я повлиял на решение суда? Суд разберется и примет решение в соответствии с законом. Но вы даже не озвучили суть проблемы, если таковая имеется. Аркадий Генрихович, ближе к делу.

— Все вы прекрасно понимаете, Николай Петрович, и не надо из себя праведника строить, не надо Степаныча прикрывать, что он истинный владелец клиники.

— Так и шли бы к Степанычу, — он нажал кнопку, вошла секретарша, — проводите министра, он уходит. И больше его на прием ко мне не записывайте.

Гайдусов вскочил, со злостью глянув на Ковалева, бросил напоследок:

— Посмотрим и поговорим еще, когда я ваш «Медцентр» прикрою.

— Прикрыть не получится, а вот сесть за это — вполне реально. Вон отсюда.

Министр ушел, Ковалев попросил чашку чая. Он прекрасно знал, что в суде имеется коллективное заявление граждан города об ущемлении их конституционных прав муниципальными больницами города. Суть сводилась к следующему. Больному врач назначает определенный спектр обследования — анализ крови, УЗИ, томографию и так далее. Все бесплатно, но там своя очередь. Жди месяц или плати деньги — результат сегодня-завтра. Операция по медицинским показаниям бесплатная, но опять же жди месяц или два. Плати и сделают сразу. Значит есть возможность сделать операцию. В чем же суть бесплатного лечения? Может в том, что оно не потребуется по причине смерти больного или будет слишком поздно? Сама система вынуждает платить за бесплатное лечение. А что делать тому, у кого нет денег и негде занять?

«Медицинский центр» — частная клиника и деньги взимались за лечение в установленном порядке. Но льготники не платили и не ждали в очередях. Не только взимание платы за обследование и операции, искусственное создание очередей, а именно плохую организацию здравоохранения, в том числе, вменяли в вину министру заявители. Вот он и прибежал к Ковалеву, чтобы тот тоже у себя ввел очередность не только на прием, а на обследование и лечение. Николай ничего не собирался менять в своей клинике, а суд

разберется и расставит все точки над «и», считал он. Плетью обуха не перешибешь, ажиотаж постепенно утих, министра Гайдусова с должности сняли, проблемы остались.

* * *

Любое время года прекрасно, в каждом есть свои прелестные особенности, но все же лето обворожительно своим колером красок, запахами леса и теплом. За повседневными заботами пронеслись летние месяцы незаметно, наступил сентябрь, когда днем еще лето, а ночью осенний холодок заставляет одевать легкую курточку.

Вероника в интернете все выискивала материал о левитации. Писали разное, но большинство утверждало, что некоторые люди в древности владели этим необычным феноменом. Многие отрицали наличие левитации у людей, заявляя, что это обычный обман, фокус и ничего более. Другие утверждали, что свободное парение человека в воздухе возможно благодаря созданию особой биогравитации, исходящей от психического состояния разумной особи, вызванной деятельностью головного мозга. Но наука не могла объяснить этот феномен не только потому, что подобные личности отсутствовали в реалиях, но и не обладала необходимыми знаниями.

Подошел Николай, посмотрел, усмехнулся.

— Зачем тебе это, Ника?

— Интересно, — ответила она, — как ты считаешь, когда ученые смогут объяснить факт левитации?

— Когда он состоится и еще чуточку времени на его осмысливание.

— Но мы же можем летать...

— Вероника, ты хочешь провести остаток жизни в качестве подопытного создания? Чтобы тебе все мозги, образно говоря, расковыряли и ничего не добились? Чтобы одни писали о факте, а другие его опровергали? Ты даже спать спокойно не сможешь — всю проводами и датчиками опутают. Каждому событию — свое время, история это уже наглядно доказала. Джордано Бруно на костре сожгли, а нас опытами затравят. Летаем и будем летать — молча и тайно. Кстати, надо бы в кедровник слетать за орехом. Ты не против?

— Нет, конечно, но сейчас сезон, нас могут увидеть, — ответила Вероника.

— Кто поверит таким очевидцам? — усмехнулся Николай, — и потом мы не полетим в промысловый орешник, на юго-западе есть кедрач вперемешку с елками и лиственницей, подъездных путей нет, никто там орех не бьет. А нам какая разница — не пешком ходить по бурелому, от деревца к деревцу птичками подлетим и наберем шишек.

Утром они взяли кули, топор, ножовку и небольшой ящик-решето, уложили все в рюкзак, оделись соответственно, сказали прислуге, что идут гулять в лес. Взмыли потихоньку вверх и понеслись над верхушками деревьев со скоростью птичьего полета. На месте остановились, паря в воздухе, каждый достал мешки, заполняя их шишками. Подлетали к кедру, срывали дары природы, бросая их в кули, и улетали к другому дереву. Десять мешков наполнили быстро. Внизу Николай нашел поваленное дерево, нависшее над землей на метровой высоте, топором обтесал сверху, выравнивая поверхность в виде небольшой доски, сделал запилы ножовкой и стесал ненужное. Получилась своеобразная терка с зубцами. Вероника нашла сломанное деревцо диаметром сантиметров двенадцать,

Николай отпилил небольшую чурочку, расколол ее пополам, концы обтесал в виде ручек, а на плоскости тоже сделал ряды зубцов. Приспособление для молки шишек готово. Вероника постелила под бревно кусок брезента, Николай клал две-три шишки на бревно, теркой проводил несколько раз, размалывая, сердцевина, шелуха и орехи падали на брезент. За полтора часа он перемолол все шишки в кулях. Вероника тоже не сидела без дела, отсеивая крупную шелуху на сеточке-решете. Из десяти кулей получился мешок кедрового ореха, который еще надо было просеивать от мелкой шелухи, но это уже не в лесных условиях.

В промысловых кедрачах ставят специальные «мясорубки» в виде ящика, засыпают в него по трети куля шишек и перемалывают. Просеивают на большом сите и откидывают орехи лопатой на брезент — орешки тяжелее, летят дальше, а вся мелкая шелуха и пыль оседает ближе или уносится ветром — получается чистый орех.

Ковалевы наполнили куль орехом с мелкой шелухой, убрали инструмент, присели отдохнуть, потом взмыли вверх над тайгой пустыми, чтобы почувствовать ощущение свободного полета, когда не стоит опасаться посторонних взглядов. Взявшись за руки, они парили над лесом, словно птицы, в восторге от ощущения свободы и невесомости, осматривали местность с высоты, вглядываясь в необъятную даль. Разве это можно передать словами?.. Позже Николай напишет в своем блоге:

Лес, тайга, Сибирь родная.
Сосны, кедры и лиственник.
Здесь березка листовая
Разместилась кое-как.

Необъятные просторы,
Белки, соболь и медведь,
Вдаль направленные взоры
Могут птицей улететь.

И вернуться через сутки,
Не нащупав край тайги,
Только северные утки
Знают кромку той земли.

Они опустились восторженные вниз, забрали рюкзак и куль, взмыли вверх, проплывая над тайгой, приземлились в соснячке собственного двора за домом. Николай решил сразу же закончить с орехом. Он принес из дома вентилятор и ванну, включил его, ссыпая орешки сверху. Ветром уносило пыль и мелкую шелуху, чистый орех падал в поставленную емкость.

Вечером Ковалевы уже щелкали орехи, посмеиваясь над российскими европейцами — как раз шел сериал «След» по телевизору, где объясняли, как щелкают орех сибиряки: не вдоль, а поперек. Надкусывают, поворачивают и еще раз надкусывают. Понятное дело, что москвичи кедровый орех щелкать не умеют, грызут его вдоль медленно, но взялись объяснить — делайте это правильно. Да, щелкают сибиряки орехи поперек, как белки, и никто не поворачивает его, и не надкусывает два раза.

К Ковалевым зашли Степаныч с Катей, с порога заявили, что суетиться не надо,

заглянули не на долго — попроведать.

— Угощайтесь, — Николай пододвинул вазочку с кедровыми орехами, — сегодня с Вероникой в лесок заглянули, немного ореха набили.

Вероника сходила на нулевой этаж, насыпала в целлофановый пакет гостинцев.

— Это вам, дома погрызете орешки, — пояснила она, — закончатся — еще приходите.

— В орешнике были, значит, телевизор не смотрели — сегодня весь день предупреждают население, что маньяк объявился в городе. Насилует и убивает девушек пятнадцати-двадцати пяти лет, он уже отметился в трех городах, где убивал от десяти до двадцати человек, вспарывая им животы после насилия. Два трупа подобных у нас нашли, полиция перешла на усиленный вариант несения службы. Зверь, а не человек, нелюдь, неужели у нас его не возьмут, сколько же еще невинных жертв предстоит? — ужаснулась Катя.

— Степаныч, ты связывался с ментами, что они говорят? — спросил Николай.

— Ничего конкретного. Есть только одна закономерность — убивает в среднем пятнадцать девчонок и переезжает в другой город. Свидетелей нет, в живых никого не оставляет, менты всех иногородних трясут и берут у них кровь на ДНК, а это сложный и дорогостоящий анализ. Сволочь... я бы такому хозяйство вырвал и в распоротый живот вставил — пусть почувствует сие блаженство. Почему для таких смертную казнь не введут — не понимаю. А еще лучше отдавали бы таких населению — вот это настоящее наказание, когда толпа на клочки рвет. Судили бы, чтобы достоверно установить преступление и отдавали родственникам жертв.

— Грезы — это тоже не плохо, Степаныч. Как дела в клинике, Катя? — спросил Николай.

— Все хорошо, пациенты довольны, часто просят организовать встречу с вами, чтобы поблагодарить лично. Почти на себестоимость выходим — единственный доход от нас — моральное удовлетворение. В основном детские операции съедают всю прибыль, есть достаточно дорогостоящие, но вы распорядились никому из льготников в лечении не отказывать. Есть, конечно, очень богатые родители, которым несколько миллионов рублей выложить не проблема. Узнают номер счета в банке и закидывают на него нужную сумму. Есть и другие — денег куры не клюют, а за копейку удавятся.

— Вероника как-нибудь зайдет к вам, встретится с больными, — предложил Николай.

— Ты же хозяин, я здесь при чем? — возразила она.

— Если есть хозяин, то есть и хозяйка. Другие возражения имеются?

— Тебе возражишь, — усмехнулась она, — схожу, конечно. Катя, тебя надо заранее предупредить или можно появиться в любое время?

— В любое, — ответила она, — они все-таки больные и у себя в кабинете я их собирать не стану. Зайдешь в палаты, пообщаешься, выслушаешь пожелания.

— Договорились, как-нибудь заскочу.

Степаныч с Катей ушли домой, пригласив соседей в воскресенье на пашлыки. Оставшись одни, Вероника спросила Николая:

— Что станешь с потрошителем и насильником делать? Ты же не позволишь ему больше совершать преступлений?

— По-разному уже думал, — ответил он, — хотел в начале его на месте взять, перед насильственными действиями, но зачем девушку пугать, ни к чему это, он и так много наворотил. Приехать, чтобы он все написал, а потом самого выпотрошить? Руки пачкать о

гниду... Сдам его в полицию... зэки его сами накажут.

— Его в одиночку поместят и пожизненный срок дадут — зэки до него добраться не смогут, — возразила Вероника.

— Доберутся, не беспокойся, найдутся добрые люди, отведут в другую камеру.

Ковалев позвонил Кирносову.

— Павел Аркадьевич, я понимаю, что уже поздно, но разговор серьезный и безотлагательный, подъезжай ко мне домой, жду.

— Хотя бы тему намекнули, Николай Петрович.

— Тема злободневная — маньяк-потрошитель.

— Еду, — ответил Кирносов.

По приезду он спросил с порога:

— Карнаухов с командой что-то нарыли? Он сам бы мог ко мне обратиться.

— Полковник, договоримся сразу — без лишних вопросов. Сам хотел эту гниду выпотрошить, но... Условие одно — на меня не ссылаться. Как вы там задержание оформите — мне все равно. Случайно или по плану реализации оперативных мероприятий, но взять преступника должны до утра, иначе еще одной жертвой станет больше. За содержание в одиночной камере он сам вам информацию выложит, успевайте только записывать и свои нервы в узел завязывать, чтобы раньше времени гниду не раздавить собственноручно. Сравните ДНК и другого не потребуется.

Ковалев назвал адрес и фамилию.

— Только один вопрос, Николай Петрович, почему в полицию его отдаете?

— Потому что полиция должна ловить преступников, а не народ. Добрые люди и в СИЗО найдутся, в одиночке держать не станут. Он все прочувствует, все прелести им совершенные.

Кирносов уехал, по дороге обдумывая ситуацию. Он следователь, а не оперативник... Полковник поехал сразу же в ОМОН, зашел к командиру дежурного отделения.

— Мне нужны три-четыре бойца с крепкими нервами, чтобы при задержании преступника не убили сразу и не забили до смерти.

— Заявка есть?

— Оформлю после задержания у себя в кабинете, информацию только что получил, времени на формальности нет.

— Если кто-то с заявкой придет, а у меня бойцов нет, что я начальству скажу? — возразил командир.

— Я же говорю, что заявка будет, — ответил Кирносов.

— Ладно, не первый день тебя знаю. Кого берем?

— Маньяка, который девчонок насилует и убивает. Огнестрельное оружие у него вряд ли есть, но холодное имеется.

— Так с этого и надо было начинать, говори адрес.

Командир отделения собрал своих бойцов.

— Едем брать особо опасную гниду, скорее всего у него только холодное оружие, но быть начеку. Брать жестко, без любезностей, единственное условие — взять живым, только живым и не сильно покалеченным, чтобы мог говорить и чистосердечное признание написать. Отпинать по полной программе, но морду целой оставить и правую руку. Вопросы?

Такой приказ омовцы еще не получали ни разу, догадались, спросив:

— Маньяк что ли? Зачем его живым брать?

— Умный нашелся... Свое он и так получит... живым и не сильно покалеченным, это приказ.

Автомобиль спецназа ехал по небольшой улочке с деревянными частными домами. Кирносов волновался больше омоновцев — маньяк ли, сознается ли сразу, не покалечили бы его сильно? Фактами он не располагал — всего лишь верил Ковалеву.

Маньяк выбрал неплохое убежище — частный дом с закрытым двором, где можно укрыть автомобиль от посторонних глаз. Хозяин с удовольствием сдал его в аренду, ни о чем не расспрашивая и не появляясь в нем.

Маньяк приобрел Жигули седьмой модели в хорошем состоянии по доверенности, собственник о нем ничего не знал и вычислить преступника по машине было практически невозможно. В городе всегда можно встретить одиноко идущую девушку, и маньяк успешно пользовался этим. Открывал заднюю дверцу автомобиля, вроде бы что-то ища в нем, когда девушка подходила, ничего не подозревая, резко, без взмаха, бил ее в солнечное сплетение. Хватая воздух, она сгибалась без звука, со стороны, если кто-то и наблюдал, казалось, что встретились давние знакомые, обнимаются и мужчина нежно усаживает подругу в салон тонированной машины. Он надевал на нее наручники сзади и быстро уезжал. Дверцы заблокированы, стекла тонированы, в салоне музыка — хоть закричись, хоть застучись.

Маньяк свободно въезжал во двор и уже без опаски выводил девушку из машины. В комфортных условиях насиловал ее в разных позах, удерживая иногда день, а иногда сутки. Потом возвращал в автомобиль и увозил на какой-нибудь пустырь. Истошного крика он не переносил, заклеивал скотчем рот, вставлял во влагалище нож и единым движением вспарывал тело до грудины. Смотрел с ухмылкой на бежавшую кровь, на обезумевшие от боли и страха глаза, на вываливающиеся из брюшной полости кишки. Он наслаждался видением... Когда тело затихало от агонии, он садился в машину и уезжал.

Омоновцы, подъехав к адресу, осмотрелись. Двое отправились к тыльной стороне дома, чтобы держать под контролем окна с противоположной стороны. Трое, выбив одним ударом дверь, ворвались внутрь. Маньяк мгновенно сообразил, упал на пол и закрыл голову руками, закричав:

— Сдаюсь, я не сопротивляюсь.

Берцы заработали, соприкасаясь с животом, спиной и мягким местом. Кирносов, вошедший следом, видел, как маньяк корчится на полу, извиваясь от ударов, крикнул:

— Прекратить немедленно.

Преступника обыскали, надели наручники и посадили на стул. Кирносов подошел, произнес злобно:

— Рассказывай, тварь. Все рассказывай.

— Бить не будете — расскажу, пусть они уйдут, — он кивнул на омоновцев, — говорить буду только со следователем и в присутствии адвоката.

— Ты еще смеешь рот свой поганый раскрывать, паскуда, — возмутился Кирносов, для задержания адвокат не нужен. Ребята, я выйду ненадолго, — обратился полковник к омоновцам, — он начал сопротивление оказывать при задержании...

— Не-е-ет, — истошно закричал преступник, — не надо, я не выношу боли. Двоих девушек убил, насиловал их здесь, потом увез на пустырь, зарезал там, нож на столе.

— Сколько изнасиловал и убил в других городах?

— Много, считать надо, в каждом городе по-разному, но я все расскажу, только не

бейте, — занял маньяк.

Подъехала оперативная группа, пригласили понятых, обыскали дом. Кроме ножа и постельных принадлежностей ничего не изъяли, автомобиль забрали на арест-площадку.

В следственном комитете маньяк давал показания в присутствии адвоката под видеозапись. Кирносов часто делал перерыв — невозможно слушать этого ублюдка, рассказывающего в подробностях о своих преступлениях. Он, видимо, еще и еще раз получал удовольствие, описывая ужасы агонии девушек, их глаза, полные боли и страха, вываливающийся наружу кишечник, стоны и мычащие крики из заклеенного скотчем рта. Маньяк сознался в сорока двух преступлениях.

Кирносов возмутился:

— Эту сволочь необходимо направлять на психиатрическую экспертизу, гад получал удовольствие от агонии и предсмертных судорог девочек... Признают душевно больным...

— Это еще не факт, — успокаивал его начальник следственного комитета, — там тоже находиться не сахар. Неизвестно еще, где хуже — на особом режиме в психушке или в одиночке.

Вечером в переполненной камере зэки играли в очко при тусклом свете единственной зарешеченной лампочки. Внезапно дверь отворилась, карты убрать не успели, накрыв их газетой. Вошел мужчина в гражданке и маске на лице. Зэки оторопело смотрели на него — обычно появляется контролер в проеме, потом уже заводит кого-либо или вызывает на допрос, на беседу в оперчасть. Камера и так переполнена, но особое удивление вызывала маска на лице. Мужчина сразу же объявил:

— Ваш коридорный спит, будить и тревожить его не надо. В соседней одиночке маньяк, на нем сорок две девочки. Единственное условие — он должен до утра жить и сдохнуть только перед проверкой. Утром я вернусь и камеру закрою. Вы ничего не видели и не слышали.

Мужчина исчез, зэки переглянулись, они знали о маньяке, но добраться до него не рассчитывали.

На утренней проверке режимники и ДПНСИ застали в блоке коридорного контролера спящим, разбудив его с трудом, они не добились четкого ответа, он все еще находился в полусонном состоянии. Но камеры все закрыты, все в порядке. Проверив все, последней открыли одиночку. Труп маньяка отправили на экспертизу. Позже судмедэксперт рассказывал некоторые подробности в кулуарах заведения:

«Его имели всю ночь, зад и прямая кишка порваны. Уже утром сделали из яиц смятку. Руки вывернуты в плечевом суставе, когда трахали эту сволочь раком, то одновременно поднимали на дыбу, чтобы секс медом не казался. Всю ночь мучили, утром он от болевого шока умер, когда яйца раздавили. Страшная смерть, но такому еще мало, я написал в заключении — острая сердечно-сосудистая недостаточность. Сердце от переживаний не выдержало, на хрена нам проблемы. Первый раз в жизни пошел на фальсификат заключения и не жалею. А коридорного охранника кто-то здорово снотворным наштиговал»...

* * *

Николай с Вероникой щелкали орешки у камина. На улице моросил дождик с ветром, зябкая, мрачная и сырая погода не проникала внутрь дома. Лишь охранники на улице

поеживались, обходя временами территорию двора по периметру. Бывшие спецназовцы ФСБ не роптали, что выполняют простую работу, им хорошо платили и это возмещало отсутствие бывалого адреналина.

Березовые поленья в камине потрескивали, язычки пламени скакали в причудливых формах, выплескивая иногда приятный запах костра в гостиную. Тепло и уютно сидеть в кресле, щелкать кедровые орешки и размышлять о смысле жизни.

Николай уже давно ощущал неудовлетворенность бездействия. Его управляющая компания отслеживала и проверяла отчетность алюминиевого завода и «Газойла» в полном структурном объеме. Ковалевы были богаты, очень богаты, но они росли не золотой молодежью, для которой основной формой жизни являлось ничего не деланье, гулянки и тусовки их не прельщали.

Пора подумать о смысле жизни, о месте в обществе. Совсем не о месте жирующего олигарха. После подсказки Николая Вероника уже выбрала свой путь, семейная чета считала его наиболее правильным, обоснованным и полезным. Вероника даже почувствовала себя лучше от мыслей, что нашла себе применение.

— Как быть с тобой, Коленька? — спросила озабоченно она.

— Да, со мной сложнее, не хочется идти по одному пути, даже если он правильный и нужный людям. Общество еще не готово к восприятию революционных теорий в науке. Такие теории должны идти сверху, а снизу они приведут к психбольнице. Представь себе, что я предложу академикам посещать свои занятия, — он усмехнулся, — какой-то там тип без кандидатской и докторской степени пожелал их обучать учености. Тот же академик от медицины быстро определит меня в дурдом и на этом все закончится. Защищать диссертации намеренно низкого уровня, соответствующего времени, не хочется, а прыгнуть вперед не получится, не дадут. Потратить пять лет впустую, чтобы стать академиком и потом уже двигать науку — бред, но, видимо, без этого не обойтись. Можно что-то самому сделать, а потом предъявить, как факт, от которого не уйти, деньги у нас есть. Но я еще с отраслью не определился. Двигатели, межпланетные космические корабли построить или супероружие создать? Хотя... начнем с малого, министр обороны будет вынужден обратиться ко мне сам.

— Ты хочешь...

— Да, Вероника, выхода у меня другого нет.

Утром Ковалева отправилась в областную администрацию, при которой находилась вновь созданная специальная комиссия. Написала заявление. Его приняли и посмотрели с недоверием, граничащим с враждебностью. Опять эти чертовы экстрасенсы за получением лицензии на работу.

В области решили навести порядок в этой сфере, запретив деятельность всех народных целителей, экстрасенсов и прочих колдунов без наличия лицензии, выдаваемой специальной комиссией, в которую входили профессиональные врачи-практики, ученые и фармацевты. Специальная комиссия отказалась от прежнего подхода, когда делались замеры энергетического поля, рассматривались документы, свидетельствующие о специальном обучении и так далее. Ни к чему хорошему это не приводило, ибо многие учителя на таких курсах сами являлись обычными шарлатанами. Вопрос решили просто и четко — подбирали десять больных с достоверным диагнозом, кандидату на лицензию предлагали поставить диагноз. Если он ставился правильно во всех случаях, то наблюдали за энергетическим воздействием. Никто еще из известных экстрасенсов области лицензию не получил. До

лечения не доходило ни у кого — лучший кандидат смог правильно поставить диагноз только у шести больных.

Встречу-проверку знаний назначили через две недели в областной больнице. Комиссия в полном составе явиться не соизволила, отдав все бразды на усмотрение председателя, доктора медицинских наук профессора Ларионова Леонида Кузьмича. Веронике пришлось ждать его целый час, пока он читал лекцию студентам. Ей хотелось высказать профессору, что чужое время тоже необходимо ценить, но приходилось терпеть.

Ларионов посмотрел на нее, словно на врага народа, бросил снисходительно:

— Ждите, — и ушел в свой кабинет.

Он и не занимался подбором больных до этого, но время назначено, пришлось идти в терапевтическое отделение, брать десять историй болезни. Заведующий отделением тоже решил поучаствовать в экзамене, хотя и не был членом комиссии. Профессор пригласил экзаменуемую в кабинет, глянул на документы.

— Вероника Андреевна, не передумали становиться экстрасенсом? — с усмешкой спросил он.

— Не передумала, — ответила она, — аттестация проходит в два этапа — постановка диагноза и лечение. Я бы хотела все совместить, если вы потом не станете вредить пациентам.

— Вредить пациентам?.. Вы соображаете, что говорите? — нервно удивился профессор.

— Конечно, Леонид Кузьмич, я думаю, что говорю. Допустим, вы приводите ко мне больного с диабетом, я ставлю диагноз и исправляю больные бета-клетки островков Лангенгарса. Последующее введение инсулина ему будет вредно. Поэтому договоримся так — всех больных вы обследуете, но никакого лечения не проводите, ибо оно будет вредить выздоровевшим пациентам.

Профессор расхохотался от души.

— Нет, ты посмотри Юрий Филиппович, — обратился он к своему коллеге, — она исправит поврежденные бета-клетки. Никто их в мире исправить не может, а она в две секунды все выправит. Такой самоуверенности я еще не встречал. И что будем делать?

— Вас смешат мои знания, профессор? Удивительно... только что здесь смешного?

Ларионов подавил в себе смех.

— Извините, Вероника Андреевна, конечно, ничего смешного в этом нет. Просто мне не приходилось еще экзаменовать подобных прелестных созданий, наделенных чувством... — он не договорил и замолчал.

— Хорошо, мы пойдем другим путем, — предложила Ковалева, — который отвергнет все ваши сомнения. Я понимаю, что в некоторые вещи поверить сложно или же практически невозможно. Предлагаю следующее — наверняка в больнице есть кто-нибудь с воспалением легких, которое подтверждается аускультацией, лабораторными исследованиями и рентгенограммой. Вы дадите мне минутку общения с таким больным. После этого слушаете его — ни каких хрипов: только везикулярное дыхание. Рентгеновский снимок покажет чистые легкие. Это то, что можно посмотреть сразу, позже анализ взятой крови подтвердит, что больной здоров. Невероятно, правда, но факт будет иметь место. Вы же ничем не рискуете, но вот вводить инсулин диабетика уже вряд ли станете после моего лечения. Экспресс-анализ вам подтвердит, что сахар в норме, а позже вы и сами убедитесь, диабет исчез, словно его и не было никогда. Займемся делом или станем, как в Госдуме заниматься пустословием?

— У меня есть такой пациент, вчера поступил с воспалением легких. Попробуем?

— Юрий Филиппович, — нахмурился профессор, — вы заведующий отделением, образованный человек, а поддаетесь на уловки... на несбыточные уловки. Экстрасенсы тем и знамениты, что пудрить мозги умеют лучше цыганок.

— Вам потом стыдно не будет, господин профессор, кем вы себя будете считать, если я окажусь права? Консерватором... нет, скорее депутатом, болтающим разную чепуху для народа. Решитесь потратить несколько минут своего драгоценного времени, а потом смейтесь хоть до упаду.

Ларионов внимательно посмотрел на Ковалеву.

— С одним условием, Вероника Андреевна, Юрий Филиппович приведет сейчас сюда больного, а вы заберете свое заявление на предоставление лицензии.

— Договорились, профессор, но тоже с одним условием — если больной не вылечится мгновенно, — с улыбкой ответила Ковалева, но лучше пройти к пациенту в палату, у него наверняка постельный режим и высокая температура.

Они вошли в палату. Больной как раз мерил температуру, ему становилось хуже. Заведующий взял градусник:

— Ого, тридцать девять с половиной...

Профессор послушал его, посмотрел анализы, снимки и посмотрел на Ковалеву. Она под села к больному на кровать.

— Где же вы так умудрились простыть? Но ничего, до свадьбы все заживет. У вас прекрасный лечащий врач, назначено правильное лечение и вам становится лучше. Померяем температуру еще раз.

— Действительно стало легче дышать и слабость исчезла. Спасибо девушка на добром слове, — ответил больной.

Он поставил градусник, через пять минут он показал нормальную температуру. Профессор слушал долго, поворачивая больного то на спину, то на живот, потом произнес удивленно:

— Поразительно, но нет никаких хрипов, абсолютно чистое везикулярное дыхание!..

У больного взяли кровь и увели на снимок. Рентген показал здоровые легкие, а экспресс-анализ крови отсутствие лейкоцитоза и нормализовавшуюся СОЭ. Профессор находился в своеобразном шоке.

— Но это же невозможно... есть определенные стадии пневмонии и на каждую необходимо время даже при самом лучшем лечении. Никаких выводов и выписки — только наблюдение, — резюмировал он.

— Продолжим мою аттестацию, — предложила Вероника.

— Что? Ах, да... аттестация. Вы врач?

— Нет, — ответила Вероника.

— Так чего же вы не поступаете в университет? Я лично проконтролирую, чтобы вас приняли без учета проходного балла. Вам необходимо обязательно учиться.

— Учиться, — повторила Ковалева, — извините, профессор, ничего личного и без обид — мне у вас нечему учиться, а терять зря шесть лет я не хочу. Кстати, у вас митральный клапан барахлит — смесь недостаточности со стенозом, но сейчас уже все в порядке, операция не потребует. Камешки в желчном пузыре периодически мучают, приступы случаются довольно часто, но операция или дробление не понадобится — они рассосались. Простату вам немного подправила — тоже проблемы были. У вас, доктор, — она

повернулась к заведующему отделением, — травма коленного сустава была в прошлом, по лестнице поднимаетесь с трудом. Мениски восстановились, можете присесть на одной ноге — проблем не будет.

Пока один приседал, второй слушал собственное сердце. Потом убежал, вернувшись через пятнадцать минут с кардиограммой в руках.

— Не понимаю — ни каких пороков! Как вы это делаете, Вероника Андреевна, неужели это возможно?

Она пожала плечами, предложила снова:

— Продолжим аттестацию?

— К черту аттестацию, как вы это делаете?

— Извините, Леонид Кузьмич, но вы не поймете. Что-то можно, конечно, объяснить, но это длинная история. Если только в двух словах — это медицина будущего, которая современникам не подвластна. Кроме отдельных личностей, таковых на земном шаре двое. Я могу получить лицензию?

— Конечно, Вероника Андреевна, конечно, — ответил несколько удрученный профессор, — я сегодня же переговорю с другими членами комиссии. Через три дня она будет готова. Где вы станете принимать пациентов, какие предполагаете расценки? Могу договориться с главным врачом по аренде помещения, вам, естественно, лучше принимать у нас.

— Я достаточно обеспеченный человек, Леонид Кузьмич, поэтому прием будет условно бесплатный в «Медицинском центре», рублей за сто, не более.

— Чем же хуже у нас? — спросил Юрий Филиппович.

— «Медцентр» — моя клиника, — ответила она.

— Ваша!? — удивленно воскликнул Ларионов.

— Если быть точной — то моего мужа. Я могу обратиться к вам с просьбой, профессор и к вам, доктор?

— Конечно, — враз ответили они.

— Не рассказывайте обо мне в ярких красках — не поверят, а мне реклама не требуется. До свидания.

— Это точно, — произнес со вздохом Ларионов после ухода девушки, — сам до сих пор не верю. Если только действительно медицина будущего...

Вечером Ковалевы посетили Степаныча с Катей.

— Тук-тук, белок с гостинцами принимаете? — спросил Николай, входя в гостиную с Вероникой.

— О-о, орешки принесли, это хорошо, без орешков не пропускаем, — ответила с улыбкой Екатерина, — уже почти все со щелкали. Занятие затягивающее, полезное и отвлекающее от усердного труда.

Николай поставил мешочек на стол, сел в кресло рядом с Вероникой.

— Как настроение, самочувствие? — спросила она.

— С вашим приходом улучшилось, — ответил Степаныч, — чайку?

— Нет, мы по делу пришли, надо несколько комнат или кабинетов выделить в «Медцентре» для приема пациентов — Вероника станет вести прием, — пояснил Николай.

— Собственнику я не могу не выделить помещение, — ответила Воронцова, — но у Вероники же нет медицинского образования.

— Я сегодня сдала экзамены, через три дня получу лицензию на прием больных, как

экстрасенс. Профессор Ларионов долго мучал, но все же свое добро дал.

— Ларионов... это невероятно, — удивилась Воронцова, — он сам был инициатором идеи выдачи новой лицензии. Но как ты смогла правильно поставить диагноз без диагностических методов исследования? У него, насколько я знаю, ни один врач подобную лицензию получить не смог.

— Катя, ты несколько пугаешь понятия врача и экстрасенса. Любой экстрасенс может выучиться и стать врачом, а вот экстрасенсом может стать далеко не каждый доктор, — ответила Вероника. — Сейчас много сплетен и толкований экстрасенсорики, кто-то называет ее биоэнергетикой, кто-то колдовством, но не в названии дело. Все понимают, что это особая диагностика и лечение, где широко распространено шарлатанство. Существует условная граница заболеваний, где может помочь экстрасенс, а где не может. Мы с Колей подумали — терять шесть лет на учебу: зачем, чему и кто там меня может учить? Ларионов тоже предложил учиться, но потом согласился, что мне учиться у него нечему. Я попросила его языком лишней раз не болтать, а то загремит в психушку, не смотря на то, что профессор. У нас это просто делается — начнут колоть седативные и транквилизаторы и сойдет человек с ума. Есть, Катя, необъяснимые вещи, например, будет у тебя неоперабельный больной или другой, которому терапевтическое лечение пользы не принесет. Запущенная стадия и так далее. Но зачем же такому умирать, если ему двадцать или пятьдесят лет? Жить ему еще, да жить... Ты таких ко мне направляй — станут от меня уходить здоровыми после одного приема.

Вероника улыбнулась, поглядывая на Воронцову, продолжила:

— Ларионов тоже ко мне отнесся с недоверием, если мягко сказать, но позже все выяснилось, и он полностью со мной согласился.

— Наверное, не стал спорить — у него больное сердце, вздохнула Катя, — ему операция необходима, причем в срочном порядке. Он в нашей клинике через неделю на операцию записан. Извините, это строго между нами — все-таки врачебная тайна. Но я обязана знать, как ты, Вероника, профессора уговорила, я член этой самой комиссии, на которой ты сегодня была. Конечно, я поставлю свою подпись, если Леонид Кузьмич на этом станет настаивать. Но честно скажу, только потому, что он больной человек, а не потому, что вы, господа, извините, владельцы клиники. Я все-таки врач прежде всего...

Она отвернулась и замолчала.

— Ну вот, на тебе... — вмешался в разговор Степаныч, — я давно тебя, Николай, знаю и привык ничему не удивляться. Но лезть во врачебное дело человеку без образования — это уж слишком.

— Тогда мне пора подвести итоги и высказать резюме. Я хочу сказать следующее — Вероника не обиделась, воспринимает все адекватно. Сказанное ею — чистая правда. Завтра господин Ларионов объяснит ситуацию Екатерине Васильевне, как члену комиссии, а когда удивитесь и посмеетесь над собой — ждем в гости вечером.

— Так это шутка была? — спросила Воронцова, — вот дура, а я приняла все за чистую монету.

Ковалевы ничего не ответили и ушли. Катя занервничала:

— Степаныч, чего ты молчишь? Я хорошего человека обидела зря, а ты тоже хорош: лезть во врачебное дело человеку без образования — это уж слишком, — передразнила она его.

— Не очень давно Ковалева знаю, — ответил он задумчиво, — но не раз убеждался в

очевидности невероятного. Я так думаю, что это была не шутка и смеяться будем завтра над собственной глупостью и недоверием. Конечно, это была не шутка, вот дурень, не сообразил сразу. Ковалевы такими вещами шутить не станут.

— Степаныч, ты то хоть мне душу не трави. Как может девочка без образования лечить людей, как? Согласна, что повела себя не правильно. Соседи, хозяева помещения, а, главное, хорошие люди, а я со своей принципиальностью. Они же не по работе пришли, а по соседски, — корила себя Екатерина, — но лечить она все равно не может.

— Ладно, не накачивай себя — я виноват. Ты Ковалевых не знаешь, а я знаю. Надо было как-то намекнуть тебе, подсказать, а я в фарватере поплыл. Лечить она не может, согласен, она станет излечивать за один сеанс, как и сказала. И это факт. Ковалева все Марсианином называют за его реальные инопланетные выходки, а жена у такого землянкой быть не может. Пойдем спать, нечего слова из пустого в порожнее гонять — завтра все прояснится.

Воронцова спала плохо, но не потому, что задумывалась над способностями Вероники. Здесь для нее все было ясно — причуды богачей неисповедимы. Надавила на Ларионова, как хозяйка «Медцентра», ему как раз предстояла операция, вот он и согласился. Бог с ней, с Вероникой, Екатерина тоже была не девочкой и умела играть в сложные игры. Она подпишет, но другие члены комиссии этого не сделают. Ларионов — за, она — за, а лицензии нет, пусть дует потом на воду. Ее волновало совсем другое — только стала налаживаться жизнь... Степаныч ей нравился, а он почему-то стал за Ковалевых горой. Придется поддакивать и соглашаться, но так хочется чистоты отношений. Она уснула под утро, так и не разобравшись в себе, не выработав определенного плана.

Ларионов приехал в «Медцентр» сам — Воронцова этого не ожидала. Причем он пригласил к ней и других членов комиссии. Екатерина решила не начинать сама разговор, спросила лишь о здоровье.

— Спасибо, Екатерина Васильевна, все хорошо. Благодарю членов комиссии, что согласились приехать сюда. Почему я решил и попросил вас собраться именно здесь? По нескольким причинам. Во-первых, на аттестации вчера была хозяйка «Медцентра» Ковалева Вероника Андреевна, во-вторых — самому обследоваться и отменить операцию, которую мне должны были здесь проводить через неделю. В-третьих, чтобы сами во всем убедились. Но все по порядку...

— Леонид Кузьмич, — перебил его кандидат медицинских наук Борзов, — мы вам абсолютно доверяем, тем более, что это хозяйка клиники. Подписываем без вопросов и начинайте обследование — свое здоровье важнее.

— Господа, я бы попросил все-таки выслушать меня и не задавать вопросов. Я уложусь в пять минут, потом спрашивайте о чем угодно. Так вот, не дословно, но по существу и тезисно доложу вам результаты аттестации. Я пожалел о том, что вы не присутствуете, это было что-то невероятное, но очевидное. Отброшу излишний спор между нами, то есть между мной и Ковалевой, у которой нет медицинского образования. Отброшу мои начальные недоумения и даже возмущения. Когда все закончилось, я оказался в восторженном шоке, а Юрий Филиппович Лавров, заведующий отделением, который тоже присутствовал на аттестации, был просто в ауте. Извините, к делу, — собрался Ларионов, — у Лаврова находился больной с двусторонним воспалением легких. Классическая картина, температура под сорок. Заходим к нему в палату, Ковалева присаживается к нему на кровать, сказала несколько слов и встала. Меряем температуру — норма, слушаю больного — дыхание везикулярное, ни каких хрипов, снимок показывает чистое легкое без затемнений, берем

кровь на анализы — никакого лейкоцитоза. СОЭ и вся формула в абсолютной норме. Ничего не понимаю — куда делись все стадии болезни, пациент здоров, как бык. Вернулись ко мне в кабинет, эта Ковалева на меня смотрит и говорит, что у вас, профессор, сложный порок митрального клапана, но я уже все исправила. Камешки у вас в желчном пузыре, но они уже растворились. Простата, возраст, но тоже уже все в порядке. Потом поворачивается к Лаврову и ему — травма колена, менисков нет, но они уже выросли, можете присесть. Он по лестнице с трудом поднимался, а тут на одной ноге стал приседать. Я ждать не стал и на ЭКГ — на кардиограмме здоровое сердце. Знаю, что в желчном пузыре у меня не камни, а булыжники были, но УЗИ их не обнаружило. Я не понимаю, как она это делает, как ставит диагноз, как лечит? На вопрос ответила, что это медицина будущего, я не пойму. И я действительно ни черта не понимаю. Екатерина Васильевна прекрасно знает, что у меня был сложный порок сердца, но куда он делся за одну минуту? Господа, это невероятно, но это чудо, это факты, это... слов нет. Вы знаете, что мне эта Ковалева сказала, вернее попросила? Смысл в следующем — не болтать лишнего, никто не поверит, а в дурку угодить запросто смогу. Как вам сия аттестация, господа?

— Не поверить в сказанное вами я не могу, Леонид Кузьмич, но и поверить в невероятное сложно. Лицензию мы Ковалевой дадим, но пусть сначала нас тоже обследует, у каждого свои болячки имеются, — предложил Борзов.

— Это будет не правильно, коллеги, — возразила Воронцова, — мы сами отказались идти на аттестацию, передоверив ее уважаемому Леониду Кузьмичу. Но не расстраивайтесь, я организую прием.

— Да-а, после лицензии она такую цену задерет, что мама не горюй, — снова возразил Борзов.

— Нет, этого как раз не будет, — ответил профессор, — я задавал подобный вопрос, она женщина богатая и цену назвала символичную — сто рублей за прием. Члены комиссии подписали необходимые документы и ушли. Ларионов остался переговорить с Воронцовой и еще раз обследоваться. Повторное ЭКГ не выявило нарушений в работе сердца, митральный клапан работал, словно часы.

— Вчера Ковалевы ко мне домой приходили, — с горечью произнесла Воронцова, — я несправедливо высказалась резко, не знала, что она может такое. Мой муж сказал, что Ковалев инопланетянин, а, значит, его жена землянкой быть не может. Шутка, конечно, но шутки в ней мало. Сегодня пойдем извиняться. Но как бы то ни было — куда мог исчезнуть митральный порок сердца? Стеноз и недостаточность терапевтическому лечению кардинально не поддаются. Не понимаю...

— А я понимаю?.. Правильно она просила — лучше об этом лишнего не говорить. Передадите ей лицензию, Екатерина Васильевна? И поблагодарите еще раз от моего имени.

Кудасов Сергей Валентинович, министр обороны, задремал в собственном кабинете. Решил подумать, устроившись поудобнее в кресле, но напряженная работа и усталость сморили его. Очнулся он быстро, открыл глаза. Приснится же такое... Какой-то мужик пришел к нему, объяснил, что к министру просто так на прием не попасть и по телефону не позвонить, а очень надо — он изобрел новый металл с удивительными свойствами, который станет самым востребованным и секретным в оборонной промышленности. Приходится являться во сне...

Генерал армии мотнул головой, словно стряхивая наваждение, пододвинулся на кресле поближе к столу и чуть не вскрикнул — на столе лежал лист металла и записка: «Сон и явь часто переплетаются, я действительно приходил во сне, но образец нового металла оставил наяву. Его необходимо исследовать на состав и прочность — быстро поймете, что он нужен армии, как воздух, а я загляну к вам позже».

Министр вызвал адъютанта:

— Я задремал ненадолго, но чувствую, что кто-то заходил ко мне, кто?

— Товарищ министр обороны, к вам никто не входил в течение часа. Последний раз я заглядывал, когда вы попросили не беспокоить.

Министр хмыкнул, хотел потрясти листом железа перед адъютантом и запиской, но не стал этого делать, решил, что могут не так понять. Он и сам ничего не понимал. Оставшись один, взял лист в руки — необычно легкий металл слегка голубоватого цвета, попытался его согнуть: не получалось. Странно, подумал министр, лист очень тонкий и невесомый. Он прислонил его к стене под углом в сорок пять градусов и попытался согнуть ногой — ничего не получилось, лист не реагировал ни малейшим изгибом. Министр хмыкнул еще раз и решил все-таки отдать железо в спецлабораторию, приказал проверить на состав и прочность. Закрутился за делами, но адъютант напомнил ему через неделю:

— Товарищ министр, звонит начальник спецлаборатории, просится на личный прием по очень важному делу, тему не объясняет, говорит, что вы в курсе.

— Где он?

— Внизу, на входе.

— Пригласите и там с ним должен некий образец быть.

— Так точно, товарищ министр обороны, принес металлическую пластину, ее изъяли.

— С этой пластиной и пригласите, — приказал министр.

Начальник спецлаборатории сел в указанное кресло, доложил, снова встав:

— Товарищ министр обороны...

— Сидите и без беллетристики, какие выводы?

— Товарищ министр обороны, состав металла установить не удалось, он не поддается спектральному анализу и другим методам исследования, рентгено-флуоресцентный спектроскоп ничего не показывает. Радиоактивное излучение металл не пропускает совсем, в этом плане тоненький лист работает лучше метровой толщины свинца. Физическому, химическому и механическому воздействию образец тоже не поддается, алмазные пилы и сверла не оставляют на нем даже царапин, бронебойный снаряд его не пробивает и не оставляет следов после прямого попадания, на температурное воздействие не реагирует. Мы не могли его расплавить в доменной печи, товарищ министр, этот лист неземного

происхождения.

— У вас все непонятное неземного происхождения, спасибо, вы свободны, образец оставьте.

— Есть, товарищ министр обороны.

Ничего себе листочек — ни согнуть, ни разогнуть, ни пробить, ни просверлить, ни расплавить. Министр обратил внимание на бумажный лист с надписью, откуда он взялся? «Это мой телефон, лучше не проверять номер, совсем необязательно, чтобы его еще кто-то знал. Если образец вас удовлетворил, то звоните после обеда».

Мистика какая-то, осел в кресло министр, только что ни этого листка, ни надписи не было. Надписи может и не было, она исчезла, остался только номер. Он глянул ошарашенно на часы, решил позвонить.

— Добрый день, товарищ министр, жду вас в Н-ске и не пугайтесь, когда я появлюсь в вашей машине. До встречи.

Он так и не сказал ни слова, отключив связь. Он ничего не понимал — если бы не образец металла, то можно было бы пойти к врачу. Сам решение принимать не стал, позвонил верховному главнокомандующему. Докладывал неуверенно, с оговорками и извинениями. Президент его выслушал, ответил:

— Я понимаю вас, Сергей Валентинович, сплошные галлюцинации и видения, если бы не заключение экспертов. Но это факт. Поставьте себя на место этого неизвестного. Если он действительно изобрел новый металл и предлагает его министерству обороны, то он во всем прав. Зачем лишним людям знать его или номер его телефона? Для розыгрыша подобных образцов металла не делают. Летите в Н-ск и держите меня в курсе.

Удивленного, немного испуганного и озадаченного министра Ковалев привез в свой коттедж.

— Здесь нам никто не мешает разговаривать. Прислугу я отпустил, в доме только моя партнерша, подруга и жена Вероника, она в курсе моих дел, и я ей полностью доверяю. Охрана — бывший спецназ ГРУ, так что можете чувствовать себя уверенно и спокойно.

Мужчины расположились в креслах у камина. Вероника организовала на передвижном столике легкую закуску, поставила рюмки, бокалы, водку и коньяк, села в кресло рядом с мужем. Ковалев чувствовал, что министр серьезно не воспринимает ее и хотел бы переговорить один на один, поэтому повторился:

— Вероника в курсе моих дел и умеет обращаться с интересующим вас металлом. Водочки, коньяка?

— С удовольствием, но позже. Николай Петрович, что это за металл такой, в каком количестве его можно получать и как его обрабатывать?

— Хорошо, я стану вас называть по имени отчеству, вы все-таки мне в отцы годитесь, а я Николай, жена Вероника. Металл... у него нет названия, я его еще никак не назвал, давайте назовем вместе, пусть будет Веронит.

— В честь супруги — похвально. Пусть будет Веронит, — согласился министр.

— Я получаю его, — продолжил Николай, — растворяя в определенном жидком составе ряд химических элементов таблицы Менделеева, в том числе железо и другие ингредиенты, придающие прочность. Химические элементы таблицы Менделеева известны всем, а состав и пропорции металла — это мое ноу-хау. Металл получается в жидком виде, его можно залить в любую форму, любой толщины, длины, ширины и конфигурации. Со временем раствор застывает и получается то, что вы видели. Стоимость примерно равна прокатному

листу обычной нелегированной стали такого же размера и толщины. Лист толщиной в половину миллиметра может выдержать давление на дне Марианской впадины, самолет или корабль из такого металла нельзя сбить, прямое попадание ракеты любой мощности может лишь сдвинуть самолет с курса взрывной волной, на нем даже царапин не останется. Но, наверное, вам главнее знать, что самолет или корабль из этого металла нельзя засечь, они невидимы для радаров, эхолотов, системы самонаведения ракет и так далее. Подплыла подводная лодка к берегам США — если не увидят ее глазами или пальцем не потрогают, то даже в метре никакими приборами не засекут. Акустики противника станут слепы и глухи. Если отлить пули из этого металла, то танки противника ему не потребуются — любой наш солдат или офицер их из пистолета расстреляет, словно газетную страничку. Полученный образец вы исследовали, наверняка получили заключение, что металл неземного происхождения, анализу и обработке не поддается. В единственном ошиблись ученые — я его на земле получаю, а не в космосе. Теперь я бы хотел послушать вас, Сергей Валентинович. Может все-таки по рюмочке?

— Нет, спасибо, позже. Металл замечательный, слов нет. И цена приемлемая.

— Конечно, если учесть, что корпус корабля обходится стране абстрактно в сто рублей, то из этого металла он обойдется рублем в пять-десять максимум, — согласился Ковалев.

— Наверное, это так, но надо знать формулу, технологию производства, рассчитать сроки изготовления, возможности его получения на конкретном заводе, изготовить опытный образец и потом уже говорить о конкретных заказах, их количестве.

Ковалевы переглянулись между собой, они прекрасно понимали, куда клонит министр.

— Сергей Валентинович, попробуйте объяснить шимпанзе принцип работы автомата Калашникова. Она вас внимательно выслушает, улыбнется всем оскалом зубов, головой покивает, прокричит что-нибудь радостное и даже сможет патрон в патронник загнать. Ученые с этим металлом, что обезьяны с гранатой. Они наверняка уже доложили вам, что металл анализу не поддается, на пинки и на домну не реагирует, — улыбнулся Николай, — поэтому скажу прямо — пользоваться без меня вы металлом не будете. Станете строить подводную лодку — делайте ее корпус из профлиста, например, которым крыши на дачах кроют, да хоть из фанеры, мне все равно. Приглашаете меня, говорите общую площадь поверхности и через три дня получаете непотопляемую лодку. Если есть какие-то корабли на ремонтных стапелях, то и их корпус можно улучшить до непробиваемости. Все имеющиеся стратегические бомбардировщики можно металлом покрыть. Уверяю, что летные качества и тяга не ухудшится, вес не изменится, если старую краску содрать. Но для вас все пока образно и туманно. Решить проблему можно следующим образом — загоняете на стапель стареньки списанный катер, но на ходу еще, я его обрабатываю, а потом попытайтесь его уничтожить, задействуя хоть всю авиацию, подводный и надводный флот. У вас, господин министр обороны, ничего не выйдет, а вот этот списанный катерок без оружия сможет все ваши лучшие военные корабли потопить. Достаньте с кладбища какой-нибудь большой корабль, который на плаву еще может держаться, мой катерок его в две секунды утопит без всякого оружия. Словами это не объяснить — это видеть надо. Еще хочу добавить — в области недавно ушел в отставку начальник управления ФСБ, шестьдесят исполнилось и ушел с почестями, не выгнали. Вот он вам обо мне лучше ГРУ расскажет, все равно же информацию обо мне станете собирать. Теперь у меня все, можно и по рюмочке выпить. Что предпочитаете — водку, коньяк?

Министр ничего не ответил в задумчивости, Николай налил всем коньяка. Кудасов взял

бокал отпил глоток.

— Надо подумать, — он встал, протянул руку, — всего доброго.

Вернувшись в Москву, он не торопился с докладом верховному главнокомандующему. Необходимо собрать как можно больше информации. Проанализировав все, он не пришел к какому-либо выводу, но понимал, что с докладом больше тянуть нельзя и отправил информацию на бумажном носителе. Президент пригласил его через несколько дней.

— Я удивляюсь вами, Сергей Валентинович, где же ваше резюме? Работать с Ковалевым или не работать?

— Вы сами понимаете, что все фантастично, как этому верить? Если бы не этот чертов образец металла... Можно попробовать выделить списанный катер, но меня смущает год его исчезновения, где-то он был целый год? А если проходил подготовку в ЦРУ?

— Ну да, а потом они такие мозги к нам забросили, — усмехнулся Президент, — нет, друг мой, такими людьми не разбрасываются. Вы же сами пишете, что он экстерном окончил два факультета. Профессор отзывается о нем так: «Я, физик, доктор наук, а он знает больше меня». И математики говорят подобное. Давайте ему катер, пусть делает, что нужно и обговаривайте место и сроки учений. Будем топить его непотопляемый катер. Отбуксируйте в море большой корабль, интересно, как его топить он станет без оружия? На таран пойдет — так сам в щепки разобьется, это все равно, что грудью на танк идти.

* * *

Вероника проснулась и хотела встать первой, но Николай притянул ее к себе.

— Рано еще, полежи со мной немного, — попросил он.

Она чмокнула его в щеку и встала.

— Сегодня у меня первый день приема — хочется быть красивой и приехать пораньше.

— Ты у меня всегда красивая и лучшая. Пожалуй, с тобой поеду, посмотрю, как ты устроилась.

Ковалевы позавтракали и выехали на разных машинах — Вероника останется в клинике, а он потом уедет к себе в офис.

На торце здания отдельный вход, но они зашли через приемный покой, прошли до конца коридора. Вероника отомкнула дверь, входя в маленькую комнатку, через нее в свой кабинет. Сняла верхнюю одежду.

— Ты не раздеваешься? — спросила она мужа.

— Нет, Ника, я гляну и к себе.

Он из кабинета вышел в приемную. Там уже сидела женщина с ребенком и два охранника, которые встали при его появлении. За столом сидела девушка, выполняющая роль секретаря и типа медицинской сестры одновременно. Она отвечала на телефонные звонки, записывала очередных пациентов. По углам комнаты он заметил две видеокамеры, снимающих всех находящихся в приемной. Дальше находилась дверь на улицу.

Николай вернулся обратно, поцеловал Веронику в щечку, бросил кратко:

— Удачи.

Ровно в десять вошла секретарша, поздоровалась и спросила:

— Приглашать?

— Здравствуй, Люба, приглашай, — ответила Вероника.

Вошла мама с полуторогодовалым ребенком. Мальчик спал на руках, и она говорила шепотом:

— Меня к вам Екатерина Васильевна направила, сказала, что вы поможете, но я, право, не знаю, другие врачи все утверждают, что экстрасенсы в этом случае бесполезны. Предлагают операцию в Израиле, но у меня таких денег нет. Екатерина Васильевна сказала, что можно операцию здесь сделать, но я боюсь, я всего боюсь... Потом посоветовала сходить к вам, Вероника Андреевна. У Сашеньки сложный порок сердца...

— Да, я это вижу, — перебила маму мальчика Вероника, — у вашего ребенка тетрада Фалло.

Мальчик спал, дыша глубоко и неровно. Его мама спросила удивленно:

— Откуда вы знаете, Екатерина Васильевна сказала? Я читала про этот порок, но ничего не поняла.

— Нет, я сама вижу, — ответила Вероника, — попытаюсь объяснить своими словами.

Видимо от разговора мальчик проснулся, увидев рядом с собой незнакомое лицо, заплакал, сразу же задышал чаще, словно с перебоями, и посинел.

— Успокойся маленький, — Вероника погладила его по голове, — поспи еще немного.

Он словно понял и снова заснул.

— Вас, наверное, очень дети любят, Сашенька никогда так сразу не засыпал во время плача, — рассказала мама.

— Положим его на кушетку, я посмотрю, пока он спит.

Вероника взяла ребенка на руки, положила, сняв рубашку, рукой гладила область сердца и поясняя:

— Тетрада Фалло — это сужение легочной артерии. Крови через узкое отверстие проходит недостаточно, сейчас мы его расширим, и она потечет спокойно. Из-за маленького отверстия правому желудочку приходится работать с большой нагрузкой, поэтому сердце в этом месте увеличено, но со временем все нормализуется. Дырочка в перегородке есть между желудочками, ее не должно быть и мы ее закроем. Аорта тоже смещена вправо — подвинем ее на место. Так, отлично! Мальчику полтора года, ножками еще не ходит?

— Нет, пытается в кроватке вставать, но сразу задышается и синеет. Я не знаю, что делать, соглашаться на операцию, правда, другого выхода нет?

Она заплакала тихонько, чтобы не разбудить сына.

— Как вас зовут? — спросила Вероника.

— Галя, — ответила сквозь слезы она.

— Что делать, что делать — ничего не надо делать, — улыбнулась Вероника, — просыпайся, маленький, пора маму радовать.

Она подняла его и поставила на ножки, держа под мышками.

— Топ-топ-топ, пора самому ходить и бегать, нечего на маминых ручках ездить, — ласково приговаривала Вероника.

Мальш радостно улыбался и начал смеяться. Вероника заметила боковым зрением, как напряглась мама и уже было хотела кинуться к сыну, вырвать его из рук Вероники — сейчас начнется одышка и цианоз. Но улыбка и смех ребенка остановили ее, мама ничего не понимала — ее сын смеется, топает ножками и не синеет, дышит ровно, без перебоев. Мальчик потянул к матери руки, она метнулась к нему и боялась взять — вдруг все исчезнет, снова появится синева, одышка и плач. Вероника отдала ребенка, повторила:

— Ничего не надо делать, ваш сын, Галя, здоров, у него больше нет порока сердца.

Учите ходить, обращайтесь, как со здоровым малышом. Да-а, и не забудьте вернуться в клинику — забрать свои вещи.

Мама с трудом понимала сказанное, прижимала сына к себе, отодвигала на расстояние, рассматривая, а Сашенька улыбался, посмеиваясь. Ему надоело все время лежать, а тут его держали вертикально и тискали ласково. Что оставалось здоровому ребенку делать — естественно улыбаться и махать ручонками и ножками.

— Извините, Галя, но у меня еще есть люди на прием.

— Да, да, конечно, — ответила она все еще недоуменно, выходя в приемную.

Там ее уже ждали другие больные с единственным вопросом: «Ну как»? Она ответила, постепенно приходя в себя:

— Нормально... здоровый ребенок, — и заревела.

В очереди облегченно вздохнули — можно на прием идти.

Заведующий кардио-хирургическим отделением ворвался в кабинет Воронцовой.

— В отделении черт те что творится, все с ума посходили и просят на прием к доктору Ковалевой. Они называют ее доктором, а не экстрасенсом.

— Ты прибежал ко мне нервное напряжение скинуть? Или не знаешь, что делать? — с усмешкой спросила Воронцова, — успокойся, эйфория пройдет скоро и все успокоится.

— Но я сам не понимаю — экстрасенсы не могут лечить тетраду Фалло.

— Экстрасенсы не могут, а Ковалева может, — ответила Воронцова.

— Так она не экстрасенс? — с удивлением спросил заведующий.

— Из нее такой же экстрасенс, как из меня медсестра, — ответила главный врач, — но лицензию она имеет по экстрасенсорике.

— Вы хотите сказать, Екатерина Васильевна...

— Я ничего не хочу сказать кроме того, что Ковалева может лечить любые заболевания. У тебя еще что-то есть ко мне?

— Что я напишу в истории болезни?

— Ну, это совсем просто — проведено биоэнергетическое лечение экстрасенсом Ковалевой. Диагноз — здоров.

— Меня же засмеет любой проверяющий.

— Ты посоветуй ему самому обследовать мальчика и переговорить с родителями, вот тогда и пусть посмеется.

Заведующий вышел из кабинета, его никак не оставляла мысль: «Из нее такой же экстрасенс, как из меня медсестра»... Воронцова врач, а не медсестра... выходит, что Ковалева намеренно принижает свои способности. Ну и ну... куда еще-то принижать.

Ковалева заглянула в приемную — наконец-то больные закончились и никого из посторонних нет. Охранник сразу же подсказал:

— Вероника Андреевна, на улице вас толпа поджидает. Те, кого вы сегодня приняли и их родственники, хотят поблагодарить, выразить уважение и восхищение. Журналисты тоже понабежали, они интервью у больных взяли, теперь с вами хотят пообщаться. Я сюда никого не пускаю.

— Правильно, молодец. Пожалуй, мне другой выход потребуется. Всем до завтра.

Но ее караулили везде, пришлось пробиваться к машине в прямом смысле этого слова. Дома она смотрела по телевизору, как идет, словно таран, к машине. Больше решила на автомобиле не ездить, придется пользоваться телепортацией. Чертовы журналисты... везде лезут, не дают людям спасибо сказать.

Из министерства обороны позвонили, пригласили в ремонтный док, сказали, что выделен старенький пограничный катер, который еще на ходу.

— Отлично, — ответил Николай, — присылайте транспортный самолет. Я буду с грузом, который на гражданский борт не примут. Небольшая бочка с краской...

В министерстве не были готовы к такой просьбе, перезвонили позже и сообщили, что самолет вылетел.

Ковалев осмотрел пограничный сторожевой корабль, стоящий на стапелях. Его списали одновременно с Советским Союзом и непонятно, как он дожил до настоящего времени с действующим двигателем. Наверняка подлатали немного в ремонтном доке, его сюда за этим и притащили.

Сам министр приехать не соизволил, прислал какого-то капитана первого ранга, назвавшегося Ивановым и объявившего, что он в полном распоряжении Ковалева. Николай объяснил, что необходимо покрасить катер полностью — палубу, борта, днище, рубку, стекла в рубке, леера.

— Красим все, чтобы прилетевшая муха не нашла места, куда бы сесть, не попав в краску. Нужны четыре человека для покраски, костюмы химической защиты, краска токсична, и этот, как его... распылитель для покраски, краскопульт или пульверизатор, полагаю, вы поняли. Краска в этой пластмассовой бочке, действуйте.

— Но в доке другие люди и если краска токсична...

— Краска токсична при контакте, на расстоянии нескольких метров она не опасна.

— В таком случае мне необходимо взять ее на анализ, я не могу подвергать неизвестной опасности людей, — возразил Иванов.

— Товарищ капитан первого ранга, вас направили сюда, чтобы выполнять мои распоряжения. Или вам необходимы подтверждения моих полномочий?

— Так точно, в данном случае они необходимы, — ответил Иванов.

Он занимал должность заместителя командира бригады по тылу. Контр-адмирал вызвал его к себе, приказал встретить гражданского и организовать ремонтные работы в доке. Гражданский скажет, что нужно делать.

Человек военный, он выполнял приказ, хоть и не понимал, зачем красить давно списанный катер. Но работа с токсичными веществами предполагала определенные допуски...

— Хорошо, соедините меня с вашим командиром.

Иванов посмотрел внимательно, вздохнул, набрал номер:

— Товарищ контр-адмирал, капитан первого ранга Иванов, гражданский распорядился красить старый катер токсичной краской в костюмах химической защиты. Но в доке люди, необходимо организовать их защиту и взять неизвестное химическое вещество на анализ. Гражданский настаивает на своем и хочет переговорить с вами лично.

— Он мне на хрен не нужен, вещество изымай, а гражданского под охрану, дальше посмотрим. Выполняйте.

— Есть, — ответил Иванов, отключив связь, — извините, но я вынужден изъять вашу краску, а вас самого временно задержать до результатов экспертизы.

— Вот даже как, — усмехнулся Ковалев, — в этом вся суть армии — министр отдает

один приказ, а до солдата доходит другой, в интерпретации какого-нибудь бахвального командира. Не всегда следует торопиться исполнять приказы, товарищ капитан первого ранга.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что приказ вашего контр-адмирала сейчас отменят. Как его фамилия?

— Этого я вам не могу сказать, — ответил Иванов.

Ковалев пожал плечами и отошел немного в сторону, позвонил по телефону, вернулся и сообщил:

— Ждем десять минут, потом можете производить изъятие и конвоировать меня, куда приказали, товарищ капитан первого ранга.

— Никто вас конвоировать не собирается, я вообще не понимаю, что здесь происходит, но десять минут подожду, — ответил Иванов.

Они вышли из дока на свежий воздух, Ковалев нес с собой 150-литровую пластмассовую бочку, не захотел оставлять ее внутри — мало ли что. На улице военный закурил, размышляя, что вляпался в какое-то дерьмо и даже фамилии гражданского не знает. Красить токсичной краской старый катер — бред какой-то...

Вскоре подъехали несколько легковых машин и два Урала с морской пехотой, из одной вышел начальник контрразведки флота и направился прямо к ним. Дело пахнет керосином, понял Иванов. Военный подошел, спросил:

— Вы Николай Петрович?

— Да, это я.

— Разрешите доложить, — он взял под козырек, — контр-адмирал Розов, начальник контрразведки флота, прибыл в ваше распоряжение, Николай Петрович.

Вот это поворот, удивился Иванов.

— Как имя отчество? — спросил Ковалев.

— Вадим Юрьевич.

— Здравствуйте, Вадим Юрьевич, — Ковалев поздоровался с ним за руку, — необходим взвод бойцов для охраны объекта особой государственной важности. Там на стапелях стоит старенький сторожевой пограничный катер, с этого момента он становится секретным. Вот эту бочку унести поближе к катеру и выставить отдельный пост. К любому, кто попытается приблизиться к бочке ближе пяти метров — применять оружие на поражение.

— Ясно, Николай Петрович.

Он махнул рукой, к нему подбежал капитан-лейтенант, выслушав приказ, он отдал свой. Морпехи выпрыгивали из машины, двое подхватили бочку и понесли в док.

— Товарищ Иванов, расскажите контр-адмиралу — когда и от кого вы обо мне узнали, что вам приказано в отношении меня? С самого начала и желательно дословно. Каждая пропущенная вами буква может иметь серьезное значение.

— Если контр-адмирал прикажет, то расскажу, но не в вашем присутствии, — заартачился Иванов, — вы человек гражданский...

— Ваш отказ мне расценивать как попытку узнать кто я или элементарную глупость? — спросил Ковалев.

Розов не выдержал и вмешался:

— Я вам приказываю, товарищ капитан первого ранга, рассказывайте.

— Есть, рассказывать. Сегодня утром меня вызвал к себе контр-адмирал Перегудов, сказал, что гражданские опять что-то замышляют в нашем ремонтном доке. Приказал

встретить военно-транспортный самолет, на борту которого будет находиться гражданский, доставить его в док и организовать работы. Что за работы — гражданский сам пояснит. Это все и практически дословно.

— Понятно, вы встретили, доставили. Теперь перескажите наш разговор с вами и повторный с Перегудовым. Контр-адмиралу Розову следствие вести, и он должен знать все. Да-а, Вадим Юрьевич, прикажите доставить сюда Перегудова, если не согласится, то силой.

Розов отдал приказ и слушал уже удивленно-испуганного Иванова, который пересказал все.

— Спасибо, капитан, все правильно. Теперь займитесь своим основным делом — рабочими и костюмами химической защиты, никто с вас основные обязанности здесь не снимал. Будем красить кораблик.

— Есть, — ответил Иванов и ушел в док.

Розов ждал прибытия Перегудова и изредка поглядывал на Ковалева. Совсем молодой человек лет двадцати на вид, но, наверное, крупный ученый, если о нем так заботится министр обороны лично. Он так и сказал, что фамилию его знать не обязательно. И корабль он хочет красить не просто — может краска антирадарная или еще что. Секрет — есть секрет. Имена крупных ученых держат в секрете, это понятно, но почему он один прибыл. К нему обратился Ковалев:

— В этой бочке вещество, состав которого особо секретен. Мне нужно знать — по дурости-глупости Перегудов приказал ее изъять, а меня задержать или он изменник Родины и решил состав переправить за границу? Переговорите с ним сами и обязательно с того момента, как он обо мне услышал. Командующий флотом с ним разговаривал или сам министр обороны, что конкретно ему было приказано? Объясните ему, что показания сверите, чтобы заранее не лгал. Если это обыкновенная дурная неисполнительность, то он, естественно, погон лишится, а если другое, то я ему не завидую. Меня можно вашим следователем представить.

— Есть, Николай Петрович, сделаем.

Вот, оказывается, в чем дело, здесь действительно может припахивать изменой. Но почему здесь гражданский один? Может быть, как раз и приказали Перегудову обеспечить охрану, минуя контрразведку, чтобы лишнего шума не создавать? Тогда все воистину очень серьезно, снова размышлял Розов.

Прибыл Перегудов, начал сразу же с вопросов Розову:

— Задержали этого гражданского, террорист, диверсант?

— Откуда он здесь появился? — в свою очередь спросил Розов.

— Командующий позвонил, приказал встретить и доставить в док. Но я понятия не имел, что у него отравляющие вещества при себе. Успел что-нибудь натворить?

— Иван Ильич, — нахмурился Розов, — давайте по порядку — что вам приказал командующий и дословно? Письменный это был приказ, устно лично или по телефону?

— Дословно... — хмыкнул Перегудов, — дословно пусть командующий скажет, на то он и командующий, а я все сказал.

— Командующего я в свое время допрошу...

— Ты ничего не попутал, Розов, это твой начальник, а не подчиненный, — перебил его Перегудов.

— Я имею особые полномочия от министра обороны и имею право допрашивать

любого, в том числе и командующего. А пока спрашиваю тебя, Иван Ильич, пожалуйста, весь ваш разговор дословно — показания я сверю.

— Ну... если так, то ради Бога. Командующий позвонил, сказал, что надо встретить гражданского на аэродроме, он назвал имя с отчеством, но я забыл.

— Командующий приказал вам лично встретить гражданского? — уточнил Розов.

— Он сказал, что встретить, слово лично не произносил. Доставить в ремонтный док и организовать ремонт старого катера, который уже стоит на стапелях. Какие работы — гражданский сам скажет. По поводу ремонтных работ выполнять указания гражданского. Это все.

— Наверное, просил организовать охрану? — решил еще уточнить Розов.

— Это естественно, я целого капитана первого ранга выделил.

— Товарищ контр-адмирал, — обратился к Розову следователь, — я успел переговорить с командующим флотом, — он пояснил, что отдал приказ по телефону, чтобы Перегудов организовал личную встречу, обеспечил охрану гражданского и выполнял все его указания по ремонту катера без вопросов. Вы подтверждаете слова командующего флотом?

— Это что за сопля здесь мне вопросы задает? — Перегудов повернулся к Розову.

— Давайте без оскорблений, Иван Ильич, это следователь и он имеет право спрашивать, — ответил Розов.

— Вылупился из училища, а так и не научился с адмиралами разговаривать... Подтверждаю слова командующего, но что это меняет — гражданский отравляющие вещества в док занес. Вы его арестовали, господин следователь, или яйца по молодости мнете? — с усмешкой произнес Перегудов.

— Кто вам сказал про отравляющие вещества? — вновь спросил Ковалев.

— Капитан первого ранга Иванов доложил, — ответил Перегудов.

— Неправда, Иванов доложил вам о краске, которая токсична при прямом контакте, на расстоянии она безопасна. Вы все время лжете, зачем вам понадобилась эта краска — продать ее за границу?

— Да я тебя, соплик сейчас лично порву...

Перегудов кинулся к Ковалеву, но Розов махнул рукой и Перегудова схватили морпехи.

— Гражданин Перегудов, вы арестованы по подозрению в измене Родине, — объявил Ковалев.

— Уведите, — приказал Розов.

— Вадим Юрьевич, какая измена, ты меня сто лет знаешь, — пытался кричать Перегудов, когда его уводили.

Розов смотрел на Перегудова с сожалением и злостью одновременно. Дурак... как только погоны адмиральские смог получить?.. Может он действительно debil, а не изменник? Разберемся...

Выкрашенный катер спустили со стапелей и отвели к дальнему причалу, оставив на нем отделение морской пехоты для охраны. Ковалев улетел домой.

Через две недели начались учения, на которых присутствовал лично верховный главнокомандующий, который поставил задачу авиации, надводному и подводному флоту обнаружить и условно уничтожить сторожевой пограничный катер в акватории моря. На поиски условного противника поднялась вся авиация тихоокеанского флота, вышли корабли и подводные лодки. В течение дня они безуспешно бороздили вдоль и поперек объявленный квадрат учений.

Ковалев, находящийся на сторожевом катере, наблюдал за морскими просторами в бинокль и отдавал команды капитану следовать тем или иным курсом, чтобы не столкнуться с кораблями и не приблизиться к ним более чем на полмили. На воздушные суда, пролетающими прямо над головами, он вообще не обращал внимания — с высоты и на скорости пилоты визуально не видели катер.

Первый этап учений подошел к концу и сторожевой катер взял курс к месту встречи с флагманским крейсером, на котором находились верховный главнокомандующий и министр обороны. Они уже подводили промежуточные результаты первого этапа учений. Командующий флотом выразил сомнение в порядочности Ковалева:

— Извините, товарищ верховный главнокомандующий, но я сомневаюсь, что сторожевой катер находился в заданном квадрате учений. Таким количеством авиации и кораблей его невозможно не обнаружить. — Он разложил карту на столе. — Вот здесь есть бухта, наверняка сразу катер ушел туда и спрятался за скалами, покинув заданный квадрат. Другого варианта предположить не могу.

— Адмирал, — неодобрительно посмотрел на него верховный главнокомандующий, — на настоящем театре военных действий не будет квадратов и глупых противником. Если вы считаете, что катер покинул район учений, то почему не проверили эту бухту, разве не вы командовали учениями? Вы уже к середине дня прекрасно поняли, что катер исчез, но никакой инициативы не проявили, топтались бес толку на одном месте. Ладно, посмотрим, что нам пояснит командир катера. Кстати, он уже должен прибыть по времени.

— Горизонт чист, товарищ главнокомандующий, это подтверждает мою версию, — оправдывался командующий флотом.

— Эй вы, слепошарые, давайте шлюпку по левому борту, — послышался голос через громкоговоритель.

— Вот вам и чистый горизонт, адмирал... принимайте командира катера по левому борту, — ухмыльнулся, а потом рассмеялся верховный главнокомандующий.

Командующий флотом выскочил из рубки, набросился на командира крейсера:

— Почему не доложили о прибытии катера?

— Мы его не видели... приборы и сейчас его не видят, хотя он стоит в одном кабельтове от нас.

Ковалев поднялся на борт крейсера, командующий сразу же накинулся на него:

— Что за вид у вас, почему в гражданской одежде?

— Все в порядке, адмирал, он человек не военный, здравствуйте, Николай Петрович, — министр обороны поздоровался с Ковалевым за руку, — до последнего не верил, что так получится. Ну вы даете...

Кудасов обнял по-дружески Ковалева, похлопал по плечу и пригласил в кают-компанию, попросив командующего флотом остаться на палубе.

— Это кто такой? — спросил командующий командира крейсера.

— Понятия не имею, товарищ адмирал, сказали, что командир этой старой посуды.

Кудасов познакомил Ковалева с верховным главнокомандующим. Романов Владимир Сергеевич с удивлением и восхищением смотрел на молодого человека.

— Не думал, что вы так молоды, Николай Петрович. Значит не перевелись еще на Руси богатыри науки! Присаживайтесь, может быть чайку?

— Чайку можно, — ответил Ковалев.

Кок принес чаю всем троим. Романов отпил пару глотков, спросил:

— Сергей Валентинович рассказывал мне про представленный вами образец металла, доложили мне и о покраске катера. Это две разные технологии... краска, отражающая волны и антибронейбойный металл... Что-то еще есть в заначке?

— Вас неправильно информировали или вы не так поняли, Владимир Сергеевич, — ответил Ковалев. — Я представлял в качестве образца лист металла толщиной ноль один миллиметра — это так. Краска... будем условно называть изделие краской — это тот же самый, но жидкий металл. При нанесении краскопультom образуется пленка толщиной как раз ноль один миллиметра. Краска, как мы условились, застывает довольно быстро и на поверхности остается лист металла, повторяющий форму первоначального изделия. Именно этот металл и не улавливается эхолотами, радаром, он поглощает волны, они не отражаются и не возвращаются назад, поэтому приборы не видели сторожевой катер. Человеческий глаз видит, но на близком расстоянии. Толщины покрытия краской вполне достаточно, чтобы выдержать снаряды и ракеты. В этом вы убедитесь, когда нанесете удар по катеру с расстояния не более двух с половиной кабельтовых, иначе его элементарно не будет видно.

— Предлагаете провести стрельбы, а потом уже обсудить результаты? — спросил Романов.

— Владимир Сергеевич, тут обсуждать нечего — катер стоит рядом, но крейсер его до сих пор не видит. После стрельб на катере останется куча сплюснутых пуль, осколков снарядов, но уверяю вас — даже царапин не будет. Только надо капитана и моториста с катера забрать, им ничего не грозит, но от страха и умереть можно, когда крейсер обрушится всей огневой мощью на это небольшое суденышко.

— Интересно... хорошо, так и поступим, — ответил Романов.

Небольшую команду катера доставили на крейсер. Он отошел до трех кабельтовых и открыл огонь из всех видов оружия. Офицеры наблюдали, как рвутся снаряды на катере, образуя огненные столбы и шары, взрывы торпед накрывали волной небольшое суденышко и вновь пламя взрывов окутывало корпус катера.

Огонь прекратили по команде, дым от взрывов рассеялся, и офицеры с удивлением наблюдали качающийся на волнах сторожевой пограничный катер. Как он мог устоять в этом пекле, не понимал никто, все надеялись, что он вот-вот пойдет ко дну. Высшие офицеры направились к катеру на шлюпке, ходили по его палубе, пиная сплюснутые крупнокалиберные пули и осколки, не смытые волной от взрывов торпед, не понимали, как могли уцелеть стекла в рубке. Ошеломленные и изумленные они вернулись на крейсер.

Министр обороны, верховный главнокомандующий и Ковалев уединились в кают-компании, не пригласив к себе других высших офицеров.

— Поздравляю, Николай Петрович, ваша информация оказалась абсолютно достоверной, — произнес серьезно главнокомандующий, — теперь мы сможем начать производство этого удивительного металла и провести реконструкцию воздушных и морских судов. Когда вы сможете передать формулу и технологию производства краски нашей оборонной промышленности, объяснить инженерам имеющиеся тонкости в ее получении?

— Я отдаю свое ноу-хау и остаюсь за бортом? — в свою очередь спросил Ковалев.

— Это абсолютно не так, — ответил Романов, внешне не отреагировав на вопрос, — ваш труд будет оценен по достоинству, полагаю, что звание Героя Труда станет настоящим ответом и признанием Родины, за изобретение дадим государственную премию. Вы лично возглавите получение металла на одном из наших оборонных заводов, который наиболее

подойдет к данной вами технологии. Достойное жилье, охрана... Вы должны прекрасно понимать, что такого секретносителя государство не может оставить без соответствующей охраны.

— Благодарю, Владимир Сергеевич, но все-таки мне бы хотелось уточнить некоторые детали. Разрешите?

— Конечно, Николай Петрович, слушаю вас, — ответил Романов.

— Даже не знаю с чего начать... есть два главных момента. Я живу в Н-ске, это мой родной город, в котором я родился и вырос, там я построил «Медицинский центр», это громадная клиника, которая уже успешно противостоит знаменитым учреждениям Америки и Европы. Многие больные, которые получали квалифицированную медицинскую помощь за рубежом, теперь успешно лечатся у нас. В городе работает моя жена, она принимает и успешно излечивает больных, которым не может помочь ни одна клиника мира.

— Ради Бога, пожалуйста, ваша супруга может возглавить любое отделение больницы и продолжать свой поистине нужный труд в другом месте, — перебил Ковалева Романов.

— Моя жена не врач, она экстрасенс, работает официально по лицензии. Мы с ней подумали и посчитали, что не стоит тратить шесть лет на обучение в медицинском университете. Так как учиться ей у профессоров нечему, у ней знаний и умений гораздо больше, поэтому она работает под видом официального экстрасенса.

— Но экстрасенсы не оперируют, не излечивают рак и многие другие болезни, — возразил Романов.

— Позвольте, Владимир Сергеевич, — вмешался в разговор Кудасов, — совсем недавно по телевизору показывали малыша с четырьмя сложными пороками сердца одновременно. Мальчик погибал, но супруга Николая Петровича провела бескровную операцию, профессора после экстрасенсорного вмешательства не обнаружили ни одного из пороков — абсолютно здоровый ребенок.

— Разве такое возможно? — удивился Романов, — жаль, не смотрел эту передачу.

— До сегодняшнего дня все тоже считали, что после прямого попадания торпеды катер не может остаться на плаву, — вставил свою реплику Ковалев.

— Да-а, значит, это у вас семейное... мне докладывали, что вы окончили два факультета университета экстерном, супруга может сдать экзамены на врача? В качестве исключения можно создать экзаменационную комиссию и после успешной сдачи экзаменов выдать диплом.

— Благодарю, Владимир Сергеевич, это было бы очень кстати. Но все-таки у меня есть другое предложение, не касающееся медицины. Я сейчас в ваших глазах выгляжу неким кустарем-одиночкой, вы же предлагаете мне возглавить производство металла на одном из оборонных заводов. Полагаю, что этого недостаточно. Необходимо создать небольшое КБ и достаточно солидное производство при нем. Выделить под Н-ском площадку и строиться. Вы ставите задачу — я выполняю. Например, нужны более мощные и экономичные двигатели. Я даю команду инженерам воплотить в жизнь собственные мысли, то есть начертить, а потом произвести двигатели. Необходимо электронное оборудование — станем делать оборудование. То есть этот производственно-научный комбинат не заикливаются на одной отрасли, он многогранен. У вас наверняка возникает вопрос о средствах. Я построю все сам, деньги у меня есть. Но зарплату сотрудникам, дальнейшее содержание комбината государство возьмет на себя. Контрольный пакет акций у государства — у меня сорок девять

процентов.

Ковалев видел, что Романов внимательно слушает и смотрит на него. Верит-не верит, понимает?..

— Вы предлагаете, Николай Петрович, организовать и построить многоотраслевой научно-производственный комбинат в Н-ске, при чем вложить в него достаточно много средств. Пожалуй, от такого предложения трудно отказаться. Сколько времени уйдет на его проектирование?

— Сроки кратчайшие, Владимир Сергеевич, весной, когда оттает земля, можно начать строительство. Но задачу вы должны поставить сейчас, я не имею ввиду сегодняшний день — через неделю, максимум две. Задача — это то, чем мы займемся первоначально. Производство металла — это однозначно. Двигатели, электронное оборудование, что-то другое. В зависимости от этого необходимо планировать корпуса зданий или ангары для самолетов. Полагаю, что вы меня поняли.

Романов согласно кивнул головой и Ковалев продолжил:

— Я ученый, Владимир Сергеевич, хоть и не тратил времени на диссертации и получение ученых степеней, у меня просто нет времени на это, меня это не волнует и не смущает, что придется руководить профессорами или академиками. Я должен заниматься наукой и ее воплощением в жизнь. Однако, в процессе возникнет множество не научных вопросов — где строиться, у кого что брать или не брать, что-то объяснять губернатору или командиру округом, согласовывать свои поездки на военные полигоны и так далее. Необходимы люди, которым я бы мог сказать — здесь необходимо вырыть яму, образно говоря, а здесь вкопать столб, чтобы они исполняли команды, а не задавали глупых вопросов. То есть заместители по тылу, хозяйству, общим вопросам. Теперь к вопросам охраны — вы сами определите, кто этим станет заниматься — ГРУ, ФСБ, ФСО или что-то совместное. Этот человек должен быть заместителем и не заниматься охраной моей семьи. Меня или супругу невозможно выкрасть или убить, поверьте на слово, все остальное должно охраняться, как положено. Я, наверное, уже утомил вас, но хочется многое обговорить сразу, у вас не будет возможности выслушивать мои вопросы или просьбы постоянно. Должен быть посредник, решающий эти проблемы и ставящий задачи. Наговорил целую кучу и наверняка многое упустил...

Романов встал, походил по кают-компании, обдумывая услышанное, ответил:

— Заманчивое и, вероятно, дельное предложение. Сергей Валентинович свяжется с вами, Николай Петрович, в ближайшее время. Где вы сейчас производите краску и какое количество можете предложить?

— Я не ставил производство на поток, Владимир Сергеевич, но, полагаю, что в течение недели смогу дать количество, необходимое для обработки корпуса подводной лодки. У меня в собственности алюминиевый завод, на его территории производится эта краска. Металл в жидком состоянии и может храниться не более месяца, поэтому лучше использовать свежий, а для этого необходимо знать площадь покраски. Красить необходимо снаружи все — днище, палубу, рубку, стекла, леера, орудия и так далее.

— Стекла? — удивился Романов, — но как смотреть потом через них?

— Металл на стекле становится прозрачным, а само стекло бронированным, вы в этом убедились на катере, — ответил Ковалев. — Кроме того, человек, который станет непосредственно руководить покраской, должен получить у меня определенные инструкции, как и командир покрашенного судна — возникнут особенности в управлении кораблем.

Видите, возникает множество вопросов, которые мог бы решать назначенный вами человек. Позднее инструкции может отдавать специально обученный мною сотрудник. Мелочи — не президентское дело.

— Хорошо, Николай Петрович, мы все обдумаем и, как я уже говорил, Сергей Валентинович с вами свяжется. Сейчас я проведу совещание с командующими флотами и авиацией, желаете присутствовать?

Ковалев пожал плечами.

— Не знаю, если есть в этом необходимость, — ответил он.

— Вы как считаете, Сергей Валентинович? — спросил Романов.

— В будущем Николаю Петровичу придется бывать на полигонах, аэродромах, базах и секретных КБ. Чтобы не возникало лишних вопросов, считаю необходимым представить его командному составу.

— Хорошо, приглашайте командующих флотами и авиацией, — распорядился Романов.

Высший офицерский состав разместился в кают-компании.

— Товарищи адмиралы и генералы, — начал Романов, — представляю вам... человека — Николай Петрович Ковалев. Если вам по службе придется встретиться с ним, то прошу выполнять его просьбы, даже если они покажутся на первый взгляд сумасбродными. Теперь перейдем к результатам учений...

— Владимир Сергеевич, — перебил его Ковалев под неодобрительные взгляды адмиралов, — пока вы проводите совещание — разрешите мне осмотреть крейсер: военные корабли только на картинках видел.

— Да, конечно, — улыбнулся Романов, — пригласите ко мне командира.

В кают-компанию вбежал капитан первого ранга, начал доклад, но Романов прервал его:

— Покажите крейсер Николаю Петровичу с учетом полного допуска, — приказал он.

Домой Ковалев вернулся уставшим, но в душе ободренным. Вероника встретила его без вопросов, только обняла и поздравила.

Президент Романов ничего не забыл. Николая пригласили в Москву, а в Н-ск прибыла экзаменационная комиссия во главе с профессором Васнецовым Аркадием Дмитриевичем, заведующим кафедрой госпитальной хирургии московского медицинского университета. С ним приехала могучая кучка профессоров терапевтов, кардиологов, невропатологов. Из местных в комиссию включили одного профессора Ларионова.

Когда Васнецова вызвал к себе министр здравоохранения и поручил в порядке исключения и экстерната принять экзамены в Н-ске у какой-то Ковалевой, он основательно возмутился.

«В медицинском университете нет заочного отделения, как можно экзаменовывать без обучения на врачебную специальность? Это возмутительно и невероятно! Я категорически отказываюсь и подам жалобу Президенту, это черт те знает что»...

Министр ответил спокойно: «Жаловаться вам некому — это поручение Президента, а невероятное вас действительно ждет в Н-ске».

Васнецов посмотрел удивленно.

«Ладно, Президент не врач, но вы то должны соображать своей головой», — продолжал свое возмущение Васнецов.

«А вам нужны дырки в штанах от сиденья за партой или знания и умения? — в свою очередь возмутился министр, — никто вас не заставляет выдавать диплом незаслуженно, для этого и создана авторитетная комиссия. Есть знания и умения — да. Нет знаний и умений — нет. Обсуждение закончено, оформляйте командировку и вылетайте».

Васнецов лично знал профессора Ларионова и по прилету сразу же направился к нему на кафедру. Начал без приветствий и предисловий:

— Леня, объясни мне, дураку, как можно принимать экзамены у Ковалевой? Ты же врач, хирург, профессор... Я даже соглашусь, что теорию можно вызубрить, но пальчики требуют не только знаний — им нужен опыт, навык, стаж, постоянные тренировки. Как она может оперировать, если в операционной никогда не была? Пусть она терапевтом станет работать, но каждый врач обязан владеть элементарными хирургическими навыками для экстренных случаев. Или мы тоже станем готовить врачей недоучек — бакалавров? Я недавно домой заходил, вышел из лифта и случайно пришлось услышать разговор двух спорящих между собой молодых парней. Один, как я понял, университет окончил, а второй называет себя бакалавром. И так кичится этим названием, что слов нет. Не выдержал я, вмешался, спросил, что означает слово «бакалавр» в переводе. Этот бакалавр даже оторопел от неожиданности — знаний то нет. Тогда я ему объяснил, что бакалавр — это недоучка. Раньше в графе писали образование неполное высшее, а сейчас пишут бакалавр. Пришлось быстро сбежать в квартиру — иначе бы побили.

Васнецов постепенно остыл, выговорившись. Ларионов ответил ему:

— Смотрю я на тебя, Аркаша, и себя вижу. И я так же возмущался, когда впервые услышал о Ковалевой. Сейчас уже по-другому считаю — это не врач, не профессор, это хирург от Бога и светило от медицины, а мы с тобой два бакалавра. Но я знаю, что ты Фома неверующий, поэтому мы с тобой завтра Ковалевой ассистируем. Операция не архи сложная — непроходимость пищевода. Рак, ничего другого уже сделать нельзя — поздно. Постоишь рядом, поддержишь крючочки и все поймешь вместе с комиссией в полном составе.

На следующий день Ковалева оперировала, поясняя профессорам свои действия:

— Делаем разрез от реберной дуги по середине левой прямой мышцы живота, быстренько накладываем зажимы для остановки кровотечения... мышцу раздвигаем тупым методом, выводим в рану переднюю стенку желудка... укладываем трубку ближе к кардии... окружаем складками... сшиваем узловыми швами. В желудке делаем отверстие у последнего шва слева, накладываем вокруг полукисетный шов и погружаем в него конец обшитой трубки... кетгутом подшиваем к стенке желудка... продолжаем ушивать складку... стенку желудка подшиваем вокруг свища к пристеночной брюшине... зашиваем рану послойно. Теперь больной может получать пищу свободно. Всем спасибо. Аркадий Дмитриевич, у вас есть ко мне вопросы, замечания по ходу операции, ее технике исполнения? — спросила Ковалева, обратившись к Васнецову.

— Помилуйте, Вероника Андреевна, какие вопросы... я не понимаю — так оперировать можно, имея десятилетний опыт хирурга. Блестящая техника, скорость... не понимаю, — ответил он.

— Я могу считать, что сдала вам экзамен по технике операций? — задала она уточняющий вопрос.

— Без вариантов — блестяще проведенная операция, — ответил он.

— Тогда приступим к лечению больного.

— Вероника Андреевна, голубушка, вы все прелестно сделали. Сложно в это поверить, но это факт, — перебил ее похвалой Васнецов.

— Спасибо, Аркадий Дмитриевич, за оценку, но я не закончила лечение. Теперь попрошу всех помолчать и не задавать вопросы — зададите их в ординаторской. Вы все ознакомились с историей болезни. Злокачественная опухоль проросла в пищевод и перекрыла путь пище, метастазы в печень, кишечник и ближайшие лимфатические узлы. Больной кардинально не операбелен, возможно лишь то, что мы только что сделали. Есть возражения? — спросила она.

— Нет, какие тут могут быть возражения, все правильно, — ответил за всех Васнецов.

— Тогда, как я уже сказала, начнем лечение. Прошу смотреть, а не мешать мне и не дергаться, слабонервных прошу удалиться. Разрезы я никогда не делаю, но если пришлось воспользоваться методом древних, то продолжим им пользоваться. Вскрываем брюшную полость заново...

— Что вы делаете, прекратите немедленно, — закричал Васнецов.

— Помолчите и не мешайте... стоять, — крикнула Ковалева, — продолжаем операцию — убираем вставленную трубку, заживляем отверстие в желудке, находим и убираем метастазы в печени, кишечнике, лимфоузлах, убираем основную опухоль... — она вынимала беловато-серые куски и кидала их в таз, — теперь послойно заживляем ткани.

Профессора в шоке наблюдали, как первичным натяжением зажила рана и вскоре вообще исчезла, не оставляя на коже следов.

— Вот теперь я закончила — пациент здоров, — объявила Ковалева, — никакой злокачественной опухоли, никакого разреза, никаких рубцов. Полагаю, господа, что в здоровье пациента вы разберетесь без моего присутствия. Завтра буду готова к новым экзаменам. Всем спасибо.

Она вышла из операционной, оставив изумленных и ошеломленных профессоров.

— Что это было? — спросил Васнецов профессора Ларионова.

— Это была Ковалева со своей методикой лечения больных. Она бескровно оперирует

на сердце, легких, головном мозге, излечивает за один сеанс диабет, любую онкологию, в том числе лейкозы у детей. Я не знаю болезней, которые бы она не могла излечить. Как поясняет она сама — это медицина будущего, через столетия так будет работать любой фельдшер. Сейчас Вероника Андреевна ведет официальный прием по лицензии экстрасенса, очередь к ней громадная. Предлагаю завтра провести экзамены с пользой для себя. Вы приходите на прием к ней к девяти утра, она сама определяет болезнь каждого из вас и лечит. У нас в стационаре вы проверяетесь и после этого каждый ставит свою оценку. Вас восемь человек, на каждого по семь минут достаточно, а в десять утра Ковалева начнет основной прием больных. Считайте, что вам крупно повезло, вряд ли вы бы смогли попасть к ней на прием самостоятельно. Есть другие предложения?

— Она сможет без обследования определить болезнь у незнакомого человека? Без анализов, УЗИ и других методов? — спросил один из профессоров.

— Конечно, — ответил Ларионов, — определит и вылечит за один сеанс в семь минут. Каждый свои болячки знает и сможет потом перепровериться. Мне она, например, излечила сложный порок митрального клапана.

— Наверное, дерет за лечение огромные суммы? — поинтересовался другой профессор.

— Вас обследует и вылечит бесплатно. Для всех остальных сумма не зависит от сложности заболевания — сто рублей.

— Сто тысяч вы хотели сказать...

— Сто российских деревянных рублей, а не тысяч, я не оговорился. У ней богатый муж и деньги ее мало интересуют.

— Археологи находят следы древних, рисунки в пещерах инопланетных кораблей... утверждают, что пришельцы были двухметрового роста и более. Где-то эта тетенька инкубировалась и сейчас появилась на свет. Других вариантов у меня нет, — в размышлениях произнес Васнецов.

Позже Романов поинтересовался сдачей экзаменов у министра здравоохранения. «Экзамены сданы великолепно, комиссия вернулась в восторженном шоке. Что может сказать профессор, один из членов комиссии, неизлечимо больной и вернувшийся абсолютно здоровым?» — ответил министр.

С получением диплома ничего не изменилось у Вероники, однако при входе появилась другая табличка, вместо экстрасенса написали «Доктор Ковалева».

Николай провел в Москве один торжественный и один рабочий день с пользой для дела. Первый день он считал потерянным — деньги могли на счет перевести и медальку передать с оказией. Николай стал лауреатом Государственной премии в области науки и технологий, Героем Труда и генерал-майором. Это не первый случай в России, когда присваивают воинское звание через ступени. Михаил Калашников, конструктор автомата, получил звание генерала, будучи до этого старшим сержантом запаса.

В ведомстве Кудасова Ковалев познакомился с несколькими нужными людьми, которые уже находились в кабинете министра, когда он вошел. Находящиеся в кабинете с интересом и удивлением разглядывали Николая, их поражала его молодость. Сергей Валентинович представлял их лично:

— Генерал-лейтенант Войтович Владимир Павлович, он представляет нашу оборонную промышленность, через него станете получать заказы, связываться с другими КБ, он же станет осуществлять приемку вашей продукции. — Ковалев согласно кивнул головой. — Войнаровский Дмитрий Павлович, доктор физико-математических наук, академик, он будет

вашим заместителем по науке.

— Извините, Сергей Валентинович, не возьму, — перебил министра Ковалев, — академика я не знаю, мне нужна голова, а не титулы. Ничего личного, если академик мне подойдет, то я сам приглашу его, все научные кадры стану подбирать тоже сам.

— Это рекомендация Президента, — ответил Кудасов.

— Еще раз извините, но не возьму, стране нужна продукция, а не научные тезисы и диссертации, результаты работы. Извините, но не возьму.

Кудасов пожал плечами.

— Не могу спорить с вами, Николай Петрович, в этом вопросе. Извините, Дмитрий Павлович, вы свободны.

После ухода Войнаровского он продолжил:

— Семенович Александр Викторович, ваш заместитель по общим вопросам, зарегистрирует предприятие, откроет банковские счета, станет поддерживать отношения с местными властями, гражданскими министерствами. Лаврова Эльвира Борисовна, главный бухгалтер, очень грамотный специалист.

Ковалев заметил, как немного задрожали ее пальчики от волнения. Сорокапятилетняя приятная женщина не хотела участи предшественника. Совсем не потому, что мечтала и стремилась из Москвы в Н-ск, не хотела опозориться, получив отставку. Профессионал в своем деле, она не видела перспективы в Москве, теплые местечки заняты богатыми или лицами со связями, давно мечтала проявить себя на самостоятельном балансе. Она очень волновалась — мальчишка совсем, а в секунду поймел академика, с таким трудно будет отстаивать свое мнение, но как раз трудностей она не боялась, боялась унижений некомпетентной стороны. Ковалев улыбнулся и Лаврова успокоилась, министр перешел к следующей кандидатуре.

— Дворкович Эдуард Семенович, заместитель по снабжению... Краснов Борис Николаевич, заместитель по режиму, генерал-майор ГРУ. Полковник Сидоров Валентин Яковлевич, в его ведении будет непосредственная охрана предприятия и физических лиц, подчиняется Краснову и, конечно, вам, Николай Петрович. Есть мнение назвать предприятие ОАО научно-производственный комбинат «Вымпел». Теперь разрешите представить его руководителя, Героя Труда, лауреата Государственной премии по науке и технологиям, генерал-майора Ковалева Николая Петровича, вашего непосредственного начальника. Государство возлагает большие надежды на вас, Александр Викторович и на вас, Эдуард Семенович, что вы возьмете все общие вопросы на себя и не станете лишним раз отвлекать Николая Петровича от науки. Страна надеется на вас всех, господа-товарищи. Николай Петрович, вам слово.

— Что тут говорить — надо работать. Прилетите в Н-ск — жду всех у себя в офисе, здесь адрес и мой телефон, — он всем раздал визитки, — по вопросам размещения и быта — к Александру Викторовичу. Поговорим подробнее в Н-ске.

— Тогда все свободны, — объявил министр, — Николай Петрович и вы, Владимир Павлович, задержитесь ненадолго, необходимо обсудить заказы.

Заместители Ковалева и главный бухгалтер вышли в приемную, сразу накинулись на генерала Краснова:

— Рассказывай, разведка, что за человек Ковалев.

— Обычный человек — что тут рассказывать, — ушел от ответа он.

— Обычный человек? — усмехнулась Лаврова, — мальчику двадцать лет... Герой,

лауреат, генерал и это обычный человек. Как он в двадцать лет сумел высшее образование получить?

— Естественно, — с издевкой ответил Краснов, — лауреата в двадцать лет получить легче, чем высшее образование. Что я могу сказать? Гений, он и есть гений, у него вся семья звездная. Про доктора Ковалеву наверняка слышали...

— Которая экстрасенс, — уточнила Лаврова.

— Была экстрасенс, теперь дипломированный врач. Да, это его жена и рост у нее два метра, как у настоящего пришельца, — улыбнулся Краснов.

— Гений... все гении с причудами, а у Ковалева какая, — не отставала Лаврова.

— Есть одна, — серьезно ответил генерал, — не любит лишних вопросов и через чур любознательных личностей, извините. Говорят, что нормальный и адекватный мужик, с которым можно работать. Положением и умом не кичится, по образованию математик-физик и юрист.

Ковалев не стал тратить время на самолет, телепортировавшись из пустого закутка министерства обороны. Дома обнял жену, она, прижимаясь, произнесла:

— Какой ты у меня большой стал...

Николай посмотрел на нее снизу-вверх, ответил с улыбкой:

— Но до тебя еще не дорос.

— Короче ростом, согласна, но выше.

* * *

Два года в заботах и строительстве пролетели, как две секунды. Возводились цеха, площадки, ангары, здания в пригородном лесном массиве. В народе поговаривали разное о комбинате, от производства лакокрасочных изделий до минеральных удобрений и двигателей для автомобилей. Об оборонной промышленности не заговаривал никто, такой информации не было и каждый старался утвердить свою правду. Руководство комбината и страны понимало, что тайну все равно не удержишь, она рано или поздно просочится частично. Какой-нибудь работяга по пьянке все равно сболтнет, что делает нечто необычное. Но Ковалев не беспокоился, даже его ведущие ученые не знали секретов полностью.

Он ехал на комбинат с водителем. Полковник Сидоров, непосредственный начальник охраны, добился в отношении семьи Ковалевых не многого. Николая и Веронику возили вооруженные водители-охранники, а пенсионный спецназ ГРУ в коттедже он заменил на действующий. Никаких кортежей в поездках не было.

В приемной уже находились трое мужчин, прибывших пораньше. Адьютант доложил:

— Здравия желаю, товарищ генерал, к вам из Северского КБ, — он кивнул на троих мужчин.

Ковалев посмотрел, сразу определив генерального конструктора самолетов, подошел:

— Ковалев Николай Петрович, — он протянул руку.

— Собянин Яков Станиславович, — ответил конструктор, пожимая руку, — мои коллеги Петров... Добровольский. Мне говорили, что вы молоды, но не на столько же, — с улыбкой произнес он.

— Прощу, — пригласил гостей Ковалев в свой кабинет.

Собянин вошел осмотрелся. Громадный длинный стол для совещаний...

— Не плохо устроились, здесь же проводите разбор полетов...

— Некогда, знаете, бегать по другим залам, устраивайтесь, господа.

Он сел по одну сторону стола, гости по другую.

— Это верно, — согласился Собянин, — времени нам всегда не хватает. Если позволите, то я сразу к делу, — он вынул из папки большой лист, кинул его демонстративно на стол, — это что такое, Николай Петрович, что за галиматья? Где это видано, чтобы карикатуры метили грифом «совершенно секретно» и отправляли фельдьегерской связью для смеха? Или вы ошиблись адресом и хотели отправить чертежи не к нам, а в школу в качестве учебного пособия по физике? Я вас спрашиваю, Николай Петрович, это что?

— То, что вы просили — чертежи двигателя, — спокойно ответил Ковалев.

Невозмутимое спокойствие Ковалева действовало на Собянина словно перец на прямую кишку.

— Вот именно... именно чертежи мы просили, а не школьную схему ядерного реактора, — уже всю нервничал и повышал голос Собянин, — вы нас за идиотов держите?

Они не могли договориться по телефону, по закрытому интернету и письмам. Не выдержав, генеральный конструктор новейшего истребителя примчался в Н-ск, захватив с собой ведущих конструкторов для поддержки.

— Яков Станиславович, давайте все обсудим спокойно, без нервов. Вы строите самолеты, я двигатели. Вы задали нам необходимые параметры веса, объема и тяги, мы поняли, приняли и учли. Разработали и воплотили в железо соответствующий двигатель, уменьшив в разы вес, объем и увеличив тягу. Надеюсь это вас не напрягает?

— Это не напрягает, это сказочно прекрасно, — ответил Собянин, — но, Николай Петрович, дорогой вы мой, так же не бывает. Вы предлагаете ядерный двигатель, работающий по замкнутому циклу на отходах топлива, которых в стране более, чем достаточно. Прелестно, ядерные отходы действительно уже закапывать и девать некуда, они в переизбытке. Может быть вас тоже ввели в заблуждение, вы посмотрите, — он ткнул пальцем на чертежи, — это же двигатель для мопеда, он даже для серьезного автомобиля не подойдет. Схематично все правильно, я абсолютно согласен с размерами, тягой, весом. Но это ядерный двигатель, если вы не забыли, — снова начал нервничать Собянин и повышать голос, — как я могу взять этот двигатель? Он же мгновенно погубит всех рабочих, пилот умрет от радиации, даже не успев взлететь. И потом... он элементарно взорвется... реактор с толщиной стенок в один миллиметр — такого даже двоечник в десятом классе не придумает. В Северске как раз есть специализированное КБ, оно уже разработало ядерный двигатель. Он весит восемь тонн и размерами с самолет, ненадежен, нет достаточной защиты от радиации и взрыва. А вы здесь сидите и неизвестно чем маетесь.

Спор снова набирал яростные обороты, хотя Ковалев говорил спокойно, а кричал только Собянин. В приемную вошел Краснов, адъютант сразу посоветовал в кабинет не входить:

— Там гость из Северска, заседают уже три часа, спорят до крика.

— А наш что? — спросил Краснов.

— Нашего не слышно, кричит все время этот... генеральный по самолетам.

Внезапно дверь отворилась, вышел Ковалев, попросил адъютанта вызвать срочно врача с кардиографом — Собянину плохо. Доктор с медсестрой прибежали быстро, сделали ЭКГ.

— Инфаркт, обширный инфаркт, — объявил врач, — необходима срочная госпитализация.

— Некогда нам по больницам валяться, — Ковалев посмотрел на адъютанта, — срочно

пригласи Веронику Андреевну и проводи докторов.

Вероника ехала на комбинат, прекрасно зная, что муж может сам оказать помощь не хуже ее. Но, видимо, обстоятельства не позволяют ему, не хочет демонстрировать свои способности еще и в медицине. Она вошла в кабинет, присела на диван к больному. Собянин лежал с расстегнутой рубашкой, тяжело дышал и постоянно потирал рукой грудь.

— Сдавило все и жжет сильно, — произнес он.

— Обычные проявления инфаркта, но ничего, сейчас все поправим, — она застегнула ему пуговицы на рубашке, — вставайте.

— А сердце? — Собянин удивленно глянул на нее, начиная понимать, что боль и жжение ушли.

Он встал, походил по кабинету и даже присел несколько раз — сердце работало ровно и ничего не болело.

— Благодарю вас, вы жена Николая Петровича? — спросил он.

Ковалева утвердительно кивнула головой.

— Вот если бы ваш муж также бы умел делать свое дело... еще раз спасибо.

— Муж работает не хуже и полагаю, что скоро вы в этом убедитесь. Ладно, сами здесь разберетесь, мне пора.

Ковалева подошла к Николаю, не стесняясь поцеловала его в щеку и вышла.

— Алла, сделай нам чайку покрепче, — попросил он секретаршу, — продолжим разговор, господа.

— Чаю я, естественно, выпью, но говори-не говори — останусь при своем мнении, — ответил Собянин. — Более того — я отказываюсь от вашего двигателя, найду другого производителя. Время потребуется, но ничего не поделать.

— Это вряд ли, — усмехнулся Ковалев, — выпьем по чашечке чая и пойдем посмотреть двигатель живьем.

— Не собираюсь и не пойду, — заартачился Собянин, — еще чего — радиацию хватать...

— Наш двигатель сейчас установлен на испытательном стенде, вы можете посмотреть его в рабочем состоянии, оценить габариты для мопеда, как вы выразились. Он создает необходимую тягу, а радиометрические приборы совершенно не фонят, радиоактивное излучение не проникает через миллиметровую оболочку, которая обладает десятикратным запасом прочности, чтобы выдержать ядерный взрыв, удержать его внутри.

— Да, да — двигатель в форме ступы и метла сбоку... сказки я сам умею рассказывать, — ответил с усмешкой Собянин.

— Вы все-таки обязаны моей семье, Яков Станиславович, приглашаю вас к стенду от имени моей супруги, — хмуро произнес Ковалев.

— Бьете ниже пояса, Николай Петрович, вынужден пойти.

На испытательном стенде он изумленно-шокирующе разглядывал работающий двигатель, лично проверял показания приборов, измеряющих тягу, замерял уровень радиации и ничего не понимал, повторяя: «Этого не может быть, этого не может быть». Он все ходил около режущего двигателя, возвращался к приборам и вновь к двигателю.

Только через час они вновь собрались в кабинете Ковалева.

— Предлагаю оставить восхищения и поздравления для других сотрудников наших КБ. Принцип работы ядерного двигателя известен давно и реально его пытались сделать еще в середине прошлого века. Основная схема сохранилась и в моем двигателе, ничего нового я

здесь не изобрел. Однако, инновации все же присутствуют — это особо прочный корпус, толщина которого до последней минуты вызывала у некоторых сомнения, само радиоактивное вещество, замкнутость цикла. Двигатель не подлежит ремонту, он не разборный, срок его службы пятьдесят лет, после этого его можно переустановить на автомобиль из-за потери тяги, но для машины она будет достаточной еще не один десяток лет. Самолет с таким двигателем не требует топлива и может находиться в непрерывном полете сколько угодно по времени, хоть все пятьдесят лет без посадки. Вся соль в этом тоненьком корпусе, который способен удержать реакцию ядерного взрыва, его температуру и не требует охладителя. Так что никто над вами не издевался, Яков Станиславович, и ниже пояса не бил, чертежи вам прислали настоящие. Не хотите брать двигатель — не надо. Другие КБ и места найдутся. Извините, не планировал столько времени тратить на уговоры упертых питекантропов от академии, другие дела имеются. До свидания.

Он первым вышел из кабинета, оставив ошеломленных гостей. Они кинулись следом, но Ковалева уже след простыл. В приемную неожиданно вошел Войтович, представитель государства, если можно так выразиться. В Москве знали о разногласиях Собянина и Ковалева, о их встрече и специально направили Войтовича, чтобы два конструктора дров не наломали.

— Извините, рейс задержали, не успел к началу разговора. Устранили спорные вопросы? — первым делом спросил он.

— Не было никаких вопросов, кроме моего неверия в гениальность Ковалева. Обидел человека, — с сожалением ответил Собянин, — вел себя, как упертый баран и не оправдываю себя тем, что в это действительно невозможно поверить. Он действительно даже не кандидат наук?

— Действительно, — подтвердил Войтович, — говорит, что некогда ерундой заниматься, жалко времени на никчемную писанину. Профессор или не профессор — что это меняет для дела?

— Владимир Павлович, вы не правы, — возразил Собянин, — ученая степень, звание — это все-таки признание, это, наконец, деньги, пусть и небольшие. Он мальчишка еще совсем, но в науке всех нас обошел. Не правильно, — повторил Собянин, — не правильно, такому можно присвоить ученую степень без защиты по результатам. И не можно, а нужно. Я академик и со своей стороны этот вопрос иницирую. Надеюсь вы, Владимир Павлович, меня поддержите?

— Безусловно поддержку и сам, в том числе, выйду с соответствующим ходатайством, — довольно ответил Войтович.

* * *

Петровский Федор Иннокентьевич с женой и дочерью Ольгой ужинали. Она так и не вышла замуж, не видела достойных кавалеров вокруг себя, все ища принцев на белом коне. Кто-то не подходил фигурой и лицом, кто-то образованием и положением обществе. Характер, душа, наклонности Ольгу не интересовали. Родители прекрасно это знали, но сделать уже ничего не могли — поперек лавки не положишь.

— В нашей научной среде еще один доктор наук появился, совсем еще мальчишечка, двадцать два года, — произнес Петровский.

— И что тут удивительного? — усмехнулась Ольга, — это ты, папа, взятки не берешь, а другие еще как хапают. Купить докторскую — кого ты этим изумить хочешь?

Отец даже поперхнулся, ответил не сразу, прокашлявшись:

— У тебя только одно на уме — взятки и связи. Если человек продвинулся, то по блату или за деньги. Когда только осознаешь, что у людей еще голова имеется.

— Головы, папа, в Советском Союзе остались, сейчас рыночные отношения, все вопросы решают деньги и связи. Посмотри на золотую молодежь — на Мерседесах ездят, фирмами владеют, и ты хочешь сказать, что у них головы есть? Все у них есть, кроме ума и совести. А если бы богатого папочки не было, то двор бы подметали на улице и ходили пешком.

— Такое тоже присутствует, — согласился отец, — но большинство все же благодаря своему уму и труду пробиваются в жизни.

— Папа, не смей меня — умом и трудом пробиваются как раз не многие, а единицы. Ты на меня посмотри — я университет окончила, а устроиться на работу не могу: везде требуется сотрудники со стажем. Но и без стажа устраиваются по рекомендациям и взяткам, то есть опять же деньги и связи.

— Доченька, ты нашего соседа помнишь? — вмешалась в разговор Нина Степановна, — он детдомовский, какие у него могли быть деньги и связи? Человек сам себе дорогу пробил.

— Подумаешь... владелец завода, — фыркнула Ольга, — неизвестно, мама, как он этот завод в собственность получил. Наверняка нож к горлу подставил и заставил на себя переписать. Теперь, конечно, богатый Буратино, в коттедже живет, а квартира пустует... кому-то жить негде.

— Сосед... когда-то ты им брезговала... девять классов, — усмехнулся грустно отец, — конечно, ты студентка второго курса, а у него девять классов. Ты только что университет закончила, а он доктором наук стал, академиком, про него я в самом начале говорил. Без всяких связей и денег... Невесту его служанкой называла, а она врач и на всю страну гремит. Если бы не твои амбиции, то могла бы и женой Николая стать, сейчас бы работала и с охраной ездила. Говорил же я тебе, что мальчик умный и перспективный, а ты, как дура, заиклилась на его девяти классах. Девять классов... академик он теперь, лауреат Государственной премии, а не девять классов.

— Так вот оно в чем дело — зятя перспективного потеряли, — с сарказмом ответила Ольга, — я из себя служанок разыгрывать не умею и передок не подставляю. Конечно, теперь эта каланча знаменитая, пусть он на нее и заглядывается, ублажает и на цыпочках ходит.

— Такой на цыпочках ходить не станет, — возразила мать, — не хотела говорить — видела его недавно: генерал, а на груди звезда Героя Труда.

— Ты что-то попутала, мама.

— Ты же умной себя считаешь, — усмехнулся отец, — подумай, кому могут генерала дать и Героя Труда, а не Героя России.

— Академик... На оборонку что ли работает?

— Хоть это сообразила, умница ты наша. Чего теперь рассуждать, сама все потеряла. Не писала бы на него заявление в полицию — могла бы и на работу устроиться. По связям, как ты говоришь.

Отец вздохнул и вышел из-за стола, ушел в комнату. Нина Степановна осталась с дочерью на кухне.

— Отца пригласили работать на комбинат, — осторожно произнесла она, — не решается он, боится, что ты что-нибудь, где-нибудь ляпнешь про нашего бывшего соседа.

— При чем здесь Николай и комбинат? — удивилась Ольга.

— Он там руководитель, генеральный конструктор, генерал, — ответила мать. — Комбинат — только название, это целый научно-производственный комплекс, конструкторское бюро и заводские цеха. Предлагают зарплату в два раза больше отцу, наверняка про него сам Николай Петрович вспомнил. Если отец согласится, ты уж, доченька, называй бывшего соседа по отчеству. Все-таки оборонка, там могут и телефоны прослушивать.

— Но это же незаконно, мама.

— Законно-незаконно... я к слову. Может и тебя потом отец на комбинат пристроит. Николай Петрович сам всего добился, я его очень уважаю.

— Хорошо, мама, не волнуйся, — Ольга улыбнулась, — вашего любимчика обижать не стану. Он как Ломоносов в лаптях пришел и ученым стал — таких единицы, мама.

На следующий день Петровского пригласили на комбинат. Утром и вечером к нему ходили служебные автобусы, но можно было доехать и на маршрутке до отворота с трассы, а там рукой подать. На КПП провели досмотр, паспорт сверили со списком приглашенных и направили в кадры. Там еще раз проверили документы и повели по длинным коридорам в другой корпус. Ковалев принял его лично.

— Присаживайтесь, Федор Иннокентьевич, как ваша семья, все здоровы?

— Спасибо, Николай Петрович, все хорошо.

— Тогда к делу. Полагаю, что вы понимаете схему цепной ядерной реакции и объяснений здесь не требуется.

— Схему — да, — согласился Петровский.

— Мгновенное деление и взрыв. Но, предположим, что деление произошло в замкнутой прочной оболочке, которая не дала возможности ядерной реакции выплеснуться наружу, не хватило силы прорвать ее и она затаилась. Если в этой оболочке проделать миллиметровое отверстие, то энергия станет вырываться наружу по типу водомета, создавая определенную тягу. Условия задачи: оболочка объемом ноль пять кубометра, один грамм урана внутри. Необходимо математически рассчитать диаметр отверстия для создания определенной силы тяги и на какой период работы хватит одного грамма урана? Вы можете провести такие расчеты, Федор Иннокентьевич?

Петровский задумался, ответил не сразу:

— Деление урана должно достигнуть критической точки и прекратиться, поскольку оболочка не дает произойти взрыву. Собственно, микровзрыв произошел, но не вырвался наружу и заполнил весь объем до предела. Одни атомы перестали бомбардировать другие — места нет. Теоретически рассчитать можно, но придется работать с компьютером, способным управляться с цифрами в сотой или даже тысячной степени. Архимизерную часть урана, пошедшего на деление высчитать можно, как и время выхода через отверстие в миллиметр. Мне неизвестно — существуют ли формулы расчета подобной тяги в зависимости от диаметра отверстия?

— Кое-что есть, но многое придется рассчитывать в ходе экспериментов и проверять итоговые цифры на стендах, так как уран в чистом виде использоваться не будет — в основном ядерные отходы, которых у нас в стране переизбыток. Вы математик, Федор Иннокентьевич, и если чувствуете в себе силы заниматься подобными расчетами, то

комбинат принимает вас на работу. Что скажете?

— Можно попробовать, Николай Петрович, но как же радиация?..

— По этому поводу не волнуйтесь, абсолютно никакой радиации. Благодаря существующим фильтрам из сопла емкости выходит только тепловая энергия огромной температуры и силы, никакого излучения. Как мы этого добились — вопрос не вашей компетенции, здесь у каждого свой допуск секретности. У вас всегда будут исходные данные — объем емкости, сила тяги, которую необходимо получить, и конкретный состав ядерных отходов. Вы же даете ответ о необходимом количестве топлива, допустим, на сорок лет работы по замкнутому циклу и диаметре сопла. Всего две цифры, которые от вас требуются, — еще раз кратко повторил Ковалев. — Сколько вы получали в университете?

— На руки тридцать, — ответил Петровский.

— Да-а, маловато, — хмыкнул Ковалев, — семьдесят вас устроит?

— Конечно, — обрадованно ответил Петровский.

В кадрах он дал подписку о неразглашении и сразу направился в университет увольняться. Дома с восторгом рассказывал о комбинате. Ольга все-таки задала вопрос:

— Ты же чистый математик, папа, не физик, станешь рассчитывать траектории полета ракет? Не танки же вы там производите.

— Не танки, это точно и не ракеты. Комбинат производит краску, — ответил отец.

— Лапшу на уши можешь другой вешать — генералы краску не производят. Нельзя говорить — так и скажи, зачем же лгать — обиделась Ольга.

— Если секрет, то не надо было и спрашивать, — недовольно ответил отец, — ты наверняка читала, смотрела по телевизору или где-нибудь слышала, что самолеты на определенной высоте обледеневают, тяжелеют и падают. Такие случаи редки, но бывают. Перед полетом самолеты обрабатывают специальной жидкостью. Если взять всю Россию с гражданскими и военными самолетами, то подобной жидкости требуется огромное количество, десятки тысяч тонн, а это деньги, большие деньги. На комбинате изобрели специальную краску, состав которой является государственной тайной. Такой краской покрывают самолет единожды, и он не обледенекает на высоте. Двойная, тройная экономия — красить новые самолеты все равно надо и не требуется антиобледеневающей жидкости.

— Фу, я то думала, что комбинат чем-то серьезным занимается, — произнесла Ольга.

— Ты все время где-то в облаках витаешь, — урезонила ее мать, — экономия для страны в миллиарды рублей и папина зарплата — разве это не серьезно?

— Серьезно, — небрежно ответила Ольга, — навоз вывозить на поля тоже серьезное и нужное дело. Повышение урожайности приносит стране немалый доход, но генералов, почему-то, навозникам не присваивают.

— Откуда в тебе столько ненависти к Николаю Петровичу? — ужаснулась мать, — может ты влюбилась в него?

— Размечтались... — ответила Ольга и ушла на кухню.

— Вырастили доченьку... — вздохнул отец. — Нет, любовь так не проявляется. Наверное, он нравился ей, а когда не обратил внимание на нашу цацу, то ее заело, вот и выплескивает свою дурость через край.

Нина Степановна согласно кивала головой в раздумьях, поведение дочери ее настораживало и угнетало, но она была единственной и любимой дочерью, не смотря ни на что.

Постепенно на комбинате производство двигателей отладилось. Президент Романов

читал обзорную справку, составленную Войтовичем.

«... научно-производственный комбинат начал серийный выпуск двигателей для истребителей и стратегических бомбардировщиков нового поколения, для надводных и подводных кораблей военно-морского флота. Ядерные двигатели работают по замкнутому циклу, безопасны для окружающей среды и людей, срок гарантии установлен в сорок пять лет, в качестве топлива используются отходы атомного производства. Цена на двигатели ниже получаемых ранее керосиновых, обслуживанию и ремонту в течение гарантийного срока не подлежат. С учетом строительства новых кораблей, самолетов и танков из жести, последующим покрытием краской и отсутствием необходимости в топливе, их себестоимость снизилась в разы, что позволяет экономить более двадцати триллионов рублей в год.

Технология производства краски — в жидкости неизвестного состава растворяется любой металлический лом, компьютер определяет состав вещества и в который добавляются неизвестные ингредиенты в небольшом количестве. В спецлаборатории не смогли определить состав жидкости для растворения металла, взятой неоднократно для исследования, как и состав самой краски. Кроме того, на комбинате жидкость растворяет металл, а в спецлаборатории нет, она не вступает в реакцию ни с чем и спектральному анализу не поддается. Программисты пытались скачать и проанализировать компьютерные программы на комбинате, но взломать пароли не смогли, как и скачать программы в рабочее время».

О самом Ковалеве ни слова, подумал Романов, откладывая справку в сторону. Видимо его гениальность и взлет, молодость многим не дают покоя, все хотят знать его тайны. Что мы имеем на сегодняшний день? Бесспорно, самую боеспособную и лучшую армию в мире, которая может разгромить блок НАТО в считанные дни. Если бы американцы имели подобное вооружение, то Россию уже давно бы стерли с лица земли и пользовались ее природными богатствами. Он пригласил к себе начальника СВР (служба внешней разведки).

— Что поговаривают за рубежом о нашем новом оружии? — спросил Романов.

— Разведки НАТО не считают, что у нас появилось принципиально новое оружие, — ответил начальник СВР, — однако, они обеспокоены появлением у нас новых технологий, способных путем модернизации качественно улучшить имеющееся вооружение. Они очень обеспокоены появлением нашего стратегического бомбардировщика у непосредственной границы США. Средства ПВО его не обнаружили, на самолет случайно наткнулся истребитель и сообщил на землю. В результате проверки сделан вывод — наш бомбардировщик старой конструкции, но с новейшим покрытием, способным отражать лучи радаров. До американцев докатились слухи о производстве необычной краски в городе Н-ске, и они в настоящее время разрабатывают операцию по проникновению на комбинат. Сроки и лица нам пока неизвестны.

— Это очень важная информация, почему сразу не доложили? — возмутился Президент.

— Информация получена сегодня, можно сказать только что, — ответил невозмутимо начальник СВР, — и потом в Н-ске у нас нет важных объектов, пусть приезжают на пустое место, а мы их встретим.

— Эта информация особой государственной важности, пока прошу ни с кем ею не делиться до моего отдельного распоряжения, вы свободны, — приказал Романов.

Оставшись один, он размышлял: американцы знают, а мой начальник СВР не знает. По

большому счету это неправильно, да и спецслужбы работают в этом направлении разрозненно. Он вспомнил обзорную справку... пора пообщаться с Ковалевым лично.

Николая Петровича и Краснова пригласили в Москву. Ковалев уехал в Кремль, а Краснов отправился в ГРУ. Романов решил вначале несколько воодушевить конструктора, а уже позже поговорить подробнее. После вручения второй золотой медали Героя Труда и присвоения звания генерал-лейтенанта, Романов беседовал с Ковалевым наедине:

— Ваши заслуги перед государством неоценимы, Николай Петрович, но я знаю, что к похвале вы относитесь с некоторым пренебрежением — прикололи на грудь вторую звезду Героя, присвоили очередное звание и нечего об этом говорить больше.

Романов заметил, как улыбнулся Ковалев, согласно кивая головой, продолжил:

— Ваш новый чудодейственный металл или, как мы его называем, краска, новейшие двигатели позволили перевооружить армию, сэкономив при этом триллионы рублей. Что-нибудь планируете новенькое, Николай Петрович?

— Да, давно задумываюсь над многими вопросами. Ядерный двигатель замкнутого цикла и небольших размеров — это не прорыв в науке и ничего нового я здесь не создал. Кроме, может быть, безопасной оболочки, которая позволила управлять ядерной энергией. К таким технологиям придут и американцы со временем, но это дает нам фору лет в тридцать-сорок. Если вы одобрите, Владимир Сергеевич, то я бы занялся формулой времени.

— Формула времени? — удивился Президент.

— Да, именно формула времени. Сейчас ученые мира еще не стоят на пороге, но уже подошли к нему с вопросами получения антиматерии, которая позволит космическим кораблям перемещаться со скоростью света. Пока для нас это запредельная скорость, но в ближайшие пятьдесят лет она станет реальностью. Наука всегда движется волнами, я имею ввиду то быстро, то медленнее. Произойдет скачок и новое замедление лет на сто. Что такое скорость? Это перемещение определенного тела в пространстве. Предмет находится в точке А, например, в Москве и должен переместиться в точку В, например, во Владивосток за девять часов. Девять часов — это время в пути... время! Мы привыкли идти проторенным путем. Нам надо увеличить силу тяги двигателя, в результате увеличится скорость и уменьшится время. Предмет попадет во Владивосток не за девять часов, а за пять, например. А если подойти к этому вопросу с другой стороны? Со стороны времени, найти его формулу и девять часов сжать до одной секунды. Космические корабли будущего станут бороздить просторы галактики со скоростью света, но даже до самой ближайшей звезды им придется лететь более четырех лет. Зачем же идти по натоптанному, зачем изобретать велосипед, когда, зная формулу времени, можно эти четыре года сжать до минуты? Вам кажется это фантастикой, но автомат Калашникова для питекантропа вообще дикая фантастика. Неудачное сравнение, извините, но мне с вами легче разговаривать, чем с учеными академиками. Вы политик и чаще встречаетесь с ситуациями, противоречащими всякому здравому смыслу. Наука — это не та женщина, которую можно изнасиловать. Придется хорошенько потрудиться, ласково поглаживая ее ножку выше и выше, прежде чем она отдастся тебе.

Романов рассмеялся:

— Да-а, Николай Петрович, сравнения у вас, конечно, тоже фантастические — от космических кораблей до женских ножек. И когда эту женскую ножку можно будет реально погладить? — спросил Президент, все еще посмеиваясь.

— Наука — это не бухгалтерская книга, по которой можно реально отслеживать

вложенные средства и не государственный утвержденный план, который, кстати, тоже частенько корректируется. Однако, надеюсь уложиться в половину данной нам форы времени. Хочу пойти к цели двумя параллельными путями — главной и второстепенной дорогой. Главная — это получение формулы времени, а второстепенная и реальная — это квантовое перемещение в пространстве. Говоря проще — телепортация. Этой девочкой всю уже ученые занимаются. Это реально в ближайшие годы, например, лет через восемьдесят, полагаю не более. Если, конечно, вы одобрите мой план на будущее и мне не придется объяснять кому-либо другому чем я занимаюсь.

— Вы хорошо сказали про бухгалтерские книги, Николай Петрович, но я понимаю, что наука не может стоять на месте. Невероятное сегодня становится завтра объективной реальностью. Занимайтесь формулой времени и телепортацией. Отлаженное вами производство, как я понимаю, на потоке и станет идти своим чередом, — ответил Романов. — Но я вас пригласил к себе с еще одной целью — на Западе заинтересовались нашими самолетами-невидимками и, вероятно, скоро на комбинате появятся представители той или иной разведки. Кроме ГРУ другие спецслужбы о вас не знают. Полагаю, что настало время вам познакомиться, а им объединить свои усилия.

Президент попросил пригласить находящихся в приемной генералов. Вошли двое в штатском и два человека в форме, одним из которых был Краснов.

— Вставать необходимости нет, — начал Романов, — проедем совещание в рабочем режиме. Прежде всего представлю вам молодого человека, генерал-лейтенанта Ковалева Николая Петровича, который руководит объектом государственной важности в городе Н-ске. Он автор вещества, именуемое краской, которой покрываются воздушные и морские корабли, невидимые для радаров и эхолотов противника. Он же создатель вам известных новейших двигателей. Генерал-майор Краснов Борис Николаевич, штатный сотрудник ГРУ, который является заместителем Ковалева по режиму. Генерал-армии Буданов Артем Викторович, директор службы внешней разведки, генерал-армии Высоцкий Геннадий Дмитриевич, директор ФСБ, генерал-полковник Говорков Евгений Игоревич, начальник ГРУ. По имеющейся информации американские спецслужбы в настоящее время планируют направить в Н-ск людей с целью получения технологии производства краски или хотя бы взятия образцов для исследования. Остается несомненным, что научно-производственный комбинат, руководимый Ковалевым, станет постоянно интересовать западные спецслужбы и настала пора объединить усилия наших спецслужб. Какие меры предлагаются для пресечения деятельности иностранных разведок?

— Разрешите? — попросил слова начальник ГРУ.

— Пожалуйста, Евгений Игоревич.

— Поскольку изначально ГРУ поручено осуществлять охрану объекта во всех смыслах этого слова, предлагаю следующее, — он прокашлялся немного, — на местном уровне возглавить операцию по предотвращению деятельности иностранной агентуры генерал-майору Краснову Борису Николаевичу. Обязать начальника УФСБ Н-ской области оказывать Краснову полное содействие. Ему же оперативным путем выявить и задержать иностранных агентов при содействии местного УФСБ. У меня все, Владимир Сергеевич.

— Есть другие предложения? — спросил Президент.

— Разрешите вопрос, Владимир Сергеевич?

— Да, пожалуйста, Геннадий Дмитриевич.

— Почему охрана, в том числе и контрразведывательная деятельность, поручена ГРУ?

— Это требовала обстановка того времени. Вы хотите взять все в свои руки?

— Считаю, что это целесообразно. У ГРУ несколько иные основные функции и задачи, — ответил директор ФСБ.

— Что скажете вы, Евгений Игоревич?

— Возможно, Геннадий Дмитриевич прав в целом. Однако в настоящее время смена оперативного органа повлечет за собой определенную временную заторможенность, что может сказаться на результатах выявления и обезвреживания иностранной агентуры.

Директор ФСБ усмехнулся уголком рта. Военные знают больше, чем говорят и хотят сорвать лавры на этой операции, считал он.

— Полагаю, что...

— Извините, Владимир Сергеевич, — перебил его Ковалев, — прежде, чем вы озвучите свое решение, я бы хотел высказать свою точку зрения и кое-что уточнить.

— Конечно, пожалуйста, Николай Петрович, — согласился Президент.

— Спасибо, тогда прежде всего вопрос директору ФСБ — действия вашего ведомства, Геннадий Дмитриевич, что вы бы предприняли по вопросу вмешательства в мою работу иностранной агентуры?

Высоцкий так удивленно посмотрел на Ковалева, что Президент чуть не рассмеялся, но внешне не показал ничего. Ему самому стало интересно, как отреагирует директор. Молчание несколько затянулось и Высоцкий решил ответить:

— Если говорить тезисно, то оперативным путем выявить агентуру, а потом уже решать следующий вопрос — играть с ними или задерживать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Весьма неплохо, — согласился Ковалев, вновь повергая директора в удивление своим ответом — что может понимать ученый в оперативной работе? Смена сотрудников ГРУ на ФСБ, — продолжил Ковалев, — не повлияет на результаты, однако я уже сработался с генералом Красновым. Но можно сработаться и с другим. Я бы хотел, Владимир Сергеевич, в вашем присутствии кое-что объяснить директору ФСБ. Я хоть и генерал-лейтенант, но по существу человек сугубо гражданский, я не знаю где надо козырнуть, где промолчать, не перебивая старшего по званию. По вашему вызову в Москву ездить не стану, надо — сами приедете. Кандидатуру, предложенную вами вместо Краснова стану утверждать я, а не вы и после меня Президент. В спорных вопросах между нами, мой заместитель по режиму, ваш кадровый сотрудник, выполняет мой приказ, а не ваш. Мои просьбы, распоряжения, приказы, как хотите их называйте, может отменить только один человек — Президент Российской Федерации или верховный главнокомандующий, тоже как хотите. Мои действия или просьбы могут иногда показаться вам сумасбродными, психически ненормальными. У меня нет времени доказывать свою правоту и тратить силы на споры, вам уже моя речь кажется бредом сумасшедшего, но вы поймете через несколько месяцев, что это абсолютно не так. Если вы не возражаете, то я готов согласиться со сменой ГРУ на ФСБ. Почему я все это высказал несколько сумбурно и в резкой форме? Просто министр обороны прошел уже фазу недоверия моим словам и защищал меня от того же начальника ГРУ, с которым мне пришлось лично познакомиться только сегодня.

Директор ФСБ молчал, ошарашенно-удивленный он поглядывал на Президента и был уверен, что Ковалева сейчас поставят на место. Романов это тоже хорошо понимал.

— Геннадий Дмитриевич, вы действительно еще мало знаете господина Ковалева, — начал он, — Николай Петрович не ставил своей целью обидеть вас или унижить, но к его

словам необходимо прислушаться. У каждого гения свои странности, хотя лично я в его словах ничего странного не нахожу. Не найдете странностей и вы со временем. Но, как сказал Николай Петрович, нет времени на объяснения, поэтому его просьбу считайте моим приказом.

— Есть, — ответил директор ФСБ.

После утверждения новой кандидатуры заместителя по режиму, Романов попросил остаться Высоцкого, отпустив всех.

— Геннадий Дмитриевич, вы, конечно, сейчас многого не понимаете и не воспринимаете в силу своей неосведомленности. Я тоже, как и министр обороны, чувствовал себя подобно вашему. Но неоднократно убедился в правоте слов Ковалева, когда абсолютно невозможное становится реальностью. Приведу в пример то, что видел лично. На учениях в тихом океане Ковалев предложил уничтожить старый списанный безоружный пограничный катер, заявив о том, что крейсер не сможет его потопить, используя любые виды оружия. Вы бы видели усмешки морских офицеров и открытые рты позже, когда с расстояния меньше мили катер расстреливали орудия, торпеды, бомбила авиация, а на катере даже стекла рубки не потрескались. Ни каких следов, кроме сплюснутых крупнокалиберных пуль и осколков. Вы можете представить себе ситуацию, когда на палубу старенького катера падает бомба, способная пробить многометровое бетонное сооружение? После взрыва даже стекла на катере не треснули. А его ядерные двигатели, что ученые про них говорят? Что это невозможно, но мы перевооружаем армию, это факт. Сегодня я утвердил план работы Ковалева на ближайшие годы, я не могу вам о нем рассказать, но поверьте, что подобные катера и ядерные двигатели — это семечки. Поэтому берегите Ковалева, как зеницу ока. Это не просьба, это приказ, такие, как Ковалев, раз в несколько тысячелетий рождаются.

— Есть беречь Ковалева, — ответил Высоцкий.

Ремезов Валентин Николаевич недавно получил генеральское звание, еще не привык к нему и не освоился с новым имиджем. Он генерал... Новое чувство воодушевляло его, а брюки с лампасами приводили в некоторый трепет. Он генерал... летел в Н-ск, помня наставления директора ФСБ, а потом и Президента.

Кто он такой этот Ковалев? В ведомстве о нем не знали, но личный инструктаж директора и Президента говорили о многом. Он знал парней, которые уходили на подобные должности в авиационные или морские КБ — в лучшем случае их инструктировал начальник управления. Каждый из них и так знал, что необходимо делать. Он помнил слова Президента: «В России отменена смертная казнь, но если что-то случится с Ковалевым, вы станете мечтать о ней, как о манне небесной».

Он летел в Н-ск с воодушевлением. Новая должность предполагала большей самостоятельности, и он не подчинялся ни коим образом начальнику местного УФСБ. Более того, тот обязан был оказывать любую помощь по требованию Ремезова. Это было что-то новенькое, обычно все подобные руководители в оперативном плане подчинялись местным генералам.

В аэропорту его встретил генерал Краснов. По дороге на комбинат, как показалось Ремезову, он неохотно говорил о Ковалеве. Может быть потому, что ГРУ конкурирующая фирма или здесь все-таки что-то другое?

Они сразу договорились общаться на «ты». «Ковалев генерал-лейтенант по званию, но в душе он сугубо гражданский человек, — рассказывал Краснов, — предпочитает обращение по имени отчеству. Словам «есть и так точно» — другие слова: сделаю, хорошо, будет исполнено, согласен или что-то в этом роде. Дважды Герой Труда, лауреат Государственной премии по науке и технологиям, доктор физико-математических наук, академик. Но таких в России достаточно, а он один — он гений».

Краснов представил нового заместителя по режиму Ковалеву. Новый руководитель, оторвавшись от бумаг, высказался четко и ясно:

— Осваивайтесь, обживайтесь, принимайте дела и вникайте в обстановку. Краснов вам все покажет и объяснит, познакомит с личным составом. Почувствуйте в себе силы приступить к работе самостоятельно, отпустите его, доложите мне вместе с планом оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и обезвреживанию иностранной агентуры. Пока агенты не установлены и решение по ним не принято — станете ходить в форме, а не в гражданке. Это все.

— Николай Петрович, — обратился к нему Краснов, — у меня приказ начальника ГРУ прибыть в Москву через три дня.

— Так позвоните ему и объясните, что я его приказ отменил. Уедете, когда решит Ремезов.

Ковалев уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор окончен. Генералы вышли из кабинета.

— Крут он, однако, и что станешь делать? — спросил Ремезов Краснова.

— Звонить и объяснять. Вряд ли захочет генерал-полковник спорить с Ковалевым, для него это может плохо закончиться.

— Для Ковалева?

— Для Говоркова и он это прекрасно понимает. Твой директор может что-то первоначально оспаривать, но как только получит по заднице от Президента, так сразу все поймет и успокоится. Моему легче, он от министра обороны нагоняй может получить, — ответил Краснов.

Ремезов вник в ситуацию на комбинате довольно быстро, но все-таки не отпустил через три дня Краснова — вникать пришлось не только ему, но и оперативному составу, спецназу, технарям, оперативно-поисковой службе, а по простому топтунам. Краснов отбыл в Москву через неделю. Ремезов доложил Ковалеву, что к службе приступил в полном объеме и представил план. Ковалев, как показалось генералу, мельком глянул на него.

— Неплохо, ваша главная задача установить все связи прибывающих агентов. Дать им возможность проникнуть на комбинат, взять образцы жидкости и краски, в живом виде посмотреть на двигатели. Если они смогут скопировать чертежи — пусть копируют. Чертежи и образцы должны обязательно попасть к американцам в ЦРУ. Попасть с трудом, чтобы у них не сложилось впечатления, что им это все подсунули. Если их будет трое, например, то арестовать одного-двоих, но кто-то обязательно должен уйти с чертежами и образцами. Когда документы будут у них, пусть заметят за собой слежку и начнут отрываться. Повторяю, задача одна — образцы и чертежи должны попасть в ЦРУ, а устно агент должен доложить, что охрана здесь очень серьезная и он уцелел только чудом. Обязательно переговоры с местными чекистами, а то еще наломают дров — арестуют случайно агентов. Все понятно?

— Понятно, Николай Петрович. Извините, но я должен заранее знать, где им можно брать пробы, а где нет, где лежат настоящие чертежи, а где подготовленные для них.

— Пусть берут все, что угодно и где угодно, пусть фотографируют, не стоит им мешать. Охрана только по периметру и в форме, на территории комбината чтобы ни одной живой души из твоих не было при появлении агентов. Сдашь информацию американцам, тогда и возобновишь вновь настоящую охрану. Это все, что положено вам знать, Валентин Николаевич.

Последнее предложение успокоило Ремезова. Если я знаю не все, то к американцам попадет липовая, а не настоящая информация. Но почему Ковалев не доверяет даже мне?

Через два месяца начальник восточного отдела ЦРУ в бешенстве метал громы и молнии — два его лучших сотрудника арестованы в России, а один с трудом сумел выбраться и привез информацию. По заключению специалистов чертежи оказались неполной схемой ядерной реакции, известной каждому школьнику. В одной из проб оказалась вода, в другой обыкновенная краска, разведенная серной кислотой. Фотографии двигателей соответствовали привезенным чертежам, но они не могли быть рабочими, так как отсутствовал охладитель, даже взрыва бы не произошло в таком тонком корпусе — все элементарно погибли бы от радиации еще до начала цепной реакции, для которой тоже необходимы определенные условия. Сделанные фотографии корпусов зданий соответствовали спутниковым. Начальника отдела развели, как обыкновенного лоха, арестовав двух людей и подставив ложный объект. Теперь в ЦРУ понятия не имели, где производятся настоящая краска и двигатели. Руководство требовало ответа, а у него были только потери.

Служба внешней разведки информировала директора ФСБ о понижении в должности начальника восточного отдела ЦРУ в связи с известными событиями. Директор в свою очередь поздравил Ковалева и Ремезова с успешной и блестяще проведенной операцией.

Ковалев пригласил Ремезова к себе.

— Валентин Николаевич, сейчас я могу рассказать вам кое-что о вашем назначении сюда и проведенной операции по выявлению и обезвреживанию иностранной агентуры. В свое время я был на секретном совещании у Президента, на котором присутствовали все руководители спецслужб. Как раз директор СВР своевременно информировал Президента и нас о готовящейся заброске агентуры. Высоцкий тогда решил сорвать лавры и обоснованно предложил взять комбинат под свою опеку и охрану. Я не стал возражать в том числе и потому, что генерал Краснов брал пробы для производства анализов в одной из спецлабораторий ГРУ. Но они не смогли провести необходимые исследования, для этого необходимы более обширные знания. В Америке смогли, так как со временем состав распадается на воду и кислоту, такой результат они и получили. Чертежи они взяли настоящие, но современной науке еще не дано осмыслить их, я немного ушел вперед. Поэтому в ЦРУ сделали вывод — объект не только ложный, но и специально подставленный. В результате они потеряли двух человек и ничего не добились. Теперь ни одна разведка к нам лет пять не сунется. Я все знал заранее и приказал не мешать агентам, а вам ходить в форме. Это тоже должно было послужить определенной каплей в сознании сотрудников ЦРУ, что объект ложный. Ваша контора, Валентин Николаевич, обычно на парады не ходит и мундиром не светит. На парадах она присутствует в несколько иной ипостаси. Полагаю, что вам необходимо более полно информировать директора о проведенной операции с учетом изложенной мною информации, исключив фамилию Краснова и Высоцкого.

Оставшись один, Ковалев вздохнул свободно, теперь можно заняться основными делами, не отвлекаясь. Он собрал свой ученый совет в кабинете.

— Коллеги, комбинат работает в соответствии с планом, рабочие трудятся неплохо, а вот вы, видимо заскучали немного. Последние месяцы я не поручал вам никаких новых разработок, и вы посчитали, что инициатива наказуема. Это не совсем меня устраивает, когда у ученого не рождаются в голове прелестные новые идеи. Мозг начинает ржаветь или плесневеть — как хотите. Пора браться за новое дело — мне нужен квантовый компьютер. Полноценный квантовый компьютер является пока гипотетическим устройством, но уверен, что вы сможете превратить его в реальность скажем так... месяцев за шесть-восемь.

— Позвольте, Николай Петрович, — перебил его зам по науке, — ученые всего мира бьются над этой проблемой не один год и пока безуспешно. Вы же даете срок шесть-восемь месяцев — это абсурдно.

— Эдуард Валентинович, все, что мы делаем на комбинате, до сих пор нигде не делается, вы это прекрасно знаете. Поэтому не станем ориентироваться на мир и, как вы выразились, биться над проблемой, необходимо ее решить в указанный срок. Решите раньше — я возражать не стану. Вывод — научным руководителем создания квантового компьютера назначаю академика Берестова, команду вы подберете себе сами, доклад о проделанной работе еженедельно в пятницу. Все свободны.

Берестов вышел из кабинета в холодном поту, присел сразу же на стульчик у секретаря Аллы, вытирая лицо платочком, попросил воды. Она подала ему, Берестов выпил.

— Досталось? — участливо произнесла Алла.

— Нет, но также не делается, — начал приходить в себя Берестов, — если он гений, то это не дает ему право давать невыполнимые поручения. Весь мир бьется над проблемой, а я ее должен решить за полгода.

— Эдуард Валентинович, хотите знать мое мнение? — спросила Алла.

— Ваше мнение? — он удивленно посмотрел на нее.

— Гений бы никогда не дал поручение человеку, будучи неуверенным, что он его выполнит. У вас все получится, Эдуард Валентинович, надо только начать.

Берестов внимательно посмотрел на Аллу и улыбнулся.

— Спасибо вам, добрая душа, может вы и правы, а я расклеился, еще ни к чему не приступив.

Он ушел к себе в кабинет, выпил стакан чая и вызвал к себе нескольких ученых. Они входили с опаской, заранее зная, зачем их пригласили.

— Задачу вы слышали, — начал Берестов, — завтра утром жду у себя с мыслями и предложениями.

Он задумался. Ковалев не сказал, что нужен мощный и быстродействующий компьютер, способный хранить и обрабатывать огромное количество информации. А когда необходим квантовый компьютер, который еще никто не создал? Когда возникает потребность в исследовании сложных многочастичных систем, подобных биологическим. Что он собрался исследовать? Не человека ли и других живых существ? По большому счету он сделал всего лишь одно открытие — это его необычный металл, который позволяет совершить прорыв во многих отраслях, в том числе и в военной сфере. Никто не станет отрицать его гениальности пусть даже и с единственным открытием. Он молод... Берестов вздохнул... и его открытия еще впереди. Квантовый компьютер... ишь куда замахнулся... Это не металл, этот компьютер может открыть путь ко многому, например, к телепортации или совершить революцию в медицине. Насколько велик Создатель! Он уже давно создал биологический квантовый нанокomпьютер — это обыкновенная ДНК с великолепной операционной системой: геномом. Многочисленное количество вариантов с использованием всего лишь четырех аминокислот. Что может быть сложнее человеческого организма? Космические ракеты? Чушь полная, фантастика для недалеких читателей подобных книг, которые частенько говорят, что автор неправдоподобен. Не может герой книги перемещаться подобным путем — его должно раздавить ускорение под воздействием гравитации или еще что-нибудь. Не может и все, неправдоподобно это. Но на метле и ступе летать правдоподобно.

Утром у Берестова собрались ученые, которых он выбрал для решения важной задачи. Они сразу обратили внимание, что зам по науке уже не растерян и не подавлен, как вчера. Для них это означало одно — он нашел путь, и они по нему пойдут.

Берестов прекрасно понимал, что обратившись ко всем, он не получит ответа, поэтому спрашивал каждого лично, расстраивавшись все больше и больше. Никто из коллег не предложил ничего дельного, ссылаясь на то, что за ночь невозможно ознакомиться с уже опубликованными работами по этому вопросу, изучить и предложить что-то свое. Петровский оказался последним в очереди и отвечал конкретнее:

— Еще будучи доцентом в университете я начал писать докторскую диссертацию, близкую по теме к созданию квантового компьютера. Естественно ознакомился и изучал каждую публикацию, связанную с квантовой теорией. В основе лежат явления квантовой суперпозиции и квантовой запутанности. Квантовый компьютер не использует классические алгоритмы, ему необходимы квантовые алгоритмы, использующие квантомеханические эффекты, такие как квантовый параллелизм и квантовая запутанность...

Берестов слушал внимательно Петровского, одновременно вспоминая его приход на

комбинат. Он был против его принятия на работу — доцент университета, не доктор наук и чистый математик, как он считал. Теперь Петровский спасал его... как все-таки сложно устроен мир. Петровский говорил полчаса...

— Примерно так, — закончил он.

— Примерно так, — хмыкнул Берестов, — возникли некоторые идеи, необходимо посоветоваться с Ковалевым. Все свободны, вы, Федор Иннокентьевич, со мной.

Они вошли в приемную, Алла доложила и Ковалев принял их сразу.

— Николай Петрович, оказывается Петровский еще в университете интересовался квантовой физикой и даже начал писать диссертацию. Сейчас у меня он изложил основные концепции квантового компьютера, он знаком с последними открытиями в этой области. Квантовая физика — это передовой участок, позволяющий изучать физику высоких энергий, элементарных частиц и конденсированного состояния. Предлагаю создать на нашей базе отдельную лабораторию, а Федора Иннокентьевича назначить ее руководителем. Работа над квантовым компьютером позволит ему параллельно защитить докторскую.

Ковалев внимательно выслушал и, казалось, ничему не удивился. Ответил сразу:

— Я поддерживаю вашу идею, Эдуард Валентинович, и надеюсь, что Федор Иннокентьевич не возражает, — он посмотрел на Петровского, — к концу дня представьте мне штат лаборатории из числа наших работников, если потребуются посторонние лица, то передайте информацию по кандидатам Ремезову. Список необходимого оборудования, приборов и так далее тоже должен быть у меня на столе. Есть вопросы, Федор Иннокентьевич?

— Нет, — ответил Петровский, — к концу дня представлю свое видение вопроса. Благодарю за доверие, Николай Петрович, кто бы мог подумать еще несколько лет назад...

Ковалев улыбнулся, вспомнив, как когда-то писал на салфетке теорему Ферма в доме Петровского.

— Благодарить меня не за что, компьютер станет высшей похвалой для всех нас и особенно для вас, Федор Иннокентьевич.

Оставшись один, Ковалев вызвал к себе Ремезова.

— Валентин Николаевич, на комбинате создается новая лаборатория, которую возглавит Петровский. Это особо секретная лаборатория в секретном учреждении. За ее сотрудниками прошу установить особый режим контроля, знать каждого, с кем общаются жены и дети, бабушки, дедушки, проживающие совместно. Вы должны знать кто входит с ними в контакт, с какой целью и так далее. О лаборатории не сообщать никому, даже директору. Я, вы, Берестов, сотрудники лаборатории, Президент Романов — это исчерпывающий список лиц, знающий о ее существовании. Фамилии сотрудников вам назовет Петровский вечером. Прошу с каждым лично провести профилактическую беседу по вопросам безопасности, в том числе и с Петровским. У нас закрытое учреждение и члены семей должны быть аккуратны в выборе знакомств.

— Я понял задачу, Николай Петрович, мне потребуются дополнительные силы и средства, а Высоцкому обоснования.

— Да, в этом вы правы, Валентин Николаевич, каждому начальнику хочется знать больше положенного. Подготовьте перечень требуемого, я решу эту проблему сам.

Ковалев позвонил Высоцкому:

— Здравия желаю, товарищ генерал-армии, Ковалев. На прошлой встрече с Президентом он утвердил план моей работы на ближайшие десять лет. Я открываю новую

лабораторию и Ремезову потребуются люди. Я поставил перед ним задачу — знать о сотрудниках все, в том числе лиц, входящих в контакт с членами семей. Ремезов свяжется с вами и обговорит конкретное количество тех или иных сотрудников. И еще, Геннадий Дмитриевич, Ремезов знает, что есть дверь, которую ему необходимо охранять, а что за этой дверью — он не имеет понятия. Заранее благодарю за понимание и поддержку.

— Николай Петрович, я должен знать...

— Извините, товарищ генерал-армии, Президент не включил вас в список лиц, допущенных к информации. Приказ об увеличении штатов мне нужен к утру, до свиданья.

Ковалев представил себе, как беснуется сейчас Высоцкий, станет порываться звонить Президенту, но не решится.

Он пригласил к себе главного бухгалтера Лаврову.

— Эльвира Борисовна, как чувствует себя финансовое состояние комбината? Завтра-послезавтра мне потребуется миллиард рублей в долларах для приобретения нового оборудования.

— Такая сумма на счете имеется, но баланс утвержден, Николай Петрович... по этой статье у нас нет денег.

— Запросите пятнадцать миллионов долларов срочно. Я понимаю, что их дадут в конечном итоге, но всю кровь высосут предварительно. Я переговорю с Войтовичем, чтобы он тоже подключился к этому вопросу.

Домой Ковалев вернулся уставший. На немой вопрос Вероники ответил сразу:

— Надоело — этому надо знать, тут согласовать, здесь решить, там объяснить. Мне так тебя не хватает, но я понимаю, что использовать тебя в качестве административного ресурса было бы не правильным. Хочется бросить все и взять себе выходной по середине недели. Опять же твои больные тебя не отпустят...

— Но мы тоже люди, — возразила Вероника, — можем заболеть, например.

— Мы не можем даже этого, — усмехнулся Николай и сразу же улыбнулся, — но ведь об этом никто не знает. Но лучше всего уехать в командировку...

* * *

Николай со Степанычем сверлили лунки на льду залива. Ледобур вгрызался без особых усилий, уходил на глубину, оставляя по ходу винта шапку измельченного в порошок льда, потом проваливался и вытаскивался наружу вместе с небольшим количеством воды. Специальной лопаточкой-дуршлагом лунка очищалась и становилась готовой для рыбалки.

Просверлив по две лунки, Степаныч с Николаем усадили своих женщин на деревянные ящички, настроили зимние удочки, измерив глубину до дна. Вероника с Катей внимательно наблюдали за настроем коротеньких удочек, чтобы вовремя успеть подсечь рыбку. Мужчины приложились к небольшим стаканчикам с водкой, как сказал Степаныч, для сугреву. Они еще не успели поставить стаканчики, как радостно вскрикнула Вероника, а за ней следом и Катя, вытаскивая на лед по окуньку. Рыбки потрепыхались на снегу немного и застыли. Степаныч налил водки по глоточку, подал женщинам.

— Девочки, с первым уловом вас, греемся и за рыбалку, — довольно произнес он.

— Да мы не замерзли, — ответила Катя.

— Это у них, мужиков, сленг такой, выпить — значит погреться, — пояснила Вероника,

беря стаканчик, — еще неизвестно, что для них важнее — сугрев или рыбалка?

— Тоже мне, философы нашлись, — пробурчал Степаныч.

— Вот вы врачи, — решил поддержать Степаныча Николай, — что для человека важнее — сердце или печень?

— Сердце, конечно, — сразу же ответила Катя.

— Двойка тебе, Катенька, большая, крупная, мохнатая двойка. Человек не может жить ни без печени, ни без сердца. Как и рыбалка с сугревом — они неделимы.

— Черти вы, мужики, — ответила с улыбкой Катя.

— Это конечно, — согласился Степаныч, — пора и по второму разу соблазнить ангелочков.

Он налил всем понемножку водки. Солнышко в марте пригревало уже по-летнему в сравнении с декабрем, и его отблески на белоснежном снегу заставляли жмуриться рыбаков. Погода стояла прелестная — ни ветерка, ни тучки на небе, настроение отменное! Когда каждый поймал по три окунька, Николай стал готовить коптилку. Он положил на дно срезанные заранее веточки тальника, поставил сетку, обмазав ее подсолнечным маслом, извальял окуни в соли и уложил на сетку. Примус, установленный прямо на льду, равномерно гудел. Вскоре из коптильни пошел душистый парок, смешанный с дымком от тлеющего тальника и запахом копченого окуня. Компания успела еще раз сугреться и через сорок минут кушала свежекопченный окунь.

— Разве такое найдешь в каком-нибудь ресторане?! — восхищался Николай.

— Чего же вы нас в выходные сюда ни разу не вывозили? — с добротой упрекнула Катя мужчин.

— Январь-февраль не сезон для зимней рыбалки, — оправдался Николай, — да и хорошее хорошо, когда понемногу. Теперь только летом сможем вырваться на природу и порыбачить. Работы много... задумал я дельце одно и если выгорит, то через год-два наша клиника загремит на весь мир.

— Она и так гремит благодаря Веронике, — возразила Катя.

— Если быть точным, то гремит все-таки не клиника. Если получится задуманное, то прославится именно клиника, а позже и вся российская медицина. Это не скачок, Катя, это будет революция в медицине. Но пока об этом еще говорить рано.

— Ну вот... раззадорили и замолчали. Намекни хотя бы, Коля, что будет, — попросила Екатерина.

— Революция, Катенька, революция, — с улыбкой ответил он.

Вероника сжалилась и пояснила немного:

— Николай хотел сказать, что многие врачи станут лечить, как я — результативно.

— Это как? — наивно спросила Екатерина.

— Это уже преждевременный вопрос, Катя, в свое время узнаешь все, а пока это государственная тайна, — вмешался в разговор Николай. — Могу только сказать, что ты станешь первой, кто освоит этот новый метод.

— И что я смогу лечить?

— Никак не успокоишься, — усмехнулся Николай, — понимаю... Всё, Катенька, от пороков сердца до неоперабельных онкобольных.

Компания покушала и стала собираться домой. Дома гулянье продолжать не стали, разъехались по своим коттеджам и решили побыть в семейной идиллии. Отдых на рыбалке снял нервное напряжение и умственную усталость, Ковалевы вернулись на работу бодрыми.

Николай сразу же уединился с Петровским.

— Тема моей докторской диссертации звучит как использование при вычислениях суперпозиций базовых состояний.

— Прелестно, Федор Иннокентьевич, докторскую обязательно защитить необходимо. По себе знаю, что наши академики несколько зашорены — если не доктор наук, то и говорить не о чем. Тем более, что тема как раз в масть, — пояснил Ковалев.

— Да, если учесть, что квантовые состояния двух или большего числа объектов оказываются взаимозависимыми. Такая взаимозависимость сохраняется, даже если эти объекты разнесены в пространстве за пределы любых известных взаимодействий. Это позволит работать на больших расстояниях и программировать материю — форму, плотность, структуру, оптические свойства. Биологический материал способен выполнять обработку информации, так как клетка состоит из своеобразных молекулярных компьютеров.

— Верно, Федор Иннокентьевич, все верно, работайте и защищайтесь. К вам подключится Вероника Андреевна в качестве негласного научного руководителя. Да, она врач и не заканчивала физмат, но знаниями обладает огромными и поможет. Кроме этого у ней и свой интерес, как у врача, имеется.

Ковалев понял, что здесь дело пойдет, особенно когда подключится Вероника, но ей тоже необходимо защититься. Могла бы и докторскую сразу написать, но перепрыгивание давно отменили. Это ничего, защитит кандидатскую, а через полгода докторскую, как раз успеет к началу событий.

Ковалев занялся основной проблемой — формулой времени. Это было потруднее квантового компьютера. Он понимал, что стандартный подход здесь неуместен, как и механические величины физики. Время должно увеличивать скорость, а не скорость сокращать время. Расстояние уже имело косвенное значение, но все же имело.

Космос... мириады звезд... но мало кто знал, что звезды, не смотря на несметное количество, занимают лишь ноль четыре процента от объема космического пространства. На семьдесят четыре процента оно состоит из темной энергии, на двадцать два из темной материи и три и шесть десятых процента приходятся на межгалактический газ, пыль и прочее. Невидимая, прозрачная энергия и материя, не взаимодействующая с фотонами. Название, естественно, условно, но это нечто регистрируется земными приборами, а потому существует.

Темная энергия равномерно заполняет межгалактическое пространство, энергетическая плотность которого меняется в пространстве и времени.

Темная материя, не чувствуемая на ощупь, представляет из себя неизвестную субстанцию неизученных и непознанных частиц, но это инкогнито наверняка обладает свойствами обыкновенного вещества. Это нечто собирается в сгустки и участвует в гравитационных взаимодействиях. И эти сгустки могут быть невообразимо громадными, больше самих галактик. Трудно представить себе размеры и мощь этих сгустков.

Ковалев работал много, исписывая формулами десятки листов за день. Сотрудники иногда спрашивали Берестова, что постоянно пишет их шеф, но он тоже не знал и пожимал плечами. Не понятные и доселе никому неизвестные формулы. Ковалев не скрывал их от коллег, видимо, по той причине, что они все равно ничего не понимали. Отвлекался он от своих бумаг крайне редко и только по значительным случаям. Вероника защитила кандидатскую диссертацию и в выходные они праздновали это событие дома со Степанычем

и Катей. Других друзей у них не было и домой к ним никто не ходил.

Июнь... рыбалка еще запрещена, и компания отдыхала на заливе на катере Степаныча.

— Ты же не бедный человек, Коля, мог бы себе яхту и получше купить, — решил подтрунить над ним Степаныч.

— Чтобы ей воспользоваться один раз в году? Или ты меня прогоняешь?

— Типун тебе на язык... несешь всякую чушь, — ответил с обидой Степаныч.

— Тогда не подшучивай, — с улыбкой ответил Николай, — наливай лучше всем водки.

— Может лучше коньячка?

— Мне водки, Степаныч, как-то перестал употреблять коньяк последнее время. Суррогата много, да и настоящий все равно с примесями. Карамель для окраски или дубовая стружка. А качественная водка чиста, как слеза младенца.

— И мне водки, — заявила Вероника.

— Во-о, еще одна пьяница горькая, — рассмеялся Николай.

— Вы когда последний раз спиртное принимали? — спросила Катя.

— Так это... вместе с вами на рыбалке в марте, — ответил Николай.

— За вас, алкоголики, за тебя, Вероника, — подняла рюмку Катя, — докторскую когда обмываем?

— К Новому Году, надеюсь, — ответила Вероника, выпивая рюмку.

Все закусили, чем Бог послал. А послал он икру красную и черную и много другого.

— Да, к Новому Году надеюсь снова успешно защититься, — продолжила разговор Вероника, — но это не главное. Надо кое-что в клинике к марту изменить — объединить онкоотделение и кардиохирургию, сделав одно отделение квантовой медицины. Небольшая перестройка стен — не вопрос. Кадровый вопрос сложнее — большинство классных хирургов придется уволить, а это этически трудно. Понимаю, что без работы они не останутся, таких хирургов любая клиника примет без разговоров. Поэтому и предупреждаю тебя, Катя, как главного врача, заранее. Врачи потребуются и в этом отделении, но оперирующие хирурги. Мой кабинет закроется, и я возглавлю новое отделение. Катя, у тебя сейчас масса вопросов возникает, но я на них не отвечу, не торопи события. Давайте лучше еще по одной и по домам.

Докторские диссертации Вероника и Петровский защищали практически в один день, отмечали на комбинате и дома в новогоднюю ночь. Три дня отдыха и снова за работу.

Ковалев, работая над изучением темной энергии, заметил одно ее необычное свойство — темная энергия обладала антигравитацией. Вселенная постоянно расширялась со скоростью 73,8 километра в секунду на расстоянии мегапарсека. В двух мегапарсеках скорость увеличивалась вдвое, в трех — втрое и так далее. Время в космосе течет не по земному, оно напрямую зависит от скорости и замедляется с ее увеличением. Формула времени постепенно вырисовывалась в сознании Николая. Темная материя, собирающаяся в гравитационные сгустки, темная энергия, обладающая антигравитацией, увеличивающаяся скорость расширения вселенной, фотоны, живущие только при скорости света и более. Время напрямую зависело от массы сгустков энергии, то есть от силы ее гравитации, от темной энергии, равномерно распределенной и благодаря антигравитационным свойствам не мешающей перемещению. Выйдя в открытый космос, где нет гравитационного влияния планет Солнечной системы или оно ничтожно мало, любое тело начинает движение уже по другим законам, по законам Вселенной. Оно летит к конкретному сгустку темной материи с изначальной скоростью света, которая возрастает по мере удаления от первичной точки. Но

сгустков достаточно много и они разнятся по массе, тело начнет двигаться к более массивному или ближе расположенному, более сильному. Необходимо научиться управлять сгустками, это не просто, но решаемо, если учесть то, что фотоны не взаимодействуют с материями. Обеспечить кораблю фотонное покрытие с одной стороны и он понесется в нужном направлении со скоростью света, наращивая ее в разы. Время начнет замедляться, а скорость, тем самым еще и еще увеличиваться. Самых дальних галактик можно достигать также быстро по времени, как до ближайшей звезды.

Мысли превращались в формулы и не одна пачка бумаги была исписана Ковалевым. Конец февраля... основные концепции выполнены, но работы еще предстояло немерено. Веронику внезапно вызвали в Москву. — позвонил Войтович, случайно узнавший, что у Президента обширный инфаркт. Она позвонила Николаю и немедленно телепортировалась. Войдя в реанимационную палату, увидела пожилых мужчин, академики стояли полуколяскам около постели Романова.

— Вы кто и как сюда попали? — спросил удивленно и возмущенно один из них.

— Я профессор Ковалева, надеюсь, что вы обо мне слышали, — ответила она.

— Из Н-ска... но здесь сделать уже ничего нельзя, остались часы, а скорее всего минуты... Обширнейший трансмуральный инфаркт... сердца практически нет, — пояснил тот же академик.

— Тогда отойдите и не мешайте...

Вероника подошла ближе, сняла датчики аппаратуры. Положив ладонь на грудь больному.

— Да-а, сердечко, конечно, изношенное напрочь, но ничего, сейчас вам станет лучше, Владимир Сергеевич, — он открыл глаза, — теперь совсем хорошо. Так, посмотрим весь организм, подправим, — она провела руками от головы до пяток, — отлично, теперь вы новенький, вставайте.

Романов сел на кровати, удивленно смотрел на Ковалеву и на палату.

— Сердце сжалось и как будто резанули его, в глазах потемнело и больше ничего не помню.

— У вас был обширный инфаркт, Владимир Сергеевич, здравствуйте.

— Здравствуйте, Вероника Андреевна, это хорошо, что вы прилетели. Долго я здесь валялся — сутки, двое или еще больше? Спасибо, что успели пригласить Веронику Андреевну, — обратился он к академикам.

— За глаза бы не стала ничего говорить, но при них скажу — Войтович мне позвонил, а из этих никто палец о палец не ударил. Стояли молча и ждали, обсуждая тему, что жить вам осталось несколько минут. Бог им судья, они действительно не могли ничего сделать, а мне позвонить гордость академиков не позволила. Как же это — на поклон к рядовому профессору пойти, тем более новоиспеченному. Так что не за что их благодарить, Владимир Сергеевич, да и ругать не стоит — обыкновенный маразм детского сада.

Президент рассмеялся.

— Вы абсолютно здоровы, Владимир Сергеевич, поджелудочную железу я вам тоже подправила и еще кое-что. Больше никаких таблеток принимать не нужно, кроме сезонных витаминов. Мне несколько слов вам надо сказать наедине.

Романов махнул рукой и все вышли из палаты. Ковалева улыбнулась:

— Сейчас они наверняка считают, что я капаю на них... но речь не об этом. Я

приглашаю вас в гости к нам в Н-ск, скажем... двадцатого марта, это воскресенье. Обсудим ряд серьезных вопросов, муж продвинулся в своих исследованиях, есть конкретные результаты. Войтович позвонил мне несколько минут назад, я не прилетела, я телепортировалась из Н-ска и тем же путем отправлюсь обратно. Но пока об этом говорить посторонним еще рано. Двадцать первого марта в нашей клинике открывается новое отделение квантовой медицины, нам бы с Колей хотелось, чтобы это отделение открыли именно вы с министром здравоохранения. В этом отделении, например, вам бы мог помочь любой рядовой врач, как я сейчас. Это революция в медицине, тоже требующая обсуждения. Можно остановиться у нас дома, если вы не возражаете, охрана у нас надежная.

— Вероника Андреевна, дорогая вы наша, конечно, я прилечу. Как я могу не прилететь к своей спасительнице, благодарю вас, Вероника Андреевна.

— Тогда я исчезаю, до встречи...

Ковалева помахала ручкой и растворилась. Романов встал, прошелся по тому месту, где она только что стояла. «Ну и дела»... — произнес он с удивлением. Романов вышел из палаты... академики еще долго искали Ковалеву, не понимая куда она подевалась.

* * *

«Медицинский центр» уже с середины февраля не принимал новых больных в отделения кардиохирургии и онкологическое. За две недели до двадцатого марта они закрылись на ремонт, как было объявлено официально. Площади объединили, а в одной из бывших операционных устанавливали новый аппарат, который назвали квантограф. Внешне он чем-то напоминал обычный томограф — стол-лежанка для больного и движущийся рукав сверху, напоминающий небольшой телескоп, который снимал информацию. Вся информация выводилась на монитор, установленный в смежной комнате, квантовый компьютер оценивал ситуацию и проводил программирование. Информация считывалась с каждой клетки, с каждого атома, цифры получались громадными: с двадцатью семью нолями. Поврежденные клетки телепортировались в специальный мусоросборник и обратно вставлялись неповрежденные, здоровые образования. Все просто при описании, но теоретически рассчитать и построить подобный аппарат было крайне сложно. Решение всегда кажется простым, когда оно исполнено. Лечение длилось пятнадцать минут — заменялись испорченные сердечные клапана, устранялись раковые опухоли, генные мутации, а, следовательно, наследственные заболевания, восстанавливалась костная ткань при переломах... Пациент с любым заболеванием ложился на стол и через пятнадцать минут уходил здоровым. Врач лишь соглашался или не соглашался с предложением компьютера. Например, при операции липосакции жировые клетки выглядели здоровыми, и врач давал команду уменьшить их число вдвое. Лишние клетки телепортировались в мусоросборник.

Романов прилетел утром в воскресенье. У трапа самолета его встречали Ковалевы, губернатор области, начальник УФСБ и ряд других лиц. Губернатор сразу же пригласил его в свою машину, но Романов ответил, что встретится с ним в понедельник на открытии нового отделения, там же оговорят дополнительное время для беседы. Президент сел в машину к Ковалеву и они укатили.

Романов осмотрел коттедж, ему отвели отдельную комнату, где он мог уединиться и отдохнуть. Предложили завтрак, но он отказался, сославшись на то, что покушал в самолете.

Ковалевы и Романов устроились в креслах гостиной второго этажа.

— Скромно живете, Николай Петрович, такая величина, как вы, может иметь дом и получше — произнес Президент.

— Нам с Вероникой хватает — есть где выспаться, отдохнуть, наверху тренажерный зал, отдельно банька с бассейном. Да, предлагали купить домик побольше и побогаче, но мы считаем это излишеством, неправильно, когда олигархи не могут нажраться.

Президент, видимо, не хотел затрагивать эту тему и решил перейти к главному вопросу:

— Вероника Андреевна говорила мне, что вы добились реальных успехов...

— Это так, Владимир Сергеевич, нам удалось изобрести квантовый компьютер, это первое. Мы можем путешествовать в разные миры, это второе. Но по порядку. Квантовый компьютер — это не совсем обычное устройство, мы расскажем о нем, чтобы вы могли определиться в сферах его применения. Пока всего два таких компьютера существуют и в месяц мы сможем производить десяток. Вы определите, где их использовать, где они важнее и дадите соответствующее указание министрам. Они бы должны сами стремиться получить такой компьютер, но палец о палец не ударят. В свое время вы попросили министра здравоохранения в качестве исключения аттестовать Веронику на врача экстерном. Он не мог вашу просьбу не выполнить, создал комиссию и направил ее в Н-ск. Вам говорили о результатах?

— Да, министр доложил, что Вероника Андреевна блестяще сдала экзамены и получила диплом врача, — ответил Романов.

— Но вам наверняка не сказали, как это происходило. Созданная комиссия сразу же принялась писать докладную на ваше имя о маразме министра, так как никто не может сдать экзамены на врача экстерном. Узнав, что это ваше указание, они заявили, что вынуждены принимать экзамены, терять время. Решили сразу же поставить дипломанта на место, поручив провести операцию. Долго спорили — умрет больной на столе или не умрет, в уверенности, что Вероника оперировать не может. Но все-таки решились — они рядом и сумеют вовремя исправить ее ошибки. Вероника удалила часть желудка у больного, провела операцию по всем правилам, придраться не к чему, техника исполнения великолепная. Позже она на их глазах восстановила отрезанную часть желудка, провела послойное заживление раны, на коже даже не осталось рубца от разреза. «Вот так надо оперировать, господу профессора, а не калечить человека», — произнесла Вероника под барабанную дробь нижних челюстей о стол. Этим я хочу сказать одно — у нас больше времени уходит на то, чтобы убедить академика или министра элементарно взглянуть на результат, где все станет ясно. Собянин к нам прилетал, генеральный конструктор по самолетам, полдня орал, что такие двигатели невозможны и ни в какую не хотел идти смотреть. Довел себя до инфаркта, пришлось вызывать Веронику. Сделать два шага и взглянуть — что может быть проще и убедительнее? С трудом я нашел тогда способ заставить Собянина посмотреть этот двигатель, заявив, что он здоровьем обязан Веронике и обязан исполнить ее просьбу. Пошел, посмотрел и потом остальные полдня орал, что это чудо, что возможно невозможное. Из-за этого барана, извините, у меня целый день пропал, он мне всю кровь выпил и все нервы измотал. Но теперь в его глазах я настоящий ученый. Мы дружим с Вероникой с наукой, но академики и министры иногда доводят до белого каления. Длинно говорил, сумбурно, но в душе накипело.

— Я понял вас, Николай Петрович, — ответил Романов, — все возможное сделаю.

— Тогда я возвращаюсь к главному, завтра весь мир узнает, что в России создан

квантовый компьютер. Для физика, но даже здесь не для каждого, это означает революцию в науке. Квантовый компьютер — это ядерная бомба, а бомба становится обыкновенной рогаткой, даже не пистолетом. Может быть неудачное сравнение, но, примерно, так. Что он может делать, этот компьютер? Может посылать и отправлять любую информацию, взлом и расшифровка кодов невозможна, как и место нахождения адресата. То есть это абсолютно закрытая и надежная связь. Я не стану говорить о том, что он может сделать в науке, а может он многое, только о практическом его применении в настоящее время пойдет речь. Это телепортация, о которой я уже упоминал ранее. Например, какой-то груз во Владивостоке сканируется и отправляется в Москву. Контейнер, который по железной дороге шел бы неделю или больше, оказывается в Москве через несколько минут. И никаких затрат на перевозку. Труднодоступные районы крайнего севера — компьютер быстро поставит им топливо, продукты и так далее без проблем и денег на перевозку. То есть к связи прибавляется транспорт, если можно так выразиться. Для военных это означает несколько иное — любой снаряд или ракета будет доставлен хоть на созвездие Ориона с точностью до полуметра, где и взорвется. Надо взорвать авианосец — посылаете на его хранилище боеприпасов обыкновенную гранату и авианосца нет. Пока это все, что могу предложить со своей стороны, Владимир Сергеевич, но Вероника вам тоже кое-что расскажет. Она врач, но в физике у нее не меньшие познания, поэтому она работала в медицинском аспекте над квантовым компьютером. Это наше общее детище.

— Всего-то связь и транспорт для гражданских и для военных — не так и много, — рассмеялся Романов. — Конечно не много, — продолжал говорить он восхищенно, — если учесть экономию на поездах, автомобилях, пароходах, ракетах. Вы сами понимаете, что сделали?

— Я понимаю, Владимир Сергеевич, каждому Богом отмерено свое. Кто-то управляет государством, кто-то прекрасно водит автомобиль, кто-то занимается наукой и ее претворением в жизнь. Я делаю то, что умею и ничего более.

— Вы достояние страны, Николай Петрович, вы...

— Владимир Сергеевич, — перебил он Президента, — я обычный человек, как и вы. Это в представлении народа Президент должен быть чем-то необычным, а академик седым и рассеянным. Но все мы люди и каждый занимается своим делом. Лучше послушайте Веронику, она является научным руководителем лаборатории, где создан этот компьютер и это в большей степени ее заслуга, чем моя.

— Да, Вероника Андреевна, я вас внимательно слушаю, — ответил Романов.

— Этот компьютер способен сканировать и воспроизводить каждую клеточку, каждую молекулу, каждый атом человеческого тела. На базе компьютера создано устройство, которое мы назвали квантографом. Пациент ложится на стол, сканируется, компьютер держит в памяти число с двадцатью семью нолями. Например, у него больная печень, компьютер видит, что треть или половина клеток печени повреждена, он изымает эти клетки и на их место телепортирует здоровые. Бывший больной уходит из кабинета со здоровой печенью. Или еще один пример, перелом костей — компьютер видит недостающий участок костной ткани, телепортирует туда здоровые клетки, и пациент уходит своими ножками, переломы исчезли. Созданный аппарат лечит за пятнадцать минут любые заболевания, в том числе и инфекционные, он элементарно телепортирует из организма все чужеродные вирусы и бактерии. Завтра мы открываем в нашей клинике отделение квантовой медицины, которое станет принимать самых тяжелых, неизлечимых и

неоперабельных больных. Конечно, возникнут трудности — больных много, а отделение одно, но любая клиника может приобрести у нас квантограф и установить его у себя. Врачу необходимо пройти у меня специализацию, чтобы работать на этом аппарате. Стоимость этого аппарата составит десять миллионов рублей. Клиники Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров могут себе это позволить. Опять же вопрос упрется в нас, в наш комбинат, он пока может выдавать всего по десять экземпляров в месяц. Необходимо, чтобы кто-то решал — куда и кому поставить этот аппарат. В оборонку, в медицину, транспорт или связь. Да, пока десять, через год станем производить сто, а еще через год увеличим производство до тысячи. Мы, как ученые, свою проблему с Колей решили, но она тянет за собой массу других, например, увеличение штата ФСБ области. Узнав о квантовом компьютере сюда рванут все разведки мира. Квантовый компьютер — он един для медицины или оборонки, но приставки к нему разные. Поэтому необходимо знать заранее — кому и куда, и сколько. Вы сами станете распределять, Владимир Сергеевич, или поручите это кому-либо другому?

Президент смотрел на Ковалевых — то на Веронику, то на Николая...

— Это у вас семейное — людей удивлять... Десять компьютеров отдайте в здравоохранение, следующие десять в оборонку. Необходимо создать специальную комиссию или при аппарате Президента, или при правительстве, я подумаю, которая станет решать все вопросы, в том числе и с академиками, министрами, кому отдать следующий компьютер и прочие вопросы.

— Владимир Сергеевич, предлагаю сделать перерыв, немного перекусить, отдохнуть и продолжить. Мы еще к главной теме не подошли. Нет, не правильно сказал, не к главной, а к очередной, — извинился Ковалев, — квантовый компьютер — это детище Вероники, но я тоже кое-что делал.

— Да-а, ребята, с вами не соскучишься. Таких открытий на сто лет бы хватило, а у вас, оказывается, еще и другие есть. Давайте сделаем перерыв. Кушать не хочу — отдохну немного.

Он ушел в выделенную ему комнату, прилег на кровать и задремал в раздумьях. Человечество переходит в новую эру своего развития. Никогда бы не подумал, что Вероника тоже ученая, эту семью надо беречь и ценить. Что я могу поделаться с академиками, если Ковалевы ушли на много десятилетий вперед в науке? Не каждому же лично звонить. Они бы верили и им, но научная деятельность Ковалевых секретна и поэтому большинству неизвестна. Как все-таки мир закомплексован догмами, устоявшимся мнением, трудно идти вперед сквозь гущу серости. Да, Вероника права, сейчас сюда полезут все разведки мира, надо обсудить этот вопрос на Совете Безопасности, отдельно переговорить с Высоцким и Будановым, наша разведка тоже не должна оставаться в стороне в этой ситуации. Может быть объявить Н-ск закрытым городом? Пробраться в него станет сложнее. Не получится, это почти миллионный областной центр, а не научный городок. Может построить отдельный город со своей инфраструктурой и назвать его Ковалевск... Он мысленно улыбнулся и уснул.

Через три часа они сытно пообедали и продолжили разговор.

— Раньше я говорил вам о формуле времени, — начал Николай, — может это и не формула времени скорее всего, но путешествовать по вселенной, я полагаю, мы сможем. Не стану вас утомлять, Владимир Сергеевич, научными терминами, но строить космические корабли на ядерных двигателях с использованием антиматерии мы можем начать прямо

сейчас. Строить на тех площадях, где строим сейчас, все чертежи и документация будет поставляться из Н-ска. Это скачок, прорыв, но не революция в космическом кораблестроении, такие корабли могут достигать скорости света, но этого недостаточно, чтобы бороздить пространство Вселенной. К этим кораблям мы прибавим физические принципы темной материи и энергии. Так еще до меня были названы некоторые субстанции Вселенной. Мириады звезд составляют в космосе лишь полпроцента, три с половиной процента занимает межгалактический газ, пыль, лучи. Более семидесяти процентов составляет темная энергия и более двадцати темная материя. Это известно каждому ученому, занимающемуся космосом. Станем использовать эти темные силы, если уж они так названы, в свою пользу. Короче — корабль сможет достичь любой точки Вселенной за несколько часов. Понятно, что для науки это переоценить невозможно, но что дает нам это практически? Например, у нас мало каких-то драгоценных металлов, мы сможем их телепортировать с Ориона, с созвездия Андромеды, с какого-нибудь красного карлика любой галактики. Вот... примерно так, Владимир Сергеевич. Это все, что мы хотели вам сообщить с Вероникой.

Открытие отделения квантовой медицины прошло в «Медицинском центре» торжественно, но без особых пышностей и присутствия посторонних — все-таки стационар с больными людьми. Основное торжество планировалось и состоялось в актовом зале министерства здравоохранения области. Это мероприятие транслировали на всю Россию, открыл его Президент Российской Федерации Романов Владимир Сергеевич:

— Уважаемые работники самой гуманной профессии, уважаемые телезрители! Сегодня в городе Н-ске открылось единственное не только в России, но и во всем мире отделение квантовой медицины. Российские врачи вышли на новый уровень лечения всевозможных заболеваний. Благодаря этому отделению канули в лета такие термины, как неизлечимый или неоперабельный. Любые заболевания, повторяю — любые заболевания исцеляются в отделении быстро и эффективно. Мечта тяжелых больных выздороветь стала реальностью. К сожалению, пока открыто одно отделение, но со временем подобные отделения станут открываться в крупных городах России, а затем и в более мелких. Но сделано главное — в Российской медицине совершен прорыв, о котором никто из нас, наверное, и не мечтал. Русские ученые доказали всему миру, что именно они задают тон всей мировой науке. Передаю слово, — министр здравоохранения уже почти встал, готовый выйти на трибуну, но Президент озвучил другое: — главному врачу «Медицинского центра», кандидату медицинских наук Воронцовой Екатерине Васильевне.

— Дорогие коллеги, уважаемые телезрители! Как мы долго ждали этого отделения. Ждали врачи, мечтали о излечении больные и вот этот долгожданный день наступил. Сейчас в отделении находится семьдесят тяжелейших больных с пороками сердца, онкологическими заболеваниями, наследственными болезнями, лейкемией и другими недугами. В течение суток каждый из них покинет клинику абсолютно здоровым. Однако для Н-ска это не большая новость, в городе прекрасно знали и до этого, что есть один небольшой кабинет, в который входили тяжелейшие больные и выходили из него абсолютно здоровыми. Передаю слово человеку с большой буквы, гениальному ученому, заведующему отделением квантовой медицины, доктору медицинских наук, профессору Ковалевой Веронике Андреевне, автору и создателю этого уникальнейшего метода лечения больных.

Присутствующие в зале встали, встречая Ковалеву бурными аплодисментами.

— Спасибо, коллеги, спасибо, — расчувствовалась Вероника, — теоретически метод

достаточно прост. Человек состоит из громадного количества клеток, молекул, атомов. Необходимо лишь выявить пораженные и заменить их на здоровые. Лечение проводится без оперативного вмешательства. Весь человеческий организм сканируется, поатомарно или поклеточно удаляются поврежденные образования и вставляются здоровые. Весь процесс занимает десять-пятнадцать минут. Метод, повторяю, действительно прост, но вот способ его осуществления был сложнее. — В зале послышался смех. — Но зачем сейчас говорить о трудностях, которые позади. Создан прибор или аппарат, если хотите, который мы назвали квантограф. Он внешне напоминает обычный томограф. Пациент ложится на стол и начинается сканирование всего организма, именно всего организма. Если больной поступил, например, со сложным пороком сердца, но у него еще есть вдобавок артрит и диабет, то уйдет он со здоровым сердцем, здоровыми суставами и со здоровой поджелудочной железой. Квантограф отсканирует весь организм и заменит пораженные клетки на здоровые. Подробную информацию о сроках лечения, стоимости, как попасть в отделение, кто может дать направление вы найдете на нашем сайте «медцентр@mail.ru». К концу месяца мы сможем изготовить еще десять таких квантографов и направить их в крупные российские клиники. Врач, который станет на нем работать, должен пройти обучение у нас в отделении. Хочу поздравить вас, коллеги, что именно российские врачи смогли осуществить прорыв в лечении тяжелых больных. Благодарю за внимание.

Врачи расходились из актового зала в некотором непонимании. Они прекрасно знали, что Ковалева лечит больных подобным образом уже больше двух лет. Сейчас изобрела аппарат, защитила докторскую — это нормально. Но почему не реагирует ни на что министр здравоохранения из Москвы? Не взял слово, не поздравил Ковалеву... он вообще не интересуется здравоохранением периферии? Президент дал слово Воронцовой, главному врачу, а не министру. Что-то не чисто здесь...

Президент собрал рабочее совещание у губернатора, на которое пригласил руководителей силовых структур области. Присутствовал на нем и Ремезов. Начал Романов без предисловий, сразу по существу:

— Сегодня мы объявили всему миру об открытии отделения квантовой медицины в вашем городе. Любой человек, обладающий определенными познаниями в физике, поймет, что открытие профессора Ковалевой Вероники Андреевны затрагивает не только медицинскую сферу деятельности. А это означает одно — активацию деятельности иностранных спецслужб в Н-ске. Некоторые из вас знают, что ЦРУ уже пыталось работать на комбинате, но наши сотрудники действовали четко, операция американцев провалилась полностью. Теперь они активизируются вдвойне и не только они. Комбинат, руководимый академиком Ковалевым Николаем Петровичем, не без оснований вызывает определенный интерес у иностранных государств. Скажу откровенно, в настоящее время комбинат самый значимый объект в России и охраняться он должен соответственно. Николай Петрович из тех гениев науки, которые рождаются на земле один раз в несколько тысячелетий. Под стать ему и его супруга. В ближайшее время будет принято решение сделать ваш город закрытым. Это не простая, но необходимая мера в данной ситуации. Я понимаю, что это повлечет за собой ряд трудностей, таких, как запрет на иностранную рабочую силу, закрытие некоторых предприятий, первоначальное снижение пассажирских авиаперевозок... Но не стоит перегибать палку, если, например, китайцы строят здесь дом, то пусть достраивают и уезжают. Строительные организации должны набрать местных рабочих. Это может повлечь увеличение стоимости жилья, но полагаю, что губернатор не оставит этот и другие вопросы

без внимания. Уже с сегодняшнего дня прошу активизировать работу по выдворению из города лиц, незаконно находящихся на территории России. В разных бутиках, ресторанах, продовольственных и вещевых рынках имеются лица без документов. Город должен очиститься от не проживающих здесь лиц в самое ближайшее время. Органам внутренних дел придется восстановить стационарные посты ГИБДД на дорогах, штатную численность и необходимость в дополнительных средствах прошу проработать со своим министерством. Миграционную службу, паспортно-визовое подразделение прошу активизировать свою работу, как и участковую полицию. Мы с вами должны сделать все возможное, чтобы иностранная агентура не смогла проникнуть не только на комбинат, но и в город. В средствах массовой информации частенько рассказывается о перевооружении нашей армии. Самолеты, корабли, подводные лодки нового поколения, танки — этому оружию нет равного в мире. Американцы уже начали понимать, что их новейшие истребители — это дельтапланы против наших самолетов. Все это чудо оружие родилось здесь, в вашем городе, благодаря академику Ковалеву. Поэтому семью Ковалевых необходимо оградить от каких-либо посягательств, как и сам комбинат. Вопросы есть?

— Разрешите, Владимир Сергеевич, начальник следственного комитета области Богатов. Тут возникла нестандартная ситуация... Ковалев владелец алюминиевого завода, он стал им в двадцать лет и есть данные, что не совсем законно. Проведенной проверкой установлены факты сокрытия доходов на заводе. Ковалев очень дружен с вором в законе по кличке Степаныч, а Воронцова, главный врач клиники, гражданская жена Степаныча...

— Понятно, — нахмурился Президент, — это хорошо, что вы решились затронуть эту проблему здесь, не утаили, не смотря на то, что я расхвалил Ковалева. Все материалы передадите генералу ФСБ Ремезову. Я в курсе, товарищ Богатов, каким образом Ковалев приобрел этот завод в личную собственность. У вас есть факты преступной деятельности Степаныча?

— Нет, такими фактами мы не располагаем, — ответил Богатов.

— Валентин Николаевич, — Президент обратился к генералу Ремезову, — видимо, товарища Богатова ввели в заблуждение, очень тонко и умело сделали это. Необходимо установить инициатора этой гнусной фальсификации, особенно в сфере последних событий. Лиц, проводящих ревизию на заводе, изолировать и установить, кто им дал команду на проверку. Я не имею ввиду Богатова, а того, кто велел представить ему фальсификат. Если по Степанычу нет данных о его преступной деятельности, то не станем мешать Ковалеву дружить с ним. Вы товарищ Богатов, как начальник следствия, должны хорошо понимать, что у каждого преступления есть мотив. У Ковалева нет такого мотива, у него нет необходимости скрывать доходы от налогов. Какая там у вас возникла сумма при проверке?

— Пятьдесят миллионов рублей, — ответил Богатов.

— Пятьдесят миллионов рублей, — повторил Романов, — докладываю вам, товарищ Богатов, что в экономику страны Ковалев безвозмездно вложил десять миллиардов долларов личных средств в течение последнего года. В результате его деятельности государство получило двадцать триллионов рублей экономии. Не миллиардов, а триллионов. А вы его подозреваете в сокрытии налогов на пятьдесят миллионов. Пятьдесят миллионов — это чуть больше семи сотен тысяч долларов. Украсть у государства семьсот тысяч, чтобы дать ему десять миллиардов. Что-то не складывается у меня картина преступления. Вам известно, что следствие уже проводило проверку по факту приобретения Ковалевым завода, товарищ Богатов?

— Нет, не известно.

— Валентин Николаевич, придется вам найти, кто уничтожил эти материалы в следственном комитете области. О результатах работы доложите не директору ФСБ, а мне лично.

— Есть докладывать лично, — ответил Ремезов.

— Действуйте генерал и начните прямо сейчас с Богатова. Все свободны.

Петровский из аэропорта направился прямо домой. Ковалев разрешил ему не появляться сегодня на работе и отпраздновать знаменательное событие в кругу семьи. Жена и дочь не знали причину вызова в Москву, сам он догадывался, но молчал, он летел в столицу вместе с Вероникой Андреевной.

Торжественное мероприятие... Президент поздравил их с присвоением высокого звания Героя Труда и вручил золотые медали. Сам Ковалев тоже был награжден, но в Москву не поехал, Вероника привезла ему высший орден России Святого апостола Андрея Первозванного и поздравления от Президента.

Петровский не стал дожидаться лифта и вбежал по лестнице на третий этаж, волнуясь, своим ключом открыл дверь. Супруга заметила первая, обняла мужа.

— Дождались, слава Богу, зачем вызывали? — сразу поинтересовалась она.

— Сейчас разденусь, вымою руки и все расскажу. Ты иди в гостиную, там с Олей меня ждите.

Нина Степановна посмотрела на мужа — вроде бы довольный приехал, сияет весь и прогоняет из прихожей. Сюрприз какой-то готовит нам, решила она, уходя в гостиную.

Петровский быстренько скинул плащ, вымыл руки, поправил на груди награду и торжественно вошел в гостиную. Нина Степановна ахнула:

— Феденька, что я вижу!..

Она подскочила вместе с дочерью, трогали звезду руками, рассматривали и поглаживали.

— Ты теперь Герой России!..

— Герой Труда, — поправила Ольга, — у тех сама звезда немножко другая.

— Герой... рассказывай, Феденька, все рассказывай, — просила супруга.

— Что рассказывать то, — немного застенялся он, — Президент лично вручил, поздравил. Не один я Героя получил — Вероника Андреевна тоже.

— Вероника, — фыркнула Ольга, — эта служанка... она то за что?

У отца сразу же пропало все настроение.

— Вероника Андреевна не служанка и никогда ею не была, ты это хорошо знаешь. Что у тебя за ненависть к ней и к Николаю Петровичу, этому замечательному человеку?.. Вероника Андреевна мой научный руководитель, благодаря ей мы создали квантовый компьютер. Уж кто-кто, а она заслуживает награды в первую очередь. Николай Петрович получил высший орден Святого апостола Андрея Первозванного. Вручать ему третью звезду Президент не стал, хотя он ее вполне заслуживает. Но высший орден России тоже не плохо.

— Служанка — научный руководитель... не смей меня, папа. Она же врач скороспелый, куда ей до физики или математики.

— Так... мне это все надоело порядком. Незаслуженно очернять людей — это подло. Или ты прекращаешь говорить плохо о Ковалевых или...

— Или что, папа, выгонишь меня из дома? Так я здесь прописана, и ты права не имеешь. Это я тебе как юрист говорю. А уйти я и сама могу, не беспокойся. Жизнь покажет, кто из нас прав, скоро все гнилое нутро ковалевское снаружи окажется. Посмотрим, что ты тогда скажешь.

Ольга ушла в свою комнату, закрыв за собой дверь. Нина Степановна заплакала, сев на

диван.

— Что мы с тобой, Федя, не правильно сделали, когда дочь упустили, — всхлипывала она, — для нее жили...

— Избаловали своим вниманием и похвалами. Привыкла считать, что она лучшая и все ей обязаны, амбиций выше крыши. Больше ни рубля не дам на косметику и прочее. Самостоятельная... пусть сама и обеспечивает себя. Жить есть где и накормим, а в остальном фигу с маслом. Пойдем, Нина, на кухню, хоть и испортили праздник, но все равно праздник. Отметим, выпьем по рюмочке с тобой.

Генерал Ремезов лично допрашивал следователя следственного комитета области старшего лейтенанта Протасова Игоря Львовича, который заявил сразу:

— Все материалы у вас, знакомьтесь, читайте. Там все подробно и обоснованно изложено, а я отказываюсь отвечать на ваши идиотские вопросы. Никогда не думал, что целый генерал ФСБ станет обелять преступника и фабриковать дело на сотрудника следственного комитета. Не понимаю — есть показания свидетелей, результаты бухгалтерской экспертизы, что вам еще нужно? Видимо, правильно говорят, что для больших людей закон не писан. Вам Ковалев взятку дал, сколько?

Ремезов смотрел на Протасова с сожалением. До какой степени может опуститься человек из-за любви к подлой женщине? Но он не считал ее подлой и не квалифицировал действия, как преступные. Сексуальная похоть или все-таки любовь застила ему глаза?

— Гражданин Протасов, это ваше право воспользоваться или не воспользоваться статьей пятьдесят первой Конституции Российской Федерации. Вы как юрист прекрасно понимаете, чего стоит собранный вами материал. Вы считаете, что уничтожив материалы первоначальной проверки в отношении Ковалева по факту приобретения им алюминиевого завода, вы подчистили концы и в худшем случае сможете сослаться на то, что получили ложные показания. Виноваты все — свидетели, ревизоры, но только не вы. У вас очень слабая позиция и могу огорчить вас еще больше — вы уничтожили не оригиналы, а копии материалов проверки.

— Я вообще не понимаю о каких материалах идет речь, о какой еще первоначальной проверке? Не слышал ничего ни о какой первоначальной проверке. Есть показания свидетелей, результаты экспертизы — вот это факты. Не сомневаюсь, что чекисты умеют пускать пыль в глаза.

— Пыль в глаза, — с усмешкой повторил Ремезов, — вы арестованы и подозреваетесь по статье о превышении должностных полномочий. Как бывший следователь вы прекрасно понимаете, что можете получить по этой статье не реальный, а условный срок. Обвинение вам будет предъявлено в установленные законом сроки не по этой, а по другой статье, если не станете сотрудничать со следствием.

— Ой-ой-ой, только не надо меня пугать.

— Никто вас не пугает, гражданин Протасов. Посидите, подумайте. Завтра разговор будет совершенно другой.

Арестованного увели. Ремезов вздохнул — дурак, не понимает, что творит. Он взял с собой несколько сотрудников и выехал на квартиру к Петровскому. Дверь открыл сам Федор Иннокентьевич.

— Здравствуйте, мы можем войти? — спросил Ремезов.

— Конечно, входите Валентин Николаевич, что-то случилось на комбинате? — спросил озабоченно Петровский.

— На комбинате все в порядке, Федор Иннокентьевич, ваша дочь дома?

— Дома, — удивленно ответил Петровский.

— Мы, собственно, к ней.

— Оля, — крикнул отец, — это к тебе пришли.

Она вышла из своей комнаты.

— Петровская Ольга Федоровна? — спросил Ремезов.

— Да, это я, а что случилось?

— Генерал-майор ФСБ Ремезов, вы задержаны, Ольга Федоровна, прошу пройти с нами.

— Это на каком основании? Я сама юрист, что за чушь полная...

— Основания мы вам объясним в управлении. Как юрист вы должны хорошо понимать, что мы имеем полное право задержать вас на 48 часов без санкции суда.

— Это беспредел полный, никуда я с вами не пойду.

— Не заставляйте нас применять силу, Ольга Федоровна... Уводите ее, — приказал он сотрудникам.

— Валентин Николаевич, вы можете объяснить, что произошло? — тревожно спросил Петровский.

— Федор Иннокентьевич, к вам претензий нет никаких. Сегодня не могу ничего объяснить и завтра тоже. Послезавтра поясню. Извините, но раньше не могу.

— Мне писать заявление на увольнение?

— Федор Иннокентьевич, работайте. Ковалев вам верит и доверяет. Извините еще раз, мне пора.

Он ушел. Нина Степановна произнесла лишь одно слово:

— Федор?..

— Нина, я сам ничего не понимаю, будем ждать послезавтрашнего дня.

Ремезов решил не откладывать на завтра и провести допрос сразу, предварительно переговорив неофициально.

— Ольга Федоровна, попробуем поговорить без нервов и эмоций, как здравомыслящие люди. Пока без адвоката и протокола. Мы очень уважаем вашего отца и было совсем не просто принять решение о вашем задержании. Поверьте, на то имеются самые серьезные основания. Мы знаем о вашей связи со следователем Протасовым и о вашей просьбе к нему. Не хотите ничего мне рассказать без протокола?

— И вы меня отпустите?

— Если расскажете все честно и подробно, то до суда можно ограничиться подпиской о невыезде. Вы же понимаете, что преступление совершено, и оно не окончено по независящим от вас причинам. То есть на лицо состав статьи тридцатой — приготовление и покушение на преступление.

— Все равно будет суд... а смягчающие вину обстоятельства — мое признание и вина Ковалева.

— Я бы не торопился с выводами, Ольга Федоровна. Чистосердечное признание, естественно, облегчит вашу участь.

— Конечно, — усмехнулась Петровская, — Ковалев уважаемый человек, академик... а я так, червячок маленький. Поэтому ему вера есть, а мне нет. Вы действительно верите, что можно стать хозяином завода в двадцать лет, не имея за душой ни гроша?

— Мы с вами юристы, Ольга Федоровна, и должны апеллировать фактами. У вас есть факты или только это высказанное предположение?

— Фактов нет, но предположение имеет под собой серьезную почву, — ответила она.

— Хорошо, расскажите все по порядку.

— По порядку... можно и по порядку. Я уже обращалась около трех лет назад в полицию. Живет человек не по средствам, содержит служанку, нигде не работает. Это она сейчас его жена, а раньше была служанкой. Но ничего не вышло, Ковалев успешно отмазался. Машины у него лучшие, коттедж купил. Да, я познакомилась с Протасовым, мы понравились друг другу и стали близки. Я попросила его проверить мои сомнения, и он согласился. Это все. Разве следователь не должен проверять поступившую ему информацию?

— Вы рассказали все, Ольга Федоровна?

— Абсолютно все, честно и прямо, — ответила она.

— Какие у вас взаимоотношения с Ковалевым?

— Какие у нас могут быть отношения? Абсолютно никаких. Он мне неприятен из-за своей нечестности.

— Хорошо, тогда пригласим адвоката и запротоколируем ваши показания.

На следующий день Ремезов допрашивал Протасова.

— Гражданин Протасов, у вас будет чистосердечное признание или мне вас убеждать фактами?

— Фактами... не смешите меня, гражданин начальник. Какие у вас могут быть факты? Заставили изменить показания свидетелей? Но поверит ли этому суд? Сначала одни показания, потом другие. Можно ли верить таким свидетелям?

— Я думаю, что можно, если учесть то, что вы их запугали и подкупили. Свидетели оказались не дураками и записали ваш разговор. Экспертиза уже установила подлинность записей. Кроме того, прошу вас ознакомиться с оригиналами первоначальной проверки, копии которой вы уничтожили. Это доказывает ваш умысел и то, что вы заранее знали о полной невиновности господина Ковалева, однако возбудили в отношении его уголовное дело. Посадить не успели, но это уже от вас не зависело.

— Ничего не докажешь, гражданин начальник, в худшем случае меня уволят и все. Я не знаком с Ковалевым, у меня не было мотива его сажать незаконно. Оригиналы проверки у вас, выходит, что я ничего не уничтожил, материалы не видел, а, значит, и не знал заранее о виновности или невиновности Ковалева. Вы мастера шить дело белыми нитками, но не на того напали, граждане чекисты.

— Уничтожение копий материалов нами уже доказано. Но вы не знаете главного, Протасов, задержана заказчица преступления и она уже дала показания на вас. Надеюсь вы не станете отрицать знакомство с Ольгой Петровской?

Протасов мгновенно сник, опустив голову.

— Знакомство с Петровской отрицать не стану, — произнес он без былого гонора, — но никаких заказов я от нее не получал. Все, от дальнейших показаний отказываюсь, ведите меня в камеру.

— Тогда послушайте, что было на самом деле. Петровская в свое время мечтала о Ковалеве, он был ее соседом по лестничной клетке. Не был академиком, но был очень богатым человеком. Ковалев выбрал другую женщину, а за Петровской даже не пытался ухаживать. Вы попались, гражданин Протасов, на обыкновенную месть отвернутой женщины. Она отдалась вам с единственной целью — посадить Ковалева. И вы на это клюнули. Когда Ольга поняла, что вы не решаетесь пойти на преступление, она заявила цинично и прямо, что больше не даст вам. Вы надеялись, что посадите Ковалева и станете

жить с Ольгой? Нет, для нее вы были лишь инструментом выполнения коварного плана. У вас сейчас будет с ней очная ставка, можете сами спросить.

— Я вам не верю, — ответил Протасов.

Ремезов видел, как задрожали его руки, он сник и расклеился. Уплывала мечта о его женщине, с которой было так хорошо в постели. На очной ставке он сразу же задал вопрос:

— Оля, ты меня любишь?

— Чего-о-о? Любить уроды, который меня на нары определил? Разве ты мужик? Ты тряпошный пользователь, поползень обыкновенный... Я тебе дала, чтобы ты Ковалева посадил, урод, а ты сам сел и меня за собой потянул. Я от тебя по полдня в душе отмывалась, чтобы смыть отвращение от близости. О любви он заговорил... придурок. Все, баста, кончай очную ставку, начальник... любовничек нашелся хренов...

Протасов тоже отказался в этот день от допроса, но на следующий попросился сам.

— Гражданин начальник, я все расскажу. Да, я сфабриковал показания свидетелей, уничтожил материалы проверки и даже не знал, что это копии, подговорил и заплатил ревизорам за нужный результат ревизии. Но я был вынужден это сделать, меня заставила Петровская. Она сказала, что заявит на меня, что я ее изнасиловал. Я действительно спал с ней, но по согласию, как мне потом доказать обратное? Это она меня заставила, она, я действовал по принуждению.

— А как же любовь? — поинтересовался Ремезов.

— Какая любовь... — но, спохватившись, он поправился, — да, тогда я ее любил, но я не знал, что она стерва.

— Понятно, — кивнул головой Ремезов, — вам, гражданин Протасов будет предъявлено обвинение в покушении на незаконное лишение свободы, статьи 30 и 127 УК РФ; фальсификация доказательств, статья 303, подкуп или принуждение к даче показаний, статья 309, похищение документов, статья 325 и злоупотребление должностными полномочиями, статья 285 УК РФ.

— А Петровской? — поинтересовался Протасов.

— Ей только покушение на незаконное лишение свободы, часть вторая, от трех до пяти лет.

Несколько позже Ремезов доложил Президенту по телефону:

— Здравия желаю, Владимир Сергеевич, генерал-майор Ремезов, разрешите доложить результаты...

— Слушаю вас, — перебил его Президент.

— Богатова действительно ввели в заблуждение. Обычная месть отвергнутой женщины, которая мечтала быть на месте Вероники Андреевны. Она соблазнила следователя Протасова и понудила его к совершению преступления, никакой неуплаты налогов на самом деле не было. Эта женщина оказалась дочерью Петровского, заведующего лабораторией. Ковалев просил, чтобы уголовное дело не сказалось на работе Петровского.

— Я понял вас, Валентин Николаевич, просьбу Ковалева необходимо выполнить. До свидания.

Ремезов вздохнул: «Фу, отчитался слава Богу». Он сразу же прошел к Петровскому в лабораторию.

— Здесь говорить не совсем удобно, пройдемте ко мне, — предложил он.

В кабинете Ремезов рассказал отцу Ольги подробности уголовного дела и что он может работать без оглядок на него.

Петровский долго молчал. Потом произнес лишь одно:

— Как мне Ковалеву теперь в глаза смотреть?

— Николай Петрович в курсе и он не держит на вас зла. Это он просил, чтобы о деле никто не знал, и оно не повлияло бы на отношение к вам. Николай Петрович уважает вас.

Петровский ничего не ответил и ушел в свою лабораторию. Дома он все рассказал жене.

— Ольге дадут от трех до пяти лет по этой статье. Вот и воспитали мы с тобой дочку, Нина, позор то какой... Николай Петрович не обижается и даже просил Президента за меня, но как в глаза ему смотреть?

Нина Степановна смахнула слезы и ответила твердо, словно закаменев от событий:

— Мы ничего не можем изменить с тобой, Федя, мы должны крепиться и пережить это. Нас ударил самый близкий человек, наша дочь. Я уже взяла себя в руки и стану нести этот позор до конца своей жизни.

— Да, Нина, ничего изменить мы не можем...

Заседания суда прошли в закрытом режиме, Ольге дали три месяца общего режима, которые она уже отсидела и три года условно, освободив из-под стражи в зале суда. Родители встретили ее дома молча. Отец сказал только одно:

— В соседнем обувном магазине есть вакантная должность продавца, пойдешь работать, умница ты наша высокообразованная.

* * *

Операция по очистке города началась для жителей внезапно. Из близлежащих городов стянули в Н-ск половину личного состава полиции, полностью задействовали ОМОН, СОБ и всех сотрудников УФМС, не взирая на должности. Окружили вещевые и продовольственные рынки, в автобусы грузили всех азиатов и кавказцев, отсеивая и быстро отпуская местных бурят. Не остались без внимания рестораны, строительные фирмы, отдельные цеха и помещения, где нелегально шили «европейскую» одежду, производили колбасу и прочее. Всех свозили на территорию бывшей колонии на окраине города, осужденных из которой уже увезли, распределив по другим местам лишения свободы. Получился своеобразный фильтрационный лагерь, где работали более пятидесяти представителей УФМС, полиции, ФСКН и ФСБ. В ходе операции было изъято большое количество наркотиков и оружия, более двух тысяч человек из стран СНГ, Китая, Кореи, Вьетнама и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона находились в стране и городе нелегально, не имея при себе никаких документов. Некоторые отказывались от общения, ссылаясь на незнание русского языка. Их оставляли «на потом», объясняя, что будут сидеть, пока не выучат язык и не заговорят. На некоторых это действовало, они начинали говорить довольно неплохо. Граждан, имеющих постоянную прописку и русских жен отпускали сразу, беря на заметку.

Уровень раскрытия преступлений в городе резко скакнул вверх. Были обнаружены ряд наркопритонов, каналов поставки наркотиков, мастерская по переделке газового оружия в боевое, раскрыты несколько убийств, в большем количестве кражи и грабежи. Взяты под стражу несколько сотрудников УФМС, оформлявших за взятки незаконную временную регистрацию и торгующих поддельными документами, сотрудников полиции, крышующих нелегальные цеха вьетнамцев и корейцев.

Однако, на этом так называемая зачистка не закончилась, операция продолжалась на второй, третий и последующие дни. Сотрудников из других городов отправили домой только через неделю, продолжая работать своими силами. Начинаясь другой более сложный этап операции выявления лиц, находящихся в городе незаконно. Настоящие мигранты из Украины были уже давно распределены по районным центрам и другим поселкам. В городе болтались другие выходцы из Украины, приехавшие нелегально. Большинство из них не имело каких-либо преступных намерений, но все равно проживало на территории незаконно. Но не только в городе находились выходцы из Украины, были и другие с европейским типом лица, в том числе и находящиеся в розыске. Каждый житель города знал, что выходя из дома он должен иметь при себе паспорт. Рейды проводили на улицах и на рабочих местах, находя в бытовках, складских помещениях и даже прячущихся под столами и в шкафах лиц без гражданства или прописки. Многие покидали город сами, но вернуться уже не могли. На всех главных и второстепенных дорогах стояли посты, проверялся водный транспорт, вокзалы и аэропорты. Как и в любой закрытый город прилететь в Н-ск можно было по приглашению, оформив официальное разрешение.

Город жил своей жизнью. Недовольные были выдворены, а это те, кто находился здесь нелегально. Местные жители, в начале обескураженные и удивленные, вздохнули свободнее. Появились рабочие места, на улицах стало безопаснее, преступность резко упала. Теперь каждый, прежде чем пойти на преступление, задумывался не раз, хорошо зная, что после колонии в город вернуться не сможет. Особенно радовался малый бизнес, освободилась ниша, занимаемая китайцами, корейцами, вьетнамцами. ЖКХ наоборот оставалось частично недовольным — таджики и узбеки уже не подметали улицы и не чистили дворы. Некоторые бомжи с удовольствием заняли их места, но большинство покинуло город, не желая работать. Их устраивала полуголодная, но вольная жизнь аборигенов помоек, мусорных свалок, канализационных люков, подвалов и подсобок. В основном это были люди, уже потерявшие здоровье, бомжевавшие не один год и понимающие, что следующую зиму они могут не пережить. Но это был их выбор.

Комбинат вновь расстраивался по площади, возводились новые цеха по производству ядерных двигателей нового поколения, работающих на антиматерии, по сборке квантовых компьютеров и различных приставок к ним.

Ковалев усиленно и напряженно работал над чертежами нового космического летательного аппарата. Форма его уже была выверена временем и совершенно не походила на сигару. Дискообразный овальный предмет состоял из двух оболочек, созданного им металла. В межоболочечное пространство закачивалась субстанция, называемая темной энергией, которая обладала свойствами антигравитации. В обычной ракете космонавты при взлете испытывают большую нагрузку, вызванную возрастающим ускорением и только в открытом космосе при мизерной силе гравитации действие этих сил исчезает. Но появляется другая величина — невесомость, расслабляющая мышцы и влияющая на весь организм, приходится находиться постоянно в специальном костюме. Космический корабль, разрабатываемый Ковалевым, не имел этих недостатков. Необходимая гравитация внутри для экипажа или пассажиров имела, а сила ускорения, благодаря межоболочечной прослойке, не влияла на космонавтов. В таком корабле экипаж чувствовал себя, как в кабинете или на земном тренажере без влияния вакуума и ускорения. Только при выходе в открытый космос или на поверхность другой планеты он должен надевать скафандры.

Вся эта теория требовала тщательной проработки в расчетах на испытательных стендах,

прежде чем лечь чертежами и конкретикой на бумагу. Десятки людей считали, писали, чертили, испытывали и представляли результаты на проверку. Один сотрудник, как-то брякнул, не подумав, что это все просто, мы могли бы и без руководства этим заниматься. Но на него так глянули, что он даже осунулся. Через несколько дней заведующий лабораторией заявил, что поставлена задача создать прибор наподобие автомобильной коробки передач по смыслу. Двинул рычажок — корабль летит с половинной скоростью света, двинул дальше — скорость света. Еще дальше — скорость в разы увеличилась, еще дальше — еще больше. Позитронный двигатель, который вывел корабль на орбиту, при этом постепенно сбрасывает обороты и выключается. Задача поставлена. «В каком направлении работать, кому и какие расчеты производить нам объяснит коллега Иванов», — произнес заведующий лабораторией. Тот самый Иванов, который высказался, что они могли бы и без руководства работать. Но он даже не предполагал направления. «В следующий раз, когда станешь бросаться словами о своих и наших возможностях, подумай хорошенько. Гениальность заключается не в твоих расчетах, а что рассчитывать и как».

После завершения кропотливого труда Ковалев связался с Войтовичем, который непонятно где проживал по большому счету. Прописан в Москве, а половину времени проводил в Н-ске. Войтович, согласовав множество вопросов, организовал секретное рабочее совещание в Центре Космических исследований, куда были приглашены генеральные и ведущие конструкторы предприятий, напрямую связанных с орбитальными полетами. На совещании пожелал присутствовать лично Романов — неординарное событие и он не хотел его пропустить.

Таким составом ученые еще никогда не собирались. Присутствовали конструкторы ракет, двигателей, создатели электронных начинок, ученые, занимающиеся исследованием солнечной системы и других галактик. Войтович, прилетев в Н-ск, сообщил Ковалеву:

— Совещание назначено на десять утра через неделю. Высоцкий, директор ФСБ, был категорически против такого состава — в списке присутствовало слишком много ученых, в том числе и не занимающихся конкретно космическими полетами, а только исследованием космоса. Он доложил свое мнение Президенту, но тот ответил, подумав, что вы знаете, что делаете.

— Да, я в курсе, Владимир Павлович, Высоцкий звонил мне, беспокоился об утечке информации. Его можно понять. Но я объяснил ему, что даже если что-то и утечет за границу, то воспользоваться материалами за рубежом не смогут, только деньги потратят на создание корабля, он у них все равно не полетит никуда. Например, принцип работы двигателей на антиматерии американцам и без нас хорошо известен, в том числе и конкретно на позитронах, а не на антипротонах. Они способны получить несколько граммов позитронов, энергии которых хватит, чтобы облететь всю нашу галактику. Но как их хранить на космическом корабле, как использовать? У них для ответа нет необходимых материалов. Чтобы было совсем понятно, объясню проще. Необходимо построить кирпичный дом, есть план, чертежи, все есть. Кирпича нет. Можно чертежи съесть, но кирпичный дом все равно не построить. Нет у них материалов, из которых нужно строить двигатели, корпус кораблей. И еще лет сто точно не будет.

— Николай Петрович, когда общаешься с вами, то невероятное становится очевидным и проще пареной репы, — улыбнулся Войтович, — Президент не настаивал, но намекнул мне, что вам на совещание лучше прибыть в форме. Вы ее здесь все равно не носите, а там будет меньше лишних вопросов.

— Хорошо, Владимир Павлович, я учту пожелания. Обеспечьте прием Ремезова в Москве, он полетит с моими бумагами, я прибуду на совещание за несколько минут до начала.

Актальный зал Центра Космических исследований заполнен частично. Около пятидесяти ученых заняли первые ряды, оставляя пустующим лишь одно место рядом с министром обороны Кудасовым и директором ФСБ Высоцким. Было немного странным, что за столом президиума восседал какой-то неизвестный генерал-майор, а министр и директор находились в зале. Кудасов спросил Высоцкого тихо:

— Это кто такой?

— Генерал Ремезов, зам Ковалева по режиму и охране.

Ровно в десять в зале появился Президент, сопровождаемый генерал-лейтенантом. Присутствующие встали, приветствуя руководителя страны. Романов жестом предложил всем сесть.

— Добрый день, представляю вам академика Ковалева Николая Петровича, генерального конструктора одного из российских предприятий. Прошу вас, Николай Петрович.

Романов сел в первом ряду. Ученые смотрели на молодого генерала, совсем мальчишку для этого звания, как и для академика. Две звезды Героя Труда говорили о многом.

— Здравствуйте, господа Вселенной...

Приветствие несколько удивило и заинтересовало ученых. Ковалев продолжил:

— Мы собрались вместе, чтобы выработать единую государственную политику в области ракетостроения и освоения космического пространства. Вашему вниманию сегодня будут предложены схемы и чертежи двигателей, работающих на антиматерии, а конкретно на позитронах, и абсолютно нового космического корабля, которого ракетой уже назвать было бы неправильно в нашем привычном понимании этого слова. Прошу заметить, что это не лекция, а рабочее совещание. Однако вопросы и свои замечания, мнения прошу озвучить после моего выступления. Спасибо.

Ремезов встал и повесил большой плакат на специальной доске.

— Перед вами не схема, а чертеж позитронного двигателя с указанием его размеров. Если с задних рядов кому-то плохо видно, то можно тихонько подойти и посмотреть ближе, стараясь не загороживать вид для других. Для тех, кто связан с этой проблемой, принцип работы двигателя понятен. Сразу же отвечу на ваши вопросы, которые так и рвутся из вас, но это скорее не вопросы, а возражения. Каждый из вас сейчас уверен, что это не чертеж, а правильная схема. Не спешите с выводами, господа, сегодня вы узнаете много невероятного, но очевидного. На предприятии, которое я возглавляю, удалось создать новационный материал, способный удержать внутри силу цепной реакции. На чертеже указана толщина стенки двигателя в один миллиметр. Этой толщины с многократным запасом хватает хранить и удерживать позитроны внутри, и он абсолютно не пропускает радиоактивное излучение. Скажу больше — такой двигатель существует в реальности и работает. Размерами он не превышает автомобильный, но выдает тягу сотни ракетных, теперь уже не современных двигателей. И он абсолютно безопасен, и способен реально приблизить нас к скорости света. Это краткий экскурс о двигателях, которые станут выводит наши корабли на орбиту. Однако о скорости света мы тоже с вами говорить не станем, ибо это уже древнее старье, которое нам предстоит использовать промежуточно.

Ковалев кивнул головой. Ремезов быстро убрал плакат и повесил два новых.

— Вы видите, господу Вселенной, это внешний вид корабля, который если не завтра, то в ближайший месяц начнет строиться в России. На разрезе видна кабина свободной общей площадью с трехкомнатную квартиру. Овальный приплюснутый объект, который принято называть летающей тарелкой, можете называть его ИЛО, то есть известный летающий объект. Но я называю его кораблем, на котором установлены позитронные двигатели.

Внутри космонавт не подвержен воздействию вакуума и сил ускорения при взлете. Обычный костюм для прогулки по улице, скафандр необходим для выхода в открытый космос или для путешествия по другой планете, если там нет земной атмосферы. Вижу, что у вас снова возникают сомнения по поводу сил ускорения и влияния вакуума. Космонавт действительно испытывает огромные перегрузки при взлете и отсутствие силы тяжести в космосе.

Позволю себе небольшое отступление о составе Вселенной, напоминая уже известное. Космос или Вселенная, как хотите, состоит из темной энергии — 74 %; темной материи — 22 %; межгалактического газа, пыли — 3,6 %. Из мириадом звезд, которых всего 0,4 %. Названия «темная энергия», «темная материя» совершенно не соответствуют действительности и свойствам этих субстанций. Но если уж их так называли, то мы с вами тоже не будем менять названия, и вы прекрасно поймете, о чем пойдет речь.

На чертеже вы видите двойную оболочку корабля, внутрь закачивается темная энергия, которая, как вам известно, обладает антигравитацией. Силы ускорения, возникающие при взлете, сквозь нее не действуют, поэтому космонавт не почувствует никаких перегрузок. Вторая оболочка создаст гравитационное поле земли и в кабине не будет чувствоваться невесомость. Вполне комфортные условия для космонавта. Можно покушать обычную пищу, а не сосать ее из тюбиков, сходить нормально в биотуалет.

Позитронный двигатель позволит нам свободно путешествовать по солнечной системе, слетать на Марс, Венеру и вернуться обратно. Но этот двигатель, едва родившись, уже устарел. Вернее, не устарел, а абсолютно не пригоден к межгалактическим полетам. Даже до самой ближайшей звезды нам придется лететь около пяти лет в одну сторону со скоростью света. Ждать возвращения космонавта десять лет слишком долго.

Да, я хорошо понимаю, что это прорыв в науке, но всегда хочется чего-то большего. Теперь снова вернемся к Вселенной, к ее так называемым темным силам. Хорошо известно, что темная материя способна собираться в сгустки и участвовать в гравитационных взаимодействиях. Эти сгустки могут быть настолько громадными, что часто превосходят размерами целые галактики. Гравитация или сила притяжения действует на корабль со всех сторон. С одной стороны на него действует сила близлежащей планеты, с другой стороны сила сгустка, с третьей сила какой-либо ближней большой звезды. Тянут его туда и сюда со всех сторон. Темная энергия равномерно распределена в космосе, но ее энергетическая плотность может меняться в пространстве и времени.

И еще один постулат — обе темные силы не взаимодействуют с фотонами. Это, так сказать, условия задачи. Теперь представим себе, что мы на своем кораблике решили слетать к Большой Медведице, к ее ковшу, например. Мощности позитронного двигателя хватит, чтобы слетать туда и обратно, но нам потребуется двести сорок лет в обе стороны.

Включили двигатель, полетели со скоростью света. Сразу же замечу, что скорость корабля будет возрастать со временем, так как Вселенная постоянно расширяется, но это будет не существенное увеличение скорости. Командир корабля командует: «Включить фотонную защиту сзади». Что это значит? Это значит, что внешняя оболочка снаружи одной

стороны покрывается фотонами. Фотоны, как вы знаете, не взаимодействуют с силами гравитации. С одной стороны нас тянет гравитация, с другой ничего не держит. Скорость корабля начинает геометрически возрастать. Подлетая к ковшу, убираем фотоны сзади, а через некоторое время ставим ненадолго их спереди для торможения. Смотрим на время — прошло несколько часов, а мы уже у ковша. Это принцип полета, конкретику мы обсудим несколько позже.

Я просил, чтобы здесь собрались не только создатели ракет и двигателей, но и ученые, занимающиеся изучением космоса. Для чего? Для того, чтобы пока строится корабль, вы тоже подумали, а через несколько месяцев сообщили нам, что полезнее слетать не к ковшу Большой Медведицы, а к созвездию Ориона, например, или Лебеда. Там на такой-то планете предполагается жизнь. Полагаю, что вы поняли свою задачу. Первое отделение нашего совещания подходит к концу. На второе отделение остаются только лица, непосредственно связанные со строительством ракет, кто занимается двигателями — тоже свободны. Ракетчикам перерыв пятнадцать минут. Остальных благодарю за внимание и до свидания.

Президент быстро встал и повернулся к залу.

— Одну минутку... Николай Петрович не был в курсе, что это не все. Прошу вас не расходиться, а перейти в другой зал. После второго отделения мы продолжим нашу работу совместно.

Романов, Ковалев, Высоцкий и Кудасов прошли в отдельную комнату.

— Николай Петрович, бывало читал фантастику, но подобного даже в сказках не слышал. Если бы не знал вас лично, то не поверил бы. Вы почему такой хмурый, Геннадий Дмитриевич?

За Высоцкого ответил Ковалев:

— Он, как профессионал, переживает, что в государственные секреты посвящено слишком много лиц. И он абсолютно прав в своих мыслях. Однако, Геннадий Дмитриевич, вы не учли одного момента. Предположим, что нашелся предатель и продал чертежи за границу. Ради Бога, пусть изучают, они сразу поймут, что это обыкновенная туфта и липа. Они даже строить двигатель не начнут, считая, что их вновь облапошили. У них не только нет металла, способного удержать внутри ядерную реакцию, но и подобных мыслей. Получат чертежи корабля. Пусть строят, но на чем он станет летать? Но они и строительство не начнут — космическая радиация сразу же весь экипаж уничтожит с таким корпусом, а другой корпус уже в чертеж не впишется. Значит искать там, где идет настоящее строительство, они не станут. Можно сделать обманку из старой обшивки ракет, вот на нее они точно клюнут.

— С вами, Николай Петрович, даже общаться нормально невозможно — вы и в моей работе оказываетесь правы, — ответил уже довольный Высоцкий.

— Какой-нибудь сок или чай здесь можно найти? — попросил Ковалев.

— Организуем, не вопрос, — ответил Высоцкий и вышел из кабинета.

— Для вас, кстати, Сергей Валентинович, у нас тоже кое-что есть. В конце следующего месяца мы поставим вам десять квантовых компьютеров. Берете мощную атомную или водородную бомбу и отправляете ее в заранее выбранное место. Например, в известный вам бункер или штаб — происходит взрыв. Ракеты вам больше не нужны. Обыкновенную гранату можно телепортировать в хранилище боеприпасов авианосца и нет его со всеми потрохами. Если рядом другие корабли будут, то поймут, что взрыв произошел изнутри.

— Да, Владимир Сергеевич информировал меня об этом. Просто невероятное чудо.

Вернулся Высоцкий.

— Сейчас будет чай.

Во второй части совещания Ковалев говорил недолго. Его целью было определить конкретное КБ, конкретную площадку, где начнется строительство космического корабля. В результате получился большой спор. Каждый из присутствующих считал, что не только может, но и построит корабль лучше других. Абсолютно все понимали значение этого строительства — деньги, успех, слава, награды. И спорили до хрипоты.

— Прошу тишины, — произнес Ковалев, — если в товарищах согласия нет, то ответ вы получите в виде приказа. Придется определяться мне самому и рекомендовать кого-то из вас. Владимир Сергеевич, у меня все, — обратился он к Президенту, — вы что-то еще хотели...

— Да, пригласите остальных в зал, — попросил Президент охрану.

Когда все вошли и расселись, министр обороны зачитал Указ Президента Российской Федерации: «... и установить на его Родине бронзовый бюст».

Романов прикрепил к кителю Ковалева на грудь третью медаль Героя Труда. Обращаясь к залу, Президент произнес:

— Сегодня Николай Петрович назвал вас господами Вселенной, и он не ошибся. Невозможно переоценить заслуги академика Ковалева перед Родиной, уже сделанное им вывело Россию на новый уровень, не без гордости могу заявить, что Россия стала единственной мировой державой, обладающей самым современным оружием. Мы не уронили славы Советского Союза в освоении космоса и, благодаря трудам академика Ковалева, уйдем далеко вперед. Перед нами открываются межгалактические просторы вселенной, новые возможности в изучении и освоении космоса. Экономика страны перестроится и выйдет на новый этап своего развития...

* * *

Воронцова услышала шум в приемной, вышла из кабинета. Мужчина кавказской внешности доказывал что-то секретарю на высоких тонах.

— В чем дело? — спросила она?

— К вам хочу — она не пускает, — кивнул он на секретаршу, — дело есть.

— Хорошо, проходите, — без желания предложила Воронцова, разглядывая мужчину, явно прибывшего в город недавно.

— Давно бы так, а то пушу-не пушу, — воскликнул он, входя в кабинет.

Воронцова села в свое кресло, уже пожалев о том, что решила принять этого кавказца.

— Слушаю вас, — произнесла она.

— Отэц болеет, в Баку не могут лечить, сюда привезли. Сегодня надо лечить, быстро.

— У нас существует очередь, обратитесь в регистратуру, вас запишут и назначат время, — ответила Воронцова.

— Э-э, — развел он руками, — зачем очередь, быстро лечить надо.

— Как вы смогли в город попасть?

— Дэнги платил — меня пропускали. Отэц лечить надо, миллион плачу.

Он вытащил из кармана две пачки пятитысячных купюр, протянул их Воронцовой.

— Деньги уберите, — твердо ответила она, — у нас существуют правила приема

больных, обратитесь в регистратуру.

— Два миллион плачу, — он вынул еще две пачки.

Воронцова поняла, что разговор не получится, нажала кнопку вызова охраны. Вбежавшие бойцы скрутили азербайджанца, вынудившего кинжал, обезоружили и одели на него наручники.

— Всех резать буду, — кричал он, — тэба, женщина, как барашка зарэжу...

Прибывший следователь оформил изъятие денег, кавказца увели, обнаружив при нем только азербайджанский паспорт. Материалы забрали в свое производство сотрудники ФСБ, пояснив, что необходимо выяснить незаконный способ пересечения границы, как они проникли в закрытый город.

— Дачи взятки здесь не будет, — сразу пояснил чекист, — вы не должностное лицо, Екатерина Васильевна, у вас частная клиника, но подкуп коммерческого лица существует. Установим полицейских или полицейского, которые пропустили их в город, здесь явно без взятки не обошлось. Там внизу его отец, старый больной человек, и еще один сын, его тоже задержим. Что со стариком станем делать?

— Без медицинской помощи мы его не можем оставить. Вылечить его здесь — завтра из Баку народ валом повалит. Определим в областную больницу, — ответила Воронцова.

— Понятное дело, — вроде бы согласился чекист, — в областной больнице он умрет, но мы поступили законно и правильно. Нельзя его все-таки у вас вылечить, Екатерина Васильевна?

— С чего бы это? У нас большая очередь россиян, а мы станем иностранцев лечить? Еще скажут, что я испугалась...

— Все правильно вы говорите, Екатерина Васильевна, — вновь согласился чекист, — все правильно. Но если его вылечить, то дети сдадут нам все лазейки проникновения в город. Сядут, но сдадут.

— Понятно, — усмехнулась Воронцова, — свои недоработки станете медицинскими мероприятиями прикрывать... Мне надо посоветоваться с Ковалевой.

В управлении ФСБ азербайджанцам объяснили сразу, что их привлекут к ответственности по закону. Попросили рассказать кто им помог проникнуть на территорию России без соответствующих документов, как добирались до города и как попали в него. Ответ от братьев был один:

— Отсидим, выйдём — всех зарэжем.

Следователь усмехнулся.

— Пугать нас не надо, я предлагаю вам сделку — мы обеспечиваем лечение вашего отца, вы рассказывайте нам без утайки все — как перешли границу, как ехали, как попали в город? Расскажете все — уже завтра у вас будет свидание со здоровым отцом и суд учтет ваше сотрудничество со следствием. Даю слово мужчины.

Братья на это пошли с удовольствием, оба получили по три года лишения свободы. Старший с отбыванием в колонии общего режима, младший условно и уехал домой в Баку. Двое полицейских в Н-ске были наказаны строже, как и пограничник, пропустивший за взятку «веселую» компанию.

Воронцова уже не один раз замечала, что ее муж в последнее время стал невеселым и озабоченным. Вечерами старался лечь первым и делал вид, что уснул быстро или же задерживался наоборот допоздна, приходил и ложился тихонько спать. Его частые походы в туалет не остались незамеченными. Екатерина, как врач, поняла быстро — скрывает

простатит, аденому или того хуже злокачественное новообразование. Гордый... не хочет обращаться к Веронике.

Она переговорила с ней сама. Вероника ответила:

— Понять его можно... мужское достоинство, стеснение и прочее. Но не переживай, в клинику его приводить не надо, жди нас сегодня вечером с Николаем в гости. Все будет в порядке.

— Но он может отказаться от осмотра, — засомневалась Катя.

— Никто его осматривать в привычном понимании этого слова не станет. Я его на расстоянии посмотрю и вылечу. Он и знать не будет — прошла болезнь и нет ее.

Вечером Екатерина встречала дорогих гостей.

— Вот уж не ожидали, — заявила она, увидев соседей на пороге.

— Проходите, проходите, — приглашал в дом Степаныч, — Вероника с моей трудятся в клинике — все понятно. Могли бы и почаще приходить, но наш генерал третью звезду получил, а их просто так не дают, трудится в поте лица. Сколько рядом живем и дружим, а я до сих пор не знаю, чем Николай занимается. И не надо, меньше знаешь — крепче спишь. Только за работой все равно друзей забывать не надо. Что-нибудь выпьете, покушайте?

— Нет, — ответил Ковалев, — зашли посидеть, пообщаться. Если стали заходить реже, то это не значит, что забыли. Недавно о тебе, Степаныч, даже Президент вспоминал.

— Да ну, гонишь... откуда ему меня знать?

— Нашлись, Степаныч, доброжелатели, сообщили, что секретный генерал дружит с вором в законе. При мне доложили, не побоялись.

— И что? — заволновался Степаныч.

— Ничего, как видишь. Докладывал лошара обыкновенный, которого вокруг пальца обвели, а инициаторы уже сидят. Мир сейчас подошел к стадии перемен, они еще не настали, но планета вплотную к ним приблизилась. Американцы кроме России и Китая всех под себя подмяли и стегают Европу по-черному. Ни одна страна или коалиция им сильной не нужна, как и стабильность в Европе. Беженцы — это их работа, мусульмане прибыли гостями, но по своим законам живут и правила принявшей их страны не уважают. Американцы развязали войну религий, мусульмане станут стараться захватить Европу, еще два-три таких потока беженцев и в Европе вспыхнет пожар на уничтожение. Больше всего возмущает то, что европейские правители все понимают, но продолжают лизать зад американцев. А мы все цацкаемся и нянькаемся с некоторыми. Украина... братский народ... как же его бросить и не помогать? Западная Украина никогда к России не тяготела, а сейчас захватила власть и поливает нас грязью. Прибалтика, Польша, Англия, Турция — исторически нас ненавидят. Но управлять государством, осуждать кого-то всегда легче, сидя на завалинке. В медицине, юриспруденции и политике все, якобы, разбираются и свое мнение имеют. Слава Богу в физику не лезут. Разные люди живут на планете — миролюбивые и воинственные, тупые и умные, добрые и злые, но все они люди, высшие существа. А высшим существам законы природы неписаны до определенного времени. Вот когда они это поймут и станут жить в единении с природой, тогда и рай на Земле наступит. И никакая революция или война его не приблизит — человеческое сознание должно измениться. Тогда не станут уничтожать богатых, а будут делать бедных богатыми, тогда сапожник не станет стремиться попасть в Думу, земледelec изготавливать трактора, комбайнер из Ставрополя управлять государством. Каждый займется тем, что он лучше всего может делать. Валять катанки, например, или управлять кораблем. Из человеческого

сознания исчезнут понятия занимаемого высокого положения, сапожник и капитан станут одинаково уважаемыми людьми. Таких, как я, тоже не будет, физики в будущем не станут философствовать о политике. Каждый станет заниматься своим делом.

— Всех распушил в пух и прах и себя в том числе, — подвел итог Степаныч, заерзав в кресле.

Возможно он почувствовал невидимую работу Вероники, возможно просто долго сидел и слушал молча речь Николая. Истинную причину монолога мужа знала только Вероника. Надо было удержать Степаныча на одном месте хотя бы пару минут, чтобы он не вскакивал с кресла, предлагая фрукты или что-нибудь другое.

Вероника ушла на кухню, за ней последовала и Катя, поняв, что она хочет что-то сообщить.

— Посмотрела я Степаныча, — тихо проговорила она, — вовремя ты заметила неполадки с мужем. У него аденома, которая начала малигнизироваться. Метастазы еще не пошли, но рачок уже махровый развился. Я все убрала, почистила, можешь не волноваться, Катя, простата в норме. У него и боли в промежности были, но стеснялся он, не говорил.

— Спасибо тебе, Вероника...

— Было бы за что... Мы пойдем с Колей, не обижайтесь, он стал и дома по вечерам работать. Вы к нам почаще заходите, будете иногда отрывать его от дел праведных, ему это полезно.

Ковалев держал постоянную связь с Центром Космических исследований. Собственно, его интересовал только один вопрос — карта звездного неба. Но, если ограничиться только этим определением, то ничего не сказать. Николая интересовали точные координаты, планет, звезд, галактик с учетом времени года, с учетом конкретной даты. Известно, что в космосе движется все. Наше Солнце вращается вокруг центра галактики Млечный Путь и движется со скоростью 220–240 километров в секунду.

В космосе нет Броуновского движения, бег планет, звезд и галактик строго упорядочен и подчиняется конкретным законам. Человечество привыкло к земным законам физики, к определенным понятиям. Но ученые многое называют в понимании обывателя не совсем верно. Черная дыра в космосе — это не дырка от бублика, а наоборот скопление огромной массы. Мы привыкли, что каждое тело отражает свет, электромагнитные волны и другие лучи. Но черная дыра ничего не отражает, она настолько массивна, что сила ее гравитации на определенном расстоянии от себя захватывает и удерживает все — любые волны и лучи. Ученые называют это горизонтом событий, радиусом гравитации. Перейдя этот рубикон назад вернуться уже не может ни что. Вот и назвали ученые эту неизученную и неизвестную «магнитную» громадину черной дырой, которую ни посмотреть, ни пощупать лучами нельзя.

Наша галактика совместно с галактикой Андромеды, галактикой Треугольника формирует так называемое наше скопление галактик, центр которого находится между Млечным Путем и Андромедой. Там есть центр, вокруг которого вращаются наши галактики. Но, если есть наши, то есть и не наши. Что уж там говорить о количестве звезд в космосе, если количество галактик определяется миллиардными или триллионными цифрами. Можно наивно и по-детски представить себе Вселенную, как клетку с молекулами. Молекулы — центры галактик со своими атомами. Атомы — конкретные галактики со своими электронами и протонами, представляющие собой планетные системы наподобие Солнечной.

Ковалев рассматривал звездную карту галактики Андромеды, когда в домашний кабинет вошла Вероника.

— Выбираешь места, куда полетят твои космические корабли? — спросила она, рассматривая карту, — решил остановиться на Андромеде?

— Туманность Андромеды побольше размерами Млечного Пути, как и сама галактика. Выбираю планетную систему, похожую на Солнечную. Ты бы, например, согласилась переселиться туда, где условия схожи с нашими? Подобная погода, воздух, флора и фауна. Организовать там небольшое поселение из нескольких сот тысяч человек и начать освоение планеты не с нуля, как это делали наши далекие предки, а используя современные технологии. Максимально сохраняя саму природу, не беря лишнего и не уничтожая ее, создавая комфортность в быте, труде и отдыхе.

— Хочешь создать идеальное общество в согласии с природой? Но позволят ли тебе это сделать земляне, уже испорченные алчностью, завистью и другими пороками? Можно переселить несколько сот тысяч человек, но враз не изменить сознание и привычки. Кто привык хапать — будет хапать и там. В данном случае или человечество полностью переместится на эту планету, или начнет грабить ее природные запасы.

— Ты не ответила на вопрос, Вероника, — напомнил Николай.

— Разве на него есть однозначный ответ? Человек не всегда решается переехать в другой город, а ты говоришь о другой планете. Но есть и такие, которые уже дали согласие лететь в один конец на Марс. Это при том, что никто не давал гарантии, что они туда доберутся, а тем более выживут. Но ты подобные гарантии дать можешь, могут вернуться на Землю и те, кто не пожелает там остаться. Ты просил ответа — он однозначен: с тобой хоть куда.

Ковалев улыбнулся, обнял Веронику за плечи.

— Пока рано говорить о космических перелетах с целью проживания. У тебя здравые мысли, но они земные. Человеческие пороки на другой планете можно свести к минимуму, а через одно-два поколения искоренить вовсе. Можно поступить по-другому — вмешаться в сознание и оставить только лучшее. Однако, естественное всегда было лучше искусственного.

— Земные мысли... Ты с другой планеты, Коленка?..

— Верно — я из детдома.

Вероника рассмеялась и ушла, чтобы не мешать работать мужу. Николай вновь уткнулся в карту звездного неба и почувствовал, что в кабинете находится не один. Существо, превосходящее человеческие размеры в полтора раза, находилось напротив. Через секунду оно исчезло, но мужчины успели обменяться мыслями плодотворно:

— Разум доволен твоими действиями и одобряет идею. Но с земной женщиной ты должен расстаться, она не может иметь от тебя детей. Мы подберем тебе другую, внешне неотличимую от Вероники и заменим. Она займет ее место, никто из землян не догадается, что это другая женщина.

Ковалев сразу же категорически возразил, объясняя:

— Вы направили меня на Землю в грудном возрасте, отключив основные мозговые функции. До земного совершеннолетия я жил, как все, не подозревая о своем происхождении. Год вы изучали воздействие Земли и общества на мой организм, вернув обратно и постепенно включая мозговые функции, которые, возможно, еще не все работают. Вы изучали влияние земного общества и возможности торможения функций в зависимости от этого, не учитывая мое душевное равновесие и желание. Сейчас вы хотите заменить мне женщину, но это будет другая женщина, с другими мозгами, душой и сердцем, анатомически не отличимая от Вероники. Ее вы телепортируете в космос на верную гибель. Я дал ей некоторые способности с вашего согласия, привел в портал, где Разум одобрил мой выбор. Теперь вы хотите убить ее...

— Ты выбрал падшую женщину, которая заслуживает своей участи. Она смертная и все равно умрет через шестьдесят лет. Контраст восьмидесятилетней старухи и молодого человека не может остаться незамеченным, у землян возникнут вопросы о твоём не старении.

— Вы можете сделать ее Посвященной, — ответил Николай.

— Посвященной?.. За какие заслуги?

— Она любит меня...

— О-о-о-о...

— Она доказала своим поведением, что умеет молчать и не задавать лишних вопросов, она живет не только для меня, но и для людей, у нее нет многих земных пороков. Короткое время она была падшей женщиной, но я вычеркнул этот отрезок из ее памяти, женщина с большой душой и сердцем достойна Посвящения.

— Никто из землян еще не становился Посвященным.

— Так сделайте исключение, она достойно пронесет свой статус через столетия.

— Разум примет решение позже. Пока до восьмидесяти лет она не состарится.

Существо исчезло из кабинета, оставив Николаю надежду на повторный разговор через восемьдесят лет.

Ковалев уехал в инспекционную поездку на место строительства космических кораблей. Строились сразу три космолета — два для полетов и исследования Вселенной, один транспортный и очень большой. Его диаметр составлял до двухсот метров и мог вместить в себя огромное количество груза. Работа шла планомерно и у Николая не было замечаний.

Вернувшись домой, он долго раздумывал о своих дальнейших действиях. Решение о переселении части людей на другую планету принято окончательно. Но сделать это тайно или все-таки поставить Президента в известность — Ковалев бесповоротно не решил. Здесь были свои плюсы и минусы. При тайном переселении Земля не оказывала ни положительного, ни отрицательного влияния на уклад жизни поселенцев. Можно было строить новое общество с учетом пройденных на Земле ошибок. Открытое переселение станет более легким, но Президент настаивает на российской структуре общества, которое не безгрешно, хотя и лучшее на планете. Ковалев не мог принять окончательного решения и посоветовался с Вероникой. Она выслушала, внешне не удивляясь, подумала и высказала свое мнение.

— Я никогда не сомневалась в твоей гениальности, Коля. Несколько лет назад только мечтали о межгалактических полетах, фантасты могли писать о жизни на других планетах. Постепенно заселяя далекую планету, ты станешь создавать новое общество, которое постепенно обретет свою Конституцию, политический строй и так далее. Президент должен знать об этой планете, но он не сможет влиять на нее эффективно, слишком далека она и недоступна. Первые годы или даже десятилетия ты станешь жить то там, то тут, отправляя на планету новые силы и средства. Постепенно она станет новой развитой страной со своим укладом и жизнью общества. Попробуй переговорить с Президентом, он разумный человек и поймет тебя. Расскажи, Коля, об этой планете, — попросила Вероника.

— Это здесь, в галактике Андромеды. — Ковалев ткнул пальцем в карту. — Желтый карлик, подобный Солнцу и имеющий свою систему планет. Он пока не имеет названия, но можно обозначить его, как Калида. От слова греть по латыни. Калидная система похожа на солнечную, там тоже есть третья планета, похожая на Землю. Жизнь на ней отстает по своему развитию, нет разумных существ, но есть животные и растения, моря, океаны, реки, воздух. Можно назвать эту планету Новитой. Новита... новая жизнь. Ты не против, Вероника?

— Смеешься? — сразу же ответила она, — как я могу быть против? Твоя задумка — не освоение космоса, а частичное переселение, но ты говоришь о Новите, словно хорошо знаешь ее. Люди даже на Марсе не были, но твои слова я не подвергаю сомнению.

Я не знаю, Вероника, — возразил Николай, — но расположение планет, время образования, расстояние наводят на определенные мысли. Новита не единственная подобная планета, но я выбрал ее для исследования и возможного заселения, она слишком далека от нас и недоступна без развитого космического транспорта. Два миллиона лет можно путешествовать до нее со скоростью света в один конец. Это огромное расстояние и американцы не освоят его в ближайшие столетия. Может поэтому на Новиту упал мой выбор. Все мои выкладки требуют подтверждения, Вероника, но если расчет верен, то так и

будет.

— Ты чувствуешь угрозу существования жизни на Земле? — тревожно спросила Вероника.

— Нет, пока ничего сверхъестественного не предвидится. В обществе, конечно, назревают определенные события. Это тайный сценарий американцев, которые хотят владеть миром, ослабляя его страны. Их снобизм затмевает разум и не позволяет заглянуть в будущее, просчитав возможные последствия. Идет война в Сирии, Европу заполняют беженцы, начинающие насиловать местных жителей. Американцы нацеливают исламистских радикалов на Европу, не понимая, что через несколько лет это аукнется на них самих. Разве они впервые развязывают войны на Ближнем Востоке? Но когда-нибудь это ударит по ним. По большому счету у американцев нет ни нации, ни истории. Преступный европейский сброд осел когда-то в Америке, сотнями тысяч уничтожая местное население. Теперь они мировые лидеры, но за все необходимо платить. Они не соблюдают права человека, но постоянно трубят об этих правах, нагло вмешиваются во внешнюю и внутреннюю политику государств, обвиняя во всем Россию. Но получают по зубам не от России, это будет падение, с которого им уже не подняться к былой мощи. Просто мне хочется создать новую жизнь без американской политической проституции, где люди станут ценить и уважать друг друга. Наверное, не бывает идеальных обществ, но что-то близкое я попытаюсь создать. Роль личности в истории огромна, именно они направляют мир в ту или иную сторону движения. Но я стану личностью на другой планете, Вероника, которую создам по идеалам проживающего населения, по законам природы.

Николай говорил, но в душе его одолевало беспокойство. Дело абсолютно новое и никто еще не ходил по подобному пути. Он решил узнать еще одно мнение. Вероника с Николаем появились вечером у Степаныча.

— Опять ненадолго, — произнес он.

— Как получится, — улыбнулся Ковалев, — вдруг возьмешь и прогонишь.

— Другого юмора ты не нашел?..

— Не обижайся, Степаныч, — ответил Ковалев, усаживая в кресло Веронику и садясь сам, — хочу провести маленький социальный опрос, а вопросы любят не все.

— Верно, журналистам бы я ничего не сказал, слушаю тебя.

— Представь, что тебе предложили вместе с Катей уехать далеко, далеко в тайгу. В тайгу, где нет дорог, нет ничего кроме леса, речки и неба. Ты должен построить там город. Город, который бы тебе нравился, который бы ты создал своими руками. Красивый город без штамповок домов, с хорошей инфраструктурой, дорогами, крестьянскими селами вокруг него, которые бы кормили город, а он давал им необходимую технику, одежду и прочее. Регион на полном автономном обеспечении. Ты бы согласился уехать, не оглядываясь на прижитое место?

— Ничего себе, Катя, вопросыки у соседей, — воскликнул Степаныч, — я же не комсомолец и тайга — это не целина, которую поднимали на заре Советского времени. Мне бросить бизнес, Кате оставить клинику и уехать, не оглядываясь. Возникает естественный вопрос — ради чего? Конечно, кто-то поедет из-за романтики, кто-то сделать свой бизнес, кто-то по другим причинам. Нас с Катей вряд ли прельстит палаточный городок. Ты собрался строить в тайге какой-то оборонный комплекс? Мы не откажем тебе в помощи, Коля, пусть даже это будет командировка на год или два. Именно тебе не откажем. Слава Богу сейчас не Советское время, когда партия сказала вперед и прения не принимаются.

— Я понял тебя, Степаныч, спасибо. Но с чего бы ты начал?

— Наверное, с геологов, с геодезистов — что там за земля, что можно и как строить. Придется вырубать и корчевать лес, но город из одних деревьев не построить, необходим кирпич, цемент, бетон, арматура и прочее. Должен быть план подземных и наземных коммуникаций, электроснабжение, за год-два ничего не построить существенного, а ты озвучил автономный регион. Хватит ли на это десятка лет? Я понимаю, что если навалиться страной, то можно и горы двигать.

— И все-таки, Степаныч, — не унимался Ковалев, — если бы ты начал строительство, а потом стал там губернатором?

— Я ни в депутаты, ни в губернаторы не стремлюсь, упаси меня Бог проституцией заниматься, — ответил Степаныч на полном серьезе, — на мою помощь можешь рассчитывать вполне, выделю силы и средства без вопросов.

— Спасибо, ты уже помог мне — были в душе сомнения, но теперь они развеялись. Спасибо.

Ковалев встал, собираясь уходить.

— Коля, — остановил его Степаныч, — ты в последнее время забежишь на минутку, спросишь, скажешь несколько слов и уходишь, оставляя нас с Катей в непонятках. Подробнее нельзя пояснить?

— Пока нельзя, Степаныч, скоро сам все поймешь, будет тебе и конкретика. Извини, сейчас большего сказать не могу — военная тайна.

* * *

Николай с Вероникой на выходные прибыли в Крым по приглашению Романова. Каждый понимал, что станут не только отдыхать, видимо, Президент что-то хотел прояснить за отдыхом. В отличие от Вероники Николай догадывался, о чем пойдет речь и не ошибся. Романов в середине дня внезапно спросил:

— Николай Петрович, вы познакомились с предложениями Центра Космических исследований, но ничего им не ответили?

Ковалев понял, что ученые пожаловались на него, пояснил раздраженно:

— Да, они предложили обширную программу по изучению Марса. Прямо детский сад какой-то... Я говорил им об освоении галактик, а они собрались изучить Марс. На кой ляд он им нужен? Потешить свое самолюбие, что мы первыми окажемся на Марсе? Приглашая их на совещание, я рассчитывал на серьезный подход, а попал на младшую группу детского сада. Что я им должен был ответить?

— У вас есть свои предложения?

— Конечно, — ответил Николай утвердительно, — даже два. В Галактике Андромеды есть планета, схожая с нашей. Можно сказать, что почти Земля до появления на ней разумного человека. Американцы и европейцы собираются отправить людей на Марс в один конец для постоянного проживания. Бред сивой кобылы. Там разряженная атмосфера, давление настолько низкое, что вода не может находиться на поверхности в жидком виде, дикий холод к тому же. Жить в специально завезенном и построенном бункере, выходить на улицу в скафандре... Что бы кто-то получил Нобелевскую премию или для чего-то другого? Придурки найдутся, чтобы улететь туда. Лететь необходимо на другую планету, я назвал ее

Новита, новая жизнь. Свет от Солнца до нас идет восемь минут, а от Новиты два миллиона лет. Но я уже говорил, что расстояние сейчас для нас ничего не значит. Вот эту планету и станем исследовать. На ней, по моим расчетам, должен быть воздух, вода и все остальное. Естественно, что проверим теоретические выводы изначально. Один космолет полетит туда, другой в галактику Треугольника, он доставит на Землю полезные ископаемые, например, тонн сто золота. Если мои расчеты верны, то третий транспортник доставит на Новиту рабочих и инженеров для возведения города и инфраструктуры к нему. Могу взять с собой парочку из детского сада, а то ведь не поверят и сожгут меня, как Джордано Бруно на костре уверенных заблуждений. Как вы отнесетесь к тому, чтобы основать на Новите русское поселение?

Президент уже привык к неземным мыслям Ковалева и особо не удивился, его беспокоило другое:

— Вы хотите лететь на Новиту сами?

— Естественно, возьму с собой геологов, геодезистов, биологов, парочку из детского сада, кому в Центре космических исследований доверяют. Первый раз до Новиты доберемся с корректировками минут за пять-десять, дня три побудем там и обратно. По результатам этой экспедиции решим все остальное.

— Это невозможно, мы не можем такого ученого, как вы, Николай Петрович, отправлять в очень рискованное путешествие, — возразил Президент.

— Мой космолет многократно надежнее самолета, поэтому риска нет никакого, — ответил Ковалев, — все сомнения военных и ученых я всегда опровергал результатами. В этом вы неоднократно убеждались лично. Разве я виноват, что родился в этом веке, а не на тысячу лет позже? Слава Богу, что не во времена инквизиции, но от академиков мне и так достается. Упрутся рогом и твердят о невозможности, когда им говоришь просто — взгляните.

Ковалев повернул голову, вглядываясь в море. Легкий бриз освежал воздух на открытой веранде, небольшие волны накатывались на прибрежный песок, оставляя на нем мокрый след, уходили обратно и возвращались вновь. Где-то и на Новите также бежит за волною волна, поджидая его экспедицию.

Романов не смотрел на море, рассматривая хорошо ему известную небольшую скалу на побережье. Он иногда бывал на ней, слушая шум прибоя и крики чаек, отдыхал от мыслей и мирской суеты. Ковалев разговаривал с ним, как с равным, но с чувством уверенности, что с ним обязательно согласятся. И еще его беспокоило будущее возможное поселение русских на Новите — слишком далеко и как его контролировать? Ковалев создал могучую и непобедимую армию, вернее дал ей такое оружие, но он никогда не пытался управлять ею. Может стоит ему доверять полностью? Может пора показать американцам, что они уже не военные гегемоны? Внезапно Президент спросил о другом:

— Вы предлагаете не сообщать миру о наших космических достижениях?

— Зачем им говорить об этом? Все равно не поверят и станут упрекать во лжи. Но от своего народа скрывать этого не нужно, а американцы и Запад пусть трезвонят, что хотят. Когда доставим на Землю отдельные экземпляры животных и экзотических фруктов — придется поверить. Мир быстро изменится, и американские страны-вассалы уже перестанут оглядываться на своих хозяев. Я не политик и вам решать, Владимир Сергеевич, но, на мой взгляд, пора с американцами проводить более жесткую дипломатию в рамках

международного права, хватит им беспредельничать на мировой арене.

Романов решил достаточным разговором о политике и космосе, он резко сменил тему:

— Вероника Андреевна, я хотел от себя лично и от всего российского народа поблагодарить вас за создание уникальнейшего квантографа. В Москве пока два таких аппарата, но это настоящее удивительное чудо, исцеляющее любые заболевания. Народ очень доволен и ждет, что подобной аппаратуры станет больше.

— Спасибо, Владимир Сергеевич, но вы не совсем правы — народ как раз недоволен. Довольны олигархи, депутаты, министры и другие власть имущие лица, а народу квантограф недоступен. Я знаю, что вы интересовались и министр здравоохранения доложил вам, что специальная комиссия провела расчеты и определила стоимость лечения. Но вас ввели в заблуждение, не по недоразумению, а умышленно сделав это. Лечение пороков сердца стоит два миллиона, генетические заболевания пять миллионов, раковые опухоли от двух до четырех миллионов рублей и так далее. То есть примерные расценки операций, которые проводились в определенных клиниках. В клиниках учитывалось все — стоимость того же искусственного клапана, например. Те, кто производил расчеты и некоторые другие лица прекрасно знали, что работа квантографа не зависит от конкретики заболевания. Он сканирует и заменяет больные клетки на здоровые. Неважно — рак это или порок сердца, или необходимо подлатать геном. В Н-ске мы берем с любого больного за сеанс десять тысяч рублей, а в Москве от двух до пяти миллионов. Это если не учитывать того, что очередь на московский квантограф тоже оценивается миллионами. Я говорю именно об умышленном заблуждении, потому что к каждому квантографу прилагалась инструкция, в том числе и с определением стоимости лечения. Когда же власть имущие нажмутся до сыта? Видимо, никогда. Но, самое главное, незаконно денег нахапали и никто за это не сядет.

— Спасибо за разъяснения, Вероника Андреевна, но вы тоже ошибаетесь, будет проведено тщательное расследование, виновных накажут обязательно, — недовольно произнес Президент.

— Потому и страшно, Владимир Сергеевич, что расследование проведут и виновных накажут. Но сядут не те, у кого денежки осели в карманах, не те, кто эту кашу по-настоящему заварил. Главное — все по закону будет, вот это и страшно. Не хочу дальше об этом говорить и настроение портить. Как быстро летит время... Мы с Колей не брали отпуск уже в течение пяти лет, вы тоже очень много работаете, Владимир Сергеевич. Если планета Новита полностью пригодна для жизни и это подтвердят первые экспедиции, то почему бы не махнуть на нее в отпуск, как вы считаете?

Романов улыбнулся...

— Хорошая идея, но риск слишком пока велик. Возможно, в будущем такая вероятность станет реальностью.

— Непременно станет, я в этом уверен, — поддержал разговор Николай.

* * *

Огромный тягач выкатывал из ангара дискообразный предмет диаметром в пятьдесят метров. Абсолютно черный он сверкал своей вороненой сталью в солнечных лучах, отсвечивая овальными люками иллюминаторов по периметру. Летящая тарелка напоминала по форме космических пришельцев из кинофильмов, но при этом имела

иллюминаторы, пропускающие внутрь корабля дневной свет.

Тягач медленно, словно пугаясь резко дернуть и что-нибудь сломать, тащил звездолет к условной стартовой площадке. Стартовая площадка в привычном для космических полетов понимании этого слова была не нужна. Звездолет мог подниматься и садиться на любую твердую поверхность. Тягач остановился, рабочие отцепили прицеп, и он укатил, оставляя ненадолго в воздухе запах отработанной солянки.

Открылся люк звездолета и началась погрузка. Рабочие аккуратно заносили внутрь и крепили предметы по тщательно выверенному списку, продукты складывали в холодильники на борту. К стенам паковали прочные металлические решетки, которые можно было легко собрать в виде клеток на месте для транспортировки отдельных представителей животного мира далекой планеты. Рабочие, находясь во взволнованно-торжественном состоянии, выполняли свою работу точными, выверенными движениями. Они восхищались тем, что именно им выпала честь трудиться на этом необыкновенном поприще. Межгалактический звездолет — это не ракета, на которой стартовали в космос все космонавты, это необъяснимо величественное творение человеческого гения, шагнувшего в будущее. Это не тесная кабина ракеты — потрясала величина звездолета с половину футбольного поля.

Через два часа погрузка закончилась и люк закрылся. Со стартовой площадки убрали всех посторонних, оставляя экипаж экспедиции и провожающих.

Последние минуты перед стартом... Все очень волнуются, стараясь не показывать своей тревоги или беспокойства. Командир звездолета Ковалев докладывает верховному главнокомандующему о готовности к полету. Последние напутствия и рукопожатия... Экипаж направляется внутрь корабля.

На смотровую площадку впускают телерепортеров и операторов двух основных каналов России. Одному из них поручено комментировать происходящее событие. Телепрограмма прерывается важными новостями.

«Внимание! Говорят и показывают ведущие телевизионные каналы Российской Федерации! Мы находимся на стартовой площадке, с которой в ближайшие минуты произойдет запуск межгалактического российского звездолета с шестью членами экипажа на борту. Впервые в мире земной звездолет совершит путешествие к далекой планете Новита в системе Калида галактики Андромеды. Эта планета расположена от нас на расстоянии двух миллионов световых лет. Трудно представить себе это громадное расстояние, если до Солнца оно равно восьми световым минутам. Российские ученые совершили невероятный прорыв в области освоения космического пространства, весь мир с трепетом станет следить и ждать возвращения первых межгалактических космонавтов на родную Землю, которое произойдет ровно через трое суток.

Экипаж корабля уже находится внутри звездолета. Вы видите этот необычный корабль, похожий на летающую тарелку. Он прекрасен и восхищает своими формами, статью и мощью. Корабль, которому подвластно пространство и время, корабль, для которого расстояние уже не имеет значения. Человечество прочно и уверенно входит на новую страницу освоения космического пространства. Позади остаются известные космические скорости и даже скорость света, до сего времени не достижимая величина, остается за бортом этого великолепного красавца звездолета. Внимание, говорит Россия! Мы ведем прямой репортаж о запуске первого в мире межгалактического звездолета «Россия-1» к далекой планете Новита. На связи центр управления полетом:

«Земля, я «Россия-1», как слышите меня? Прием.

«Я Земля, слышу вас хорошо».

«Я «Россия-1», к полету готов, прошу разрешения на запуск двигателей».

«Я Земля, запуск двигателей разрешаю».

Какое невероятное и захватывающее зрелище — внизу звездолета вырываются с гулом огромные языки пламени...

«Я «Россия-1», прошу разрешения на взлет».

«Я Земля, взлет разрешаю».

«Поехали», — по-гагарински крикнул командир.

Звездолет оторвался на метр от земли, завис на долю секунды, взлетел еще на сто метров, снова зависая на секунду, и исчез в облаках.

«Я «Россия-1», вышел на околоземную орбиту, включаю скорость света».

«Я Земля, понял вас».

«Я «Россия-1», самочувствие отличное. Включаю галактическую скорость».

«Понял вас, «Россия-1».

«Я «Россия-1», включаю торможение. Нахожусь на орбите Новиты, посылаю видеоизображение планеты».

«Я Земля, понял вас, изображение принимаем».

Это невероятно! Мы получаем изображение в режиме онлайн с такой далекой планеты! В центре управления полетом пояснили, что это возможно путем телепортации радиоволн на любые расстояния. Это чудо! Новита похожа на нашу Землю! Голубоватый фон, белесые пятна, скорее всего облака, на горизонте видны всполохи, похожие на северное сияние. Это невероятное чудо! — взхлеб комментировал телерепортер.

«Земля, я «Россия-1», начинаю посадку, на связь выйду после приземления».

«Понял вас, «Россия-1», ждем связи».

Телеканалы России вели прямой репортаж с запуска звездолета к далекой планете Новита. Следующее включение в эфир через три дня. Мы все с нетерпением будем ждать возвращения российских героев».

Четыре профессора на борту звездолета прилипли к иллюминаторам, осматривая с космической высоты далекую и загадочную планету — маленький голубоватый шарик где-то далеко внизу.

— Но это же Земля! — воскликнул один из профессоров, — мы вернулись обратно?

— Не спешите с выводами, господа Вселенной, — ответил радостный Ковалев, — сейчас чуточку подлетим ближе.

Голубой шарик стал приближаться и стало отчетливо видно, что это не Земля. Четыре континента планеты имели совершенно другую форму, как и океаны. Планета приближалась все ближе и ближе под удивленно-изумительные и восхищенные взоры профессоров...

Прямой телерепортаж из России взорвал мировую общественность. Только мечтали о Марсе, а здесь межгалактический полет за два миллиона световых лет на какую-то Новиту. Что это? Розыгрыш, журналистская утка? Но никаких приписок мелким шрифтом о фантастическом фильме не было. И кроме того было прервано плановое вещание. Нет, это не утка и не розыгрыш. Но как могли создать в России такой межпланетный корабль?

Журналисты «бесновались» в своих газетах и на телевещании. Кто-то откровенно хвалил, а кто-то подвергал большому сомнению прямой эфир русских, называя его откровенной, неприкрытой и лживой липой. Мнения ученых тоже разделились, но они вели себя в целом сдержаннее и корректнее. Лишь отдельные личности позволяли себе

неприкрытый негатив в отношении россиян. Руководители спецслужб верили передаче в большей степени и напрягали ученых о возможностях такого полета. Снятые кадры из космоса не могли быть Землей, Новита похожа на нее, но всего лишь похожа. Для военных и политиков это означало многое...

Звездолет плавно приземлился на поверхность далекой планеты. Приборы показывали атмосферное давление 760 миллиметров ртутного столба, анализатор воздуха выдавал состав: азот — 75 %, кислород — 23 %, в допустимых нормах углекислый газ, водород и другие компоненты. Температура двадцать пять градусов по Цельсию. Вредоносных и ядовитых примесей не обнаружено, радиационный фон в норме. Еще раз осмотревшись через иллюминаторы, Ковалев принял решение о выходе из корабля, оставив на борту своего заместителя Веронику. Она должна была обеспечить прикрытие экипажа в случае опасности и держать связь. Сделанные снимки с высоты позволяли землянам неплохо ориентироваться на местности.

Ковалев осмотрелся. Он посадил корабль в километре от океана и в километре от впадающей в него реки шириной до двух километров в устье. Николай набрал полной грудью воздух — прелестно дышится, легко и свободно.

— Ну что, господа Вселенной, теперь ваши глазоньки поверили, что мы находимся за два миллиона световых лет от Земли на планете Новита? Или станете упорно твердить, что полеты между галактиками до сих пор невозможны?

Ковалев не стал дожидаться ответа и сразу же приказал:

— Каждый знает, что делать, за работу. Напоминаю еще раз — животный мир планеты неизвестен, друг друга из вида не терять, оружие держать наготове и голыми руками ничего не трогать: растения или животные могут быть ядовитыми. Вперед!

Работали по парам — геолог с геодезистом, два биолога вместе. За три коротких дня требовалось изучить многое. Ковалев связался с Землей:

«Земля! Я «Россия-1», прием».

«Я Земля, слышу вас хорошо».

«Посадка прошла успешно, мы на Новите, стоим на ее земле. Температура за бортом 25 градусов тепла, давление 760, атмосферный воздух практически земной, дышится легко и свободно. Ура, Россия, мы на Новите! Как поняли меня, Земля?»

«Поняли вас хорошо, поздравляем с успешной посадкой, желаем удачи в исследовании».

«Слава России! До связи завтра утром»!

Параметры вращения Новиты и их изменения во времени геодезист произвел еще с орбиты. Теперь он измерял гравитационное поле и вместе с геологом они определяли состав грунта на различных глубинах залегания. Биологи взяли пробы воды. Речная пригодна для питья и по составу напоминала Байкальскую. Она не походила на большинство российских рек, отличаясь прозрачностью и чистотой. Ее можно пить, не кипятив, как это делают на озере Байкал аборигены.

От соленого океана простирался на два километра в глубь материка песчаный пляж, за которым начиналась растительность. Все напоминало здесь родную Землю, но в тоже время было чужое, красивое, заманчивое и привлекательное. Вроде бы такой же лес, но если повнимательнее приглядеться, то совершенно непохожий. Деревья высотой до шестидесяти метров не росли так часто, как в земных джунглях и не переплетались лианами, давая возможность свету проникать к подстилке. Широкие листья внизу сужались кверху, что позволяло им лучше усваивать свет от планеты Калида, напоминающей Солнце. Огромные

лесные территории, которые однозначно нельзя назвать ни джунглями, ни субтропиками перемешивались с большими лугами с травой по пояс.

Шум ядерных двигателей, предназначенных для корректировке полетов и выхода на орбиту, давно стих, напуганные животные возвращались к своему привычному обитанию. На лугах появились пасущиеся оленеподобные существа. Некоторые напоминали коз, мустангов, антилоп, другие буйволов или коров. В лесу животные ходили частично на ленивцев, обезьян, муравьедов, водились грызуны и насекомые, птицы различных размеров и окраски.

Биологи заметили на опушке леса притаившегося зверя, следившего за существом, похожим на лань. Он неслышно пробирался в густой траве и метров за тридцать совершил рывок. Лань заметила его не сразу, пыталась бежать, но зверь, догоняя, ударил лапой по ногам, повалил на землю и мгновенно прокусил шейные позвонки. Он разорвал ее еще живую, обездвиженная укусом животное в последний раз увидело траву, лес и голубое небо. У биологов по спине пробежали мурашки, такого зверя вряд ли можно остановить одним выстрелом. Телом он напоминал льва, но без гривы и имел пятнистый камуфляжный раскрас, хорошо маскирующий в зеленой траве и лесу.

Биологи взяли образцы почвы и отошли ближе к кораблю, все еще видя перед собой образ несчастной лани. Почва оказалась достаточно плодородной, лучи местного светила Калида, а по земному солнечные, проникали к лесной подстилке, тормозя быстрое гниение, вызванное бактериями. Это позволяло гумусному слою накапливаться в достаточном количестве.

Вечером экипаж первой в мире межпланетной экспедиции отдыхал. Развели костер, пекли картошку и коптили на рожнах выловленную в реке рыбу, похожую на ленка. Не хватало только обыкновенной русской водки — спиртное с собой не взяли.

— Наши семьи сейчас беспокоятся и переживают, — заговорил биолог Яков Андреевич Астахов, — а я еще никогда в жизни так прекрасно не отдыхал.

— Верно, — поддержал его второй биолог Куравлев Валентин Иванович, — все работа, работа... Да и поехать особо некуда — везде молодежь с песнями и громкой музыкой.

— У каждого поколения свое. В нашей молодости личный транспорт редкость, мотоцикл просто так в магазине не купишь, не то что машину, но все равно ездили отдыхать на природу, — высказал свое мнение геолог Жарков Иван Иванович.

— Да, время быстро летит, — согласился геодезист Захаров Алексей Юрьевич, — в студенческие годы даже не мечтали о личной машине, но песни о цветущих яблонях на Марсе пели.

Все рассмеялись.

— Старшее поколение всегда с ностальгией вспоминает свою молодость, — произнес Ковалев, — вспоминает с удовольствием и без обид, что не было тогда многих современных благ. Жили в хрущевках, верили в будущее, мечтали. Мы с Вероникой родились на стыке времен. Советский Союз развалился, Россия еще не образовалась, трудное и непонятное время, но мы были совсем маленькими и еще ничего не соображали. Кто-нибудь из вас знает, когда родилась современная Россия?

Вопрос застал собеседников врасплох. Совершенно простой вопрос, но большинство россиян вряд ли на него ответит правильно. Ковалев выкатил из костра картошку, разломил ее пополам, отдавая половинку Веронике. Изумительная прелесть, а не еда, особенно со свежее закопченной рыбкой.

— Двенадцатое июня — день России, это все знают, — ответил Астахов.

— Верно, — согласился Ковалев, — двенадцатое июня 1990 года принято считать провозглашением суверенитета РСФСР, но она осталась в составе СССР. Советский Союз развалился в 1991 году. 21 сентября 1993 года, когда Ельцин указом номер 1400 ликвидировал существовавший до того дня конституционный строй. Фактически Россия началась с этого дня, но Конституция принята 12 декабря и вступила в силу 25 декабря 1993 года. Так что считать днем образования России, какую дату? Но оставим это историкам, — Ковалев резко сменил тему, взглянув вверх. — Звездное небо... оно такое же далекое и заманчивое. И на нем нет привычных нам звезд, нет Большой и Малой медведицы с Полярной звездой. Все родное, близкое и незнакомое совершенно. Где-то в другой галактике может быть также сидят сейчас у костра разумные существа и смотрят на небо. Еще пять лет назад я не думал о звездах, а сейчас мы сидим с вами на далекой планете, кушаем земную картошку, новитскую рыбу и замечательно отдыхаем. Правильно сказал Алексей Юрьевич — время летит быстро.

— Скажите, Николай Петрович, как вам удалось создать такой космический корабль? — задал вопрос Жарков, — мы действительно не верили вам до последнего дня. И даже когда улетали, то не надеялись вернуться обратно. Не Президент и не вы заставили нас полететь — наука всегда требовала жертв... Вы извините нас, Николай Петрович, неизвестный ученый и очень молодой... сложно было поверить.

— Потому и неизвестный, что секретный, — вмешалась в разговор Вероника, — знали бы вы тогда, сколько он добрых дел для страны сделал, сколько открытий у него — не сомневались бы. Вы вернетесь домой, ваши имена прозвучат на весь мир, а он так и останется в тени. Это тоже понимать надо, — в сердцах закончила Вероника.

— К славе я никогда не стремился, — ответил с улыбкой Николай, — но не знаю, что труднее — профессоров и академиков убедить или звездолет изобрести. Пока то и то получается.

Присутствующие засмеялись иронии Ковалева.

— Спать всем в звездолете и ночью не выходить, — приказал он, — мало ли какие динозавры здесь могут объявиться.

Николай с Вероникой ушли отдыхать в отдельную каюту. Остальной экипаж расположился в общей комнате с откидными кроватями. Наверное, засыпая, каждый думал о доме, о своей семье, о детях, о своей стране. Но для Вероники Николай был домом и семьей, единственно близким человеком, которого она любила, для которого и ради которого жила на этом свете. И ей было все равно, где находиться — на корабле, дома в коттедже, в палатке... лишь бы Николай был рядом.

Романов назначил проведение совещания Совета Безопасности на утро. Он сразу же обозначил тему внеочередной встречи. Впрочем, члены Совета сами догадывались, о чем пойдет речь.

— Мы собрались, чтобы обсудить важнейшее событие в истории государства Российского и наметить нашу дальнейшую внешнеполитическую деятельность. Все вы прекрасно знаете, что в данное время звездолет с российским экипажем на борту находится на далекой планете Новита. Этот величайший прорыв в науке повлечет за собой изменение соотношения сил в мировой политике. Большинство руководителей государств не может не понимать, что страна, обладающая возможностями межгалактических полетов, владеет новейшими технологиями, которые позволяют ей совершить прорыв не только в космосе, но и в вооружении. Не все присутствующие знают, но Россия действительно обладает оружием, равным которому еще долго и долго не будет у стран членов НАТО, а тем более у других государств. В стране экономический кризис, искусственно созданный благодаря разносторонним усилиям США и их сателлитов, не отвечающим требованиям международного права. Мы хотим мира и не желаем войны, хотя имеем возможность в настоящее время уничтожить армии НАТО, не понеся при этом существенных потерь в людях и вооружении. Как отреагировало мировое сообщество на главное событие последних дней в нашей стране?

Президент посмотрел на министра иностранных дел. Ларионов Сергей Дмитриевич возглавлял министерство уже порядка восьми лет и считался одним из наиболее опытных политиков мира.

— Мировое сообщество на прямой телерепортаж отреагировало взрывом эмоций и, естественно, по-разному. Событие обсуждается практически в каждом доме, но в целом значительная часть западной и американской прессы старается убедить свой народ в очередной российской лжи. Политики затаились и ждут возвращения звездолета, отмахиваясь от прессы короткими нейтральными фразами. Народ эмоционален, а руководители заняли позицию выжидания.

Романов посмотрел на директора службы внешней разведки.

— Есть что-нибудь существенное по вашему ведомству, Артем Викторович?

Буданов тоже руководил разведкой не один год...

— Понятное дело, Владимир Сергеевич, что политики выжидают и ждут от своих спецслужб конкретной информации. Если пресса большей частью чернит нас, то руководители государств хорошо понимают, что телерепортаж не утка, а их разведка проморгала многие открытия нашей науки. Сейчас ЦРУ, Моссад, МИ-6 и другие спецслужбы напрягают своих ученых с целью получения обоснования наших реальных возможностей. Например, на стол директора ЦРУ уже лег документ, в котором американские ученые выражают свое мнение по поводу нашего запуска звездолета. Вытяжка из него следующая — на дискообразном звездолете россиян использован двигатель нового поколения, работающий на антиматерии. Разработки подобного двигателя ведутся не один год в нескольких странах мира, имеются теоретические обоснования, но практического решения не найдено, кроме, видимо, России. Из телерепортажа хорошо видно, что звездолет использует реактивную тягу. Такой двигатель может придать кораблю скорость в

космическом пространстве приближенную к свету, но перейти этот рубеж он не в состоянии. Межгалактические полеты на таком звездолете абсолютно исключены, но за десять-двенадцать лет можно слетать к ближайшей звезде нашей галактики Альфе Центавра, а Марс посетить за два часа чистого времени туда и обратно. Русские сами утверждали, что расстояние до никому неизвестной планеты Новита составляет два миллиона световых лет, а двигатель с любой реактивной тягой не может превзойти скорость света. Поэтому, Владимир Сергеевич, считаю, что подобную информацию получают от спецслужб большинство руководителей государств членов НАТО. Но они будут понимать, что прорыв в российской науке существует реально и любыми путями постараются добыть секреты.

— Разрешите, Владимир Сергеевич? — попросил слова директор ФСБ.

— Да, пожалуйста, Геннадий Дмитриевич.

— Мои источники также утверждают, что подавляющее большинство наших ученых считают, примерно, также. У реактивной тяги действительно есть предел — это скорость света. А именно такой двигатель установлен на звездолете, пусть самый лучший и сильный в мире.

— Извините, Владимир Сергеевич, получается, что наш звездолет ни на какую Новиту не летал? — удивленно спросил министр иностранных дел.

— Сергей Дмитриевич, вы знаете кто такой Ковалев? — в свою очередь спросил Президент.

— Нет, — ответил Ларионов, удивленно пожимая плечами под улыбки директоров ФСБ, СВР и министра обороны Кудасова.

— Ковалев — гражданин России, молодой человек двадцати пяти лет, академик, лауреат Государственной премии, трижды Герой Труда, генерал-лейтенант, родной отец и создатель российского звездолета. Он же первый командир межпланетного космического корабля. Чтобы не очень смущать своих коллег по науке, он использовал двигатель с реактивной тягой лишь для поднятия корабля на орбиту. Дальше подключаются другие силы, способные доставить звездолет в любую точку любой галактики практически мгновенно. Ознакомлю вас с вечерним сообщением Ковалева: «Отдыхаем, развели костер, печем русскую картошку и коптим пойманную в местной речке Новиты рыбу, похожую на ленка. Смотрим на звездное небо над головой, оно такое же, но нет привычных и известных всем созвездий». Даже здесь могут возникнуть вопросы — каким образом мы получаем сообщения, которые должны идти до нас с Новиты два миллиона лет? Сообщения мы получаем путем телепортации радиоволн быстро и своевременно, но знать это всем не обязательно. На Новите такая же атмосфера, как на Земле, корабль доставит на нашу планету образцы и представителей животного мира. Но об этом позже, мы несколько отвлеклись. Что предлагаете вы, Сергей Валентинович?

Министр обороны встал, но Президент жестом предложил ему сесть.

— В связи с последними событиями, товарищ верховный главнокомандующий, предлагаю проведение мирной, но жесткой военной политики. Руководствуясь международным правом, не оглядываться на мнение мировой общественности в применении законной военной силы в связи с пресечением любых провокаций или развязывания локальных военных действий со стороны стран НАТО или других государств в отношении нашей страны или ее граждан. Бывает, что американские военные корабли заходят в наши территориальные воды, откровенно посмеиваясь, и через несколько десятков миль уходят в нейтральные воды. Теперь они должны знать, что как только пересекут границу — будут

немедленно уничтожены, если неотреагирую на требование сдать корабль. Корабль конфисковать, а экипаж судить за незаконное пересечение границы. В случае массированного нападения на Россию странами НАТО и ее лидером США система «Щит» разработанная академиком Ковалевым, позволяет перепрограммировать запущенные боеголовки еще над территорией врага, вернуть их на старт и уничтожить. Ракеты вернутся и взорвут собственную стартовую площадку или пусковую установку. С нашей же территории не взлетит ни одна ракета, а дальше поглядим, что будет.

Еще долго на совещании обсуждались различные вопросы и поправки к будущим действиям российских дипломатов.

— Остался последний и немаловажный вопрос, — озвучил Президент, — вопрос по Ковалеву. Мы запретили снимать экипаж перед взлетом. Но правильно ли будет не показать его прибытия? У меня пока нет однозначного мнения — стоит ли рассекречивать его личность?

— Владимир Сергеевич, — взял слово директор СВР, — мы же не станем говорить, что он создатель этого звездолета. Первый командир межгалактического экипажа и всего лишь. А как известно — генеральные конструкторы сами в космос не летают. Возможно, это наоборот отведет от него подозрения иностранной разведки в причастности к созданию звездолета. Присутствие его жены в экипаже обосновано — она судовой врач. Понятно, что тоже светило медицинской науки, но все как раз закономерно.

— Я согласен с коллегой, — поддержал его директор ФСБ, — это вызовет определенные сложности, характерные для всех знаменитостей. Но Н-ск закрытый город, Ковалева там и без этого знают, а в других местах он особо не бывает. Если и бывает, то сами знаете каким способом, известность ему в данных случаях не грозит журналистами и фанатами.

— Хорошо, на том и порешим, — согласился Романов.

Наступил день и час возвращения звездолета на родную землю. Американцы к этому времени готовились заранее и обнаружили звездолет на орбите. Они абсолютно точно поняли, что он вернулся из глубин космоса — взлет с земли не зарегистрирован. Ковалев тоже заметил их спутники на орбите Земли и усмехнулся — встречают. Он мог не задерживаться и проскользнуть незамеченным, но это не входило в его планы. Звездолет начал снижение и у самой Земли ушел под облака. Американцы злобно костерили проклятую облачность, не позволяющую вести наблюдение из космоса на Земле.

Все те же два российских телеканала встречали звездолет на стартовой площадке — обычным ровным местом без каких-либо приспособлений. Никого из иностранных журналистов к месту приземления не пустили. Все тот же комментатор вел репортаж:

«Внимание, говорит Россия! Сегодня мы ведем свой прямой репортаж с пусковой и посадочной площадки российских звездолетов. С минуты на минуту ожидается возвращение нашего межпланетного корабля с далекой планеты Новита. Первых в мире космонавтов, побывавших на далекой планете соседней галактики встречают Президент Российской Федерации, члены правительства. Чувствуется огромное волнение, оно словно висит в воздухе радостным напряжением. Действительно неординарное событие — из полета, о котором недавно еще могли только мечтать, возвращаются шесть российских космонавтов. Взоры присутствующих обращены на небо, которое сегодня покрыто густыми облаками. Но вот звездолет прорывает облачность, снижается и зависает на стометровой высоте, — заговорил громче, быстрее и радостнее комментатор. — Черный красавец висит в воздухе

неподвижно, языки пламени вырываются из его двигателей снизу, он начинает медленное снижение и плавно опускается на место, откуда поднялся. Гул двигателей затихает и наступает тишина. К космическому кораблю, находящемуся от нас на расстоянии километра, начинают движение спецавтомобили и микроавтобус, который доставит космонавтов к центру управления полетов. Открывается люк космического крейсера и в проеме появляется первый космонавт в мире, посетивший другую галактику, далекую галактику таинственной Андромеды. Он приветственно машет рукой. Невозможно передать радость присутствующих лиц в центре управления полетов, с ними вместе радуется и торжествует весь российский народ, вся великая и огромная страна. Весь экипаж спускается на землю, машет рукой нам, землянам, и садится в подъехавший микроавтобус.

У центра управления полетов постелена красная ковровая дорожка, Президент Российской Федерации Романов Владимир Сергеевич и члены правительства уже ожидают космонавтов. Это командир первого в мире межпланетного космического корабля Ковалев Николай Петрович, бортовой врач профессор Ковалева Вероника Андреевна, геолог профессор Жарков Иван Иванович, геодезист профессор Захаров Алексей Юрьевич, биологи профессора Астахов Яков Андреевич и Куравлев Валентин Иванович.

Микроавтобус подъезжает, останавливаясь у красной ковровой дорожки, экипаж выходит и ступает на нее. Все в гражданских элегантных костюмах, без привычных нам скафандров, словно вернулись не из дальнего и опасного полета, а из концертного зала. Кабина российского звездолета размерами с половину футбольного поля позволяет космонавтам не надевать скафандры в полете. Экипаж приближается к Президенту, командир докладывает:

— Товарищ верховный главнокомандующий, экипаж первого в мире космического звездолета задание выполнил. На планете Новита системы Калида галактики Андромеды проведены научные исследования, на Землю доставлены образцы почвы, речной и морской воды, отдельные представители животного мира. Путешествие прошло без происшествий, экипаж здоров. Докладывает командир корабля Ковалев.

— Здравствуйте, Николай Петрович, рады приветствовать вас на родной Земле.

Романов поздоровался за руку и обнял каждого из членов экипажа.

На следующий день состоялась пресс-конференция космонавтов с представителями российской и зарубежной журналистики. У всех космонавтов на груди уже алели золотые звезды Героев России.

— Добрый день уважаемые представители прессы, — начал Ковалев, — прежде, чем вы начнете задавать вопросы, позволю себе несколько вступительных слов. Планета Новита выбрана нами не случайно, российские ученые предполагали наличие жизни на ней, но подтверждения тому не было. Впечатления от полета незабываемые и непередаваемые земными словами, — несколько человек в зале рассмеялись, — предлагаю вам посмотреть небольшой фильм, снятый нами на далекой планете. По ходу просмотра я буду его комментировать. Пожалуйста видео, — попросил он.

На большом экране появилось изображение, снятое с высоты птичьего полета. Ковалев комментировал:

— Это то место, куда мы приземлились или приновитились, как вам будет угодно, господа, — в зале снова послышался смех, — прекрасно виден океан, впадающая в него речка, огромная территория леса с пятнами лугов. Это уже лес Новиты, деревья очень высокие и на мой взгляд не совсем похожие на земные. А это большой луг с высокой травой

и пасущимися на нем животными. Сейчас вы вряд ли заметили скрывающегося в высокой траве у опушки леса огромного зверя... Вот он прыгает, набирает скорость, ударом лапы сбивает животное с ног и перекусывает ему шейные позвонки. Травоядное животное напоминает нам лань, а зверь нечто среднее между львом и тигром в камуфляжном раскрасе. Кстати, мы доставили на землю этого зверя, он гораздо крупнее льва или тигра... А это мы уже вечером отдыхаем всей командой, печем картошку в золе костра и на углях, коптим рыбу, выловленную в местной речке. Над нами звездное небо, оно одновременно родное и незнакомое — нет привычных нашему взгляду созвездий, все другое. Но звезды также мерцают и манят своей красотой. Я долгое время не был в отпуске, господа, пришлось лететь на Новиту, чтобы отдохнуть и провести там прелестный вечер у костра.

В зале вновь послышался смех.

— Как командир экипажа, позволю себе вести пресс-конференцию и прежде всего представлю участников межпланетной экспедиции. Из всех галактических космонавтов вам знаком только один человек — это профессор Ковалева Вероника Андреевна. Как вы понимаете сами, на борт корабля она попала совсем не случайно. Геолог профессор Жарков Иван Иванович, геодезист профессор Захаров Алексей Юрьевич, биологи профессор Астахов Яков Андреевич и Куравлев Валентин Иванович. Теперь прошу вопросы, господа журналисты.

— Иванов, Российская газета, господин Ковалев, из представленного видео понятно, что жизнь на планете Новита существует. Но есть ли там разумная жизнь? Спасибо.

— На данном этапе однозначно на этот вопрос ответить сложно и скорее всего преждевременно. Однако, могу пояснить, что звездолет облетел на небольшой высоте планету вокруг и не встретил признаков разумной жизни, таких, как наличие городов или поселений, искусственно созданных сооружений.

— Сундарев, первый телеканал, Россия. Вопрос профессору Жаркову. Скажите, Иван Иванович, что представляет из себя Новита в геологическом плане? Спасибо.

— Планета схожа с земными размерами, но имеет только четыре крупных материка, вся остальная поверхность покрыта водой. О климате тоже пока говорить рано, но мы приземлились в месте, где вряд ли идет когда-либо снег. 25 градусов тепла днем и 23 ночью.

— Джон Смит, газета USA Today, господин Ковалев, дальше Луны еще никто не летал. Чем вы можете подтвердить свой полет к галактике Андромеды?

— Абсолютно верно, господин Смит, что американцы дальше Луны не летали, — в зале раздался смех, — и вряд ли полетят в ближайшем будущем. Я понимаю ваше желание зародить хоть каплю сомнения в объективности полета в сознании широкой общественности. На землю доставлены образцы и представители животного мира Новиты. Проведенные исследования российскими учеными совместно с американскими и европейскими несомненно подтвердят неземное происхождение животных, а также образцов грунта, воздуха и воды. Надеюсь, что вы все-таки грамотный человек, господин Смит, и знаете, что животные, показанные на видео, на Луне не водятся, как и на других планетах Солнечной системы. У вас широкое поле деятельности для гадания, господин Смит, откуда же россияне привезли этих зверей, если Новиты не существует или до нее нельзя долететь. Прошу вопросы по существу, господа.

— Патрик Грофт, телеканал Euronews. Вопрос профессору Астахову. Яков Андреевич, каков на ваш взгляд возраст Новиты? Спасибо.

— Результаты совместных исследований более точно ответят на этот вопрос. Пока могу

предположить, что Новита на несколько тысячелетий моложе Земли.

— Бобби Райс, телеканал CBS. Господин Ковалев, вы офицер? Если да, то в каком звании? Или вы тоже профессор, как и весь ваш экипаж? Спасибо.

— Я нахожусь на государственной службе и мое правительство сочло достаточными навыки вождения звездолета, а первый пилот всегда является командиром воздушного судна. Не стану скрывать, что офицер и имею при этом еще инженерное образование.

— Василий Говорков, телеканал НТВ, Россия. Вероника Андреевна, у вас с командиром экипажа одинаковые фамилии, случайно ли это? И второй вопрос — какими исследованиями вы занимались на Новите? Спасибо.

— Я никогда не летала на ракетах в космос и видела их только по телевизору. Ошибаюсь или нет, но представляю себе довольно тесную кабину, в отличие от звездолета. Первый межгалактический полет в неизвестность... Как отреагирует на полет экипаж, как встретит нас чужая планета? Было принято решение о включении в состав экипажа врача, который мог бы оказать квалифицированную медицинскую помощь в случае необходимости. Все мы люди, у каждого может заболеть зуб или случиться приступ аппендицита. Но, слава Богу, экипаж перенес полет прекрасно и вернулся здоровым. Моя программа полета не предусматривала какие-либо медицинские исследования, и я выполняла роль диспетчерской связи между членами экипажа на планете, следила в инфракрасных лучах, чтобы ни к одному человеку не приблизился на опасное расстояние зверь на подобие льва. Что же касается первого вопроса, если уж вам так интересно, то командир мой муж.

— Гарри Уэлс, газета New York Times. Господин Ковалев, сколько времени звездолет пробыл на планете Новита?

Хотят рассчитать время в пути, усмехнулся незаметно Николай.

— Вопрос считаю излишним, время взлета и посадки вам хорошо известно, господин Уэлс. На этом прошу пресс-конференцию завершить. Спасибо за вопросы.

В штаб-квартире ЦРУ директор выключил телевизор.

— Итак, подведем итоги, господа. Что мы имеем? Докладывайте, полковник.

Начальник Восточного отдела или, как говорили они между собой, русского говорил четко и уверенно. Его назначили руководителем после того, как предыдущий провалил операцию с Ковалевым.

— Достоверно известно, что звездолет у русских существует, его засекли наши спутники, когда он появился из глубин космоса на орбите Земли. Неизвестно где находился корабль в течение трех суток, однако, специалисты предполагают его среднюю скорость в 240 тысяч километров в секунду. Если говорить точнее, то от 200 до 300 тысяч. Судя по видеозаписи, звездолет находился на неизвестной планете в течение дня и ночи, имел сутки полета туда и сутки обратно. Исходя из расчетов скорости и времени, корабль мог покинуть пределы планетной зоны Солнечной системы и улететь дальше. На этом отрезке космоса планеты, пригодные для жизни, не обнаружены. Но они могут существовать и не быть выявленными из-за малых размеров, таких как Земля. Наши ученые специалисты пришли к двум противоречивым мнениям. Они достоверно утверждают, что на звездолете с реактивной тягой полет в другие галактики невозможен, он бы длился тысячи и миллионы лет. И именно такой тип двигателя стоит на российском звездолете, а не какой-либо иной. Те же ученые опять же с достоверностью утверждают, что продемонстрированное звездное небо, отснятое обычной видеокамерой русских, именно из галактики Андромеды. Два вывода одних и тех же ученых, исключаящих друг друга. Считаю, что видео русских

достоверно за исключением искусственного наложения картины звездного неба. Они были на неизвестной нам планете, образцы почвы и доставленные животные подтвердят это. Но не в галактике Андромеды, а гораздо ближе. Цель у русских проста — ввести нас в заблуждение. Если они обладают двигателем, способным прорывать пространство, то их ракеты станут способны достигать наших территорий мгновенно. А это означает одно — наша армия станет бессильной против русских. Они используют элемент запугивания, не более того. Исходя из выше изложенного считаю, что необходимо сконцентрироваться на Ковалеве и направить в Н-ск несколько разведгрупп. Не зря город сделали закрытым, именно оттуда идет все зло.

— Я уже начинаю сомневаться в правильности вашего назначения, полковник, на должность начальника русского отдела, — отпарировал директор ЦРУ, — но на карту поставлено существование США, как единственной мировой державы. Мы не можем ошибиться и оставим эмоции. Вы считаете, что Ковалев является генеральным конструктором и создателем звездолета?

— Именно так я считаю, господин директор. И не только. Русские усиленно перевооружают свою армию, не смотря на экономический кризис в стране. И здесь тоже играет не последнюю роль Ковалев. Именно в Н-ске находится самое секретное производство русских.

— Представим себе, что это так. Но к комбинату в Н-ске не подведена железнодорожная ветка, нет военного аэродрома и гражданским они не пользуются в необходимом объеме. Нет отдельной и мощной линии электропередач. Обычный гражданский завод или фабрика, которую пытаются выдать за сверхсекретный объект. А у этого объекта отсутствует необходимая инфраструктура. Звездолет взлетел из-под Екатеринбурга. Каким образом доставили звездолет туда из Н-ска? Генеральный конструктор не может не контролировать сборку корабля, если его, допустим, доставили по частям. А, судя по вашим справкам, Ковалев из Н-ска не выезжает. Где вы видели, полковник, чтобы звездолет пилотировал генеральный конструктор, кто его пустит на место пилота? Да его как зеницу ока станут беречь, не выставляя на всеобщее обозрение, фамилию сменяют, не то что по телевизору показывать. Что возразите на эти факты?

— Мне нечего вам ответить, господин директор.

— Вот именно, что нечего. Поэтому запрещаю вам разрабатывать Ковалева и приближаться к Н-ску. Это обыкновенная ловушка, где нас давно поджидают. Начните поиск с Екатеринбурга. Там тоже нет необходимой инфраструктуры, но звездолет там. Тяните ниточку оттуда.

* * *

После пресс-конференции Ковалевы направились к Романову. Он принимал их с восхищением.

— Слетать в галактику Андромеды, доставить инопланетных животных! Кто бы мог подумать об этом еще год назад?! Вы удивительные люди, господа Ковалевы! Это же надо — два гения в одной семье! Кстати, вы были абсолютно правы, Николай Петрович, ФСБ посадила, но не тех лиц, у которых осели деньги за квантограф. Настоящие лица известны, но к ним по закону не подобраться. Не они устанавливали расценки. А не пойманного за

руку взяточника осудить очень сложно. Но не будем портить настроение. Что планируете на ближайшее будущее?

— Планов громадье, Владимир Сергеевич. У нас сейчас есть три звездолета — две небольших и один большой транспортник. Хочу перегнать их все в Н-ск, там они будут под надежной охраной, а взлет в космос все-таки осуществлять под Екатеринбургом. Пролететь низко над тайгой в период облачности и взлетать именно там. Это введет в замешательство иностранные спецслужбы. Надо построить еще один большой транспортник, обучить пилотов вождению. Вероника займется разработкой большой приставки к квантовому компьютеру для целей телепортации. Допустим сто метровых размеров. Тогда стометровый куб можно телепортировать куда угодно. Нарыли золотишко на какой-нибудь планете кубов сто и телепортировали его в Россию. Но это будут самородки, которые необходимо переплавить. Я бы лично хотел заняться организацией поселения на Новите. Подобрать людей, технику, спроектировать город с инфраструктурой для постоянного места нахождения. Надо осваивать Новиту в полном объеме. Сделать ее одним из субъектов Российской Федерации. Такие мои планы, Владимир Сергеевич. Это стратегия, а в тактике мы разберемся с министрами и другими лицами. Одобряете?

— Одобряю, дорогой Николай Петрович, одобряю. Когда в Н-ск собираетесь?

— Вопросы все решены — прямо сейчас и исчезнем, — ответил Ковалев.

— Мне губернатор звонил, просил сообщить, когда встречать вас.

— Не люблю я эти торжественные мероприятия, Владимир Сергеевич...

— Народ просит, земляки ждут, у вас в городе сейчас целые манифестации, люди вышли на улицы, радуются. Не просто покорению галактики Андромеды, а своим землякам, которые это совершили. Вас же там знают все и хотят видеть. Поэтому прошу прибыть при полном параде — не с одной звездочкой на груди. Считайте, что это приказ, товарищи-господа Ковалевы.

Встреча в аэропорту, торжественное шествие в открытой машине по улицам города к центральной площади. Море цветов, радостные возгласы и крики ура, торжественная речь перед горожанами... Все осталось позади и Ковалевы вздохнули свободно лишь у себя дома. Однако, сразу же появились соседи. Но Степаныч с Катей стали уже своими людьми, с которыми можно общаться, как с родственниками или большими друзьями.

Николай с Вероникой с удовольствием наблюдали, как они смотрят привезенное видео. И даже в большем объеме, чем демонстрировали по телевизору.

— Вот так, Катенька, живешь рядом с соседями молчунами, дружишь, а они тебе преподносят сюрпризы, — с ласковым укором говорил Степаныч, — кто же мог предположить, что они на Андромеду полетят парочкой? Ничего себе пикничок устроили на Новите под звездным небом у костра. Наши соседи уже на отдых в другие галактики летают, а мы с тобой на речку выбраться не можем.

— Так какие проблемы, Степаныч? — улыбнулся Николай, — возьмем вас с собой в следующий раз. Днем станешь город новый строить на Новите, а вечером у костра сидеть. Или ты думаешь, что мы слетали и все? Нет, брат мой, там будет город-сад, другая жизнь, другие отношения людей. Не сразу, конечно, не сразу. У людей будет выбор — остаться на новом месте или вернуться на Землю. Ты же не захотел в тайгу переезжать, а под тайгой я Новиту имел ввиду, правда не мог тебе тогда более конкретно сказать. Так что — поедете первыми переселенцами в далекую галактику или здесь остаетесь? Это тебе, Степаныч, не целину поднимать, как ты выразился прошлый раз. Все с нуля придется строить, с нулевого

цикла и канализации. Строить с размахом, с широкими улицами, двурусными эстакадами, высотными домами и отдельными коттеджами, с гаражами для каждой семьи и парковками. С магазинами, культурными центрами и больницами, с заводами и фабриками, с крестьянско-фермерскими хозяйствами и так далее.

Ковалевы ждали ответа от вконец обалдевших соседей. Степаныч наконец пришел в себя.

— Где жить — время покажет, а начать строительство можно, — ответил он.

Прошел год... Ковалев рассматривал несколько проектов современного города, районных поселков и деревень. Он уже завернул до этого ряд несостоятельных экземпляров, но из последних трех выбор сделал. Сейчас рассматривал проект деревенского дома. Веранда, кухня, гостиная и несколько спален — вполне приличный компактный дом с приусадебным участком и дворовыми постройками: баня, гараж, мастерская и складское помещение.

Рабочих, крестьян и инженерный состав подбирали для работы в тайге по контракту на пять лет. Никто не знал заранее, что окажется на Новите, но всех предупреждали об отсутствии связи, кроме почтовой, и возможности возвращения раньше времени, указанного в договоре. Через пять лет человек становился вольной птицей — мог вернуться назад или остаться на Новите. Подбирали семейные молодые пары без детей, как правило, одиноких мужчин и женщин. Желающих оказалось намного больше потребности. Их вносили в резерв, по плану количество переселенцев увеличивалось с каждым месяцем.

Ковалев еще раз просмотрел погодные условия на Новите. Улетая с нее, он оставил датчики, самописцы и видеонаблюдение. Теперь он знал погоду в течение года, но в тоже время понимал, что годового наблюдения не совсем достаточно. Период с мая по сентябрь включительно считался дождливым, температура днем в среднем составляла 25 градусов тепла с понижением на ночь на два градуса. По месяцу переходного периода и с ноября по март более сухая погода с температурой до 30–32 градусов днем.

Наступил день отъезда. Первых пятьсот строителей нового города в далекой сибирской тайге провожали всем областным центром. Волнующая и торжественная обстановка, радость и слезы одновременно, последние поцелуи и рукопожатия. Пятнадцать автобусов друг за другом тронулись в путь. Люди собирались по-спартански — теплую одежду не брали, объявили, что выдадут там, только личные предметы гигиены, нательное белье, несколько рубашек и брюк или блузок и юбок. Но все равно у каждого чемодан получался набитым доверху. Каждый знал, что к месту можно долететь только на вертолете. Но когда люди увидели громадный транспортный звездолет, они пришли в замешательство. Ковалев объявил сразу:

— Да, мы не могли вам сказать сразу, что город вы будете строить на другой планете. Кто согласен лететь — окажется там через несколько минут. Кто против — может остаться и дать подписку о неразглашении государственной тайны. Контракт остается в силе, и вы вернетесь на землю через пять лет. Полет абсолютно безопасен, но я не стану вас уговаривать. Решайте сами. Кто летит — прощу в звездолет с вещами, кто остается: тот остается.

— А вы с нами летите? — спросил один из молодых рабочих.

— Да, — ответил Ковалев, — я поведу этот звездолет к далекой планете Новита.

— Тогда и думать нечего, пошли мужики, — крикнул все тот же парень.

Люди начали заходить в звездолет с удивлением разглядывая его. Пятьсот кресел уже

ждали своих пассажиров. На Земле не остался никто. Люк звездолета закрылся.

— Уважаемые пассажиры, — обратился к ним Ковалев, — командир корабля приветствует вас — первых путешественников по просторам Вселенной. Наш звездолет совершает рейс Земля-Новита. Расстояние до пункта назначения два миллиона световых лет, время в пути две минуты. Это транспортный корабль и здесь нет иллюминаторов, но все происходящее снаружи вы можете наблюдать на экране монитора, он перед вами. Скафандры также не нужны, перегрузок во время полета нет. Сейчас вы видите как уезжают автобусы. Нам пора, поехали.

Автобусы вдалеке резко ушли вниз, мгновенно мелькнули облака, экран потемнел и на нем появился голубой шар с белыми пятнами.

— Это наша Земля, — прокомментировал Ковалев.

Но она быстро исчезла и только созвездия и отдельные более яркие звезды мелькали яркими точками на экране.

— Это уже Новита, — комментировал Ковалев.

На экране появился новый голубой шар с белыми пятнами, на горизонте иногда появлялись разноцветные всполохи, как от северного сияния. Корабль приземлился вертикально, Ковалев выключил двигатели.

— Прибыли, — пояснил он, — прошу вас, господа новитяне, на выход, чемоданы можно пока оставить на корабле.

Люк открылся, и Ковалев с Вероникой вышли из звездолета. За ними проследовали Степаныч с Катей и все остальные. Люди, явно шокированные временем полета, морем, рекой высоким лесом неподалеку, озирались по сторонам, собираясь в кучку. Все сразу же заметили еще один звездолет, стоящий рядом. Ковалев несколько раз хлопнул в ладошки, обращая на себя внимание.

— Поздравляю с прибытием на планету Новита. Все речи позже, сейчас представляю вам руководителя, к которому следует обращаться по всем вопросам, если их не решит ваш бригадир или мастер. Степанов Аркадий Евгеньевич, вы практически все его знаете, как своих мастеров и бригадиров. Ваша задача на сегодня — поставить временные заведения с буквами эМ и Жо, — с улыбкой произнес Ковалев, — начать и по возможности собрать побольше щитовых домиков, в которых вам придется проживать первое время. Необходимый инвентарь и оборудование находятся на соседнем звездолете. В лес прошу никого не отлучаться без сопровождения вооруженной охраны — звери здесь большие и злые. За работу, новитяне, ура-а, — крикнул Ковалев.

— Ура-а-а, — послышался громкий, но не стройный ответ.

— Вот и завязалась наша новая жизнь, Вероника, — тихо произнес Николай.

Началась дружная разгрузка транспортного звездолета. Своим ходом выезжали из него экскаваторы, бульдозеры, грузовые автомобили, краны. Щиты выгружали частично прямо на грузовики, но в основном на землю, выносили ящики с оборудованием и инвентарем, посудой и многими другими вещами. Наконец многотонный двухсотметровый в диаметре звездолет опустел. Экскаватор вырыл яму, над которой установили десяток туалетных кабинок. Началась сборка щитовых домиков. Прежде всего под холодильные установки, компактную атомную электростанцию, столовую и административный домик. Собирались они довольно быстро. Уже готовые стены с решетками на окнах от местных зверей крепились болтами и гайками между собой полом и потолком, ставилась крыша. На сборку такого домика уходило не более двух часов, но работало всего четыре автомобильных крана

и приходилось ждать очереди. Женщины уносили продукты в морозильные и холодильные камеры, подключенные к электропитанию. За оставшийся день собрали только несколько жилых домиков.

Поварихи приготовили ужин, кушали уставшие, но радостные и довольные. Жгли костер, разглядывали незнакомое небо над головой, пели песни под гитару, переделав старые, но незабытые слова Долматовского:

Жить и верить — это замечательно,
Перед нами небывалые пути,
Утверждают космонавты и мечтатели -
На Новите будут яблони цвести.

Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю вселенную проехать и пройти,
Звёзды встретятся с Землей расцветающей,
На Новите будут яблони цвести.

Я со звёздами сдружился дальними,
Не волнуйся обо мне и не грусти,
Покидая нашу Землю, обещали мы -
На Новите будут яблони цвести.

Покидая нашу Землю, обещали мы -
На Новите будут яблони цвести.

Спать ушли в звездолет. Не совсем удобно, но безопасно от зверей. На следующий день закончили сборку всех щитовых домиков, вырос целый маленький городок. Встречали и разгружали транспортный звездолет, который доставил строительную технику, пару атомных вертолетов, несколько лодок и рыболовные снасти. Теперь можно было ловить рыбу.

Начались обыкновенные будни. Геодезисты размечали на местности точки строительства. Геологи обследовали на вертолетах местность с целью обнаружения полезных ископаемых и компонентов строительных материалов. Вскоре они обнаружили залежи известняка и глины. Как раз то, что необходимо для производства цемента и кирпича.

Строительство началось не с возведения жилых и административных зданий, а с асфальта-бетонного завода, где обжигались известняк и глина, измельчались с добавлением гипса и получался цемент. Скорее всего это были четыре отдельных завода по производству асфальта, цемента, бетона и кирпича, соединенных в единый конгломерат. Строились очистные сооружения, системы водоснабжения и водоотведения. Будущий город не нуждался в системе отопления и теплых домах, что облегчало и удешевляло его строительство.

Но пока переселенцы все получали с Земли — продукты, строительные материалы, технику, оборудование. Два транспортных звездолета курсировали между планетами

постоянно. Основное время уходило на погрузку и разгрузку, а время в пути составляло не более двух минут. Пилоты иногда посмеивались, что пару минут работают и несколько часов отдыхают.

Жизнь на Новите пошла своим планомерным чередом. Люди не стали придумывать свои названия животным на планете. На кого они больше походили — так их и называли. Появились леопарды, волки, антилопы, буйволы, носороги, кабаны... Светило Калида все просто называли Солнцем, почву землей, но планета прочно вошла в сознание Новитой, и переселенцы именовали себя новитянами.

Николай с Вероникой решили исследовать ближайшие планеты Калидной системы. Они отправились в путь на малом звездолете. Зависнув на орбите первой от Новиты планеты, они легко определили ее размер, который превосходил четырехкратно место вылета. Звездолет снизился до десяти километров над поверхностью. Атмосфера над планетой отсутствовала и хорошо просматривалась горная поверхность. Решили приземлиться в одной из долин, но, опустившись ближе, заметили большие и мелкие валуны, раскиданные в стороны от глубокого кратера. Видимо, огромный метеорит упал на планету и раскололся на разной величины осколки. Найдя место для посадки, корабль приземлился, выключив двигатели. Мощный прожектор ощупывал окружающее пространство, постоянно натываясь на предметы с зеркальными свойствами. Они отражали световые лучи не в одну сторону, а словно рассеивали их ярким веером вокруг себя, позволяя увидеть большую площадь. Предметы рядом также светились, парируя отраженный свет дальше. От одного прожекторного луча вся долина начинала мерцать бликами, затухающими на большом расстоянии вдалеке. Картина завораживала глаза, такой игры света Ковалевы не наблюдали нигде и никогда. Местность сверкала малыми и большими камнями словно в огромном калейдоскопе лучей.

Они надели скафандры и прошли в компрессионную камеру, заdraив внутренний люк и откачав воздух, открыли внешнюю дверь. Луч прожектора, бивший сверху и сзади, слепил отражением глаза. Прикрываясь рукой, Николай поднял ближний светящийся предмет и ахнул от удивления. Это был настоящий большой алмаз.

— Вероника, мы в долине алмазов! — воскликнул он восхищенно.

— Я вижу, — ответила она, — это великолепное чудо!

— Берем круглые экземпляры больше футбольного мяча...

Передвигаться в скафандре было не совсем удобно и тяжело. Сила тяжести на планете многократно превосходила земную. Словно водолазы они двигались медленно, подбирая и унося алмазные куски рассыпавшегося метеорита. Все тело словно налилось свинцом и каждый шаг давался с трудом. Физически сильные, Ковалевы осматривали каждый экземпляр в лучах прожектора, выбирая глыбы без трещин овальной формы. Только через час они закрыли внешний люк и начали запускать воздух в камеру. Когда давление выровнялось, вошли в кабину звездолета.

Тело гудело от усталости и напряжения, Николай и Вероника присели отдохнуть прямо в скафандрах и лишь через несколько минут сняли их. Утомленные, но радостные они взирали на пятнадцать алмазов размерами до полуметра в диаметре, лежащие у люка компрессионной камеры. Отдохнув, бросились осматривать их.

Где, на каком участке Вселенной зародился этот метеорит, видимо, попав в раскаленное газовое облако и вырвавшийся из него алмазным? Может быть была другая причина и алмазы родились другим способом. Точного ответа никто не знал.

— Пойдем собирать еще? — спросила Вероника, держа в руках огромный алмаз, — они уникальны, — продолжала она, — абсолютная чистота, ни каких вкраплений и трещин. Это бешенные деньги...

— Алмазы действительно уникальны и их здесь много. Но собирать не пойдем, я отметил координаты — вернемся сюда с роботом, пусть железный дяденька поработает. Осмотрим планету дальше, она не просто большая размерами, у ней здоровенная масса. Почвы практически нет, сплошная горная порода. Если на планете когда-то был кислород, то должны быть рубины. Помнишь их формулу?

— Конечно, — ответила Вероника, — она очень проста — два атома алюминия и три атома кислорода. Это корунды, рубин и есть корунд, а его красный цвет определяет хром. Если есть примесь железа, то он получается коричневым оттенком и стоит немного дешевле. Но на Земле в природе большие идеальные камни редкость.

Звездолет набрал высоту птичьего полета и с такой же скоростью двинулся в путь, освещая прожектором поверхность внизу и впереди себя.

— Смотри, Вероника, — произнес Николай, — это кратер давно потухшего вулкана, надо здесь осмотреться получше.

Звездолет завис на высоте, луч прожектора ощупывал окружающую местность.

— Смотри, Коля, есть хорошая площадка для посадки между кратером и горной вершиной. Если есть здесь рубины, то вероятнее всего там.

Корабль совершил посадку и луч прожектора медленно и тщательно обшаривал каждый квадратный метр поверхности, не находя никаких красноватых оттенков. В дальнем углу площадки у подножия скалы мелькнуло нечто похожее, луч замер.

— Наверное, показалось, — произнес Николай.

Он поводил лучом еще — красноватый оттенок то появлялся, то исчезал.

— Надо проверить, но ты останешься на борту и не спорь со мной. До места далеко, я и то с трудом доберусь.

Он шел медленно и тяжело ступая, сказывалась усталость первого выхода. На каких-то сто метров пути ушло десять минут. Николай наклонился, смахивая осыпавшиеся со скалы мелкие камни, в лучах прожектора поверхность заалела кровавым оттенком. Он вынул из грунта один камень, второй, третий...

Возвращался Николай долго, под конец ноги уже не слушались его, хотелось прилечь и уснуть, но он понимал, что если ляжет, то сил подняться уже не будет. Вероника волновалась и умоляла его бросить камни, идти станет легче. Но Николай отдыхал минуту и снова делал шаги. В шлюзовой камере, закрыв внешний люк, он осел на пол, не в силах стоять. Пять камней, которые он нес, выпали из рук, раскатившись по небольшому пространству шлюза. Давление выровнялось, и Вероника рванулась в шлюз. Она вынесла его на руках, сняла скафандр и стала отпаивать сладким чаем. Николай улыбался, силы постепенно восстанавливались.

— Была на этой планете жизнь или нет — не знаю. Но кислород точно когда-то был. Принеси рубины, хочу посмотреть на них, — попросил он.

Вероника положила рядом пять камней. Николай брал их в руки, прикидывая на вес, смотрел сквозь камни на свет.

— Разные все... от трех до пяти килограмм будут, но чистые и красные, без изъянов. Где-то читал, что самый большой рубин был у императрицы Екатерины второй, весил он 256 карат, это 51,2 грамма. А здесь килограммы абсолютной чистоты. Такого на земле не

встретишь. Наверняка на планете есть хром, железо и ванадий, а значит есть изумруды. Чистый изумруд в пять карат и более стоит намного дороже бриллианта. Впрочем, эти рубины тоже будут цениться дороже бриллиантов равных по весу.

Он выпил стакан сладкого чая, отдохнул. Пора возвращаться. Николай сел за пульт управления звездолетом, произнес:

— Обязательно вернемся сюда, но с роботом, слишком тяжело достались нам алмазы и рубины, но я доволен. Робот соберет их без труда. Пока о камнях говорить никому не станем, ни к чему лишняя информация. Огранку сделаем сами и будем постепенно снабжать страну камешками.

Ковалевы вернулись на Новиту. Николай сразу же ушел в свой щитовой домик отдыхать. Заблокировав люк звездолета от непрошенных гостей на всякий случай, чуть позже к нему присоединилась Вероника. Утром следующего дня они улетели на Землю.

Вероника проснулась раньше Николая. Как хорошо спать в своей постели, а не где-то там на другой планете. Лучшего места для отдыха не найти. Она почувствовала, что муж тоже проснулся, но не открывает глаза. Прилегла к нему на грудь, слыша, как ровно бьется его сердце. Почувствовала, что ритм его начинает учащаться, улыбнулась, опуская вниз руку.

Через некоторое время оба довольные лежали на своих подушках. Выспались, но встать не хотелось.

— Я вчера посмотрела на наши сосенки во дворе и так мне стало радостно, спокойно и воодушевленно на душе, что никакими словами не передать, — заговорила Вероника. — Разве можно это сравнить с заморским океаном, высокими деревьями с широкими листьями... Наш сосновый лес родной, наши березки... Совсем другие ощущения, когда идешь по лесу Новиты — все красиво и прекрасно, но не дорого сердцу. Это все равно, что сравнивать дом с музеем, где действительно интересно.

Николай улыбнулся, обнял жену.

— Ты права, Вероника, нет ничего на свете милее Родины. Мы здесь родились, это наша земля. Но осваивать Вселенную надо и это тоже факт. Я хотел построить там город с деревнями и поселками, создать самодостаточный регион, как субъект Федерации. Возможно позже он бы превратился в маленькую сказочную страну, где нет олигархов, широкозадых и узколобых депутатов, всего этого бомонда, который никак не может нажраться. Уже из задницы, из ушей и ноздрей, изо рта и отовсюду торчат доллары, заводы и фабрики, а они все жрут и жрут. Где демократию не превращают во вседозволенность, где каждый несет ответственность за свои действия и слова, особенно журналисты, вечно орущие о свободе слова. Где издаются законы и прописывается конкретная ответственность за их неисполнение, а у нас многие законы превращаются в правильные тезисы без исполнителей, сил и средств для исполнения. Закон — это конкретика действий и правил, а не тезисы юриспруденции. Демократия — это мнение и воля большинства. Но большинство не всегда право и это факт. Нужны профессионалы, но и они могут ошибаться. Человечество ничего еще не изобрело лучше демократии. Со временем оно или усовершенствует ее или создаст нечто новое. Но для этого необходимо время, возможно века. Много придется переосмыслить и нам с тобой, Вероника. Будем строить на Новите субъект Федерации, но только субъект, а не отдельную страну. Субъект, который в случае глобальных катаклизмов сможет принять жителей Земли на постоянное или временной проживание.

Ковалевы разговаривали, делились мнением о судьбе страны и планеты в целом. А в это время в акватории Тихого океана тоже происходили важные события. Американцы, как единственные международные лидеры, решили провести «разведку боем» и посмотреть на реакцию России. Их мало волновало общественное международное мнение или российские ноты протеста. Их интересовала конкретика — какие ответные действия предпримет Россия на временный вход американского военного корабля в территориальные воды русских? Болтовню слов они опускали сразу. Также пересекут водную границу? Но мы их потопим и поднимем большой скандал. Это будет конкретной демонстрацией силы в ответ на звездолеты русских, Европа и весь мир должны знать, что лидер один и это США. Ничего не предпримут кроме болтовни — еще лучше, все в мире сразу поймут, что Россия ничего не стоит, как мировая держава. Положение США стало неустойчивым, они это хорошо

понимали, настало время проявить себя без развязывания ядерной войны и упрочить свой статус, одновременно закрутив гайки еще туже — сами напросились своими колебаниями. Именно так рассуждали американские политики и военные.

Ракетный крейсер США шел средним ходом в нейтральных водах Тихого океана вдоль российской границы. Старший помощник капитана доложил:

— В радиусе ста миль нет кораблей русских, способных оказать нам достойное сопротивление, воздух также чист. Параллельным курсом следует за нами малый пограничный российский катер. Катер имеет вооружение — ракетно-артиллерийский комплекс «Вихрь-К» с четырьмя ракетами дальностью поражения до 10 километров, 30-мм артиллерийскую установку и 14,5-мм пулемётную установку. Эта букашка не сможет нанести нам серьезных повреждений.

Капитан крейсера посмотрел на патрульный катер в бинокль, усмехнулся. Что может сделать скоростной патрульный катер с крейсером? Это все равно, что на надувном матраце нападать с голыми кулаками на большую яхту. Он повернул голову, отдавая приказ:

— Следить за акваторией океана и воздушным пространством. При появлении самолетов, кораблей или подводных лодок противника докладывать незамедлительно. Курс на пересечение границы на одну милю, дальше следуем параллельно ей.

Крейсер повернул прямо на патрульный катер и все так же следовал средним ходом, пересекая границу Российской Федерации.

— Боевая тревога, по местам стоять, руль вправо, — скомандовал командир пограничного катера.

Он ушел от прямого столкновения, сделал разворот и догнал крейсер, подавая сигналы застопорить ход и остановиться. Крейсер шел параллельным курсом к границе, находясь в территориальных водах России, не реагируя на сигналы. Командир пограничного катера взял громкоговоритель и произнес на английском языке:

— Вы находитесь в территориальных водах Российской Федерации, приказываю застопорить ход и остановиться. В случае невыполнения приказа открываю огонь на поражение. Приказываю застопорить ход и остановиться.

Несколько матросов и офицеров на крейсере у бортовых лееров откровенно хохотали, указывая рукой на маленький русский катер, показывали неприличные жесты и вновь смеялись.

— Артиллерийская установка к бою, — скомандовал командир катера, — предупредительными очередями по ходу крейсера огонь.

Три очереди подряд разорвали тишину, снаряды кучно легли впереди по ходу крейсера. Командир вновь взял громкоговоритель:

— Вы находитесь в территориальных водах России, приказываю застопорить ход и остановиться, на размышление даю десять секунд и открываю огонь на поражение. Американцы, одумайтесь, — кричал в громкоговоритель русский капитан, — вы вторглись на территорию суверенного государства. Застопорите ход, остановитесь и сдайтесь. Одумайтесь, пожалейте ваших жен, матерей, отцов и близких. Десять секунд на размышление, время пошло.

Ответных действий не последовало. Американские матросы и офицеры продолжали показывать неприличные жесты, крейсер шел прежним курсом, не сбавляя среднего хода. Они щелкали фотоаппаратами и снимали маленький катер на видео, откровенно насмехаясь над русскими. Русские тоже все снимали изначально на видео, чтобы потом было что

предъявить мировой общественности. Старпом докладывал командиру крейсера, что русские не реагируют на вторжение. С аэродромов не взлетел ни один самолет, боевые корабли не взяли курс на крейсер. Командир доложил обстановку командующему американским флотом и получил приказ подразнить русских еще минут пять, затем уйти в нейтральные воды. Для американцев все стало понятно — военная мощь России: обыкновенный блеф.

Русскому капитану было совсем не до смеха в отличие от американцев. Он прекрасно понимал, что даже ракетами такого мелкого калибра вряд ли сможет потопить громадный крейсер, но нанесет ему существенный урон. В ответ крейсер задействует всю свою огневую мощь, что может привести к большому военному конфликту или даже к войне. Топить крейсер необходимо быстро и решительно, нельзя дать ему уйти безнаказанно. Он знал, что его маленький катер непотопляем, но верил ли он в то, что можно пройти сквозь бронированный крейсер? Кто знает, что творилось сейчас в душе русского капитана? Но он нес службу по охране государственной границы Российской Федерации и выполнял приказ. С побледневшим лицом он отдал приказ:

— По местам стоять, на палубу не выходить. Курс на крейсер — полный вперед.

Маленький катер, взревев двигателями, понесся в середину борта огромного бронированного крейсера. Изумленные американцы враз смолкли, поняв, что катер идет на таран. Утлое крохотное суденышко в сравнении с крейсером несло на полной скорости к его борту. Крейсер даже не вздрогнет толком от этого удара, разваливая в щепы патрульный катер. Ошеломленные американцы поразились мужеству русских, которые предпочли погибнуть, но не сдаться. Капитан крейсера приказал начать маневр, чтобы уйти от столкновения, но было уже слишком поздно. Катер прошел сквозь крейсер словно через туман и застопорил ход. Огромная пробоина накренила его, он сложился враз палубами, задрав нос и корму кверху. Через минуту и дальше по времени только огромные пузыри появлялись на поверхности океана среди обломков — то лопались переборки корабля от давления на глубине. За борт выпрыгнуть и спастись никто не успел, крейсер всех утянул на дно, до которого на этом участке было без малого пять километров.

Командующий флотом США, наблюдавший за происходящими событиями через спутник, ничего не понимал. Крейсер вдруг сложился, словно его разрезали по середине, и затонул. Вот почему не поднялся ни один русский самолет с аэродрома и в поход не отправился ни один корабль... Значит, верно говорили, что Россия обладает чудо оружием, если «надувной матрац» может потопить большое военное судно.

Американского посла в России немедленно вызвали в Кремль. Министр иностранных дел Ларионов передал ему ноту протеста Российского правительства в связи с нарушением границы и незаконным нахождением американского крейсера на ее территории, а также соболезнования семьям погибших военных моряков. По российскому телевидению в новостях сразу же передали о незаконном вторжении ракетного крейсера США в территориальные воды России, о невыполнении законных требований русского пограничного катера, который вынужденно применил оружие на поражение. Видео наглядно показало правильность и законность действий экипажа пограничного катера, однако вид примененного оружия не демонстрировался. Крейсер словно лопнул, сложился и затонул.

Европа и весь мир поняли, что с русскими шутки плохи. Американцы, пытавшиеся доказать свое военное превосходство, получили заслуженную оплеуху. Теперь даже в племени Тумба-Юмба не считали армию США боеспособной против России.

Ковалевы выключили телевизор. Вероника произнесла:

— Несколько недель не были на Земле, а тут такое творится...

— Что заслужили, то и получили, — ответил Николай, — только простых матросов жалко. Погибнуть за амбиции своих военных начальников и политиков... действительно жаль. Американцы получили по носу, но не успокоятся. Не в военном отношении, а в экономике они все равно пока первые и станут строить нам козни в этом плане. Мы можем дать золото и драгоценные камни стране, но, честно сказать, руки не поднимаются и душа не лежит. Дадим деньги государству, оно внесет инвестиции в бизнес, даст займы, экономика станет подниматься, но большая часть денег все равно осядет в карманах олигархов. Даже в оборонке государство у нас владеет только большей частью, а не всем бизнесом. Государство живет за счет налогов, а олигархов, уклоняющихся от налогов полностью или частично, я бы однозначно расстреливал, бизнес и личное имущество конфисковал, порядка стало бы намного больше. Но депутаты такой закон никогда не примут, никто не станет резать собственные яйца, которые они насиживают в креслах. Извини, Вероника, злости на настоящих главных воров и мошенников не хватает.

— Коля, но ведь ты тоже олигарх...

— Да, я олигарх, но я налоги плачу до копейки, деньги в зарубежных банках не храню. Весь комбинат был на мои личные сбережения построен, я вкладывал миллионы долларов в государство без всяких займов и долгов...

— Я не это имела ввиду, Коля, ты не понял. Идеология нужна, чтобы олигархи не воровали и это не за один день делается.

— Ладно, Ника, — он поцеловал жену в щечку, — оставим разговоры, у нас с тобой работы много.

Компьютер сканировал, прокручивал и оценивал каждый камень, определяя его будущую форму, количество граней. Резцы из веронита обрабатывали алмаз, словно пластилин, шлифовали и выдавали на-гора готовый бриллиант. На подобную обработку обычным инструментом ушли бы месяцы. Компьютер и веронитовые резцы все сделали за день. На комбинате вплотную занялись производством мини грузовичка с манипуляторами и видеокамерами. Такой робот мог выезжать из звездолета, собирать камни и грузить их в собственный кузов, доставляя в шлюзовой отсек корабля. Ковалев приказал изготовить два робота — большой и маленький для разных звездолетов. Их должны были сделать через неделю. Через неделю Ковалевы планировали вновь вернуться на Новиту, а пока решали дела здесь, на Земле.

Николай понимал, что необходимо доложить Президенту о начале и ходе строительства на Новите. Он давно обещал подкинуть немного золотишка государству. Лететь было с чем, он мог отдать все доставленные на Землю и обработанные камни, но не хотелось делать вложения в «прорву».

Экономический кризис в России затянулся, доллар вырос выше 80 рублей, американцы выкинули на международный рынок собственную нефть, сняли санкции с Ирана, который тоже экспортировал нефть. Цена ее стала резко падать от переизбытка, предложение превышало спрос. Российские компании, не закупающие товары за рубежом, существовали более или менее нормально, но тому, кто производил закуп, приходилось очень нелегко. Многим было наплевать на страну и они уводили капитал за рубеж. Николай считал, что таких лиц необходимо расстреливать, но это было его личное мнение, которое при нем и оставалось.

Ковалев много думал и рассуждал про себя над экономическими проблемами. Он видел решение вопроса в ряде последовательных действий. Но как их осуществить, заставить олигархов и многих других лиц вернуть деньги из зарубежных в российские банки, заставить не воровать, а платить налоги, зарплату? Да, они потеряют при этом часть прибыли, но прибыль то все равно будет. Можно применить силовые методы, но это вызовет еще большую нестабильность в конечном итоге. Воздействовать на сознание, но такой результат достигается через поколение. Воздействовать на сознание... придется это делать искусственно. Времени только на все не хватает, не разорвешься, необходимо отбросить второстепенное и сконцентрироваться на главном.

Сколько могут стоить его камни? Сотни миллиардов долларов, но для бюджета огромной страны это мизер. Мизер не мизер, а с каждого по мизеру получится не так уж и плохо...

Романов разглядывал доставленные бриллианты и рубины, поражаясь их величине и чистоте. Таких огромных драгоценных камней еще не видел никто на планете Земля. Ковалев пояснил Президенту:

— Это первая небольшая партия. В следующий раз привезу побольше. Мы с Вероникой обследовали соседнюю с Новитой планету, где и обнаружили драгоценности. Планета слишком массивна и обладает высокой гравитацией, нет атмосферы и ходить по ней очень тяжело. В следующий раз для сбора камней применим механические роботы. Я бы хотел прочитать несколько лекций нашим ведущим бизнесменам по экономике и действиям в кризисной ситуации. В организации лекций прошу помочь вас и правительство. Пора стране действовать эффективнее в экономическом плане, считаю, что лекции помогут выйти из кризиса достаточно быстро.

Московская бизнес элита прослушала 15-минутные лекции без особого удовольствия, негатива или радости. Тезисная информация, не несущая в себе ничего нового, была рассчитана совсем на другое. Некоторые назвали бы ее эффектом 25-ого кадра, но это не совсем так. Лекцию транслировали по всем центральным телеканалам. Ситуация в экономике стала резко меняться, но на Западе и в Америке к этому отнеслись спокойно, приняв, как должное. Деньги из зарубежных банков стали возвращаться в Россию, многие СМИ, говорившие и писавшие негативно о кризисе, сменили тон.

Ковалев хорошо понимал, что шла настоящая информационная война и травля государства Российского. Более половины заголовков носили следующий характер: «Доллар дорожает», «Нефть по цене воды», «Кризис продолжает усугубляться»... что могло вызывать сомнения в улучшении жизни и недоверие к действиям правительства. Некоторые центральные российские СМИ вовсе принадлежали иностранцам и вели соответствующую информационную обработку читателей. После лекции Ковалева аранжировка сменила цвет — деньги возвращались в Россию, прекратился уход от налогов, выплачивалась зарплата, СМИ освещали достижения выхода из кризиса, укрепилась вера народа в будущее. Разработанный в Америке план на полный развал российской экономики лопнул.

* * *

Ковалевы улетели на Новиту. Степаныч, именуемый теперь рабочими только Аркадием Евгеньевичем, встречал их с Катей довольным и радостным. Он руководил строительством

поселения плодотворно и разумно, но все-таки скучал по Земле, как и Катя, как все переселенцы. Они, ранее желавшие уехать в отпуск на Багамы, Канары или другие теплые места, сейчас мечтали о Сибири, как о манне небесной.

Поселение выросло уже до тысячи человек, все друг друга знали не только в лицо, но и по именам. Обстановка всеобщего радушия радовала Ковалева и самих первых жителей Новиты. Пока еще не было домов культуры, клубов и ресторанов, празднования проводили на улице у большого костра вечером или собирались днем в воскресенье. Ковалев рассказывал о последних событиях в стране и в мире. Но больше всего новитян интересовало собственное будущее. Николай рассказывал и объяснял:

— Строительство идет полным ходом с опережением графика. За пять лет построим небольшой городок с инфраструктурой и крестьянско-фермерскими хозяйствами. К концу пятилетки наладим маршрутное сообщение между Новитой и Землей. За тысячу рублей, а возможно и гораздо дешевле, каждый сможет посетить Землю, отдохнуть и вернуться обратно. Вам решать впоследствии, где остаться на постоянное место жительства. Но я знаю, что захочется домой, а побудете дома — захочется сюда. Но выбор всегда за вами. Через два года станем предоставлять отпуска по очереди, каждый сможет слетать домой бесплатно. Новита станет одним из субъектов Российской Федерации. Впрочем, — немного задумался Ковалев, — это тоже решать вам. Я имею ввиду или субъект, или отдельное государство. Сейчас об этом пока говорить рано.

Утром Ковалевы улетели на соседнюю планету. За месяц отсутствия здесь ничего не изменилось. Грузовичок, робот-манипулятор, выехал из шлюзового люка на поверхность планеты, которая еще не имела названия. Он собирал с поверхности все алмазы, независимо от размеров, начиная с нескольких миллиметров и заканчивая массивными камнями. Заполнив собственный кузов, робот возвращался в шлюз, ссыпал алмазы на заранее расстеленный брезент и возвращался обратно к сбору камней. Вероника управляла им, а Николай закрывал шлюз снаружи, выравнивал давление и сортировал камни по отдельным ящикам в зависимости от размеров. Работа на алмазном поле продолжалась весь день, к вечеру звездолет вернулся на Новиту.

Разбившийся о планету метеорит оказался большим. За три недели работы Ковалевы заполнили все пустые ящики в звездолете, собрав лишь частично камни с долины. Получился объем трехкомнатной квартиры с не ограненными алмазами. Пока этого было достаточно. Ковалевы вернулись на Землю и через полтора месяца сдали государству огромное количество уже не алмазов, а бриллиантов.

Вселенная... таинственная, загадочная, недоступная и совершенно неизученная бесконечно огромная космическая территория. Ученые только начали ее исследование. Сколько тысячелетий потребуется, чтобы хоть немного узнать Вселенную?

Вероника понимала и чувствовала Николая душой и сердцем. Она знала, когда он думает и никогда не мешала ему разговорами. Обычно он садился в кресло и прикрывал веки. Казалось, что человек просто устал и отдыхает, но он усиленно думал. Интересно, о чем он размышляет сейчас, старалась понять Вероника? Но Николай сам ответил на этот не заданный вопрос после раздумий:

— Размышлял о появлении золота во Вселенной. В недрах родившихся звезд происходит синтез химических элементов тяжелее водорода и гелия. Но элементы тяжелее железа не синтезируются, а золото тяжелее, оно не могло образоваться в результате термоядерных реакций. Где-то во Вселенной произошел мощнейший взрыв. Ученые называют это

вспышкой гамма-излучения. Столкнулись две нейтронные звезды, взорвались и в результате образовалось значительное количество тяжелых элементов, в том числе — золото. От такого взрыва образовалось около десяти маленьких планет или спутников размером с Луну. Эти золотые спутники, которые разлетелись, необходимо найти. Во Вселенной очень мало золота и эти десять спутников мини мизер в соотношении с другими металлами. Мы с тобой обследуем систему Калида или, как ее называют новитяне, вторую Солнечную систему. У больших планет наверняка есть спутники, возможно они золотые. Часть золота при взрыве от столкновения нейтронных звезд разлетелась в пыль. Эта пыль осела и на Земле, земляне добывают эту пыль, именуемой золотом. Конечно, каждый спутник не исследуешь, времени на это не хватит, но мы станем руководствоваться цветом.

— Но Марс ведь тоже красный, — возразила Вероника.

— Согласен, — кивнул головой Николай, — на Марсе огромное количество окиси железа, в народе это называется ржавчиной. Но Марс красный или скорее бурый, ржавый, но не желтый.

Звездолет с Николаем и Вероникой на борту исследовал вторую Солнечную систему галактики Андромеды. В отличие от Солнца с восемью или девятью планетами Калида имела четырнадцать планет в своей системе.

Звездолет бороздил пространство, электроника ощупывала каждую планету, каждый спутник, но ничего искомого не обнаруживала. Корабль лег на обратный курс. Около восьмой планеты приборы засекли нужный спутник, выводя изображение на экран монитора. Спутник находился за планетой и стал виден только на обратном пути. Желтая Луна, так назвали сразу этот спутник Ковалевы, светился ярко желтым светом в безграничном космическом пространстве.

Звездолет совершил посадку, Ковалевы вышли через шлюз в скафандрах на поверхность. Ноги утопали немного в песке, но идти было очень легко из-за слабой гравитации небольшого спутника. Поверхность напоминала обыкновенную земную пустыню с образовавшимися барханами желтого песка. Более крупных размеров песчинки блестели и переливались в лучах прожектора. Это были крупинки чистейшего золота.

— Золотой спутник!.. Мы нашли его с тобой, Вероника! — воскликнул Николай, зачерпнув горсть золотого песка.

Песчинки размерами в 3–4 миллиметра переливались блестящей желтизной в свете прожектора. Незабываемая картина светящихся бликами барханов... Ковалевы вернулись на корабль и выпустили робот грузовичок. Началась обыденная и довольно нелегкая физическая работа. Ящики по сто килограмм заполнялись крупным золотым песком, который на Земле переплавят в слитки.

Физически сильные Ковалевы, натаскавшись стокилограммовых ящиков, присели отдохнуть. Двенадцатиметровая площадка заполнилась ящиками на два метра в высоту. Николай грубо прикинул, что должно быть двести кубометров золота за вычетом деревянных ящиков. Один кубометр золота весил 19321 килограмм, в пересчете на двести это составит 3864200 килограмм. Это примерно в три раза превышало золотовалютный резерв России.

— Неплохой подарок мы стране сделаем, — произнес Николай.

— Это точно, — согласилась Вероника, — еще бы бизнес-элита Родину любила. А то многим наплевать на страну, их только прибыль интересует, интересы государства для таких личностей аморфны.

— Ничего, — вздохнул Николай, — перевоспитаем и этих, дай срок. Они уже после

моей лекции денежки в Россию вернули и государство уходом от налогов не грабят. Пора возвращаться на Новиту, переночуем и на Землю.

Звездолет приземлился в аэропорту Внуково на отдельной удаленной от взлетной полосы площадке. Ковалев позвонил Романову:

— Владимир Сергеевич, доброе утро.

— Здравствуйте, Николай Петрович.

— Я сейчас в аэропорту Внуково приземлился на звездолете. Как у вас со временем, хотелось бы показать кое-что лично. Нет никаких важных международных встреч?

— Занят, конечно, но для вас время найду. Надо подъехать?

— Да, очень хотелось бы Высоцкого и главу Центробанка увидеть вместе в вами.

— Хорошо, я им позвоню, ждите, — ответил Романов.

Машины приехали через час одна за другой, Ковалевы поздоровались с прибывшими.

— Ой, вы же Ковалевы, наши галактические космонавты, — обрадованно воскликнула глава Центробанка, — не ожидала подобной встречи и очень рада ей. Вы на этом летаете? — она кивнула на стоявший рядом звездолет.

— Какой у нас сейчас золотой запас, сколько тонн? — спросил ее Николай.

Она недоуменно посмотрела на Романова, потом на Высоцкого.

— Ему можно сказать, — пояснил Президент.

— Тысяча триста тонн, — ответила она.

— Пойдемте, — Николай пригласил «гостей» внутрь звездолета.

Глава Центробанка вошла, озираясь и практически не смотря на ящики внутри.

— Совсем не так представляла себе космический корабль — небольшая кабина, напичканная электроникой, приборами, лампочками и разными датчиками. А здесь целая гостиная с диванами и креслами...

— Алла Расуловна, — обратился к ней Николай, — в этих ящиках чистейший золотой песок. Если его переплавить в слитки, то получится, примерно, четыре тысячи тонн золота высшей пробы.

Николай открыл один из ящиков, зачерпнув горсть крупного песка.

— Вы видите, что это не совсем обычный песок, он довольно крупный и не требует аффинажа, только переплавки в слитки. Необходимо все это у меня принять, организовать переплавку и охрану, — Ковалев посмотрел на Высоцкого, — при этом нигде и никогда на меня не ссылаются.

Николай вернул золото в ящик и продолжил снова:

— Может быть выгрузку произведет ваш спецназ, Геннадий Дмитриевич, прямо на землю пока. Мне не резон здесь торчать, чтобы лишний раз меня видели. После выгрузки я улечу сразу же, а вы с госпожой Галустяновой все дальнейшее организуйте сами.

— Мне оформить золото, как ваш подарок? — спросила Галустянова.

— Оформляйте любым способом, Алла Расуловна, но наша фамилия нигде не должна звучать, — ответил Ковалев.

— Приглашайте спецназ, — приказал Президент Высоцкому, — не волнуйтесь, господа Ковалевы, все организуем в лучшем виде. Замечательный, настоящий подарок государству, — улыбнулся Романов, отводя их в сторону, — нашли там же, где и камешки?

— Нет, совершенно на другой планете, — ответил Николай, — мы с Вероникой сейчас обследуем вторую Солнечную систему, там и обнаружили золото. Степаныч успешно

руководит стройкой, а мы бороздим просторы Вселенной. На романтику, конечно, мало похоже — все эти тонны нам пришлось с Вероникой вручную ворочать. Они маленькие, но их четыреста штук по сто килограмм каждый. Можно было бы взять с собой работяг, но лишние глаза и уши ни к чему. Со временем привезем еще с только же.

Ковалевы вернулись на Новиту. Там уже начали возводить жилые дома. Вечером после работы все население строительного городка стянулось к щитовому домику Ковалевых. От имени всех новитян к Николаю обратился Степаныч:

— Николай Петрович и Вероника Андреевна, — торжественно начал он, — мы начали строить дома, скоро вырастет новый город, но как же ему быть без названия? Мы все посоветовались и единогласно решили дать имя городу в честь основателя и первооткрывателя межгалактических перелетов. Город Ковалев — так станет называться первый космический городок. Хотите вы этого, не хотите, но город уже назван. Качать их ребята, — крикнул Степаныч.

Десятки рук подхватили Николая и Веронику, подкидывая их вверх. Наконец семейную пару опустили на землю. Николай хотел сказать в ответ несколько слов, но Степаныч опередил его:

— Подождите, это еще не все. На будущей главной площади Ковалева решено установить памятник самой замечательной семейной паре во всей Вселенной. Памятник вам Николай и Вероника Ковалевы. Теперь все, можете говорить.

— Кроме слов благодарности мне сказать нечего, граждане новитяне. Спасибо вам за оценку и доверие, — кратко высказался Николай.

— Я что... я простая ниточка, которая следует за иголкой. Куда муж — туда и я. Он в науку и я туда же, он в космос и я за ним. Но все равно вам спасибо, дорогие новитяне, — благодарно произнесла Вероника.

На следующий день Ковалевы собрались вновь на золотой спутник, но датчики звездолета засекли на орбите появление огромного корабля пришельцев. Ковалев сразу же отдал приказ всем новитянам оставаться дома, не выходить на улицу и не высовываться из окон в течение всего дня.

Николай и Вероника взлетели на звездолете, пристроившись в десяти километрах от корабля пришельцев. Трехкилометровая громадина, имеющая форму усеченной пирамиды, медленно снижалась и зависла на высоте одного километра над поверхностью Новиты. Крейсер пришельцев испускал импульсы, ощупывающие окружающее пространство. Но он не видел звездолет землян, который поглощал любые импульсы, не возвращая их обратно.

Лучи звездолета осматривали в свою очередь крейсер и проникали внутрь его, отображая схематично на мониторе внутренности корабля и его обитателей. Высокотехнологичная громадина села на огромном поле в тридцати километрах от поселения новитян, засосав внутрь около тысячи пасущихся на лугу буйволов. В огромном бункере крейсера буйволы погибали сразу от удушья, испражняясь друг на друга. Спектральный анализ показал, что внутри крейсера нет кислорода, но большое количество серы, углекислого газа и азота.

Открылся люк и на поле вышли несколько существ в скафандрах. Они вовсе не походили на людей и чем-то напоминали маленьких годзилл из японского фильма или динозавров до метра высотой.

— Эти динозаврики очень опасны, — констатировал Николай, — они космические пираты и не подчиняются Разуму Вселенной. За разбой и терроризм во Вселенной их

планета уничтожена, несколько тысяч спаслись на межзвездных крейсерах и бороздят теперь просторы, принося с собой ужас и смерть. Это последний или один из последних крейсеров, мы должны уничтожить пришельцев.

— Я всегда была уверена, что мы не одни в космосе, — задумчиво произнесла Вероника.

— Не одни, — согласился Николай, — динозаврики из очень далекой галактики, она удалена от нас на 30 миллиардов световых лет. Полагаю, что встреча была predetermined Разумом, хотя практически вероятность контакта приближается к нулю. Это все равно, что муравью с Камчатки встретиться с европейской букашкой. Только расстояния здесь несоизмеримо большие.

— Зачем они прилетели к нам, специально? — спросила Вероника.

— Нет, они стараются обходить подобные планеты, даже если натолкнуться на них случайно в ходе странствий. Но один раз в миллион лет они приземляются и забирают крупных живых существ. Для них не имеет значения — разумные существа или нет, им важен биологический состав плоти. Сейчас они забрали тысячу буйволов, которые погибли в их огромном бункере практически сразу же. Динозаврики — анаэробы, Земля или Новита для них опасны своим кислородом, но им необходимы гнилостные бактерии, из которых они культивируют для себя нектар. Задохнувшиеся буйволы начнут разлагаться в бункере под воздействием впрыснутых гнилостных бактерий, примерно, год. Потом впрыснут анаэробные микроорганизмы и еще через год будет готов нектар для динозавриков. Образовавшуюся жидкость откачают насосами в большие емкости, а оставшиеся костные и другие ткани выбросят в космическое пространство. По столовой ложке во время еды им хватит на миллион лет.

— Сколько же лет они живут? — спросила Вероника.

— По космическим меркам совсем мало, где-то сто тысяч лет всего. Ты спросишь почему тогда люди живут всего семьдесят лет? Динозаврики на умственном уровне находятся гораздо выше, не пьют, не курят, — улыбнулся Николай, — лечебный нектар употребляют, но это не главное. Это совершенно другой разумный биологический организм, у него зеленая кровь и совершенно другие обменные процессы. В Солнечной системе, в первой и во второй, для жизни им не пригодна ни одна планета. Но больше всего подходит Венера, где имеются облака серной кислоты в атмосфере или Сатурн, где много серы. Кислород для них крайне ядовит. Если с них сейчас содрать скафандры, то один вдох приведет к смерти через несколько минут, а два вдоха убьют их мгновенно. Динозаврики запаслись биологическим веществом на миллион лет и скоро улетят в другой конец Вселенной. Мы не можем их отпустить и тебе, Вероника, отводится главная роль в уничтожении космических пиратов.

— Почему мне? Нет, я не против, но хочется понять...

— Сейчас нет времени объяснять, скоро ты поймешь все сама. Смотри, это схема их крейсера.

— Откуда она у тебя? — удивленно спросила Вероника.

Он укоризненно посмотрел на нее.

— Поняла, молчу...

— Сейчас я подлечу ближе к их кораблю. Ты оденешь скафандр и, используя левитацию, зависнешь над их люком и, как только он откроется, влетишь внутрь с баллонами кислорода. Я временно отключу систему управления крейсером и открою все

шлюзовые люки настезь. Воздух попадет внутрь крейсера и за минуту убьет почти всех динозавриков. Эти в скафандрах ринутся внутрь, чтобы восстановить управление, закрыть люки и сделать продувку помещений. Ты должна расстрелять их вот из этого оружия.

Николай подал ей нечто похожее на пистолет-пулемет.

— Здесь не простые, а специальные пули, — продолжил он, — внутри они взрываются с образованием молекул кислорода. Обычным свинцом динозавриков не убить, рана затянется очень быстро, не причинив особого вреда. Влетев внутрь ты, Верника, не обращаешь внимания на задыхающихся и корчащихся динозавриков внутри, им будет не до тебя. Ты ждешь четверых с улицы и расстреливаешь их. Потом летишь вот сюда, — Николай показал место на схеме, — здесь у них главный отсек обеспечения гремучей смесью. Я просто так называю этот состав, состоящий из гелия, водорода, серы и азота, они этим дышат. Но отсек наверняка задраен, внутри могут быть от трех до пяти динозавриков. Ты должна просверлить переборку и запустить внутрь кислород, только потом через минуту открыть люк. В отсеке ты перекроешь вентиль подачи дыхательной смеси во все помещения крейсера. Затем отсоединяешь главную трубку, подсоединяешь ее к баллону с кислородом и открываешь вентиль. Кислород поступит всюду и убьет всех оставшихся в живых и спрятавшихся динозавриков. После этого можешь отдохнуть, но не расслабляйся — вдруг кто-то догадается одеть скафандр и примчится в отсек обеспечения дыхательной смесью. Таких ты расстреляешь и ждешь меня. Ты все поняла?

Вероника еще раз глянула на схему, ответила:

— Да, Коля, я все поняла и сделаю.

Она прижалась к мужу на мгновение и стала одевать скафандр. Взяв кислородный баллон, дрель и автомат, Вероника подошла к люку.

— Удачи тебе, Ника, — напутствовал Николай.

Ковалев видел, как Вероника нависла сверху над люком крейсера. Дистанционно перехватив управление кораблем пришельцев, он открыл все шлюзовые отверстия, одновременно выстрелив рядом с динозавриками на улице. Это был отвлекающий маневр. Услышав цоканье пуль, все динозаврики повернулись от люка, давая возможность Веронике проникнуть внутрь незамеченной. Но, обернувшись обратно, они поняли все, мгновенно кинувшись к крейсеру.

Давление внутри корабля было ниже атмосферного на планете и воздух со свистом врывался в открытый люк, заполняя пространство, открывая своим потоком незадраенные переборки и следуя дальше. Пришельцы внутри хватались своими маленькими пятипальными ручками за горло и валялись на пол с открытой пастью, дергая более мощными согнутыми в коленях, как у кузнечика, ногами.

Громадное для метровых динозавриков двухметровой существо расстреливало их в упор внутри корабля. Вероника огляделась — внутри все еще бились в конвульсиях несколько инопланетных существ, но большинство уже лежало неподвижно. Где-то пятнадцать, подумала она и перешла в другое помещение. Повсюду валялись зеленые существа, напоминающие головой крокодила Гену из мультфильма.

Вероника добралась до закрытой двери. Дрель быстро проделала отверстие и воздух со свистом пошел внутрь. Вероника приставила баллон с чистым кислородом, создавая таким образом высокую концентрацию и через минуту открыла дверь. Пять динозавриков все еще корчились в агонии на полу. Она перекрыла вентиль, отсоединила трубку, подсоединила кислородный баллон и вновь открыла вентиль. Кислород из баллона пошел по всем

задраенным отсекам. Вероника вздохнула, но вспомнила, что расслабляться не нужно и вовремя. В люке напротив появился динозаврик, успевший облачиться в скафандр. Она выстрелила первой, подошла и бросила его обратно в соседнее помещение. Выстрел плазменным сгустком энергии отбросил и сжег динозаврика еще на лету. Вероника выстрелила в угол комнаты не целясь очередью по площади. Услышав звук падающего тела, она вздохнула свободнее. Вскоре появился Николай тоже облаченный в скафандр и с автоматом в руках на всякий случай. Они вместе обследовали все отсеки и закоулки крейсера, открывая для проветривания люки. Живых динозавриков более не существовало.

Николай с Вероникой вышли на улицу и сняли скафандры, присев прямо на траву у крейсера.

Внезапно появился он... Вероника вздрогнула и хотела уже было схватиться за автомат, но посмотрела на Николая и успокоилась. Существо трехметрового роста не пришло и не прилетело — оно появилось внезапно и подняло руку вверх. Веронику, сидевшую на траве, словно кто-то могущественный и невидимый оторвал и приподнял кверху. Она коснулась руки появившегося, засветилась вся и опустилась на траву снова. Глянула, а никого уже нет рядом. Только Николай сидел на травке и улыбался.

— Я многое должен рассказать тебе, Вероника, — начал он, — я родился не на Земле, но вырос и воспитался на ней. Когда у тебя возникли проблемы со здоровьем, я отвез тебя к порталу Вселенной и сделал немножко не земной женщиной. Ты стала обладать многими знаниями, но не была Посвященной и я не мог иметь от тебя детей. До восьмидесяти лет ты бы не старела, а потом умерла, как и все люди, состарившись в одночасье. Но сегодня ты доказала свое право на существование и тебя Посвятили. Теперь ты бессмертна, Вероника, а дальше все знаешь сама. Мы не можем кардинально вмешиваться в людскую жизнь и изменять ее резко, человечество должно созреть в своем сознании. Мы с тобой лишь направляющие и смотрящие за ним, дабы не свершилось большое зло, которое может уничтожить разумную жизнь на планете.

— Я все равно люблю тебя поземному, Коленька...

Она прижалась к нему крепко, смахивая пальцами бежавшие из глаз слезы.

— И я люблю тебя моя милая, славная и неземной красоты женщина, — ответил он.

Всех динозавриков Ковалевы скидали в отсек к буйволам. Николай надел скафандр и взлетел на крейсере далеко в космос. Там он открыл люк, освобождаясь от мертвечины, выпустил весь гремучий газ, которым дышали космические пираты и вернулся обратно, посадив крейсер поближе к поселению.

Он объявил в громкоговоритель о снятии блокады и пригласил жителей собраться у его щитового домика.

— Сегодня наша планета подверглась нападению космических пиратов, — объявил Николай новитянам, — мы с Вероникой Андреевной вступили в бой и победили. Это были последние пираты Вселенной и впредь более никто не потревожит наш покой. Мы захватили их крейсер, его можно посмотреть, но входить внутрь нельзя, там может быть очень опасная анаэробная инфекция. Крейсер огромен размерами, специальные люди с Земли проведут его чистку, перестроят систему жизнеобеспечения, и он вновь будет бороздить космос уже с благими, а не пиратскими целями. Сегодня, первого июня, я объявляю выходной день, это будет день победы над космическими пиратами, который мы будем праздновать ежегодно. А первым праздником станет день вашего появления здесь, то есть двенадцатое апреля. В этот день на Земле празднуют день космонавтики, а мы станем отмечать день рождения Новиты.

Отдыхайте, посмотрите крейсер, сегодня праздник, дорогие мои новитяне.

— Ура-а Ковалевым! — кто-то выкрикнул из толпы.

— Ура-а-а! — подхватили все.

Рота химической защиты российской армии, переброшенная на Новиту, чистила крейсер пришельцев внутри и снаружи. Все комнаты, каюты и отсеки заполнили на трое суток чистейшим кислородом, чтобы уничтожить напрочь анаэробную инфекцию. Потом все отмывали и очищали перекисью водорода, затем проводилась ультрафиолетовая обработка мощными кварцевыми лампами. Через месяц рота вернулась на родную Землю. К работе приступили другие службы.

На комбинате в Н-ске царило оживление — сотне рабочих и инженеров выписали необычную командировку. Да, именно на планету Новита. Многие волновались и беспокоились о собственной безопасности, но Ковалев разъяснил, что ездить домой на автомашине куда опаснее, чем слетать на Новиту. И все равно люди волновались. Это нормальное явление — даже улетая в отпуск в другой город, люди немного волнуются, а здесь все-таки незнакомая и далекая планета.

Электронщики частично меняли систему жизнеобеспечения гиганта, поражаясь его размерами. Только в высоту он составлял более ста метров, это более тридцати этажей, но сам корабль имел только десять уровней, а не тридцать. За один рейс он мог перевезти до сорока миллионов человек, а летали на нем когда-то только сто динозавриков.

Одновременно с электроникой меняли и обстановку крейсера, выкидывая неудобные кресла и другую мебель, заменяя их земными. Площадь позволяла и Ковалев организовал внутри теннисный корт, боулинг, бильярд, сад, научные лаборатории. Снаружи его покрыли веронитом, сделав невидимым для любых лучей. Обеззараживание и перестройка длились полгода, но теперь усовершенствованный крейсер был полностью готов к длительным полетам.

Россия уже не скрывала практически рейсовых полетов на Новиту, а американцы до сих пор толком не понимали где находится эта загадочная планета.

Пять лет пролетели как один день. Город вырос жилыми домами, культурными центрами, магазинами, школами, детскими садами, парками. Пока небольшой, всего двести тысяч человек, он привлекал новейшей архитектурой — широкими улицами с эстакадами, подземными переходами, удобными парковками и практически полным отсутствием светофоров. Пересечение улиц имело разноуровневый характер и не нуждалось в регулировке. Город строился с расчетом на будущее и не имел штампованных домов-коробок, собранных в единый микрорайон.

За территорией города, рассчитанной по плану на миллионное население, разрослись десятки небольших комфортабельных деревень общей численностью до пятидесяти тысяч человек, обеспечивающих Ковалев питанием.

На главной площади города, свободно вмещающей более ста тысяч горожан и гостей, стоял монумент. Бронзовая плита на усеченной двухметровой гранитной пирамиде уходила многочисленными лучами ввысь, плавно перетекая в ноги мужчины и женщины, которые словно взлетали над площадью, устремляясь в небо. Две их вытянутые руки тянулись за звездолетом на кончиках пальцев. То были Николай и Вероника Ковалевы, увековеченные в бронзе.

Двенадцатое апреля... На главной площади собрались жители города и многие селяне, прибывшие из своих деревень. Каждому из присутствующих было понятно, кто выступит первым.

— Дорогие новитяне, — начал Николай, — сегодня у нас большой праздник — пятилетие нашего города, нашей жизни на этой, ставшей дорогой сердцу планете. Пять лет назад пятьсот человек высадилось на ровной местности, не имеющей ни кола, ни двора. Началась великая стройка, вырастали заводы, дома, увеличивалось количество населения. Стройка с абсолютного нуля, когда первым делом пришлось ставить туалеты, а затем уже щитовые домики, цементный и кирпичный заводы, чтобы обеспечить себя строительным материалом. Вырос прекрасный город, которому еще разрастаться, появились села, обеспечивающие нас едой. У нас с вами есть главное, чего не было на Земле — стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Первые пятьсот человек навсегда останутся почетными гражданами Новиты, а первым двум тысячам мы предоставили квартиры бесплатно. Другие же приобретают жилье в четыре раза дешевле, чем в Н-ске и в десять раз, чем в Москве. Сегодня истек контракт у первых переселенцев, им всем предоставлен месячный отпуск, который они проведут на Земле. После этого они вольны решать, где им жить дальше — здесь, на Новите, или на Земле. Пять лет пролетели быстро без Законодательного собрания, Думы, министерств и ведомств. Единая большая стройка, которой успешно руководил и руководит всеми известный и любимый Степанов Аркадий Евгеньевич. Ему приходится решать не только вопросы строительства, но и все бытовые. Город вырос, настала пора нам с вами выбрать губернатора и не тратить деньги на избирательные участки. Практически все население здесь, каждый может высказать свое мнение и проголосовать открыто. Прошу выдвигать кандидатуры.

Из толпы выкрикнули: «Ковалев». Его сразу же поддержали все и народ скандировал: «Ко-ва-лев, Ко-ва-лев, Ко-ва-лев»...

— Спасибо за доверие, дорогие новитяне, — ответил он в микрофон, — но я ученый,

исследователь, путешественник, как и моя супруга, администрирование — не наш конек. Мы всегда поможем в любом деле — подскажем, посоветуем, выслушаем, но губернатором должен стать другой человек. На мой взгляд им должен быть господин Степанов Аркадий Евгеньевич.

К микрофону подошел рабочий со стройки.

— Первым новитянином с большой буквы для нас всегда был и останется Ковалев Николай Петрович. Наверное, он прав и ему предстоят более великие дела, но он всегда будет рядом и сможет поправить губернатора, если что-то не так, подсказать ему, а мы всегда поддержим Ковалевых в любых начинаниях. Другой кандидатуры, предложенной им, быть не может и нечего тут разговоры разговаривать. Голосуем за Степанова. Кто за?

Лес рук взмахнул вверх. «Кто против»? Ни одной руки. К микрофону подошел Степаныч:

— Благодарю за доверие, уважаемые новитяне, надеюсь, что оправдаю его. Пять лет я руководил вами как начальник огромной стройки, мои распоряжения касались не только стройки, но и школ, магазинов, детских садов и сел. Всеми это расценивалось как чрезвычайные полномочия, которыми обладает командир судна в автономном плаванье. Никто и никогда не оспаривал моих решений — ни главный врач больницы, ни директор завода. Но город действительно вырос и настала пора ввести институт губернаторства. Мы жили и живем по российским законам без Законодательного собрания и Думы, полагаю, что двести пятьдесят тысяч населения Новиты и сейчас пока обойдутся без них. Свое правительство, конечно сделаем, в него войдут отраслевые министры, приказы которых станут исполняться конкретными ведомствами, а общие распоряжения станет давать губернатор, он же будет утверждать и наиболее значительные приказы министерств. Вам решать, господа новитяне, обойдемся мы временно без Заксобрания и Думы или введем сейчас и эти институты управления обществом? Прошу высказывать мнения?

Народ однозначно решил обойтись без последних институтов. И скорее всего потому, что накипело у простых граждан на депутатский неподсудный корпус среди всеобщего равноправия. К микрофону снова подошел Ковалев.

— Уважаемые новитяне, мы сегодня решили один из основных вопросов — выбрали губернатора. Но это не самый главный вопрос, которые нам предстоит решить. Каждый из нас должен определиться в узловой проблеме на будущее — жить ему в субъекте Российской Федерации на Новите или создать собственную страну. Мы самостоятельны и далеки по расстоянию от России, но имеем возможность добираться до нее за пару минут. Вам решать — будет у нас своя страна или субъект России.

«Своя страна, своя», — слышались выкрики.

Ковалев поднял руку, попросив успокоиться народ.

— Этот вопрос нахрапом решать нельзя, каждый должен подумать и определиться. Я слышал выкрики о собственном государстве, но о каком государстве идет речь? Будет ли это федерация, президентская республика, монархия, унитарное государство или еще что-то иное — решать вам. Мы не станем печатать избирательные листы, пусть каждый из вас напишет на листочке желаемое и бросит открыто в урну, которую вскроем тут же и подсчитаем голоса у всех на виду. На листочке должно быть одна из следующих фраз — субъект, федерация, монархия, президентская республика, парламентская республика. Подсчитаем голоса и определимся.

— Николай Петрович, разрешите вопрос? — слышался выкрик из толпы.

— Конечно, — ответил он, — задавайте вопрос только в микрофон, чтобы слышали все.

— Вопрос один и для нас самый важный — если мы выберем не субъект, а самостоятельную форму правления: вы лично станете нашим лидером?

— Тогда стану, — ответил, улыбнувшись, Ковалев.

— Нам все ясно, — тоже с улыбкой произнес новитянин, — чтобы десять раз не выбирать будущего лидера прошу каждого дописать на листочке его фамилию.

— Подумайте все, — продолжил Ковалев, — завтра в девять утра жду на площади каждого из вас с готовым ответом. Будем решать свою судьбу сами. Завтрашний день объявляю нерабочим.

Народ расходился с площади довольным и воодушевленным. Абсолютно все знали фамилию на листочке и обсуждали только форму правления самостоятельного государства. Споры разгорались между двумя видами государственного строя — монархией и президентской республикой. Но как только речь заходила о депутатах — республику из спора вычеркивали сразу же. Но все-таки многих пугало само слово монархия, многие возражали: «Какая по сути разница, братцы, были у нас цари, генсеки, президенты и все они монархи по большому счету. Разница была не в названиях, а в самом человеке. А Ковалева мы знаем с Н-ска, главное, чтобы он пожизненно правил нами и не переизбирался». «Делов то — переизберем, не развалимся», — говорили другие...

Утром на главной площади установили десять больших урн. Каждый подходил и бросал свой листочек. Через два часа проголосовали все, начался подсчет голосов, который длился до глубокого вечера. В 23 часа объявили итоги: за монархию проголосовало 79 % избирателей, за президентскую республику 21 %. Фамилия на всех листках стояла одна — Ковалев. За другие формы правления никто вообще не голосовал.

— Дорогие новитяне, — обратился к ним Ковалев, — скажу честно, что не ожидал такого выбора и бы уверен, что вы выберете президентскую республику. Но, если большинство пожелало — так тому и быть. Кто-нибудь может мне пояснить — почему выбор пал на монархию?

К микрофону подошел мужчина в возрасте.

— Разрешите, Николай Петрович, мне ответить на этот простой вопрос. Я начинал работать с вами в Н-ске, когда еще не было комбината. Вы всегда ратовали за народ, за простых рабочих, платили зарплату выше, чем у других подобных фирм. Нам не важно название государственного строя, нам важно, чтобы государством управляли именно вы, а не кто-то другой. Республика подразумевает выборы, а нам другого руководителя не надо. Поэтому большинство проголосовало за монархию. Я правильно говорю? — обратился он к народу.

— Верно, правильно, — послышались выкрики.

— Спасибо за доверие, новитяне, — ответил в микрофон Ковалев. — Монархия подразумевает царя или короля, а у нас с вами будет государство Новита с бессменным Президентом. Единая страна на всю огромную планету с будущими областями. Пока у нас только Ковалевская область, губернатором которой я назначаю выбранного вами Степанова. Конституция нового государства будет озвучена мною через месяц. Еще раз спасибо за доверие, дорогие новитяне.

К микрофону подошел все тот же мужчина в возрасте.

— Николай Петрович, извините, мы тоже предвидели ваш вариант ответа. Я уже не молод, пожил при разных генсеках и президентах. И понял одно главное — как бы они не

назывались — все равно по сути правят единолично. Где-то прикроются демократией, а где-то и так. Но жизнь в стране всегда зависела от одного человека. Миша Горбачев развалил страну, Боря Ельцин догробил разваленное и только Путин начал ее возрождать, потом Романов пришел и продолжил его дело. Президенты и императоры могут меняться, а царь всегда остается царем. Поэтому мы просим вас, Николай Петрович, все-таки стать царем, а не президентом. У нас город Ковалев и царство должно быть Ковалевское.

Ковалев улыбнулся, взял микрофон, спросил:

— Кто против царя?

Народ на площади замер...

— Кто за царя?

Лес рук взметнулся кверху.

— Теперь понятно. Царь, значит, царь. Вопрос снят и еще раз спасибо.

Ковалев сразу же пригласил к себе Степаныча с супругой.

— Кто станет министром здравоохранения — ясное дело. Однозначно Катя. Ты же дорогой мой Аркадий Евгеньевич займись непосредственно губернаторскими обязанностями, Вероника возглавит царский аппарат, разработает новую Конституцию и другие основные законы страны. Очень многое мы возьмем из российского законодательства, из советского. Работы предстоит громадье, необходимо создавать собственную полицию, таможню, банки, печатать свои деньги... голова кругом идет.

— Глаза боятся, а руки делают, — улыбнулся Степаныч, — лишил ты нас с Катей права выбора своим назначением — вдруг мы бы захотели остаться в России. Но ты угадал — не захотели бы. Побоялся стать царем, Ваше Величество?

— Не побоялся, — серьезно ответил Ковалев, — народ мне доверяет, и я должен оправдать это доверие. У нас есть главное — золото и драгоценные камни, а бумажные деньги мы напечатаем. Свой комбинат я начну перебазировать на Новиту, необходимы помещения для него, начинай срочно строить. Нужен Центральный банк с хранилищем, много чего необходимо, если выбрали самостоятельность. Пока Романову объявлять ничего не стану, а то может перекрыть нам кислород, не смотря на все мои заслуги перед государством.

Через несколько лет Новита стала полноценным самостоятельным государством, но Ковалев пока не озвучивал своей самостоятельности. Истек второй срок Романова на посту и Президентом избрали Воронова Михаила Яковлевича. Ранее Ковалев с ним никогда не сталкивался. Удобное время себя озвучить как руководителя новой страны.

Используя систему аудио и видео телепортации новитяне могли смотреть российское телевидение, говорить по телефону. Вероника позвонила в аппарат Президента, трубку взял прежний руководитель.

— Здравствуйте Иван Трофимович, это Ковалева. Мы с мужем давно на Земле не были, но слышали, что избрали Воронова...

— Здравствуйте Вероника Андреевна, рад слышать ваш голос. Мы уезжаем, новый заезжает, через неделю инаугурация.

— Что говорят о Воронове, мы с ним ни разу не сталкивались? — спросила Вероника.

— Поистине русский народ непредсказуем. Воронов новая фигура, старые, видимо, уже надоели — вот и поставили на новенького. Сами понимаете, Вероника Андреевна, прогнозы сложно делать, но Воронов всегда отличался проамериканским настроем. Если это так, то о судьбе России даже думать больно.

— Я позвоню вам после инаугурации, — пояснила Вероника и положила трубку.

«Это уже не мне», — мысленно ответил ей Иван Трофимович.

Ковалев понял, что необходимо срочно вмешаться в ситуацию. Он улетел на Землю и телепортировался к Воронову. Просканировав его мозги, Николай пришел в ужас. Будущий Президент собирался издать Указ о приватизации Сбербанка, Роснефти и многих других фирм, особенно связанных с оборонной промышленностью. Уже была договоренность о получении крупного отката за данный Указ от иностранных фирм — никто из россиян денег на приобретение этих фирм не имел. Цель вроде бы логичная — вливание инвестиций в российскую экономику, но это для лохов. Иностранный собственник выкачивает, например, из Сбербанка все возможные средства и приводит его к банкротству. В народе начинаются волнения, государство обязано возместить застрахованные суммы, а денег в бюджете нет. Роснефть уже не дает дохода... Недовольство людей, полный развал экономики — это как раз то, чего и добивались американцы. Воронову объявляют импичмент, и он спокойно уезжает в США — денег у него с избытком, а на Россию ему наплевать. Именно этот план созрел и покоем в голове Воронова благодаря собственной подлой душонке и усилиям американских спецслужб.

Но и это было не все. Американцы обыграли здесь русских по полной программе. Прошли честные выборы, каждый избирательный участок направил данные подсчета голосов в областной, а те, в свою очередь, в Центризбирком. Расклад получился предсказуемым — Романов 80 %, Воронов 1 %, Иванов 19 %. Но, благодаря гениальному хакеру из ЦРУ, фамилии в Центризбиркоме поменялись местами — Романов 19 %, Иванов 1 %, Воронов 80 %. Данные опубликованы, Россия в шоке, а новый «всенародно избранный» Президент готовится к инаугурации.

Ковалев срочно направился к Высоцкому. Директор ФСБ, выслушав его, пришел в ярость от негодования. Но неистовал он недолго — необходимы срочные меры по восстановлению итогов выборов. Ковалев удалил вирус из компьютера, Центризбирком запросил подтверждение данных. Одновременно с опубликованием новых итогов Воронова задержали сотрудники ФСБ. Инаугурация состоялась в назначенный срок, но уже с прежним Романовым.

Подлог по выборам, конечно же, выявили бы вскоре. Но пока суть да дело, Воронов бы успел реализовать свой коварный и подлый план не прозрачной приватизации. Скандал бы разразился огромный. И он разразился, только раньше и совершенно в неожиданном аспекте для США.

Ковалев позвонил Романову, поздравил его с переизбранием на высшую государственную должность.

— Спасибо, Николай Петрович, — ответил Романов, — Высоцкий доложил мне с вашим участием в раскрытии подлога, спасибо. Я давно перестал удивляться вашим способностям. Раскрыть преступление, находясь на Новите... ваши возможности действительно безграничны.

— Мы организовали собственное телевидение, Владимир Сергеевич, и уже давн новитяне смотрят его, как и российские телеканалы. Так что новостями нас особо не удивишь. Все-таки Родина и всем новитянам не безразлична ее судьба. Завтра мы начинаем свое телевещание на Землю. Россия и весь мир узнает много интересного. Но главное событие вы, господин Президент, должны услышать первым.

Романов сразу понял, что произойдет нечто важное. Никогда еще Ковалев не обращался

к нему подобным образом.

— Народ Новиты не захотел стать субъектом Российской Федерации и всенародным голосованием выбрал самостоятельный путь развития, проголосовав за монархию. Я вынужден был согласиться с условием, что стану именоваться Президентом, а не царем. Но мне не позволили и этого. Мотивировка у народа была простой — президентом и даже императором может стать каждый, а царь — это пожизненно. Никто не пожелал, чтобы меня когда-то переизбрали. От имени царства Новиты я приглашаю вас, господин Президент и ваших министров посетить мою планету с официальным визитом. Подписать договора о ненападении, военном и гражданском сотрудничестве, торговле, безвизовом посещении и так далее.

— Я принимаю приглашение, Ваше Величество, — ответил Романов официальным тоном.

— Когда за вами отправить крейсер, господин Президент?

— Мы будем готовы посетить ваше царство через неделю.

— Договорились, до свидания Владимир Сергеевич.

Романов ответил официально:

— До свидания... Ваше Величество.

Он все-таки в душе обиделся — русский народ выбрал себе царя... Частичка стала самостоятельной и откололась. Но Ковалев принес России добра на несколько веков вперед. Он старался понять его. К власти Ковалев никогда не стремился, но волю людей принял, а мог бы и не принять. Он стал царем вовсе не потому, что так решил народ Новиты, в действительности такого решения Романов не сомневался. Ковалев видел в этом пользу именно для России. В том же, например, военном союзе. Заключив договор с Россией, Новита сможет оказывать давление на США и весь блок НАТО. Кто станет воевать с страной, которая неизвестно где находится, а сама может раздавить любого агрессора в минуту?

Ровно через неделю крейсер Новиты с первыми лицами российского государства совершил посадку на аэродроме. Открылся люк, на трапе крейсера появился Президент Российской Федерации Романов Владимир Сергеевич. Он задержался на минутку, осматриваясь.

На аэродроме вывешены государственные флаги России и Новиты. Романов обратил внимание на алый стяг с небесными звездочками в виде фигурки Андромеды у древка. Он понял, что это флаг Новиты. Романов не увидел среди встречающих Ковалева и спустился с сопровождающими лицами на красную ковровую дорожку. Руководитель протокола представил встречающих лиц:

— Премьер-министр Новиты господин Степанов Аркадий Евгеньевич; Президент Российской Федерации господин Романов Владимир Сергеевич.

Они пожали друг другу руки и Романов представил своих сопровождающих лиц — министра обороны Кудасова Сергея Валентиновича, министра иностранных дел Ларионова Сергея Дмитриевича, министра торговли Жмурова Иннокентия Павловича. Премьер министр и Президент прошли под звуки встречного марша к почетному караулу. Начальник почетного караула отдал рапорт и заиграл гимн России, затем гимн Новиты. Романов вслушивался в незнакомую музыку, одновременно разглядывая форму почетного караула. Зеленое сукно, погоны, аксельбанты... ничего необычного кроме кокарды на фуражке с изображением пятнистого своеобразного леопарда, он уже видел такое животное на Земле.

Интересным было оружие почетного караула, напоминающее автомат и не походившее ни на один знакомый образец.

Звучание гимнов завершилось и Степанов с Романовым прошли вдоль строя к знамени. Романов поклонился в приветствии и вернулся на центральное место, проводив роту почетного караула.

Он ехал на автомашине с эскортом мотоциклистов, рассматривая совершенно незнакомую природу. В России сейчас осень, а здесь плюс тридцать и особой духоты не чувствовалось из-за океана вблизи. Эскорт въехал в город. Романов разглядывал широкие и чистые улицы с эстакадами без перекрестков. Дома поражали разнообразием архитектуры — романский стиль, готика, ренессанс, барокко, рококо, классицизм, модерн, конструктивизм. От въезда в город архитектура сменяла друг друга словно века.

Кортеж подъехал к царскому дворцу, напоминающему нечто среднее между Аничковым и Воронцовским дворцами Санкт-Петербурга. Богатство дворца удивляло, поражало и восхищало прибывшую делегацию. Пройдя несколько залов, они вошли в большой тронный, инкрустированный золотом и драгоценными камнями. Вдоль боковых стен между большими окнами располагались на пьедесталах метровые фигурки людей и местных животных, выполненных из целых кусков алмаза, рубина, изумруда. В конце зала находились два золотых трона с гербами Новиты на верху спинок. Леопарды на гербах изготовлены из желтого алмаза с инкрустацией зеленых изумрудных пятен. Золотую корону царя и царицы украшали спереди наверху большие красные бриллианты — самые дорогие из драгоценных камней и встречающийся крайне редко.

Романов подошел на метр к трону, склонил голову в приветствии царю и склонился ниже перед царицей, даря ей большой букет роз.

— Спасибо, господин Президент, букет земных цветов — это лучший подарок, — поблагодарила царица.

Ковалев сделал едва заметный жест и Президенту мгновенно поставили кресло в знак особого уважения. Царь жестом пригласил его присесть.

— Благодарю вас, господин Президент, что вы приняли мое приглашение и посетили с официальным визитом Новиту.

— Ваше Величество, я искренне рад, что из всех руководителей государств Земли вы пригласили меня первым, — ответил Романов.

— Я уверен, что наши переговоры пройдут в теплой, дружественной обстановке и завершаться подписанием особо значимых документов, способствующих развитию обеих стран, — произнес Ковалев.

Вечером Романов совершал экскурсию на открытом автомобиле по городу, осмотрел памятник Ковалевым на центральной площади города, разговаривал с простыми людьми.

— Добрый вечер, — обратился он к мужчине на улице, — скажите пожалуйста, вы действительно проголосовали единогласно за монархию?

— Добрый вечер, господин Президент, мы не просто проголосовали единогласно, мы просили Его Величество стать царем. Мы все бывшие россияне, вы это прекрасно знаете, в России никогда не было королей, а императоры и президенты нам тоже не по душе, ибо ими может стать каждый. Царь — это по-русски, это навечно, мы не хотим, чтобы нами правил кто-то другой. Мы своими руками построили этот город, живем здесь, у нас нет бедных и нищих, нет бомжей, нет безработицы. У каждого из нас есть личный автомобиль с атомным двигателем, он не ломается и не требует бензина, своя хорошая квартира, есть все, что

необходимо для прекрасной жизни. Вы удивлены, что новитяне избрали монархию? Зря, дело не в названии существующего строя, а в его сути. Настоящей демократии у нас в сто крат больше, чем в хваленной Америке. У нас свобода слова, нет преступности, а за своего царя мы готовы в огонь и в воду.

Романов поблагодарил за ответ и решил проехать на село, где тоже задал тот же вопрос. Крестьянин ответил ему:

— Когда я и моя семья работаем в поле — нам без разницы название правителя. Но мы все голосовали только за царя, чтобы Его Величество Николая Петровича никто не мог сместить с трона. Мне без разницы название, но для меня космическая разница работать и жить здесь или в Америке, России, Европе. У меня здесь есть все — пахотная земля, которая не простаивает, травяные луга, сельскохозяйственная техника — трактора, комбайны, косилки, мотолопаты и прочее. У нас на селе есть разделение труда. Я, например, выращиваю пшеницу, кукурузу, ячмень, рис. Мой сосед по поселку какао-бобы, чай. Другой сосед собирает цитрусовые, финики, бананы. Фрукты на Новите немного другие и более вкусные. Попробуйте.

Крестьянин протянул Романову банан в два раза больших размеров. Пока Президент угощался, крестьянин продолжал говорить:

— Соседнее с нами село в основном животноводческое, там разводят крупный рогатый скот, птиц, обеспечивая город мясом, молоком, яйцами. Каждый из нас знает, что продаст свой товар выгодно. Царь регулирует расценки, чтобы не обидеть горожан и селян. О таком крестьянско-фермерском хозяйстве в России я даже мечтать не мог, мы здесь все на царя молимся.

— Скажите, звери из джунглей часто на вас нападают? — спросил Романов.

— Раньше частенько бывало, а сейчас редко. Животные поняли, что с нами лучше не связываться. Последний раз леопард напал в прошлом году, но мы не убиваем животных, не нарушаем природный баланс. У нас есть своеобразное оружие, — он показал на висящий у пояса продолговатый предмет, — направляем на леопарда, нажимаем кнопку и он обездвижен. Через минуту придет в себя, убежит и надолго запомнит боль, которую испытал. Ядовитых змей много, но у каждого села есть электронный барьер для змей, грызунов и прочих тварей, они не могут его переползти. Царь заботиться о нас, — улыбнулся крестьянин, — мы все его дети, а он наш царь — Его Величество Николай Петрович, да будет ему успех и радость во всем.

Романов вернулся в отведенную для отдыха половину царского дворца, вновь перечитал документы, которые завтра предстоит подписать. Эх, Ковалев, Ковалев... тебе бы Россией править, подумал он.

Телевидение Новиты транслировало в прямом эфире встречу Президента Романова в аэропорту и большом тронном зале, его вечернюю поездку по городу и разговоры с местными жителями. Сами переговоры проходили за закрытыми дверями, куда не пускали корреспондентов.

Руководители стран Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии, как и весь народ Земли, с шокирующим удивлением следили за встречей на высшем уровне. Необычная природа, архитектура города и особенно большой тронный зал поражали всех без исключения. Это же каким богатством необходимо обладать, чтобы сделать скульптуры из алмазов, рубинов и изумрудов. А красные бриллианты в коронах — они вообще бесценны.

На следующий день царь Ковалев и Президент Романов подписали главный итоговый

документ состоявшихся переговоров на высшем уровне. Договор о создании Союза Независимых Государств. Еще одно СНГ, но не Содружество, а Союз. Позже журналисты станут называть их старым и новым СНГ.

В аэропорту, подчеркивая важность результатов переговоров, царь и царица провожали Романова лично. Телевидение показало крейсер немного издалека, и американцы ужаснулись, узнав о его размерах, садах внутри, теннисных кортах и прочем. Время полета две минуты... в Белом доме до туалета не всегда добежишь.

* * *

Уже на следующий день после отъезда Президента Романова диктор телевидения Новиты зачитал заявление Его Величества Ковалева Николая Петровича, царя Новиты.

«На основании заключенного Союза с Россией государство Новита вступает в борьбу с международным терроризмом на планете Земля. Его Величество предлагает боевикам ИГИЛ сложить оружие и сдаться вооруженным силам Сирии немедленно. Его Величество просит покинуть территорию ИГИЛ инструкторов спецслужб США, Англии и Турции, обучающих военным действиям международных террористов. В случае невыполнения просьбы в течение суток ровно в пятнадцать часов галактического времени, это десять утра московского времени, все террористы, не сложившие оружие и не сдавшиеся Сирийской армии, как и их инструкторы, будут уничтожены. Время проведения военной операции — одна минута. Его Величество просит вооруженные силы Сирии в пятнадцать часов одну минуту галактического времени проследовать на территорию ИГИЛ и занять ее повсеместно».

Заявление ошеломило весь мир, но никто не отнесся к нему серьезно в плане сдачи террористов или покидания территории инструкторами. Ровно в пятнадцать часов галактического времени на воздух выборочно взлетела огромная территория, занимаемая террористами. Все военные объекты и склады уничтожены, в городах взорваны боевики, однако при этом ни один мирный житель не пострадал. Такого поворота событий не ожидал никто. Американцы, англичане и турки потеряли своих инструкторов.

Сам же Ковалев не видел в этом ничего особенного. Съемка с воздуха и сканирование позволили выявить всех террористов и телепортировать каждой группе или лицу с оружием по гранате, каждому доту, оружию и укрепленному пункту по снаряду. Все это делал компьютер, не упуская из вида ни единого объекта, ни единого террориста или инструктора. Мир замер от результатов проведенной операции. Сирийская армия, занявшая территорию, не обнаружила ни одного живого боевика. Теперь к Новите стали относиться очень серьезно. Американские радары и другие устройства слежения в час икс не обнаружили ничего.

Диктор телевидения Новиты продолжал вещание:

«Его Величество царь Новиты Ковалев Николай Петрович считает операцию по уничтожению боевиков ИГИЛ завершенной. Однако, военные корабли США все еще не покидают территории Средиземного моря. Ранее солдаты США показывали свой агрессивный нрав, необоснованно вторгавшись с боевыми действиями в Ирак и другие страны. В целях укрепления мира на планете Земля царь Новиты предлагает Президенту США отозвать свои военные самолеты, сухопутные войска, базы и корабли из нейтральных вод, с территории других государств и не покидать более пределы своей территории ни

одному военнотуслужащему без одобрения Совета Безопасности ООН. На отзы военнотуслужащих, самолетов, кораблей и баз США, находящихся за пределами границ Америки, Его Величество царь Новиты дает месяц срока. Любой военный США, самолет корабль или база, находящиеся за пределами собственной территории без санкции ООН, запрошенной в течение этого месяца и одобренной Советом Безопасности, будет уничтожен в течение минуты через месяц. Американские матери, отцы, жены, сестры и братья военнотуслужащих, за жизнь ваших детей, мужей и братьев будет нести ответственность Президент США. Его Величество запрещает проведение любых военных международных операций на планете Земля. Виновные будут наказываться уничтожением. Живите с миром и никто мешать вам не станет. Его величество просит покинуть территорию России всех представителей иностранных спецслужб в течение суток, в противном случае ваша жизнь будет завершена».

Через сутки в России внезапно и одновременно скончались около двухсот мужчин и два десятка женщин, вся иностранная агентура вымерла в одночасье. В США начались волнения, родственники и друзья военных, находящихся за границей, требовали возвращения своих близких на Родину.

Президент США созвал экстренное секретное совещание, на котором обсуждалось заявление, а по сути ультиматум царя Новиты. Руководитель Пентагона предложил напасть на Россию и уничтожить ее. Это будет достойный ответ новоявленному царю, считал он.

— Вы совсем, генерал, мозги потеряли, — возмутился Президент, — даже если предположить, что мы уничтожим Россию без особых потерь для себя, то что делать с Новитой? Как вы станете противостоять тому, что находится неизвестно где? Или хотите, чтобы США тоже уничтожили за одну минуту? Новита уже показала, что подобное делать умеет и может. Мы отведем свои корабли из Средиземного моря, сославшись на плановые учения в Тихом океане, а базы трогать не станем.

— Сохраните экипажи нескольких кораблей и отдадите на уничтожение тысячи других солдат? — усмехнулся генерал, — половинчатое решение в данном случае невозможно — или война, или мир. Но воевать с Новитой мы не можем, а это означает одно — мир. Да, мы потеряем былое влияние, но сохраним жизни наших граждан, сохраним деньги, которые тратим на содержание баз. Царь объявил, что запрещает военные действия на Земле, значит и Россия на нас не нападет.

Президент задумался и объявил совещание законченным, участники расходились в недоумении от непринятого решения. Президент понимал, что ответственность будет на нем, а значит и решать ему одному. Он позвонил Романову:

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич.

— Добрый день.

— Вы наверняка слышали заявления царя Новиты, озвученное комментатором, а не им самим...

Романов усмехнулся, хорошо, что лица не видно. Он понимал зачем позвонил ему Президент США, ответил подробно:

— Он все-таки царь, а не Президент. Да, мы заключили Союз, но это не бывший СССР. Договор о ненападении и взаимопомощи в случае ведения боевых действий при нападении агрессора. Хочу подчеркнуть последнее. Мы не обговаривали с Его Величеством затронутые в последнем его заявлении вопросы, он действует самостоятельно.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил Президент США.

Он отключил связь и снова задумался. Внезапно посетившая мысль обрадовала его. Вскоре комментатор телевидения США озвучил следующее заявление:

«Президент Соединенных Штатов Америки господин Дункан Уокер предлагает Его Величеству Ковалеву Николаю Петровичу, царю Новиты, рабочую встречу. Поскольку США не имеют связи с Новитой, дальнейшая инициатива в этом вопросе остается за космическим государством».

— Что ты думаешь по этому поводу, Вероника? — спросил Николай, кивнув головой на телевизор.

— Что тут думать — Уокер понимает, что наше обращение не пустая угроза. Он хочет сохранить физиономию при плохой игре. Ты примешь его?

— Да, — кратко ответил Николай.

Телевидение Новиты передало сообщение:

«Его Величество Николай Петрович, царь Новиты, согласен провести рабочую встречу с Президентом США. Малый звездолет Его Величества будет ожидать господина Уокера на лужайке у Белого дома завтра в десять утра галактического времени».

Сообщение залихорадило всю мировую прессу — согласится ли американский Президент полететь в неизвестность, какие вопросы станут обсуждаться кроме отвода военных сил и средств? Смогут ли договориться лидеры двух могущественных держав?

Военные США готовились к встрече звездолета, задействовав все имеющий силы и средства слежения. Откуда появится корабль, на какой орбитальной высоте его можно засечь?

К указанному времени на территорию Белого дома пропустили лишь нескольких журналистов с операторами. Звездолет обнаружили визуально на высоте ста метров над Белым домом, система ПВО США корабль не видела и не засекала. Все сразу поняли, что он очень похож, но это не Звездолет России с ядерными ревущими двигателями. Американцы не знали, что у России нет звездолетов, все они теперь принадлежали Новите, а ядерные тяговые двигатели в качестве переходного периода для меньшего количества вопросов с них демонтировали.

Малый звездолет Новиты размерами с половину футбольного поля плавно приземлился, открылся люк и на траву опустился небольшой трап. Вездесущие журналисты, щелкая фотоаппаратами и снимая кинокамерами, ринулись внутрь, наткнувшись на невидимую преграду перед трапом. Несколько фотоаппаратов и кинокамер разбились непонятно обо что, но уцелевшие продолжали снимать. Журналисты поняли, что существует граница, которую пересечь невозможно. Из Белого дома вышли Президент и госсекретарь с небольшой охраной, в люке звездолета появился человек в необычной форме, скорее всего пилот, который спустился по ступенькам трапа и остановился перед травой. Подошли Президент и сопровождающее его лица.

— От имени Его Величества приветствую вас, господин Президент. На Новите нет преступности, поэтому охрана вам не потребуется, прошу пройти в звездолет вас и госсекретаря.

Пилот отодвинулся немного в сторону и сделал приглашающий жест рукой. Президент и госсекретарь вошли внутрь, охрана последовала за ними, но натолкнулась на невидимую стену. Растерявшись, они не знали что делать — Президент не подал никакой команды, пройдя в звездолет.

— Присаживайтесь на любое удобное место, — пилот указал на кресла и мягкие

диваны, — время до посадки две минуты, приятного полета, господа.

Звездолет бесшумно взмыл на небольшую высоту и исчез, растворяясь в глубине неба. На аэродроме Новиты гостей встречал премьер-министр Степанов. Американцы и весь мир планеты Земля, только что смотревшие проводы по телевизору, вновь прильнули к экранам. Все происходило, как и при встрече российского Президента, но в большом тронном зале Дункану Уокеру не предложили присесть, как Романову. Это оскорбило американцев и порадовало многих представителей других стран.

— От имени Соединенных Штатов Америки и от себя лично приветствую Ваших Величеств, — произнес Уокер.

Он не преподнес букет цветов царице, и американцы посчитали это хорошим ответным уколом. В других странах это сочли неуважением к царствующей династии. Весь мир с огромным интересом наблюдал за происходящими событиями, результаты которых имели грандиозное значение для всех землян.

— Готовы ли вы, господин Уокер, поведать правду своему народу и дать согласие на трансляцию переговоров в режиме онлайн? Я предлагаю это с единственной целью — чтобы вернувшись домой вы не смогли вновь одурачить свой собственный народ фальсификацией переговоров.

— Вы забываетесь, Ваше Величество, обвиняя руководителя мировой державы во лжи, тем более, что переговоры еще даже не начались, — ответил Президент, — вы не соблюдаете элементарные нормы международного этикета.

Уокер злобно глянул на работающие телекамеры журналистов Новиты.

— Так вы согласны на прямую трансляцию переговоров на планету Земля или станете прикрываться международным этикетом? — задал прямой вопрос царь Новиты.

— Мы никогда не скрывали правды от своего народа, — ответил Президент.

— Я расцениваю ваш ответ как согласие, вас проводят в переговорный зал, — ответил царь.

— Я не желаю вести переговоры в подобном тоне, — возразил Президент, — прошу доставить нас в Вашингтон.

Уокер хотел повернуться и уйти, но ноги не слушались его, он не мог двинуться с места.

— Хорошо, переговоров не будет, предъявленный вам ультиматум остается в силе. Вы прилетели ко мне с единственной целью, чтобы отменить или хотя бы отсрочить его. Но вы очень боитесь правды, которую скрываете от собственного народа. Вы только что заявили, что не скрываете истины от своего народа. Тогда почему вы обвинили режим Саддама Хусейна опасным для международного сообщества, обвиняя Ирак в разработке оружия массового поражения? Вы обвиняли Иракского лидера в покупке урана в Нигерии. Не вы лично, конечно, а Президент Джордж Буш. Данные вашей разведки говорили о противоположных фактах, и директор ЦРУ Тенет доложил тогда Бушу об этом. Ваш посол в Нигерии Джозеф Уилсон доложил после проверки, что информации о покупке урана нет. Об этих фактах не было сообщено Конгрессу и собственному народу. Американская администрация нашла лживый повод для проведения боевых действий и вторжения в Ирак. После свержения режима Саддама Хусейна вы начинаете многолетнюю оккупацию с высоким уровнем насилия в стране, которое стоило жизни до 700 тысячам иракцев. О причинах ваших военных операции поговорим чуть позже. Сейчас вы подтверждаете, что нашли лживый повод для войны в Ираке и необоснованно вторглись на его территорию, уничтожив многих мирных граждан. Или опять станете лгать собственному народу? —

гневно спросил Его Величество.

— Я тогда не руководил страной и считаю проведенную военную операцию в Ираке необоснованной, — ответил Уокер.

Американцы с придыханием следили за репортажем с Новиты, еще толком не понимая происходящего, но уже осуждая администрацию Буша.

— Хорошо, поговорим о вас лично, — произнес царь, — расскажите своему народу, который сейчас смотрит телевизор и внимательно слушает вас, всю правду о войне в Йемене.

— США не ведут боевых действий в Йемене, — ответил Уокер, — там действует арабская коалиция во главе с Саудовской Аравией.

— Вы считаете себя не причастным к совершенным преступлениям в Йемене?

— Америка не совершала там никаких преступлений.

— Опять лжете, — властно произнес царь, заметив, как вздрогнул Уокер, — еще в 2004 году повстанцы-шииты, проживающие на севере страны, выступили против альянса властей Йемена и США, за восстановление имамата, существовавшей в Северном Йемене до военного переворота 1962 года. В Йемене находится нефтяной порт Аден, который является ключом к транзиту на Ближнем Востоке. Аден — еще и ворота в Красное море, через которые идут поставки нефти по Суэцкому каналу. А нефтяные месторождения на севере Йемена, владение которыми было бы очень выгодно для Саудовской Аравии, которая вторглась во внутренний конфликт суверенной страны. Именно вы оказывали и оказываете военную помощь Саудовской Аравии, погрязшей в преступлениях, в результате которых погибло более восьми тысяч мирных жителей Йемена, более миллиона двухсот тысяч бежало из страны. Силы коалиции необоснованно осаждают несколько городов, удерживая около двух миллионов йеменцев в условиях гуманитарной катастрофы. Мирным жителям не хватает питьевой воды, еды и медикаментов, но ваш военно-морской флот развернул обратно девять иранских кораблей с грузом гуманитарной помощи для осаждённых городов. Правительство США является основным поставщиком оружия Саудовской Аравии, с применением которого совершаются все военные преступления. США виновны в преступлениях против международного гуманитарного права не меньше Саудовской Аравии. Вновь станете опровергать сказанное, господин Дункан Уокер?

— Нет, опровергать не стану, — ответил он.

— Хорошо, говорим дальше о вас. Объясните своему народу с какой целью вы организовали развязывание войны на Украине? Именно США, а не Россия, как вы лживо утверждали постоянно.

Госсекретарь пытался неоднократно одернуть за рукав Уокера, но не мог пошевелить рукой. Он в ужасе стоял и слушал правдивый диалог двух лидеров, проливающий свет на тайну, скрываемую от собственного народа. Для большинства политиков мира сие не было секретом, но они вынуждены были плясать под дудку США.

— Мы изначально поощряли и поддерживали неонацистское движение на Украине, разжигая ненависть к России в средствах массовой информации, — пояснял Уокер. — Американское правительство усыпило бдительность бывшего Президента Украины уговорами о неприменении силы, подтолкнуло нацистов к его насильственному свержению, мы поставили у власти свое марионеточное правительство. Говоря о приверженности миру и призывая к прекращению насилия, мы последовательно поддерживаем усиление террора украинскими военными против населения Донбасса. Нам наплевать на Украину, наша цель

— раздувание конфликта в украинско-российскую войну, мы оправдываем все преступления украинской армии, финансируя и вооружая её, прикрываем дипломатически и принуждаем своих европейских союзников делать то же самое. Развязанная война стала бы важнейшим источником экономического подъёма и политического могущества США. Но даже военный конфликт выгоден Америке. Обвинив Россию в агрессии мы смогли ввести санкции и заморозили свои обязательства перед российскими структурами в размере нескольких сотен миллиардов долларов для облегчения нашего запредельного долгового бремени. Владельцы замороженных русских активов не смогут обслуживать свои обязательства перед европейскими банками, что приведет к дестабилизации и оттоку капитала в США. Состояние европейской экономики ухудшится, примерно, на триллион евро и ослабнет в конкурентной борьбе на мировом рынке. Мы сможем в будущем вытеснить русский газ из Европы и заменить его своим сланцевым. Ослабленной Европе мы сможем навязать свободную торговлю на выгодных США условиях. Мы навязываем Украине использование самого жестокого по отношению к населению оружия: фугасно-осколочных снарядов, кассетных авиабомб, мин. Чем больше будет жертв, тем выше ожидания российского военного вмешательства для защиты русского населения, тем выше риск новой европейской войны и тем больше американский выигрыш, и мы сохраняем мировое доминирование.

Шокированный заявлением своего Президента американский народ пришел в негодование — оказывается его обманывало постоянно собственное правительство. Совсем другого результата люди ждали от этой встречи.

— Благодарю за честный ответ, господин Президент. Не мне, я это и без вас знал — своему народу. США являются главным международным разжигателем нестабильности и военных конфликтов, попирая все основы международного права. В данной ситуации я не могу позволить вам держать часть вооруженных сил за пределами собственных границ. Вы отказались от переговоров, господин Уокер, но сделали гораздо больше — сказали правду всему миру. Я не собираюсь судить вас, как вы судили и казнили Саддама Хусейна, государство Новита готово к честному и обоюдовыгодному сотрудничеству с США. Вас отведут к звездолету, ступайте. У госсекретаря есть добавления или возражения?

Ему очень хотелось крикнуть, что Президент сошел с ума и не понимает, что говорит, он не должен этого сообщать, но ответил кратко:

— Нет.

В Вашингтоне первым делом Дункан Уокер подписал Указ о возвращении всех военных сил и средств, находящихся за пределами территории США, домой. И второй Указ о снятии санкций с России. Немедленно опубликованные указы вступили в действующую силу, Дункан Уокер выступил по телевизору с краткой речью:

— Мои слова, произнесенные на далекой планете Новита, расцениваются сейчас богатыми бизнесменами, Конгрессом и простым народом по-разному. Хочу заверить всех, что произносил их в полном уме и здравии без оказанного какого-либо психологического воздействия. Скажу больше — Соединенные штаты Америки за последнее столетие более пятидесяти раз вмешивались в политику суверенных государств планеты, организовывая или поддерживая существующий военные конфликты, смещая законные правительства, не удобные нам. Мы всегда говорили о демократии, соблюдении прав человека и всегда нарушали их в угоду нашему капиталу. С сегодняшнего дня я слагаю с себя президентские полномочия и возлагаю управление страной на вице-президента до избрания нового главы государства. Я ухожу с надеждой, что новое правительство не станет более попирает нормы

международного права и займется улучшением жизни собственного народа. Желаю всем здоровья и удачи.

Мир с затаенным дыханием следил за происходящими событиями, которые воспринимались в каждой стране по-своему. Но общая тенденция существовала одна — США уже не доминируют на планете и как выстраивать отношения с Россией, которая экономически еще слабее американцев, но обладает самой мощной армией в мире? Экономика — вопрос временной, тяжеловесной гирей в принятии решений стала дружба Новиты и России.

Романов, как и весь народ планеты, отслеживал переговоры Новиты и США. Собственно, это нельзя назвать переговорами, но американцы сами напросились на «избиение». На что рассчитывал Дункан Уокер, летя на Новиту? Что его встретят по-европейски и преклонят колени? Решил воочию убедиться в силе Новиты и выторговать для себя наилучшие условия доминирования на Земле? Он же не глупый человек, но, видимо, привык, что его слушают и подчиняются. Привыкшая к вольной трактовке международного права, администрация США не учла по привычке, что может быть поставлена на место.

Романов постоянно помнил свой визит на Новиту. Ковалевское царство, город Ковалев, царь... Полмиллиона бывших россиян, которые, впрочем, не лишены гражданства в России. И никто не желает возвращаться назад, все боготворят своего царя, нет преступности. Конечно, преступность — явление социальное, там у всех есть работа, достойная зарплата и уверенность в завтрашнем дне. Кроме того, на Новите нет бывших эков, многие из которых вряд ли подлежат перевоспитанию, нет их влияния на окружающую среду. Ковалев взял за основу российский уголовный кодекс и тщательно переработал его. Повторная судимость за умышленное преступление, независимо от сроков давности, автоматически увеличивала срок вдвое. Любое третье умышленное преступление наказывалось смертной казнью. Будь то мелкая кража, хулиганство или нечто другое. В основу наказания за экономические преступления ложился не только срок заключения, но и обязательное возмещение ущерба потерпевшему лицу или государству. Когда срок наказания истекал, а ущерб возмещен не был, то осужденное лицо продолжало находиться и работать в местах лишения свободы. За оскорбление полицейского при исполнении служебных обязанностей можно было схлопотать лет двадцать, за физическое оскорбление — смертная казнь. Но и сами представители правоохранительной системы наказывались вдвойне за совершенные злоупотребления независимо от того — находились они на службе или нет.

В школах Новиты, естественно, не существовал ЕГЭ и был введен новый предмет — основы государства и права. Каждый ребенок с детства знал свои права и обязанности, основы Конституции государства. Скорее это был идеологический предмет, направленный на воспитание подрастающего поколения. На Новите не существовало платное здравоохранение и обучение. Каждый выпускник вуза должен отработать пять лет по распределению, а потом мог перейти на другое место работы. У населения Новиты пользовалась популярностью специальная телепрограмма, объясняющая Указы царя, законы, отвечающая на возникающие вопросы.

Романов считал, что Ковалев крепко зажал свой народ в тиски, но ему это нравилось, нравился строгий порядок и дисциплина. Между Новитой и Россией ежедневно курсировал звездолет. Многие россияне посещали своих друзей новитян, многие теперь летали на отдых не в Таиланд, Средиземное море, а на Новиту. Полумиллионное небольшое государство принимало у себя за год несколько миллионов туристов. Каждый предварительно ознакомился с условиями пребывания на другой планете и знал, что за совершенное правонарушение будет наказан по законам этой страны. Пока не находилось желающих сидеть лет пять за скандал в ресторане или лет десять за банальную драку. Богатые русские, привыкшие вести себя вольготно на отдыхе за границей, здесь были тише воды и ниже травы.

Один подвыпивший олигарх все-таки решился поспорить с официантом в ресторане, когда тот отказал ему в новой порции спиртного. Олигарх получил пятнадцать суток и отсидел реально месяц. Его определили на погрузку бананов, а день с невыполненной нормой работы в срок отбывания наказания не засчитывался. Видео, как олигарх, ездивший в России в сопровождении автомобилей ГИБДД, таскает ящики с бананами продемонстрировали по всем российским телеканалам. Никто более на споры с местными не решался.

Население Новиты увеличивалось постепенно. Огромное количество желающих переселиться на эту планету ограничивалось не таким быстрым, как хотелось, появлением новых рабочих мест. Стали появляться не только россияне, но и иностранцы, знавшие русский язык, принимающие существующий строй и законы царства.

Ковалев выстраивает идеальное общество и у него это пока получается. Ему в этом плане в тысячу раз легче, он начинал с нуля и без груза прошлого. В России просто так без последствий кардинальные реформы не проведешь, бизнес-элита сразу взбунтуется, если ограничить ее хватку, это опасно для экономики. Но делать то что-то надо. Слишком большой долей активов владеет иностранный капитал в стране, естественно, уводя деньги за рубеж. Необходимо это немедленно прекратить. Пусть иностранцы владеют собственностью, частично сами от нее откажутся, когда не смогут пользоваться заработанным в своих странах. Романов издал Указ, запрещающий вывод капитала за рубеж. Заработали деньги в России — здесь их и тратьте, вкладывайте в ее же экономику. Кто не захочет — вообще ничего не получит. Он внес поправки в уголовный кодекс — попался олигарх на мошенничестве или неуплате налогов: конфискуется все личное имущество. Выходит такой олигарх из тюрьмы, а у него ни кола, ни двора, ни денег. Государство обеспечивает его комнатой в коммуналке. Жить есть где, пусть на работу устраивается в свою же бывшую фирму инженером или рабочим.

Экономика России резко пошла вверх, сокращая пропасть между бедными и богатыми. Новита поставляла, согласно заключенным договорам, экзотические фрукты, мясо, морепродукты. Трехкилометровый крейсер постоянно курсировал между планетами, доставляя в северную страну южные продукты питания. Ковалев предпочитал строить свои грузовые двухсотметровые звездолеты. Размер двух футбольных полей, этого достаточно, считал он. Крейсер слишком велик — полет две минуты, а на погрузку или разгрузку уходит два дня.

Город Ковалев становился миллионником, и царь не планировал его расширения. В России и других странах Земли подбирали уже рабочих и инженеров для строительства новых городов и сельских поселений на Новите. Попасть на далекую планету стремилось множества землян, но специальная комиссия проводила жесткий отбор. Брали молодых парней и девушек, желающих заниматься строительством и потом жить в построенном городе. Но не только строителей, подбирали и других специалистов в различных областях трудовой деятельности, знакомили их с Конституцией страны, с условиями жизни, проводимой социальной политикой. И только потом комиссия давала добро, но и это не было окончательным решением. Царь просматривал списки лично и некоторых вычеркивал. Никто, кроме Вероники, не понимал его оснований и не спрашивал — так решил Егс Величество и это не обсуждается. Иногда царица проверяла списки и вычеркивала желающих переселиться по тому же принципу, известному только царской семье.

Действительно многие земляне стремились попасть на Новиту. Они слушали рассказы

туристов, сумевших отдохнуть на загадочной планете, смотрели отснятое видео, поражались богатству природы, социальным условиям и большому демократизму в абсолютной монархии. Но больше всего манила стабильность и уверенность в завтрашнем дне, забота царя о своем народе. Далекое, сказочное тридевятое государство...

Президент Романов пригласил царствующую чету посетить Россию с официальным дружественным визитом. Ковалев ответил согласием. Несколько позже спросил Веронику:

— Догадываешься — зачем пригласил нас к себе Романов?

— Естественно, и он со своей точки зрения прав, — ответила она.

Встреча проходила в очень торжественной обстановке, царя и царицу встречал лично Романов прямо у люка звездолета. Присутствовали журналисты и телеоператоры практических всех стран мира, щелкая своими фотоаппаратами и снимая кинокамерами. Огромный интерес к встрече подогревался изначально разговорами об одежде царствующих особ — в чем они посетят Россию: в царской мантии, во фраке или обычном костюме с коронами на голове?

Люк звездолета открылся, среди телеоператоров началась давка и борьба за лучшее место для съемки. В проеме появилась царствующая пара в костюме и платье. Что-то неземное исходило от них — вроде бы шел изнутри какой-то свет, а вроде бы и нет. Но эту неразгаданную необычность чувствовали все. Но особое внимание вызывал светящийся нимб над головами царя и царицы в виде короны.

Кто-то из журналистов воскликнул:

— Они не идут — они парят!

Царствующая пара спустилась над ступеньками открытого люка и зависла над красной ковровой дорожкой на высоте нескольких сантиметров. Романов подошел, наклонил голову в почтении, преподнес букет цветов царице, склоняясь перед ней чуть ниже, выпрямился и поздоровался за руку с царем. Встречный марш... почетный караул... гимны Новиты и России... телеоператоры с возбуждением снимали парящую над ковровой дорожкой царствующую пару.

Не только встречающие, но и абсолютно все телезрители, удивленно-шокируемые, смотрели на парение и полет царя и царицы Новиты перед почетным караулом. Мир знал достоверно, что это бывшие граждане России, но как воспринимать их парение и полет? Может быть сам Бог проживает в созвездии Андромеды и это он наделил царственным сиянием и возможностью полета эту необычную пару?

Журналисты захлеб комментировали события, говоря о Боге, способностях к левитации, строили другие версии, вспоминая могущество Ковалевых в борьбе с ИГИЛ ультиматум к США. Каждому стало ясно, что эта царствующая пара наделена неземными способностями. На Новите тоже наблюдали у телеэкранов за встречей, радовались и гордились за своих царя-батюшку и царицу-матушку.

На переговоры журналистов, естественно, не пустили, общение происходило за закрытыми дверями.

— Я благодарен вам, Ваше Величество, что вы откликнулись на предложение и посетили Россию с дружественным визитом, — начал разговор Романов. — Между нашими странами установились добрые отношения, взаимовыгодная торговля, туризм. Россияне предпочитают отдыхать на Новите, а не в других странах планеты Земля. Прекрасные отели, природа, обслуживание и главное — дешево, гораздо дешевле, чем посетить в былые времена Турцию, Египет, Таиланд или другие теплые страны. Привычный россиянам

менталитет, а жесткий дисциплинарный порядок пребывания в царстве тоже по душе большинству россиян. Россия помнит и чтит ваш личный огромный вклад в ее экономику и вооружение, благодаря которому она поднялась с колен и стала лидером на планете. Я надеюсь, что наше сотрудничество станет расширяться из года в год, тем более, что Россия уже сама не производит так называемую краску и ядерные двигатели.

Николай понимал к чему клонит Президент Романов — он желает получить технологию его металла. С ним страна может самостоятельно изготавливать ядерные двигатели и бороздить Солнечную систему, но не более того. Может самостоятельно производить супероружие и не зависеть в большей степени от Новиты. Но звездолеты он делать не в состоянии. Но теперь у Николая была собственная страна, о которой он должен заботиться в первую очередь...

— Я понимаю вас, Владимир Сергеевич, но технология веронита не доступна землянам. Я увеличил ваш золотовалютный запас более чем в десять раз, создал самую боеспособную армию в мире, страна стала недостижимой для любого агрессора.

— Ваше Величество, но вы ведь тоже землянин, — осторожно намекнул Романов.

Что ответить ему, намекнуть о своем неземном происхождении? Не поверит... а может и поверит.

— Господин Романов, я действительно воспитывался и провел детство на планете Земля. Но сейчас я для вас инопланетянин из далекой галактики Андромеды. Моя планета, ваша Земля — не одни во Вселенной. Вы знаете, что большой звездный крейсер я не строил, а отбил у звездных пиратов и переделал по-своему. Новита для Земли, как отдаленный пограничный пункт во Вселенной, который не допустит космического агрессивного вмешательства. У меня, например, совершенно нет армии ввиду отсутствия необходимости в такой структуре, но есть небольшие полицейские силы, таможня. Вся моя армия — это рота почетного караула. Но мы действительно расширим наши торговые и иные взаимоотношения. Я могу предложить обучение ваших молодых ученых, кандидатов и докторов наук, по школьной программе Новиты.

— По школьной программе? — удивленно переспросил Романов.

— Именно по школьной, определив их в седьмой или восьмой классы общеобразовательной школы. Выпускников вузов направить класс в четвертый или пятый, но с каждым необходимо беседовать индивидуально. Однако, тогда вам придется менять систему присвоения ученых степеней — любой земной профессор станет малограмотным созданием против выпускника моей средней школы.

Казалось, что Романов не удивился, выслушав такой ответ, но он все же поинтересовался:

— Ваше Величество, у вас же есть университет?..

— Верно, университет есть, но не для земляных мозгов. Серое мозговое вещество землян еще не способно переварить получаемую информацию в таком университете. Лет через триста оно, возможно, будет готово, но и мы на месте стоять не станем. Однако, надежда есть, земляне станут развиваться быстрее, и я смогу через несколько веков вернуться к вашему предложению, но, простите, уже без вас, а с другим Президентом. Удивлены? Не стоит — мы с царицей бессмертны.

— Мой муж всегда был бессмертным, — добавила Вероника, — а мне этот статус дан совершенно недавно.

— Вероника уничтожила космических пиратов на галактическом крейсере и Разум

Вселенной дал ей бессмертие, — пояснил Николай.

Шокированный Романов хорошо помнил, что Ковалев его никогда не обманывал...

— Вы служите Разуму Вселенной, по-земному Богу?

— Разум Вселенной действительно существует — все мы его слуги, — ответил Ковалев.

Вероника посмотрела на него, и он кивнул слегка головой.

— Надеюсь, что господин Президент умеет хранить маленькие секреты — я русская женщина, Владимир Сергеевич, а Николай неземного происхождения.

Романов замешкался на минутку, предложил выпить чего-нибудь. На столе внезапно появились три емкости, самостоятельно наполнившие стоявшие пустые стаканы розовой жидкостью. Емкости также внезапно исчезли, как и появились. Стаканы поднялись и подлетели ближе к присутствующим. Николай и Вероника взяли их в руки.

— Попробуйте, Владимир Сергеевич, это нектар Новиты, — предложил Ковалев, отпивая глоток.

Романов попробовал и не мог определить на вкус — что это? Очень легкое вино или сок заморских плодов? Он уже ничему не удивлялся, стараясь провести встречу с большей выгодой для страны. Значит, Ковалев не гений, а пришелец. Я ему звезды Героев... пришелец... неважно, он заработал их...

— Ваше Величество, я слышал, что город Ковалев стал миллионником, и вы сейчас набираете на Земле новых лиц для строительства других городов и последующего проживания в них. Из России уезжают и не возвращаются лучшие люди — рабочие, инженеры, ученые, которые прежде всего важны своей стране. Мы не отказывали никому ранее в праве выбора места проживания, но сейчас подобный отток лучших кадров становится существенным для обороны, экономики и социальной политики государства.

— Я понимаю вас, господин Президент, вы правы. Желаящих попасть на Новиту с избытком, и мы подберем кадры в других странах. Надеюсь, что это не отразится на туристах и безвизовом режиме посещений.

— Конечно, Ваше Величество, конечно не отразится. Между нашими странами прекрасные дипломатические отношения, но, однако, до сих пор нет посольств...

— Они необходимы нам? — с улыбкой переспросил Ковалев. — У нас прекрасная электронно-квантовая связь, все министерства общаются между собой, как и граждане по роумингу, свободный въезд и выезд за исключением отдельных граждан вашей страны, которых мы отслеживаем обоюдно. Представление и защита интересов государства... Разве мы не можем пообщаться сами в необходимых случаях или наши министры? По-моему, это лишняя трата денег на дипломатическое представительство.

— Возможно вы правы, Ваше Величество, однако, многие главы государств обеспокоены отсутствием связи с вашим государством.

— Жили много веков без инопланетян и не беспокоились, — усмехнулся Ковалев, — хотя связи искали и даже посылали на деревню дедушке во Вселенную определенную информацию. Однако, вы частично правы, аппарат царицы свяжется с каждым министром иностранных дел и сообщит возможности дипломатического и иного общения, но посольств не будет, они мне не нужны.

— Мы можем провести телеконференцию дома, но живое общение всегда продуктивнее, — высказала свое мнение Вероника, — если господин Романов позволит, то лучше встретиться с иностранными журналистами здесь.

— Конечно, я все организую, — довольно ответил Романов.

— Пресс-конференция... пожалуй, это возможно, — согласился Ковалев.

Зал, набитый журналистами до отказа, гудел, как пчелиный улей. Все уже сообщили своим телезрителям и читателям о предстоящей пресс-конференции с царствующей четой Новиты. Николай с Вероникой появились внезапно, все в зале встали, приветственно склонив головы...

— Перед вопросами скажу несколько слов, — начал Ковалев, — раньше на Земле думали и гадали о существовании инопланетной жизни. Теперь в этом сомневаться не приходится, и мы не одни во Вселенной. Политика моего государства достаточно проста и понятна любому разумному существу — это мир на обеих планетах, уважение суверенитета и каждого человека в отдельности. Влияние англо-американского капитала на мир пошатнулось и настала пора ответа за развязывание вооруженных конфликтов и войн на планете Земля. Полагаю, что вам хорошо известно об истинных разжигателях мировых войн и военных конфликтов в настоящее время. Это вовсе не Гитлер и не американский Президент — шестерка правящего капитала. Но я не стану наказывать всю управляющую миром двадцатку, несущую горе миллионам людей, как говорится — Бог любит троицу. Эта святая в кавычках троица будет сегодня депортирована на Новиту и казнена публично путем отрубания головы через несколько дней. Мне стало известно, что многие страны хотели бы наладить с Новитой дипломатические и торговые отношения. Но я не настолько беден, чтобы позволить себе тратить золото на создание посольств, их не будет. Каждому министерству иностранных дел стран Земли будет предоставлена возможность связи с моим государством. Пожалуйста, вопросы.

— Кто вам дал право казнить и миловать? — выкрикнул с места американский журналист.

Неведомая сила подхватила его, подняла над креслами присутствующих и согнула пополам.

— Задавать вопросы в подобном тоне Его Величеству недопустимо, — властно произнесла царица, — ты наказан годом поклонов.

Журналист пролетел над головами и опустился на пол у края конференц-зала. Он не стоял — он постоянно кланялся в пояс и ничего не мог поделать с собой.

— Право казнить или миловать дал нам Разум Вселенной, следующий вопрос, господа, — добавила царица.

Журналисты со страхом смотрели на продолжавшего кланяться коллегу...

— Ваше Величество, телеканал Россия, Сергей Парамонов. Между нашими странами уже давно существует безвизовый режим посещения и активная развивающаяся торговля. Каким образом возможно осуществление торговли с другими странами? Спасибо.

— Получив канал связи, министерство иностранных дел или руководитель государства могут сообщить свои предложения о сотрудничестве. Мы их обязательно рассмотрим и дадим ответ. Каждый конкретный вопрос будет проработан детально на уровне соответствующих министерств.

— Ваше Величество, телеканал ВВС, Гарри Ройлс, вы упомянули о святой в кавычках троице — можете назвать фамилии? Спасибо.

— Это главы кланов Ротшильдов, Рокфеллеров и Морганов, их уже доставили на Новиту и казнят по моему возвращению. Если остальные представители правящего капитала не сделают соответствующие выводы — казню и других семнадцать человек.

— Ваше Величество, Australian Broadcasting Corporation, Джон Смайлс, каким образом

вы, бывший землянин, достигли таких выдающихся успехов и сейчас управляете собственным царством на другой планете? Спасибо.

— Господа, — с улыбкой ответил Ковалев, — я действительно вырос в России, полюбил и женился на прекрасной девушке, которая за свои заслуги перед Вселенной стала Посвященной и бессмертной. Я же родился не на планете Земля, хотя полюбил ее всем сердцем, как и свою Новиту. На этом короткую пресс-конференцию считаю законченной, всем спасибо.

Царь и царица мгновенно исчезли, словно их и никогда не было в зале. Они даже не вставали с кресел, они элементарно исчезли. Шокированные журналисты смотрели то на пустующие сиденья, то на продолжавшего кланяться американского коллегу. Потом, разом пытаясь проникнуть через двери конференц-зала, кинулись сообщать последние новости гражданам своих стран.

Интерпретаций хватало за глаза. Каждый журналист высказывал свою версию, но более всего говорилось о неземном происхождении царя Новиты. Кто он — посланец Бога? Царица говорила о Разуме Вселенной — это, наверное, и есть Бог в земном смысле. Представители церкви отмалчивались, сами ничего не понимая.

Романов, проводив царствующую пару, на следующий день наблюдал за казнью по телевизору, которая происходила в поле за городом. Вокруг деревянного помоста стояла огромная толпа жителей Новиты. Морган, Рокфеллер и Ротшильд стояли, смотрев на небо и, наверное, молились. На помост поднялся распорядитель казни, он зачитал царский Указ:

«За совершенные злодеяния против человечества, а именно — разжигание мировых войн, локальных международных и внутренних военных конфликтов, спонсирование военных действий во всех проявлениях с целью получения материальной выгоды, повержение миллионов людей в нищенское и голодное существование ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Признать преступными семейные кланы Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов.
2. Действующих глав указанных кланов подвергнуть высшей мере наказания путем отрубания головы, последующего сжигания тел и развеяния пепла по ветру.
3. Приговор привести после прочтения немедленно.

Царь Новиты Николай Петрович Ковалев.

Распорядитель казни подошел ближе к приговоренным.

— Вам предоставляется последнее слово.

Морган посмотрел на поднесенный микрофон искоса и продолжал молиться. Не стал ничего говорить и Ротшильд. Только Рокфеллер произнес:

— У капитала нет границ и наций, он всемогущ и вездесущен. Царь Новиты, ты ответишь за эту самовольную казнь перед Богом. Прости меня, Господи, и прими душу мою.

Небо внезапно загромыхало, и огромная туча превратилась в человеческий сияющий образ.

«Нет вам прощения грешники, отправляйтесь в ад навечно»!

Громовой голос затих раскатами, лучи исчезли, и туча постепенно растворилась в небе. Новитяне крестились в поле, приговоренные упали на колени, глядя обезумевшими глазами на небо. Над каждой из голов завис меч... и они скатись с плеч на помост, заливая кровью сколоченные доски. Подручные распорядители казни подожгли деревянное строение в поле и еще долго дым от кровавого пожара стелился по траве, уползая в джунгли и не смея подняться вверх.

Средневековая казнь повергла в трепетный ужас всю планету Земля. Никто не обсуждал

— имел или не имел право царь Новиты казнить троицу. Обсуждали его могущество и связи с Богом. Кто все-таки Ковалев? Все понимали, что речь идет не о царской стезе. Бог наделил его величайшими способностями или он его посланник? Конкретики и ответов не было ни у кого.

* * *

Дождь поливал, как из ведра, потоки воды с улиц города исчезали в сливных отверстиях подземного лабиринта сточных каналов. Сезон дождей заканчивался, плавно перетекая в переходный период более сухого сезона. Однако, на Новите не было периода полной засухи и можно было говорить о большем или меньшем количестве осадков.

Всегда тепло, нет снега и холодов, но по мере удаления на север или юг климат менялся, как и на Земле. За несколько тысяч километров от Ковалева заканчивалось строительство большого города Александрии, названного в честь принца Новиты Александра. Город миллионик... Царь не видел необходимости в поселениях большего размера. Уже построены и обжиты три пятисоттысячных города — Верона, Николаевск и Калидинск. Можно считать континент заселенным и пора осваивать новый. Немного — семь миллионов человек проживало на Новите, образуя мощное, крепкое и мирное Ковалевское царство.

Николай пошел на встречу Романову и массово более не набирал людей в России. Но из западной Украины, Прибалтики, Польши, Англии, США на Новите не было никого. Значительная часть желающих отсеивалась сразу еще на Земле — кто-то не хотел менять католическую веру на православную, не принимал суровых законов царства, где применялась смертная казнь путем отрубания головы, хотя никто еще не был осужден из жителей Новиты.

Первостепенное значение Николай предавал легионерскому движению молодежи, повсеместно распространенному в школах. Классные легионы объединялись в общешкольные, те в свою очередь в районные, городские и единый царский, ставящий своей целью воспитание детей в качестве граждан, полностью преданных царю-батюшке и своему государству. В легионах повышалась физическое, духовное, умственное развитие детей для последующего конструктивного занятия определенной ниши общества каждым отдельным индивидуумом. Легионеры с гордостью носили на груди значок с изображением царя и летящего ввысь звездолета. Движение напоминало и в тоже время не походило на скаутское или пионерское, вобрав в себя лучшее и шагнув вперед.

В этом году предстояло праздновать огромное событие на Новите — первый выпуск общеобразовательной школы. Завершалось десятилетнее обучение, и каждый школьник уже выбрал для себя жизненный путь. Кто-то пойдет работать на поля в сельском хозяйстве, на заводы и фабрики, кто-то поступит в университет. Никто не останется без дела — без работы или учебы.

В царские покои свободный доступ имели только два человека — супруги Степановы. Аркадия Евгеньевича Ковалевы тет а тет продолжали называть Степанычем, но он более не звал Николая по имени или Марсианином — все-таки царь есть царь. Как-то Николай спросил Веронику:

— Ты счастлива?

— Что за вопрос, Коля? Конечно — я счастлива.

— Я немного не об этом, — поморщился он, — неправильно вопрос задал. У нас нет друзей кроме Степаныча с Катей, но они смертны и уйдут в свое время. Много ли с нами был сын Александр? Первые пять лет, а потом Разум его забрал к себе на обучение, отпуская к нам на летние каникулы. В этом году ему исполняется пятнадцать лет, и он закончит обучение, поживет немного с нами и станет осваивать новый континент Новиты, где станет править в качестве наместника.

— Может быть мы оставим Александра у себя на должности премьер-министра, — спросила Вероника, — а освоение нового континента подождет? Степанычу уже под восемьдесят, он давно заслужил отдых и станет почетным премьером.

— Да, Ника, ты права, так и поступим. Освоением континентов займутся наши будущие дети.

В гостиную царских покоев вошли Степаныч с супругой.

— Проходите гости дорогие, — улыбнулся Николай, — как раз о вас с Вероникой говорили.

— И что же вы говорили? — поинтересовался Степаныч, — усаживаясь в кресле поудобнее.

— Так... вспоминали прошлое, — немного слукавил Николай.

— Да-а-а... кто бы мог подумать, что я брошу весь свой земной бизнес и поеду в неизвестную даль, где еще никто не бывал. Займусь строительством и стану премьер-министром великой страны.

— Степаныч, в золотом эквиваленте ты был богаче на Земле, чем здесь. Не жалеешь? — спросила Вероника.

— Вот именно, что в золотом эквиваленте и только. Для чего человеку деньги? Сытно есть и пить, хорошо жить, не отказывая себе в удовольствии, и обладать определенной степенью власти. Потому и не могут люди на Земле нажраться, что размер власти и влияния определяется толщиной кошелька. Идет постоянная борьба за эту толщину разными способами. Кричат, орут во весь голос до хрипоты о демократии, а где она, эта демократия, на Земле? На Новите монархия, а демократии в сто крат больше. Сравните крестьян на Земле и на Новите. У наших крестьян есть все — земля, трактора, комбайны и возможность реализовать свою продукцию по достойным ценам. А у большинства на Земле — только земля и хрен с маслом. При чем многие самые большие собственники на ней не живут и не работают. Вчера телевизор смотрел, земную передачу, где утверждалась аксиома — собственник работает или руководит лучше. Почему же тогда на Новите не собственники работают лучше земных собственников? И это факт, от которого не уйти. Разве дело в собственности? Дело в заинтересованности труда, а на Земле ничем, кроме собственности, заинтересовать не могут. Вы сказали, Ваше Величество, что в золотом эквиваленте у меня на Земле было больше. Разве я здесь пью, кушаю, одеваюсь и живу хуже? Денег у меня здесь меньше, а власти больше. На Земле нет понятия лишние деньги, а здесь есть. Зачем мне лишние деньги, когда есть все? Зачем нашему крестьянину лишние деньги? Каждый взял себе земли столько, сколько может обработать. Вырастут у него сыновья — возьмет еще себе землю, если они не пойдут на завод или в науку. Не-е-е-т, народ правильно поступил, избрав монархию — все зависит от первого лица. Приходит президент к власти, ставит свою администрацию и министров и начинают они жрать с одной мыслью — успеть бы нахапать.

Потому что со временем придет другой президент со своей администрацией, которым тоже надо успеть нажраться. Скоро вернется ваш сын, принц Александр, и займет место премьер-министра. Разве от этого у меня появилась мысль что-то урвать, пока на посту? Не появилась. Потому что у меня как было, так и будет все — и почет, и уважение, и средства к прежнему существованию. Вы, Ваше Величество, дали людям уверенность в завтрашнем дне и это главное. Неважно — работает человек или на пенсии. Спросите любого жителя Новиты — хочет ли он республику или вернуться на Землю? Ответ стопроцентный и однозначный. Да, многие вспомнят о земной ностальгии, но вернуться не захочет никто. Даже если кучу денег дать — все равно не вернуться, потому что на Земле могут убить, ограбить или посадить ни за что. Чего-то разболтался я...

— Действительно, что-то разговорился ты сегодня, Степаныч. Переживаешь о предстоящей пенсии и помогаешь мне принять решение? — спросил Николай.

— Ваше Величество, вся идеология Новиты построена на государственности и только во вторую очередь на царе-батюшке. Я думаю, что вы меня понимаете, а дружбы с вами меня никто не лишит. Старики часто вспоминают молодость... ничего не поделать.

— Не грусти, Степаныч, рано тебе еще на пенсию. Александра я не сразу премьером поставлю — пусть осмотрится, обживется, страну лучше узнает, по Земле походит.

Ковалевых беспокоило решение Разума Вселенной о учебе Александра вне Новиты. Пятилетним его забрал к себе Разум, отпуская на летние каникулы, и отдаст только в пятнадцать. Вероника вообще не проходила никакого обучения и обладает необходимыми знаниями и навыками, полученными сразу. Сам Николай только родился и после этого не был в отчем доме, рос на Земле. С какой целью Разум забрал к себе сына — этого царь Новиты не понимал. Наверное для того, чтобы не показывал здесь маленький ребенок ум взрослого человека, не будоражил общество своими знаниями.

Вероника решила сменить тему разговора.

— Я часто вспоминаю, как мы рыбачили в Н-ске на заливе, коптили рыбку. Это было прелестно!

— Можно попробовать и здесь, — улыбнулся Николай, — в Александрии как раз еще лед не начал таять на озерах и реках. Как-нибудь съездим, порыбачим и отдохнем.

В гостиную вошел слуга.

— Прошу прощения, Ваше Величество, американцы показывают по телевизору...

Царь махнул рукой и включил телевизор. Три женщины в кровоподтеках и синяках рассказывали журналистам в больничной палате о совершенном над ними насилии. Пятеро русских новитян извращенно издевались над ними в течение всего дня. Вечером соседи, услышав истошные крики, вызвали полицию, которая успешно задержала насильников. Ими оказались граждане Новиты, ранее проживавшие в России. Застигнутые на месте совершения преступления, они сознались в неоднократном насилии и последующем ограблении жертв. Собрав драгоценности и деньги, преступники поливали женщин бензином, чтобы сжечь живьем и замести следы, когда были схвачены. Невероятные зверства русских новитян всколыхнули всю мировую общественность, волна негодования прокатилась по всему миру. Радикальные молодчики Америки и Европы повсеместно отлавливали и избивали туристов с Новиты.

Царь немедленно вызвал к себе бывшего генерала ФСБ Ремезова, руководителя своей тайной стражи.

— Валентин Николаевич, ваше мнение по поводу инцидента в Нью-Йорке?

— Ваше Величество, это подстава чистой воды. Пятерых задержанных мельком показали по телевизору — они не являются русскими и гражданами Новиты.

— Приказываю доставить на Новиту всех участников преступления, начиная с якобы потерпевших и заканчивая радикальными молодчиками и их руководителями. Всех, кто отдавал приказы, знал или хотя бы слышал о готовящемся преступлении против моего царства и косвенно Российской Федерации.

— Есть доставить немедленно, Ваше Величество.

Ремезов загрузил телепередачу в поисковую систему квантового компьютера. Обработка данных и телепортация прошли мгновенно, на планету было доставлено три тысячи пятьсот двадцать три человека. Ковалев считал данные с квантового компьютера и поручил Ремезову разобраться с каждым задержанным. Собственно, не разобраться, а провести физическую сортировку — компьютер выдал на каждого распечатку действий с аудио и видео материалами. Царь выступил по телевидению сам.

— Граждане планеты Земля. Сегодня совершена одна из самых гнусных провокаций, направленных на дискредитацию жителей Новиты, ее государственного строя и царствующего монарха. Руководство ЦРУ Соединенных Штатов Америки разработало и осуществило омерзительную операцию по фиктивному изнасилованию трех американских проституток якобы гражданами Новиты. Подготовив почву общественного мнения ложным интервью проституток, ЦРУ натравило молодчиков радикального толка на моих подданных по всей территории Америки и Европы. Эти фашиствующие молодые люди избивали туристов из Новиты повсюду. Мною отдан приказ на задержание виновных лиц, уже арестовано три тысячи пятьсот двадцать три человека. Сейчас вы видите на своих экранах трех проституток Америки, якобы потерпевших насилие от рук моих подданных. Они все в синяках и кровоподтеках, но это обычная киношная фикция. Вы своими глазами видите, как наклейки синяков, ссадин и кровоподтеков снимаются с их лица и тела.

Телезрители ахнули, увидев, как имитирующие наклейки исчезают с лиц и тел недавних потерпевших... Царь продолжал говорить:

— Вот они — абсолютно нормальные и здоровые женщины. Все подробности этого мерзкого преступления, совершенного властными структурами США и их пособников, в том числе видео разработки самой операции в стенах ЦРУ, беседы с руководителями радикальных группировок вы найдете на электронном сайте Новиты. Я не могу допустить гнусной клеветы и подобного обращения со своими подданными. Все, кто разрабатывал и осуществлял эту гадкую операцию будут показательно казнены, а их тела скормлены морским чудовищам Новиты. Буду и впредь казнить всякого, кто поднимет руку на любого из моих подданных граждан. Кроме того, я налагаю штраф на США в размере годового бюджета ЦРУ в золотом эквиваленте по ценам мировой биржи. Три тысячи тонн золота уже изъяты мной из хранилищ США. Я уже говорил, что задержано и доставлено на Новиту три тысячи пятьсот двадцать три человека. Из них двадцать полицейских сегодня же вернуться обратно, они участвовали в этой пакостной операции, но не знали сути происходящего, остальных казнят на рассвете и скормят тела акулам. Никто не смеет оскорблять или поднимать руку на подданных Ковалевского царства.

Мир замер в ошеломлении. Только что прошла информация о злодейском преступлении в отношении трех американок, а оказалось, что это фикция и провокация ЦРУ. Все кинулись смотреть подробности в интернете, ужасаясь от доскональности увиденной информации. Никто не понимал, как это возможно в течение дня провести расследование, записать на

видео переговоры и совещания, арестовать и доставить на Новиту более трех тысяч человек. Жестокость царя повергла жителей планеты Земля в шок — были приговорены к смертной казни все участники заговора независимо от степени вины. Не только руководители ЦРУ, эксперты и полицейские, фашиствующие молодчики, но и медсестры с врачами, знающие о липовых повреждениях на лице и теле «потерпевших».

Показательная казнь состоялась на просторах океана. Мечи рубили головы, которые с телами скатывались за борт плоской баржи. Вода окрашивалась в розовый цвет от крови и кипела тысячами акулopodobных существ, разрывающих сброшенные тела на части и проглатывая их целиком. Даже оскорбленная отчасти Россия считала принятые меры царем Новиты чрезвычайно жестокими и неоправданными.

Но Ковалев был другого мнения. Нечего разводить мягкотелость, которая может привести к повтору, считал он. Пусть теперь попробуют осуществить провокации в отношении Новиты и ее граждан.

Американцы инициировали внеочередное экстренное совещание ООН, на котором осудили действия царя Новиты и вынесли ноту протеста. Ковалев с усмешкой прочитал отправленный ему текст о несоблюдении прав человека и отсутствии права применения казни в отношении жителей Земли. Он решил снова выступить по телевизору. Все основные мировые телеканалы были прерваны экстренным сообщением:

— Граждане Земли! Я обращаюсь к каждому простому жителю планеты, ибо ваши руководители не желают понимать происходящей истины. Сегодня я получил ноту протеста от Организации Объединенных Наций, в которой говорится об отсутствии у меня права проведения казни в отношении жителей Земли. Я воспользовался правом более развитой инопланетной цивилизации. Кто из вас задумывался о правах муравьиной кучи, которая была, например, уничтожена людьми? Это тоже живые существа, но разве человек считает себя виновным? Как бы вы отнеслись к факту протеста со стороны муравьев? Согласен, что сравнение людей с муравьями не совсем удачное, но те и те живые существа. Что меня сдерживает раздавить вас всех, как муравьев, а Землю разрушить и распылить в космическом пространстве? Американцы решились на подлую провокацию, сфабриковав изнасилование собственных граждан якобы новитянами, они инициировали избиение моих подданных, находящихся на Земле в качестве туристов. ООН осудила мои действия вместо того, чтобы судить американцев. Я даю ровно сутки ООН на исправление этой ошибки. Минута опоздания станет чреватой определенными жесткими последствиями.

Обращение царя Новиты обсуждалось в каждом доме Земли. Его фраза «Что меня сдерживает раздавить вас всех, как муравьев, а Землю разрушить и распылить в космическом пространстве?» испугала всех. Люди наконец-то осознали, что общаются действительно с более развитой инопланетной цивилизацией. По существу, с теми же людьми, лидер которых увел своих подданных далеко вперед в развитии научно-технического прогресса. С лидером, который обладает феноменальными знаниями и практическими возможностями. Подавляющее большинство руководителей государств и постоянных членов ООН теперь боялись за собственную жизнь...

Ковалев рассматривал новую резолюцию ООН, осуждающую действия ЦРУ США в известном инциденте. Обыкновенная отписка — совсем не этого он ждал от международной организации. США в свое время уничтожили большую часть коренного населения — индейцев. Грели руки на Первой мировой войне, спонсировали Гитлера, повсеместно развязывали войны на планете с целью собственной наживы... ООН осудила только

действия ЦРУ...

Внезапно в кабинете появился принц Александр. Отец не ждал его досрочного возвращения...

— Сынок!.. Ты вернулся...

Он с радостью и нежностью обнял сына.

— Да, папа, я вернулся. Разум отпустил меня на два месяца раньше, посчитав достаточным мое обучение.

За последний год Александр вырос и возмужал. Двухметровый красавец юноша выглядел настоящим мужчиной. Через два месяца ему исполнится только пятнадцать лет, но уже сейчас он выглядел достаточно взрослым для новитян и землян.

Мать конечно же почувствовала присутствие сына и мгновенно переместилась в кабинет мужа, обняла Александра.

— Какой ты у меня стал большой, Сашенька, — ласково произнесла она, все еще не отпуская сына из своих объятий. — Ты насовсем вернулся?

— Да, мама, теперь мы не расстанемся.

— Ты голодный, сынок?

— Нет, мама, спасибо, я только что с прощального обеда. Разум просил передать вам, что поддерживает проводимую отцом политику в отношении Земли. Однако, просит уменьшить свое влияние на Землю.

— Да, Александр... тебя посвятили в наши действия?

— Нет, папа, Разум пожелал, чтобы это сделал ты с мамой.

— Хорошо, сынок, слушай. Проводимая американцами международная политика привела бы мир к новой мировой войне. Ядерная война уничтожила бы цивилизацию за исключением небольших уцелевших островков. Несколько сот тысяч оставшихся в живых людей деградировали бы со временем, утратив современное производство. Неприученные выживать в первобытных условиях, они бы просто на просто вымирали. Это уже было на Земле более десяти тысяч лет назад. Разум решил организовать на Земле пилотный проект. Я ослабил на Земле влияние американцев, создал Новиту. Две эти планеты пойдут разными путями развития. Земля своим прежним курсом, но без ядерной войны, а Новита своим путем. Сейчас здесь создано почти идеальное общество без войн и преступности, полный достаток для каждого жителя. К чему это приведет через сто лет, двести, тысячу? Пилотный проект рассчитан на тысячу лет. Какая из планет выйдет в окончательные лидеры? Нам предстоит лишь небольшая корректировка действий. После этого мы покинем этот удивительный мир и отправимся в другую галактику. Но это решать Разуму Вселенной.

— Ты считаешь, папа, что на Земле наука станет двигаться вперед более быстрыми темпами, чем на Новите?

— Новита сейчас далеко впереди, но это не заслуга ее науки и здесь будет застой. Лет через сто-двести ученые Земли сравняются с ней и обойдут. Мы не станем вмешиваться в науку обеих планет, у нас лишь наблюдательная и корректирующая функция в экстренных ситуациях. Ученые за тысячу лет не превзойдут скорость света, но достигнут ее, а, следовательно, межгалактические полеты им будут недоступны. Мной созданные корабли запрограммированы на единственный маршрут Новита-Земля, никто, кроме нас не сможет летать в другие миры. Подождем, сынок, тысячу лет и поглядим на результат пилотного проекта. Возможно лет через триста-пятьсот нас попытаются свергнуть те, кому я дал сейчас все. Люди непредсказуемы и, как показывает история, постоянно воюют между собой.

Смогут ли новитяне прожить в мире эту тысячу лет или их потянет к революциям? Но у семьи Николая Второго и у меня есть большая разница — мы бессмертны.

Ковалев подошел к окну, из которого виднелась главная площадь города, а вдалеке простирался океан. Возможно он знал будущее этой страны и не хотел обсуждать это с женой и сыном? А может и нет. Он не Разум Вселенной, а всего лишь его всевышний слуга.

Больше книг на сайте - Knigolub.net